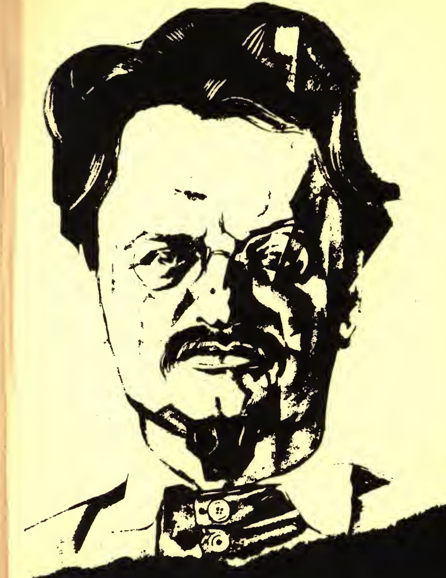

Н.А.ВАСЕЦКИЙ

ТРОЦКИЙ

ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

TROTSKY

Н.А.ВАСЕЦКИЙ

ТРОЦКИЙ

ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Москва
Издательство
«Республика»
1992

ББК 66.61(2)8
В19

Васецкий Н. А.

В19 Троцкий: Опыт полит. биогр.— М.: Республика, 1992.— 351 с.: ил.
ISBN 5—250—01159—4

В книге исследуется политическая биография одной из наиболее противоречивых фигур в революционном движении XX в. Льва Троцкого. Сейчас восстанавливается его подлинная роль в нашей истории. Автор, доктор исторических наук, анализирует деятельность Троцкого, не умаляя его заслуг и не преувеличивая ошибок, стремится объективно оценить его работу на руководящих партийных и государственных постах. Особое место уделяется рассмотрению сильных и слабых сторон борьбы Троцкого с режимом личной власти Сталина, причин, приведших к созданию IV Интернационала.

Книга иллюстрирована и рассчитана на широкий круг читателей.

В $\frac{0503020000-080}{079(02)-92}$ **217—91** **ББК 66.61(2)8**

ISBN 5—250—01159—4

ВВЕДЕНИЕ

Можно только приветствовать процесс восстановления прошлого, возвращения имен многих политических и государственных деятелей, несправедливо уничтоженных в годы сталинских репрессий, произвольно вычеркнутых из нашей истории. Рассеивается туман, становятся виднее контуры идейного наследия таких личностей, как Бухарин и Зиновьев, Рыков и Каменев, Шляпников и Раковский, Радек и Сокольников, Томский и Преображенский. Ведется работа по исследованию политической деятельности и других участников революционного движения.

Разумеется, мы находимся только в начале этого сложнейшего, полного противоречий, чреватого рецидивами процесса. Но уже то, что в нем участвует не одна историческая наука, а фактически все отрасли отечественного обществоведения, во-первых, существенно углубляет и дополняет наши представления о прошлом страны и, во-вторых, вселяет надежду, что процесс этот необратим.

За долгие годы нас приучили к необходимости видеть в происходящем деятельность масс, социальных классов и групп, в меньшей степени — политических партий и организаций. Таким образом, исследовались общественные процессы на макроуровне, к микроструктурам в лучшем случае отношение было снисходительное.

Исследование же личностного фактора сводилось к цитированию расхожих цитат из работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. За подобное самодовольство и пренебрежительность мы жестоко расплачиваемся.

С конца 20-х годов отечественная история не просто обезлюдела: вместе с интересом к изучению деятельности отдельной личности был потерян и вкус к познанию индивидуального в истории, без чего немыслимо представить ее неповторимость, неоднозначность событий и социального поведения тех самых классов и групп, деятельность которых рассматривали общественные науки.

Между тем как ставил вопрос Ленин? Вспомним его «Письмо к съезду». Устойчивость ЦК, партии в целом он связывал со взаимоотношениями двух «выдающихся вождей» — Сталина и Троцкого [1]. Вот так: двух и не более. Он оказался прав! Точнее, как бы хотелось сегодня,— это не парадокс, но жестокая ирония истории,— чтобы Ленин в данном случае ошибся. Уберите из нашей истории этих двух «вождей» — и я не знаю, какой бы она стала и как бы развивалась партия, страна, да, наверное, и весь мир.

Отсюда вполне закономерен неослабевающий интерес к Сталину, к Троцкому. Если говорить о последнем, то, конечно, причин немало. И на мой взгляд, одна из самых существенных — в том, что Троцкий, пожалуй, относится к одной из самых противоречивых, а следовательно, крайне неудобных для однозначной оценки фигур. Он никак не укладывается в привычную схему — «с нами или против нас»? Как бы ни подходили к анализу его деятельности, в ней всегда остается что-то необъяснимое, не поддающееся постижению с позиций «здравого смысла». Это не значит, конечно, что я пытаюсь понять характер Троцкого с помощью критериев, свойственных демоническим натурам. Глубоко убежден, что Троцкий никакой не «демон революции», а активный ее участник.

Но с ним действительно крайне непросто и, может быть, даже более «неуютно», чем со Сталиным. Более полутора десятилетий занимаюсь я Троцким, но никак не могу «попасть с ним в ногу». Сколько бы ни читал и ни перечитывал все написанное им, сколько бы ни размышлял о сделанном и несделанном им, постоянно жду от него каких-то «коленец», незапрограммированных ходов. Что это, признак гениальности, неординарности личности? Не могу сказать в точности. Потому что Троцкий — энергичный революционер и незаурядный политический деятель, а его неоднозначные идеи так просто не отбросить, с ними, хочешь этого или нет, приходится считаться...

Ворвавшийся, как ракета, в российское социал-демократическое движение, Троцкий неизменно поражал своих друзей и недругов контрастностью поступков, граничивших нередко с эпатажем. Один из зарубежных специалистов по советской истории заметил, что, когда перед Троцким возникали две расходившиеся в стороны дороги, он не выбирал одну из них, а искал и нередко находил третью, свою собственную.

Троцкий то с большевиками, то с меньшевиками, то сам по себе, что называется, пытается усидеть между двумя стульями. Положение не только неудачное, но и, как показывают 99 случаев из 100, невозможное: чтобы не упасть, приходится пересаживаться на один из стульев. Однако Троцкий, на мой взгляд, был тем самым единственным «случаем». Он не пересел и не упал, а так и продержался «между», причем не только до Октября, но и после него.

Кто задастся целью узнать о жизни Троцкого по советским источникам, окажется в весьма затруднительном положении. До последнего времени о нем ничего или фактически ничего позитивного не писалось ни в энциклопедиях, ни в политических словарях. Что касается учебников и учебных пособий, в частности по истории КПСС, то в них содержатся весьма скудные сведения, изображающие Троцкого как деятеля, который затем и вступил в революционное движение, чтобы тормозить его развитие.

Неудовлетворенная потребность людей в знании способствовала созданию почвы для всякого рода разговоров и домыслов. Имя Троцкого обрастало множеством легенд, которые передавались из уст в уста, с оглядкой, как будто речь шла о чрезвычайно опасном преступнике, произносить только имя которого было опасно.

Так было с конца 20-х годов. С утверждением гласности в обществе вносятся коррективы и в отношение к деятелям прошлого. О Троцком сегодня заговорили «во весь голос». Но это вовсе не значит, что сразу и все о нем стало известно.

Мы по-прежнему мало знаем о первых шагах Троцкого в рабочем движении России, знакомстве с Лениным, деятельности в Петербургском Совете рабочих депутатов, в революциях 1905—1907 и 1917 гг., в предоктябрьские и октябрьские дни, в гражданской войне, наконец, в последнее десятилетие жизни — в 30-е годы.

В советской исторической науке практически не показана роль Троцкого как члена Политбюро и ЦК партии. Слабо, точнее, совсем не освещена его деятельность в Коминтерне. А ведь Троцкий до 1926 г. представлял в его Исполкоме не только ВКП(б), но отвечал за деятельность Французской компартии, принимал участие в постановке и разработке ключевых резолюций четырех конгрессов Коминтерна.

В стороне остался и такой чрезвычайно актуальный аспект темы, как характеристика личных взаимоотношений Ленина и Троцкого, Троцкого и Сталина, Зиновьева, Каменева, Бухарина, других деятелей партии. Эти отношения играли далеко не последнюю роль в деятельности Политбюро, ЦК и партии в целом.

Мало что известно и о позитивных сторонах критики троцкистской оппозицией 20-х годов, а затем международной левой оппозицией в 30-е годы деятельности Сталина, большинства ЦК. И здесь явно недооценивается стремление оппозиции привлечь внимание партии к борьбе против растущего бюрократизма, за демократизацию внутрипартийного режима (хотя и сама левая оппозиция не всегда занимала правильную линию). Важно было бы рассмотреть эти вопросы, а не отмахиваться от них. Из этого «всеобщего незнания» предмета и проистекает отчасти неразбериха в данном вопросе, а отчасти и прямая спекуляция на нем.

Обобщая разные точки зрения и высказываемые суждения по данной теме, можно выделить три позиции и соответственно им три неравные в количественном отношении группы их приверженцев.

К первой группе я отношу тех, кто решительно против самой необходимости разговора о Троцком и троцкизме. Их позиция: зачем ворошить старое, поднимать проблемы, которые были уже апробированы историей.

Вторая группа, более многочисленная, отстаивает свою точку зрения не только устно, но и через печать. Ее сторонники считают, что Троцкий был «великим пролетарским революционером», если и не равным Ленину, то «вторым» после него человеком, троцкизм — это выдумка Сталина, а вся внутрипартийная борьба 20-х годов после смерти Ленина представляла едва ли не обычную склоку соперничавших за власть лидеров и стоявших за ними фракций.

Наконец, третья группа, самая многочисленная. Ее сторонники стоят за спокойное, без излишней драматизации изучение вопроса, стремятся понять, что же произошло в те не столь уж и отдаленные от нас 20—30-е годы и на чьей стороне все-таки была истина.

Я отношу себя к сторонникам третьей группы. Убежден, что перспектива в анализе затронутой мною темы именно за таким подходом.

История деятельности Троцкого и получившего по его фамилии название политического течения — троцкизма — это вовсе не история КПСС, международного коммунистического и рабочего движения. Но не учитывать той роли, какую сыграл Троцкий (а троцкизм в ряде стран и в настоящее время продолжает играть), было бы неверно. Поэтому, приступая к работе, я прежде всего обратился к Полному собранию сочинений В. И. Ленина, где можно найти ответы на многие вопросы партийной истории.

Помимо ленинских работ мною с особым пристрастием изучены стенографические отчеты съездов, конференций, совещаний и пленумов ЦК. В работе использованы фонды бывшего Центрального партийного архива (фонд 17, фонды Троцкого, Зиновьева, других деятелей партии). Особое внимание уделено сборникам документов о дискуссиях 20-х годов. И хотя сегодня видна их ограниченность, но там есть немало интересных сведений.

Автор опирался также на опубликованные за рубежом сборники документов из архивов Троцкого, вывезенных им в 1929 г. Это — двухтомная антология «Бумаги Троцкого» на английском и русском языках, изданная Амстердамским институтом социальной истории в 60—70-е годы, четыре тома «Коммунистической оппозиции в СССР» на русском языке, которые включали документы из Хогтонской библиотеки Гарвардского университета (Бостон, США), которому Троцкий продал в 1940 г. свой архив (этот четырехтомник издан в 1990 г. в СССР издательством «Терра»).

Особое внимание уделено работам самого Троцкого. Это — его собрание сочинений, выходившее в 1923—1926 гг. в Москве. Из запланированных 30 томов опубликовано 14 томов в 17 книгах. Книги «1905» (М., 1922), «Война и революция» (М.; П., 1923), «Моя жизнь. Опыт автобиографии» (М., 1990. Т. 1, 2), «Перманентная революция» (Берлин, 1930), «Сталинская школа фальсификаций» (Берлин, 1932), «История русской революции» (Берлин, 1931—1933), «Преданная революция» (1936), «Их мораль и наша» (1938), «Сталин» (Нью-Йорк, 1985), «Дневники и письма» (Нью-Йорк, 1986), «Бюллетень оппозиции» (1929—1940. № 1—87).

В работе использованы материалы газет и журналов: «Иркутское обозрение», «Начало», «Известия Петербургского Совета рабочих депутатов» (1905 г.), венская «Правда», «Наше слово», «Новый мир», «Борьба».

Ценные факты и сведения о деятельности Л. Д. Троцкого содержатся в книгах Н. И. Бухарина, собраниях сочинений Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, И. В. Сталина, А. И. Рыкова, избранных произведениях С. М. Кирова, М. И. Калинина, Ф. Э. Дзержинского, В. В. Куйбышева, в работах Е. А. Преображенского, Г. Я. Сокольникова, Х. Г. Раковского, Ф. Ф. Раскольникова и многих других, которые сегодня начали переиздаваться.

По поводу литературы о Троцком и троцкизме, которая появи-

лась за 70 лет в нашей стране, хотелось бы сказать следующее. Здесь есть всякие работы. От апологетических, как, например, книги Устинова «Трибун революции» (М., 1920) и Д. Сверчкова «На заре революции» (М., 1925), до откровенно извращающих роль и место Троцкого и троцкизма в истории, как, например, в большинстве статей Ем. Ярославского. Есть и такие, где деятельность Троцкого рассматривается более или менее объективно. Например, в первых изданиях учебника по истории партии Н. Попова и в исторических работах В. Невского.

Вообще надо сказать, что, как бы мы ни относились сегодня к этой литературе, важно иметь в виду следующее — нельзя с порога отвергать все написанное на данную тему только потому, что это было издано в годы культа личности или застоя. Ясно, что в тех или иных искажениях виноваты не столько конкретные авторы работ, сколько сама политическая конъюнктура. Требовалось разоблачить Троцкого и троцкизм, следовательно, основной упор делался на негативной стороне деятельности. Иной подход просто и не мыслился. Но в то же время неправильно, если бы восторжествовало исключительно нигилистическое отношение ко всему сделанному в этой области. Это не научная методология. Во всем должна быть преемственность. Опыт, даже если он отрицательный, тоже опыт. И не учитывать его нельзя.

В работах отечественных исследователей (в том числе и автора этой книги) 20—80-х годов немало таких аспектов, которые не выдерживают элементарной критики с позиций современности. Скажем, ни в какие ворота не лезет версия «злого умысла» Троцкого, согласно которой он вступил в июле—августе 1917 г. в РСДРП(б), чтобы развалить ее изнутри. Эта версия в 30-е годы обернулась знаком тождества между троцкизмом и фашизмом со всеми вытекающими последствиями для тех, кто подозревался в принадлежности к троцкизму.

Все это так. Но я не согласен и с теми, кто отрицает значение работ исследователей, анализировавших борьбу Ленина, партии против Троцкого и его сторонников в дооктябрьский период, во время борьбы за заключение Брестского мира или дискуссии о профсоюзах, да и в более поздний период (середина 20-х годов), когда решался вопрос о выборе дальнейшего пути развития: строительство социализма или мировая революция.

В книге использованы и наиболее, с моей точки зрения, заметные работы о Троцком зарубежных исследователей и троцковедов. Это — трехтомная биография Троцкого, принадлежащая перу одного из первых исследователей его деятельности, И. Дейчера, книги директора Института Л. Троцкого в Гренобле П. Бруе, специалиста по советской истории Ж. Ж. Мари. Труды современных теоретиков и историков троцкизма: Э. Манделя, М. Пабло, П. Франка, П. Навиля, Ж. ван Хейеноорта, Ж. Розенталя, Л. Мейтана, П. Ламбера, Х. Посадаса и других.

Конечно, жизнь и деятельность Троцкого многогранна и не укладывается в рамки одного исследования. Остается много воп-

росов, которые не рассматриваются в книге. Тем более если учесть, что Троцкий — человек нелегкой судьбы. Он очень непохож на других деятелей российского революционного движения по характеру, степени участия и того следа, какой оставил в революционном движении. Но в одном Троцкий сближался со всеми: среди них не было ни демонов, ни ангелов. Они — люди своего времени. Их жизнь протекала между двумя рубежами: величием и падением, триумфом и трагедией. Стоило кому-то замешкаться, как с вершин величия и власти он стремительно слетал к их подножию, нередко исчезая в небытии. Вот почему я с большим вниманием отнесся к словам Троцкого, сказанным в самый разгар внутрипартийной борьбы в речи на VII пленуме Исполкома Коминтерна: «Никто из нас не имеет безупречной и безгрешной биографии» [2].

Действительно, ни Троцкий, ни любой из тех, кто шел с ним рядом или против него, не могут похвастаться безупречностью своей политической биографии. Прав Троцкий и в другом: «биографический элемент», несмотря на всю его важность, сам по себе ничего не решает. Биографию конкретного деятеля нельзя изучать вне связи с оценкой общих вопросов политики. Одно без другого не существует.

В свете сказанного одними из важнейших направлений изучения исторического опыта становятся исследования в жанре политической биографии. Они дают возможность глубже понять сложные вопросы истории первых десятилетий после Октября, механизм власти в те годы, сильные и слабые стороны многих руководителей партии и государства, степень разногласий, их разделявших.

Данная книга и представляет собой попытку через судьбу Троцкого рассмотреть эти пока малоисследованные проблемы.

Разумеется, автор далек от мысли воссоздать во всей полноте жизнь и деятельность Троцкого. Несмотря на объем книги, я, естественно, не смогу раскрыть все страницы его политической деятельности. Надеюсь, что не только будущие исследователи, но и читатели, опираясь на новые материалы, смогут дополнить намеченные в этой книге фрагменты, зарисовки новыми фактами, сведениями, собственными выводами и впечатлениями. То есть сами примут участие в воссоздании достоверной картины нашего исторического прошлого. А оно творилось конкретными людьми, среди которых далеко не последнюю роль играл Троцкий. Судите о них и о нем сами, принимая во внимание факты, время и место их действия.

ФОРМИРОВАНИЕ

До сих пор, исследуя дооктябрьский этап деятельности Л. Д. Троцкого, советские историки сосредоточивали свое внимание главным образом (если не исключительно) на его борьбе против В. И. Ленина и большевистской партийности. Сегодня такой подход явно односторонен, потому что далеко не всегда можно однозначно ответить на вопрос, прав или не прав был Троцкий, который хотя организационно и не входил в ряды меньшевиков, но во многом разделял их принципы партийного строительства, взгляды на характер и перспективы развития революции в России.

Пожалуй, чуть ли не до сего дня в исторической науке (да и в обществоведении в целом) за критерий верности того или иного положения или концепции, не говоря уже о теории революции и социализма, партии и государства, принималась точка зрения Ленина. Иначе говоря, исходили из презумпции его непогрешимости, забывая, что такая методология была чужда самому Ленину. Она — результат последующих зиновьевско-сталинских и троцкистских обработок идей, взглядов Ленина, ленинизма как теории и практики революционной борьбы.

Эта методология не учитывала такого простого положения, как развитие Лениным взглядов и оценок, политических лозунгов в зависимости от конкретной ситуации. Достаточно сослаться на обращение его с лозунгом «Вся власть Советам!». В течение полугода, с весны по осень 1917 г., он трижды менял к нему свое отношение: снимал, вновь ставил в повестку дня деятельности большевистской партии. Если бы это делал кто-то другой, его бы непременно заклеймили как оппортуниста со всеми вытекавшими для исторического будущего такого деятеля последствиями. Он был бы вычеркнут из нашей истории, либо навсегда превращен в мальчика для битья.

Возьмем пример с апрельскими тезисами. Даже Г. Е. Зиновьев, бывший с Лениным всю вторую эмиграцию, а это без малого десять лет, и тот сразу не разобрался в их сути. Так что же, Зиновьева за это надо было «упечь» в разряд оппортунистов? Ленин этого не сделал не только по отношению к Зиновьеву, но и к Л. Б. Каменеву, который, в отличие от первого, открыто выступил в печати с критикой апрельских тезисов.

Другой аспект: мы привыкли говорить «соратник Ленина». Одним этим уже считалось сказано главное о том или другом деятеле революционного движения и в особенности члена РСДРП. Но опять-таки исчерпывающая ли это характеристика? Если да, то как, скажем, быть с агентом царской охранки Романом Малиновским? На Пражской конференции в январе 1912 г. Ленин выдвинул его в члены ЦК РСДРП, лелеял этого вновь испеченного активиста почти два года, считая его одним из способнейших работников. Можно спорить, знал ли Ленин о его провокаторской роли. Но ведь выдвинул и готов был двигать и дальше. А сколько людей приходили, уходили, вновь возвращались к Ленину! Хоть бы тот же А. В. Луначарский. По какому разряду всех их числить: врагами или соратниками Ленина?

Такой механический подход — даже не вчерашний день науки, это вообще не научный подход, а догматизм, не обязательно, как я уже сказал, связывавшийся только с именем Сталина. Свою роль в его утверждении после смерти Ленина сыграли все мало-мальски заметные представители «старой гвардии».

Не К. Маркс и не В. И. Ленин придумали главный критерий истинности любой теории — ее проверку практикой. Я глубоко убежден, что дооктябрьский опыт большевизма, если рассматривать его с позиций соответствия революционной практике, подтвердился полностью. Не зря же и Сталин, и Троцкий, и Зиновьев, и другие стремились утвердиться в качестве «наследников» большевизма-ленинизма.

Более того, я склонен считать, что большевистская или, вернее, ленинская модель революционного развития общества подтвердилась не только в октябре 1917 г. в России, но позднее и в других странах, особенно со средним или низким уровнем экономики. Не путать именно экономики, а не уровня развития культуры, потому что у нас (возможно, и не только у нас) степень культурности, как правило, выводят из степени развития производительных сил. А здесь, на мой взгляд, зависимость не прямо пропорциональная.

Многие ленинские идеи о революции, несмотря на сталинские и маоистские деформации, дожили до середины 50-х гг. XX в.

Но сегодня эти идеи — так, как они были поставлены и решены Лениным,— уже не работают. Или выскажусь осторожнее — они устарели. Нуждаются ли они в творческом развитии, и если да, то как, применительно к общественной практике каких стран, политических движений и партий,— это тема особого разговора. Нас же волнует другой вопрос, как оценивать дооктябрьский большевизм и деятельность Ленина: сугубо с современных позиций, уже зная их судьбу, или все же конкретно-исторически?

Здесь должна быть найдена диалектическая равнодействующая. Именно диалектическая, то есть взятая в единстве и борьбе противоположностей. Чрезвычайно трудная задача. Еще русский историк С. М. Соловьев предупреждал: «Ум человеческий не любит многообразия, ибо трудно ему при этом многообразии уловить и указать единство».

Вот с этих позиций сопряжения прошлого и настоящего, не побивая одно другим, и хотелось бы исходить, исследуя не только ленинское наследие, но и судьбу героя этой книги.

Бронштейн Лейба Давидович (псевдоним — Троцкий) родился 25 октября (7 ноября) — в день Октябрьской революции и в один год — 1879-й [1] — со своим будущим непримиримым соперником И. В. Сталиным. Совпадение этих дат чисто случайное. Как шутил впоследствии Троцкий, возможно, мистики и пифагорейцы в этом усмотрят особый смысл, сам же он такому совпадению не придавал никакого значения [2].

Обычно, когда речь заходит о формировании личности, убеждений, образа действий политического деятеля, тем более революционера такого масштаба, как Троцкий, обращаются к его детству и юности. В данном случае, на мой взгляд, Троцкому явно не повезло на «революционные обстоятельства». Он рос в окружении, отнюдь не способствовавшем формированию в нем качеств «ниспровергателя устоев», в стороне от столбовой дороги развития марксизма в России — вне крупных университетских центров, без тесной связи с рабочими предместьями, знакомства с повседневными нуждами простого люда. «Духовная атмосфера, окружавшая мои ранние годы, и та, в которой прошла моя дальнейшая сознательная жизнь,— это два разных мира, отделенные друг от друга не только десятилетиями и странами,— писал позднее Троцкий,— но и горными хребтами великих событий и менее заметными, но для отдельного человека не менее значительными внутренними обвалами» [3].

Отец Троцкого, Бронштейн Давид Леонтьевич, арендовал 400 десятин земли на юге Украины, в сельце Яновка Елисаветградского уезда Херсонской губернии. В этой и Екатеринославской губерниях в 80-е годы прошлого века обосновалось около 40 еврейских земледельческих колоний, в которых проживало примерно 25 тыс. человек. Семья Бронштейнов жила в колонии Громоклей.

Из 8 рожденных детей — Троцкий был пятым — выжили четверо: старшие брат Александр и сестра Елизавета, Лев и младшая сестра Ольга (впоследствии жена Л. Б. Каменева (Розенфельда). Из всех Бронштейнов она ушла из жизни последней (арестована в середине 30-х и расстреляна в Орловском централе в 1941-м при отступлении Красной Армии).

Хотя семья Бронштейнов не отличалась ни особым благополучием, ни привилегированным общественным положением, ее члены никогда не испытывали материальных затруднений, а также неудобств, связанных с их еврейским происхождением. Это объяснялось рядом причин.

Американский социал-демократ Макс Истмен, написавший на основании многих бесед с Троцким его «Юношеский портрет», свидетельствовал: «...Факт его (Троцкого.— *Н. В.*) принадлежности к еврейской нации оказал значительное влияние на образование, характер и судьбу Троцкого. Ему были, конечно, известны ограни-

чения возможностей для него в России при царе, но не этот факт поразил его сознание в детстве» [4]. Происходило это потому, что отец Троцкого был в тех местах фактически единственным работодателем для беднейших крестьян. От него зависели и более состоятельные люди, так как он владел мельницей, пивоварней, осуществлял скупку и перепродажу зерна, других сельскохозяйственных продуктов. Это, естественно, определяло отношение окружающих к нему и членам его семьи. «Здесь не было возможности для Троцкого развить в себе «комплекс униженности» [5],— писал Истмен.

Отец Троцкого не стремился замкнуть своих детей в узком местечковом мирке, столь блистательно описанном Шолом-Алейхемом. Наоборот, будучи человеком весьма предприимчивым, он сделал все зависящее от него, чтобы дать детям возможность получить хорошее образование.

Давид Леонтьевич был своеобразным человеком. Научился грамоте на старости лет только из-за желания самому читать книги ставшего к тому времени знаменитым сына. Он обладал незаурядной природной сметкой, практическим складом ума, железной хваткой. Уже после Октябрьской революции, лишившись всего имущества — а это, между прочим, было уже около 10 тыс. десятин,— в разгар гражданской войны 75-летний старик прошел сотни километров пешком до Одессы. Оттуда сумел переехать к сыну в Москву. Тот пристроил его управляющим мельницей в подмосковном совхозе. Умер Бронштейн в 1922 г., заразившись тифом.

От отца Троцкий унаследовал такие качества, как интеллектуальные способности, уверенность в себе, проницательность. «Троцкий гордился своим отцом,— писал Истмен.— Он любил говорить о нем. В воспоминаниях о его матери гораздо меньше привязанности. Я думаю, это оттого, что мальчиком он слишком сильно любил ее» [6].

Мать Троцкого тоже была женщиной с характером. Она происходила из городских мещан, и на первых порах ей был свойствен взгляд свысока на «хлебороба с потрескавшимися руками». Однако, вступив в суровый мир сельского быта, она довольно быстро изменила свои взгляды и в течение сорока пяти лет весьма успешно вела непростое хозяйство Бронштейнов.

Последние годы жизни Анна тяжело болела. В 1910 г. в Берлине в возрасте 60 лет ей удалили почку. После некоторого облегчения ее состояние резко ухудшилось. Умерла она в Яновке, намного раньше отца Троцкого.

В такой семейной среде воспитывался Троцкий. В ней, по его словам, «не было нежности, особенно в более отдаленные годы. Но была глубокая трудовая связь между матерью и отцом» [7]. Эту доминанту семейных отношений подтверждают и другие очевидцы. Близко знавший их Л. Соколовский, отец первой жены Троцкого, считал, что они «гордятся в гораздо большей мере своим богатством, чем своими личными достоинствами» [8]. Стремлением к приумноже-

нию семейного богатства и руководствовался отец Троцкого. Он страстно хотел выучить своих детей, Леву он видел инженером — ведь в хозяйстве так нужен был человек, разбиравшийся в тонкостях техники. Но вышло иначе.

В 1888 г. Троцкий поступил в приготовительный класс Одесского реального училища святого Павла. Училище это основали немцы. Но так как в нем было только шесть классов, то для поступления в высшее учебное заведение нужно было закончить 7-й класс при другом реальном училище.

Выбор училища вместо гимназии был не случаен. Хотя различие между ними отмечалось минимальное (в училище, например, не изучались древние языки, упор делался на новые языки и на математику). Чтобы попасть в гимназию, помимо знаний требовалась еще и протекция (иногда ее заменяла взятка). В 1887 г. в казенных учебных заведениях для евреев была введена льготная десятипроцентная норма. Она распространялась и на реальные училища, но желающих учиться в них оказывалось не так уж много. Поэтому шансы на учебу представителей «медвежьих углов» российского юга резко возрастали.

В училище Троцкий очень скоро проявил честолюбивые устремления. В краткой автобиографии он писал: «...Во время учения проявлял большое прилежание, все время шел первым» [9].

«Первый ученик» переходил из класса в класс, увлекался рисованием (но подлинного художественного дарования в дальнейшем не обнаружилось), писал стихи, занимался переводами с русского на украинский (перевел басни Крылова). Участвовал в издании школьного рукописного журнала «Капля». Словом, жил как и многие другие его сверстники по училищу.

Но вскоре появились и отличия. Во втором классе Троцкого исключили из училища за протест против самодурства учителя французского языка. Правда, затем восстановили. В подростке стремительно вызревает потребность и, главное, умение обращать на себя внимание, выделяться из окружающих. Например, когда у него обнаружили близорукость и врач прописал очки, он не только не был огорчен, но, наоборот, расценил ношение очков как признак собственной значительности. «Я не без удовольствия предвкушал свое появление в очках в Яновке» [10],— писал Троцкий.

По мнению друга юношеских лет будущего доктора медицины Г. А. Зива, Троцкий посещал училище отнюдь не для того, чтобы «сколько-нибудь расширить свои знания в какой-нибудь из наук, в которой он делал такие хорошие успехи... а... потому, что до поры до времени училище все-таки представляло единственное поле, где он мог проявить свое превосходство над другими» [11].

После окончания училища Троцкий перебрался в Николаев, чтобы закончить седьмой класс «реалки». Уезжал он из Одессы не в лучшем настроении. «...Память об училище осталась окрашенной если не в черный, то в серый цвет...— писал Троцкий.— Трудно назвать хоть одного преподавателя, о котором я мог бы по-настоящему вспомнить с любовью». Правда, навык к систематическому

труду и внутренней самодисциплинс он приобрел. «Все это,— заключал свои воспоминания об одесском периоде жизни Троцкий,— понадобилось в дальнейшем. Оно же, наперекор своему прямому назначению, посеяло во мне семена вражды к тому, что существует. Эти семена попали, во всяком случае, не на каменистую почву» [12].

Год учебы в Николаеве, 1896-й, стал переломным для Троцкого. Он забросил учебу (правда, знания, полученные в училище, позволяли держаться на положении первого ученика), его потянуло к общественной жизни. Он познакомился с садовником Францем Швиговским, чехом по происхождению, который выписывал газету, внимательно следил за политикой, читал массу литературы.

Новое увлечение Троцкого крайне обеспокоило родителей. Во время кратких наездов в Николаев между ними и сыном происходили бурные сцены. Отец настаивал на разрыве Льва с его новыми знакомыми, продолжении «нормальной» учебы. Троцкий протестовал против вмешательства в его дела, отстаивал право самостоятельного выбора своей дальнейшей судьбы. «Если нужен был последний толчок, чтобы привести Троцкого в лагерь революционеров, таким толчком был этот акт родительской тирании,— замечал Истмен.— Его восстание против отца и его восстание против социального строя теперь слились в одно» [13].

Троцкий порывает с родителями и вступает в «коммуну» Швиговского. Помимо их двоих в нее входили также старший брат Троцкого Александр, Зив, двое Соколовских — Григорий и Илья, будущий редактор «Одесских новостей», где сотрудничал Троцкий в 1908—1912 гг. Здесь Троцкий сошелся с их старшей сестрой — Александрой, по словам Истмена, девушкой «с нежными глазами и железным умом» [14]. Она была старше Троцкого и происходила из бедной семьи. К тому же воспитывалась без матери, отцом, восторженным приверженцем идеалов свободы и равенства. Дочь унаследовала «мятежные настроения и философию народничества». Она же оказалась среди членов «коммуны» единственной, кто познакомился с марксизмом. Вспоминая о тех днях, Троцкий в письме к Соколовской в ноябре 1898 г. из одесской тюрьмы писал: «Ты на меня с самого начала произвела хорошее впечатление, хотя я и был предубежден против тебя, так как знал, что ты строптивейшая марксистка» [15].

Члены «коммуны» жили по-спартански, носили синие блузы, круглые соломенные шляпы и черные палки. В городе их принимали за членов таинственной секты. Они много и беспорядочно читали, спорили, распространяли в народе книги, писали полемические статьи.

К этому времени относится окончание Троцким николаевского реального училища. Перед ним вновь встал вопрос выбора — что делать дальше? По настоянию родителей он вернулся в Одессу, где стал посещать лекции на математическом факультете университета. И хотя к математике он и чувствовал большое тяготение, но «рево-

люция постепенно овладевала» им. А когда он увлекался, все остальное теряло для него всякий смысл.

Университет был брошен. Он весь переключился на полулегальную работу в кружках радикально настроенной молодежи. Очень скоро Троцкий стал неформальным лидером группы молодых людей, искавших выход переполнявшему их стремлению к активной деятельности «на благо отечества». Сам он позднее считал, что это была не столько серьезная революционная работа, сколько становление роста самосознания. Тем не менее Троцкий привлек внимание одесской полиции и вынужден был покинуть Николаев.

Наступает весьма ответственный момент в формировании Троцкого как революционера. Это связано с его вступлением в настоящее революционное движение. Конечно, образ жизни полулегала льстил самолюбию, придавал особый вес, может быть, не столько в собственных глазах, сколько во мнении окружающих. К тому же активная общественная деятельность, как вскоре понял Троцкий, давала хорошую возможность преодоления отмечавшейся в нем «болезни воли».

На это указывал и бывший член кружка Швиговского Г. Зив. «Рабочие его интересовали, как необходимые объекты его активности, его революционной деятельности,— писал он,— товарищи его интересовали, как средства, при содействии которых он проявлял свою революционную активность; он любил рабочих, любил своих товарищей по организации, потому что он любил в них самого себя». И затем следовал вывод: «...Действительная индивидуальность Бронштейна не в познании и не в чувстве, а в воле. Бронштейн, как индивидуальность, весь в активности. Активно проявлять свою волю, возвышаться над всеми, быть всюду и всегда первым — это составляло основную сущность личности Бронштейна; остальные стороны его психики были только служебными надстройками и пристройками» [16].

В этот период взгляды Троцкого были весьма далеки от марксистских. Он даже и не стремился к овладению марксизмом, проявляя равнодушие к систематической, целеустремленной работе по формированию прочных теоретических убеждений. В спорах с товарищами Троцкий запальчиво доказывал, что капитализм в России невозможен, что в стране не может быть и речи о классовой борьбе. «В 96 и в начале 97 г.,— писал Троцкий историку В. И. Невскому уже после победы Октября,— я считал себя противником Маркса, книг которого, правда, не читал. О марксизме я судил по Михайловскому» [17].

В этой связи весьма характерен рассказ А. Соколовской. «Однажды, например, я настояла, чтобы они (Троцкий и другие члены «коммуны».— *Н. В.*) прочли книгу Плеханова, так они швырнули ее на пол в ярости за его острые нападки на их Михайловского» [18]. Любопытен и эпизод со встречей в «коммуне» Нового, 1897 года. Троцкий произнес тост: «Да будут прокляты все марксисты и все те, кто несет сухость и жестокость во все отношения жизни» [19]. Судя по этим запальчивым словам, он, видимо, рассуждал о марксизме с

позиций либерально-народнических, как о доктрине, которая была враждебна гуманизму. Соколовская в знак протеста покинула вечеринку. Вся кипя от негодования, она, по рассказам сопровождавшей ее подруги, в сердцах восклицала: «Никогда, никогда не протяну руки этому мальчишке!»

Возможно, и с произведениями Н. К. Михайловского Троцкий в то время был знаком не по первоисточнику, а по рассказам других. В одной из ранних автобиографий он прямо писал: «Политическое невежество мое было глубокое. В сущности, я ни одной революционной книги тогда не читал, и даже с Коммунистическим манифестом познакомился, читая и разъясняя его в кружке» [20].

Обладая превосходной памятью, он на лету схватывал наиболее «крикливые» идеи и установки тех лет, яростно затем отстаивал их в спорах со сверстниками. «У Троцкого, как у всех богато одаренных натур,— свидетельствовал Истмен,— был уникальный дар брать нахальством. Он так моментально схватывал сущность мысли оппонента со всеми ее возможными выводами, что трудно было победить его одним только чистым знанием» [21].

1897 год был отмечен дальнейшим ростом революционных настроений по всей России. Появляются революционные организации в Петербурге, Москве, Киеве, Екатеринославе, Харькове и других городах. Движение растет вширь и вглубь. Отмечаются выступления рабочего класса, стачки, забастовки. Все это будоражило умы демократической интеллигенции, способствовало подъему ее общественной и политической активности. Естественно, юг Украины не мог стоять в стороне от этих событий.

Разве могли Троцкий и его друзья остаться безучастными? Они стали усиленно искать связи с рабочими кварталами Николаева. Именно Троцкий обратился к «коммунарам» с вопросом: «Что вы скажете, если мы начнем серьезную работу, организуя рабочих на заводах?» [22] Его тут же горячо поддержали Соколовские — сестра и два брата. Так начался «рабочий период» в деятельности молодого Троцкого.

Через Григория Соколовского они познакомились с рабочими города. Среди них особо выделялся электротехник Иван Андреевич Мухин. Он обладал даром прирожденного агитатора, умел просто, ясно и образно объяснить нужды рабочих, знал, что и как надо было делать, чтобы облегчить условия их труда и жизни.

Первые сходки начались в трактире «Россия». Пять-шесть человек под грохот «музыкальной машины» вели крамольные разговоры. Вскоре круг участников таких встреч расширился. Из трактира перебирались на природу. Подпольные чтения и беседы стали проводить в лесу. Образовалось уже два кружка по 25 человек, где изучали политграмоту. Одним из них руководила А. Соколовская, другим — под псевдонимом Львов — Троцкий. По поводу своего первого псевдонима он позже отмечал: «Эта первая конспиративная ложь далась мне нелегко: было прямо-таки мучительным «обманывать» людей, с которыми сходишься для такого большого и хорошего дела» [23]. В течение года создали около десяти кружков. И это

в городе, где насчитывалось не более 10 тысяч рабочих! Так на юге России возникла еще одна организация, которую, по предложению Троцкого, назвали «Южнорусским рабочим союзом» (предполагалось втянуть и другие города). Им же был написан и устав новой организации.

От собраний и политзанятий перешли к более серьезной и кропотливой работе. Добыли гектограф, стали печатать прокламации, а затем и газету «Наше дело» тиражом в 200—300 экземпляров. И прокламации, и статьи писал главным образом Троцкий. Это и было началом его литературной работы. Одновременно с пробой пера он испытал себя и в качестве оратора. Произошло это в день 1 Мая на маевке. Речь вышла скомканной и повергла Троцкого «в величайшее смущение».

Усилиями Троцкого и других «коммунаров» удалось наладить связи с Одессой, тамошними социал-демократическими кругами. Именно от них Троцкий привез чемодан с нелегальной зарубежной литературой. Распространение брошюр среди рабочих, выпуск газеты (успели выпустить три номера) будоражили общественное мнение, льстили самолюбию начинавших активистов. «Весь город говорил... о революционерах, которые наводняют заводы своими листками,— вспоминал Троцкий.— Наши имена называли со всех сторон» [24]. В этих словах, написанных три с лишним десятилетия спустя, ощутим тот самый налет самомнения, граничивший с самолюбованием, который был присущ молодому Троцкому. Уже тогда значение революционной деятельности сводилось им к проявлению своего «я» в этой деятельности. «Ход революции, ее возможные результаты, то, что для других было «конечной целью», для Бронштейна было лишь средством для самоутверждения своей личности,— замечал Г. Зив.— С этой точки зрения он всегда был оппортунистом чистейшей воды, несмотря на всю свою неизменную крайнюю «революционность». И далее: «Знаменитое изречение: «Движение — это все, конечная цель — ничего» — в известном смысле, как нельзя более, было применимо к нему. В революции его интересовала не столько сама эта революция и ее ход, сколько собственная роль в ней» [25].

Энергия Троцкого била ключом. В городе появился авантюрист, который предложил ему достать 100 тыс. рублей для организации 1000 типографий, чтобы наводнить Россию нелегальной литературой и таким «типографским» способом содействовать низвержению самодержавия. Дерзость замыслов Троцкого, как видим, сочеталась с поразительной наивностью, бывшей отражением запала юности, неуемной жаждой заявить о себе. Они действительно были начинающими, действовали без оглядки и конспирации. К тому же их деятельность редко выходила за рамки обычного просветительства, а в защите прав рабочих ограничивалась экономическими требованиями. Вспоминая тот период, Троцкий писал: «Влияние союза росло быстрее, чем формирование ядра вполне сознательных революционеров. Наиболее активные рабочие говорили нам: на счет царя и революции пока поосторожнее. После такого предупрежде-

ния мы делали шаг назад, на экономические позиции, а потом сдвигались на более революционную линию. Тактические наши воззрения, повторяю, были очень смутны» [26].

Но даже в такой, а затем и в других организациях, стоявших на платформе экономизма — российской разновидности бернштейнианства,— Троцкий нередко оказывался на правом фланге. Так, бывая в Одессе, он выступал против ведения работы среди фабрично-заводских рабочих, настаивая на перенесении центра тяжести агитации и пропаганды в ряды ремесленников и других мелкобуржуазных элементов [27].

Все это и многое другое дает основание полагать: прояви царская охранка к членам руководящего ядра Южнорусского рабочего союза гибкость и тактичность, не исключено, что такие лидеры его, как Троцкий, могли оказаться в одном ряду с «легальными марксистами» Струве и Туган-Барановским. Ведь не случайно один из братьев Соколовских, Илья, стал впоследствии членом кадетской партии. Однако полицейские чины России конца XIX в. еще не имели кадров, подобных полковнику Зубатову.

В конце января 1898 г. были произведены массовые аресты. В охранном отделении оказалось свыше 200 человек. Союз был разгромлен. Причем не без помощи двух провокаторов — Шренцеля и Нестеренко. Началась тюремная эпопея Троцкого.

Первое время Троцкого держали в николаевской тюрьме, затем перевели в херсонскую. Ни в Николаеве, ни в Херсоне он допросам не подвергался. Через три месяца его перевезли в Одессу и поместили в одиночную камеру, где он оказался соседом Ильи Соколовского.

Арестованный по тому же делу, Г. Зив весьма нелестно отзывался о поведении Троцкого, считая, что тот выгораживал себя, давал не совсем точные, нередко ложные показания на других. Определенные основания для таких суждений имелись. В одном из писем В. И. Невскому Троцкий отмечал: «Для того чтобы выгородить Швиговского, который действительно имел к делу лишь косвенное отношение, я давал показания, рассказывал жандармам фантастические и довольно-таки неправдоподобные истории, в которых валил все на покойного Ефимова» [28].

Ефимов — двадцатилетний гигант, вел образ жизни босяка — входил в Южнорусский союз, был человеком начитанным. Он одним из первых заподозрил в Шренцеле провокатора, о чем сообщил Троцкому в письме, заявив одновременно, что убьет этого агента охранки. Но вместо агента сам по неясным причинам покончил жизнь самоубийством.

В этой ситуации вряд ли можно осуждать Троцкого за то, что он «валил на Ефимова». С одесской тюрьмой связан выбор и его постоянного псевдонима. Под фамилией Троцкий в тюрьме служил старший надзиратель. На юношу произвели неизгладимое впечатление его величественная фигура, властность, умение подчинять себе окружающих и держать, что называется, в ежовых рукавицах не только арестованных, но и всю администрацию тюрьмы. Вот Лев и

взял фамилию надзирателя, чтобы доказать всем, и в первую очередь себе, что имя матерого защитника самодержавия может служить и другим целям — борьбе против самодержавия, революции.

Во время следствия Троцкий, по словам Зива, стал решительным и прямолинейным «марксистом», хотя раньше был его противником. «Фразеологию марксистскую он, несомненно, усвоил в совершенстве,— отмечал Зив,— и рассуждать о роли личности, о классовой борьбе, значении производительных сил и т. п. он мог как самый заправский марксист и с присущим ему талантом. Но как только он пытался от усвоенной теории перейти к практике, к марксистскому творчеству, к применению материалистического понимания истории к живой жизни, он неизменно обнаруживал полное бессилие» [29].

Одним из первых научных опусов Троцкого была работа о масонстве. Статью эту он планировал отослать в журнал «Мир божий». В упоминавшемся письме к Соколовской Троцкий отмечал: «Пишется очень легко и, кажется, недурно. Я по обыкновению начал писать сразу с нескольких концов. Все, что отделаю,— перепишу и пошлю тебе; ты будешь мой первый читатель и первый критик». Далее Троцкий сообщал, что в статье он сравнивает масонство с народничеством, выходит на современность. Однако закончить статью ему помешало «нервное расстройство». Началась бессонница. Общее недомогание, вялость. «...Мысль как-то вяло работает, рука лениво подвигается по бумаге, а на душе какое-то всесовершенное безобразие». И затем: «У меня прежде такое настроение бывало периодически и продолжалось каждый раз 2—3—4 дня» [30].

В этом письме Троцкий описал свое состояние в момент эпилептического припадка. Присутствовавший при этом Г. Зив вспоминал, что такого рода полуобмороки и настоящие обмороки с Троцким происходили и впоследствии, причем именно в моменты особого напряжения духовных и физических сил. Такой обморок с ним, например, произошел в октябре 1906 г. на суде по делу о Петербургском Совете рабочих депутатов. Судьи вынуждены были отложить на некоторое время судебные заседания.

Подобные обмороки близкие и сам Троцкий объясняли весьма противоречиво. Его друзья видели в этом «болезнь сердца», хотя Троцкий никогда не жаловался на сердечную недостаточность, как, например, Г. Е. Зиновьев. Троцкий также отрицал у себя эпилепсию. Он не раз заявлял, что такие обмороки он унаследовал от матери.

Со временем он все же под воздействием все учащавшихся припадков, которые длились уже не день-два, а неделю-другую, а иногда и месяц, как в разгар дискуссии 1923 г., а позднее — в Норвегии и в Мехико, вынужден был признать болезнь нервной системы. Говоря о себе, Троцкий писал: «С детских лет мальчик болел болезнью, которую врачи в официальных свидетельствах называли хроническим катаром желудочно-кишечного тракта и которая тесно переплеталась со всей его жизнью. Ему часто приходилось глотать лекарства и соблюдать диету» [31]. Здесь же Троцкий рас-

сказал и о случившемся с ним припадке, который произошел в самый неподходящий момент — в ночь с 24 на 25 октября 1917 г., в разгар Октябрьского вооруженного восстания. В чувство его привел тогда оказавшийся рядом с ним Л. Б. Каменев.

Доктор Г. Зив, а также близко знавший Троцкого социал-демократ Л. Г. Дейч считали, что эти припадки носили характер эпилепсии. «Многие черты его характера также наталкивали на такое предположение: резко выраженный эгоизм, гипертрофированное самомнение, чрезмерное и болезненное самолюбие, стремление к экстравагантности в речи, писаниях и поступках, известного рода придирчивый педантизм (пресловутая «логика»), проявляющийся даже в четком, аккуратном почерке,— писал Г. Зив.— Правда, все эти черты могут, конечно, присутствовать и у не эпилептиков. Но в психопатологии более чем где-либо в другой области весь вопрос — в степени» [32].

...Суд приговорил Троцкого к четырем годам ссылки в Восточную Сибирь. В это время Троцкий окончательно сошелся с симпатизировавшей ему А. Соколовской. И хотя его родители категорически возражали против этого брака, он настоял на своем. Их брак в «Бутырках» скрепил раввин.

К осени 1900 г. молодая семья — у них к тому времени родилась дочь Зина — обосновалась в сельце Усть-Кут Иркутской губернии. Поселились в одной избе с польским ссыльным, сапожником Микшей. В этих же местах Троцкий встретился с молодыми Ф. Э. Дзержинским, М. С. Урицким. В ссылке время делилось между хозяйственной работой (рубкой дров, мойкой посуды, уборкой) и чтением.

В этот период, пожалуй, впервые Троцкий начинает всерьез задумываться над проблемами общественного развития, тактикой революционной борьбы. Во время ссылки марксизм стал для него основой миросозерцания и методом мышления [33]. Он штудирует книги К. Маркса, в особенности «Капитал», работы В. И. Ленина, в первую очередь его исследование «Развитие капитализма в России». Усиленно читает художественную литературу. Среди иностранных писателей выделяет Г. Ибсена, Г. Гауптмана, Ф. Ницше, Г. Мопассана, среди русских — М. Горького, В. Короленко, А. Чехова, В. Вересаева, Л. Толстого, Л. Андреева. Но особенно почитаем им был Г. Успенский, тонкий, беспримерно впечатлительный наблюдатель русской жизни.

Влияние Успенского было так ощутимо, что, когда у Троцкого появилась возможность сотрудничать в иркутской газете «Восточное обозрение», основанной ссыльными-народниками и эпизодически «захватываемой» марксистами, он пишет «под Успенского». Свои многочисленные очерки, критические заметки, этнографические этюды Троцкий подписывал псевдонимом Антид Ото — словосочетание, взятое Троцким наугад из итальянского словаря, в переводе означавшее «противоядие». Автор пришелся ко двору: после нескольких публикаций ему повышают гонорар с 2 до 4 копеек за строку. Это был хороший приварок к семейному бюджету, если

учесть, что в месяц Троцкий писал по 3—5 статей, объемом в 2—2,5 авторских листа.

Подражая своему кумиру, Троцкий, особенно в публикациях на общественные темы, стремился к максимальной объективности, соблюдению роли беспристрастного свидетеля. Так, в одном из его лучших очерков «Почтальоны и почтовые «чины» по Лене» просто и точно в мельчайших деталях изображаются быт, условия работы, нравы почтово-телеграфных служащих. В результате получается картина, проникнутая неподдельным сочувствием и уважением к этим людям.

В очерках Троцкого, в его литературно-критических статьях проявились умение видеть «болевые точки» окружающей действительности, страны, стремление объяснить причину возникновения этих «точек». Но, конечно, охватить всю целостность происходившего, понять внутренний механизм русской жизни, или, пользуясь выражением самого Троцкого, ее «маятник», пока не удавалось.

Дальнейшее нарастание революционных событий в центральной России сказывалось и в далекой Сибири. В местечках, базировавшихся вдоль линии железной дороги, возникают первые социал-демократические организации. Троцкий входит с ними в контакт, пишет для них воззвания и листовки. Через них же устанавливает связь с заграницей. Летом 1902 г. из Иркутска к нему поступают книги, в их переплетах на папиросной бумаге были заделаны последние заграничные издания. Из этой почты ссыльные познакомились с газетой «Искра», ленинской книгой «Что делать?».

К тому времени Троцкий с семьей — у них родилась еще дочь Нина — переехал в Верхоленск. Отсюда в августе 1902 г. он решился на побег. Тогда это не было чем-то сверхъестественным. «Бегали» многие. Жена, несмотря на то что оставалась с двумя маленькими дочерьми — младшей шел четвертый месяц,— поддержала его. В дальнейшем Троцкий и Соколовская встречались эпизодически. Жизнь развела их, но они сохранили идейную связь и дружбу.

Известна точная дата побега — 22 августа 1902 г. В этот день исправник Лебедев послал из Верхоленска в Иркутск телеграмму, в которой сообщалось: «Вчера самовольно отлучился Лейба Бронштейн... Заявлению жены Бронштейн выехал Иркутск».

За сносную плату знакомый крестьянин доставил Троцкого к железной дороге. «Я без приключений сел в вагон, куда иркутские друзья доставили мне чемодан с крахмальным бельем, галстухом и прочими атрибутами цивилизации,— вспоминал Троцкий.— В руках у меня был Гомер в русских гекзаметрах Гнедича. В кармане — паспорт на имя Троцкого, которое я сам наудачу вписал, не предвидя, что оно станет моим именем на всю жизнь. Я ехал по сибирской линии на запад» [34].

Троцкий остановился в Самаре, где размещался тогда российский штаб «Искры». Его возглавлял Г. М. Кржижановский. Он-то и сообщил Ленину о Троцком, дав ему новый псевдоним Перо. По поручению самарского бюро Перо выезжал в Харьков, Полтаву и Киев для связи с местными «искровцами».

В Самаре Троцкий получил приглашение Ленина приехать в Лондон. Кржижановский снабдил его деньгами, и вскоре он оказался на русско-австрийской границе, которую нелегально перешел. Через Вену, Цюрих и Париж добрался до Лондона. Пора юности закончилась. Троцкий стал на путь профессионального революционера.

Приезд Троцкого в Лондон и визит на квартиру Ленина хорошо известен не только по его воспоминаниям, но и по заметкам Н. К. Крупской, опубликованным 14 апреля 1925 г. в «Правде». Ранним ненастным утром в октябре 1902 г. в дверь квартиры, где проживали Ленин и Крупская, раздался стук. Открыла сама Надежда Константиновна. Троцкий позже самокритично заметил, что «всякий более опытный и, так сказать, более привычный к культурному общежитию человек посидел бы спокойно на вокзале час-два вместо того, чтобы ни свет ни заря стучаться в чужие двери. Но я еще был полон зарядом своего побега из Верхоленска» [35]. Между прочим, и к П. Б. Аксельроду он тоже заявился глубокой ночью.

Подобная бесцеремонность в общении с товарищами не только в быту, но и в политике, на мой взгляд, была отражением не «заряда побега» Троцкого из ссылки, а существенной чертой его личности. «Сухой и надменный тон Троцкого», «небрежная манера свысока говорить с кем бы то ни было» неприятно поразили при первой встрече А. В. Луначарского [36]. За эти тон и манеру его сразу же невзлюбил Г. В. Плеханов. Совсем иначе ко всем странностям Троцкого отнесся В. И. Ленин.

Несмотря на неурочный час, он приветливо встретил беглеца. Его напоили чаем. Он рассказал о побеге и пожаловался на плохое состояние «искровской» границы: она оказалась в руках гимназиста-эсера, который к «искровцам», ввиду разгоревшейся жестокой полемики, относился без большой симпатии; к тому же контрабандисты жестоко обобрали Троцкого, превысив всякие тарифы и нормы [37]. В тот же день Ленин совершил с Троцким большую прогулку по Лондону, во время которой расспрашивал его об условиях ссылки, настроениях в рядах российской социал-демократии, идейной борьбе среди различных течений революционного движения. Троцкому даже показалось, что Владимир Ильич не столько прогуливался с ним, сколько «экзаменовал» его, что называется, по всему курсу революционной науки.

Он был старше Троцкого на 9 лет — срок, может быть, и не столь большой, но не следует забывать, что в революции год нередко идет за два, а то и за три. В свои тридцать два года Ленин наряду с Плехановым уже считался признанным лидером российской социал-демократии. Он быстро сумел оценить задор Троцкого, стремление отстаивать собственное мнение.

В свою очередь и Троцкий не ударил лицом в грязь. С присущей ему энергией он сразу же включился в повседневную работу. Выполнял многочисленные ленинские поручения. В начале 1903 г. он побывал в Брюсселе, Льеже и Париже. Выступил среди российской революционной эмиграции с рефератом (лекцией) на тему «Что

такое исторический материализм и как его понимают социалисты-революционеры». Ленин заинтересовался темой и тут же предложил переработать реферат в статью для теоретического органа социал-демократии, журнала «Заря». Но Троцкий отказался: «...Я не отваживался выступать с чисто теоретической статьей рядом с Плехановым и другими» [38].

Думается, здесь Троцкий недоговаривал. Дело не в его личной застенчивости. Чем-чем, а этим качеством Троцкий не страдал. Он опасался оконфузиться, так как отдавал отчет в своей недостаточной теоретической подготовленности. Троцкий и в Лондоне усиленно занимался самообразованием. Причем главным предметом его изучения оказалась зарубежная литература российской социал-демократии. Он принялся поглощать номера «Искры» и «Зари», влюбился в «Искру», стыдился своего невежества и изо всех сил стремился как можно скорее преодолеть его [39].

Троцкий выступал с докладами, участвовал в митингах в рабочих предместьях Лондона. Здесь он не раз выигрывал идейные споры у патриарха российской эмиграции эсера Н. В. Чайковского, анархиста Черкезова и других менее именитых соперников.

Некоторое представление о реакции на выступления Троцкого в начальный период его революционной деятельности дают воспоминания Н. И. Седовой. Ей суждено было стать второй женой Троцкого, от их брака было двое сыновей, Лев и Сергей. Она была моложе Троцкого на три года (родилась в 1882 г. и почти на 20 лет пережила его, умерла в 1962 г. в предместье Парижа). Отцом Седовой был выбившийся в купцы донской казак, а матерью — полька из захудалого шляхетского рода.

Знакомство их произошло осенью 1902 г. в Париже, на квартире у бывшей народоволки Е. М. Александровой. По ее просьбе Седова определила Троцкого на временное местожительство в небольшой комнатенке за 12 франков в месяц. Начались их встречи. Н. Седова знакомила Троцкого с Парижем, который для него был «похож на Одессу, но Одесса лучше».

С ноября 1902 г. началось и сотрудничество Троцкого в «Искре», которое продолжалось до марта 1905 г. За это время Троцкий опубликовал тридцать одну статью. «Искра» выходила два раза в месяц, и его статьи появлялись фактически в каждом номере. Первая заметка была посвящена 200-летнему юбилею Шлиссельбургской крепости. По словам Троцкого, она весьма понравилась Ленину [40].

Знакомство с этими публикациями дает основание утверждать, что Троцкий бесспорно сделал громадный шаг вперед в журналистской технике, отточенности стиля, а главным образом — в умении анализировать и осмысливать проблемы общественного развития России, задачи революционной социал-демократии. Расширился круг его интересов. Он выступает яростным критиком суворинского «Нового времени», Санкт-Петербургских и Московских ведомостей, «Гражданина» и других изданий. Троцкий изучает труды «легальных марксистов» П. Струве, Н. Бердяева, С. Булгакова, вскрывает социальные, политические, гносеологические кор-

ни их перехода в лагерь либерализма и богоискательства (Бердяев, Булгаков). Большое внимание уделяет разоблачению проповедовавшейся эсерами теории и тактики индивидуального террора. Небезынтересна и его критика просионистских увлечений некоторых лидеров Всеобщего еврейского рабочего союза (Бунда).

Ленин, положительно оценивая деятельность Троцкого, в письме к Плеханову 2 марта 1903 г. предложил кооптировать его в состав членов редколлегии «Искры». При этом он высказался следующим образом: «Человек, несомненно, с недюжинными способностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще вперед. И в области переводов и популярной литературы он сумеет сделать не мало» [41]. Сегодня как-то непривычно читать подобные отзывы Ленина о Троцком. Но они были именно такими. Здесь же, предвидя возможные возражения Плеханова, Ленин называл и «недостатки» Троцкого: молодость, возможность отъезда для работы в Россию, фельетонный стиль отдельных его статей, отличавшихся «чрезмерной вычурностью». Но сам же и опровергал свои контраргументы, что во многом позволяет понять не только его оценки качеств данного человека, но и дает представление о самих критериях, которыми Ленин руководствовался, выдвигая того или иного деятеля на руководящий пост. Во-первых, он считал, что Троцкий выдвигался в коллективный орган, и значит, его работа зависела не только от его самостоятельных решений, но определялась сообща. Во-вторых, оказавшись в курсе всех редакционных дел, Троцкий сумел бы лучше работать в случае отъезда в Россию. В-третьих, Ленин был уверен, что в ходе коллективной работы легко можно будет исправить стиль Троцкого, помочь ему избавиться от свойственной строптивости. «Если мы не примем «Пера» тотчас и он уедет... *то я убежден*, что он поймет это как наше *прямое нежелание* принять его в редакцию. Мы можем «упустить», и это было бы весьма скверно» [42]. Что и говорить, редко о ком из молодых социал-демократов Ленин отзывался подобным образом.

Добиваясь вовлечения Троцкого в состав редакции «Искры», Ленин стремился достичь в ней надежного большинства. Дело в том, что состоявшая из шести членов редакция при обсуждении спорных вопросов распадалась на две тройки: Ленин, Мартов, Потресов и Плеханов, Аксельрод, Засулич. Ленин не сомневался, что в наиболее острых вопросах Троцкий будет с ним.

Однако предложение не прошло. Плеханов выступил его решительным противником. По словам Крупской, он «сразу взял Троцкого под подозрение», увидев в нем сторонника молодой части редакции «Искры», ученика Ленина [43]. В ответ на письмо Ленина Плеханов резко ответил: «Перо вашего «Пера» мне не нравится» [44].

Неприязнь Плеханова усилилась в особенности после того, когда Троцкий сумел взять над ним верх на дискуссии в женевском кафе перед прибывшими на II съезд РСДРП делегатами. Он защитил ленинскую позицию в противовес плехановской, допускавшей возможным наряду с «Искрой» существование еще одного популярного печатного органа для рабочих (речь об издававшейся в Екатеринос-

лаве газете «Южный рабочий»). Вслед за Лениным Троцкий доказал ошибочность такого мнения, и большинство присутствующих высказалось за закрытие «Южного рабочего». До конца жизни Плеханов сохранил резко недоброжелательное отношение к Троцкому.

17 июля 1903 г. в Брюсселе начал работу II съезд РСДРП. Троцкий вместе с доктором Мандельбергом представляли Сибирский социал-демократический союз. Троцкий всецело поддержал линию «Искры» по вопросу о месте Бунда в РСДРП и ряду других вопросов. Будущий меньшевик Д. Б. Рязанов назвал его даже «ленинской дубинкой». Тем неожиданней для всех оказалась неуступчивость Троцкого при обсуждении § 1 Устава партии. Он не принял ленинскую формулировку, усмотрев в ней стремление создать кастово замкнутую организацию и неизбежное в связи с этим проникновение в партию оппортунизма.

Позиция Троцкого произвела на Ленина удручающее впечатление. Тем не менее еще в ходе работы съезда он попытался переубедить его. «...Тов. Троцкий... не заметил одного основного вопроса: суживает или расширяет моя формулировка понятие члена партии? — говорил Ленин.— Если бы он задал себе этот вопрос, он легко увидел бы, что моя формулировка суживает это понятие, а мартовская расширяет, отличаясь (по верному выражению самого Мартова) «эластичностью». И именно «эластичность» в такой период партийной жизни, как переживаемый нами, несомненно раскрывает двери для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма. Чтобы опровергнуть этот простой и очевидный вывод, надо доказать, что таких элементов нет, а тов. Троцкий и не подумал сделать это» [45].

Тон ленинского выступления спокойный и благожелательный. Он сохранял для Троцкого дверь открытой — признай ошибочность своего выступления, и нет никаких преград для продолжения совместной работы.

По утверждению Троцкого, через своего брата Д. Ульянова, который несколько часов беседовал с ним, Ленин предложил ему изменить свою позицию и вернуться на платформу большевизма. Но, как писал позднее Троцкий, «я наотрез отказался следовать за ними». Естественно, что их дальнейшее сотрудничество стало невозможным. «...Второй съезд вошел в мою жизнь большой вехой,— вспоминал Троцкий,— хотя бы уже по одному тому, что развел меня с Лениным на ряд лет» [46].

Впоследствии Троцкий не раз возвращался к выяснению причин своего отхода от Ленина на II съезде. На этот счет есть его рассуждения в «Моей жизни». Там на вопрос: «Почему я оказался на съезде с «мягкими»? — дает следующий ответ: во-первых, из членов редакции «Искры» он хотя и поддерживал с Лениным тесные связи, но ближе всего стоял к Мартову, Засулич и Аксельроду. Их влияние на него было бесспорно. Во-вторых, именно в Ленине Троцкий усматривал первоисточник посягательства на единство редакции «Искры», тогда как мысль о расколе коллегии

казалась ему святотатственной. И наконец, в-третьих, самая существенная причина — независимость характера Троцкого, его нежелание подчиняться чужой воле, в данном случае исповедовавшемуся Лениным «революционному централизму», который «есть жесткий, повелительный и требовательный принцип». «В отношении к отдельным людям и к целым группам вчерашних единомышленников,— писал Троцкий,— он принимает нередко форму безжалостности. Недаром, в словаре Ленина столь часты слова: непримиримый и беспощадный» [47].

Именно «беспощадность» Ленина, проявившаяся в стремлении поставить Аксельрода и Засулич вне редакции «Искры», якобы вынудила Троцкого из чувства протеста выступить против «твердых искровцев». «Все мое существо,— писал он,— протестовало против этого безжалостного отсечения стариков, которые дошли, наконец, до порога партии. Из этого моего возмущения и вытек мой разрыв с Лениным на втором съезде. Его поведение казалось мне недопустимым, ужасным, возмутительным» [48].

Особенно, как вспоминал Троцкий, его потряс «кулак Ленина». Выступая на съезде, Ленин, со слов Троцкого, показал меньшевикам кулак «как политический символ Центрального Комитета».

Думается, что дело все-таки не в «беспощадности» Ленина. Вопрос отступления Троцкого на позиции меньшевизма гораздо сложнее личных амбиций, уходит корнями в более глубокие причины. Сам же он и отмечал, что хотя его разрыв с Лениным произошел как бы на моральной, личной почве, но это была лишь видимость. По существу, почва расхождения имела политический характер, который лишь прорвался наружу в организационной области.

Троцкий только приближался к осознанию революционной стратегии и тактики борьбы. Сколько-нибудь цельных, прошедших проверку на опыте убеждений у него к тому времени еще не было. Он недостаточно представлял себе суть разногласий между Лениным и другими искровцами по программным вопросам. «Помню, Владимир Ильич спрашивал меня, как я нахожу программу, тогда только что опубликованную (кажется, в № 25 «Искры»),— признавался Троцкий.— Я, однако, воспринял программу слишком оптовым порядком, чтобы ответить на тот внутренний вопрос, который интересовал Ленина». И далее он уточнял: «Разногласия шли по линии большей жестокости и категоричности в характеристике основных тенденций, концентрации производства, распада промежуточных слоев, классовой дифференциации и пр.» [49]. Сегодня, из опыта борьбы большевизма и меньшевизма, мы знаем, что там, где Троцкий видел проявления «большей жестокости» со стороны Ленина, выражалось несходство принципиальных позиций революционной и оппортунистической линий развития рабочего движения в России, проявлялся антагонизм во взаимоотношениях сторонников этих линий, который предопределял различия в оценках степени готовности масс на штурм самодержавия, методов и способов борьбы, принципов устройства будущего общественного строя.

Из нечеткости идейных позиций Троцкого вытекала и шаткость

его политической платформы, усугублявшаяся склонностью к смене принципов под влиянием той или иной личности, обстоятельств момента и других на первый взгляд второстепенных, но влекущих за собой серьезные последствия аспектов. Эта особенность поведения Троцкого предопределила важнейшую черту его как политика, а затем и теоретика троцкизма. Недаром еще на II съезде бундовец Либер заметил, что Троцкий способен выдергивать разные принципы, как ярлычки, в зависимости от того, который из них более удобен.

Эти выводы подтверждаются позицией, занятой Троцким после съезда. Фактически он, вдохновляемый Мартовым, Аксельродом и другими лидерами меньшевиков, развернул подлинную «войну» против ленинских идей о партии. Он активный участник состоявшегося вскоре после съезда совещания меньшевиков. Мартов и Троцкий авторы припятой на совещании резолюции.

Таким образом, Троцкий оказался одним из авторов первого фракционного документа меньшевизма. Для него роль партии сводилась к «идейному и организационному воспитанию» ее членов. Организаторская, направляющая, руководящая деятельность РСДРП, которая для Ленина имела первостепенное значение, у Троцкого и поддерживавших его меньшевиков отошла на второй план. В ряде статей, опубликованных в послеленинской «Искре», он откровенно высмеивал большевиков за их стремление к идейному размежеванию с оппортунизмом меньшевистской фракции. Так, 15 марта 1904 г. в статье «Наша «военная» программа» он писал: «Товарищи искренне «ненавидят» оппортунизм и во всякое время готовы предать его огню и мечу. Но где они его ищут? Всюду и везде: в параграфах (намек на § 1 Устава партии.— *Н. В.*), в примечаниях, заглядывают даже под лавку... только в собственное сознание они не согласны заглянуть, несмотря на все наши настояния». И далее: «У нас в партии теперь едва ли возможен оппортунизм как система мышления, но он вполне возможен как «система» недомыслия... Все члены партии оказываются подстриженными под строго классовую скобку, все бряцают ортодоксальными шпорами, все щеголяют мундирами самого «централистского» покроя». Троцкий и солидаризировавшиеся с ним меньшевики считали, что выход из сложившегося положения — в энергичном политическом руководстве работой местных комитетов, в руководстве революционной практикой. «Гарантию устойчивости партии нужно искать в ее базе, в активном и самодеятельном пролетариате, а не в организационной верхушке, которую незаметно для пролетариата революция может нечаянно смести своим крылом как историческое недоразумение»,— писал он.

Если выражаться проще, то Троцкий взял курс на ликвидацию тех принципов и методов создания революционной партии, которые были предложены на II съезде Лениным и поддержаны его большинством. Стоит ли удивляться, что на съезде Заграничной лиги русской революционной социал-демократии Троцкий выступил с резкими нападками на Ленина лично: обвинял его в стремлении с

чисто адвокатской ловкостью защищать свою неверную «централистскую» позицию, а также в стремлении похоронить «принципиальный базис спора под хламом сплетен»; вновь поставил под сомнение выбор большинством II съезда РСДРП ленинской платформы. Он позволял себе высказывания вроде: «Я не могу позволить себе подсчитывать, сколько «самых глупых» и просто глупых делегатов имел за собой на съезде т. Ленин. Скажу лишь, что в этой статистике перевес, может быть, оказался бы за противной стороной». Это уже было мало похоже на ведение идейного спора. Подобный тон сведения личных счетов с Лениным и большевиками — явление, которое, к сожалению, не раз еще повторится в истории РСДРП.

Нетерпимый, вызывающий на ответную грубость характер выступлений Троцкого особенно наглядно проявился в первой его большой книге «Наши политические задачи», увидевшей свет в 1904 г. в Женеве. Не зря ее в 20-е годы многие члены партии называли «манифестом российского меньшевизма».

За неимением возможности подробно проанализировать содержание книги отсылаю читателя к первоисточнику, сам же ограничусь краткой характеристикой его основных положений.

В работе Троцкий подверг резкой критике ленинскую платформу по организационным вопросам. Свою главную цель он видел в необходимости оспорить значение принципиальных положений книг Ленина «Что делать?» и «Шаг вперед, два шага назад». В своей работе он заявил, что Ленин в РСДРП представлял «реакционное крыло», назвал его и большевиков «фанатиками раскола», «копающимися в организационных мелочах», и что представители «меньшинства» обязаны бороться против известного партийного режима.

Он не только отверг принцип демократического централизма как основу строительства партии, но и пытался вообще оспорить необходимость наличия организованной политической партии у пролетариата. Причем делал это, прикрываясь разговорами о «пользе дела», служении интересам именно пролетариата.

Троцкий оказался на стороне тех интеллигентов, которые не признавали за революционной партией высшей формы классовой организации пролетариата и этим объективно мешали продвижению революционного движения в России вперед, фактически пытаясь сохранить то положение, при котором, по словам Ленина, «наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло» [50].

С меньшевистски настроенными деятелями Троцкий бойкотировал не только решения II съезда, но и постановления ЦК, местных партийных комитетов, объявил их необязательными для членов партии и в особенности для ее лидеров.

Ленин решительно осудил попытки Троцкого и меньшевиков расколоть единство партийных рядов. Он считал, что построенная на началах демократического централизма революционная партия должна действовать на основе Устава, а ее руководство осуществ-

ляться из центра. При этом высшим руководящим органом партии является съезд, а в промежутках между съездами — Центральный Комитет. Партия немыслима без единой для всех ее членов дисциплины, подчинения меньшинства большинству, нижестоящих партийных комитетов и организаций вышестоящим.

Это вовсе не означало утверждения в партии «крепостного права», когда верхи приказывают, а низы механически исполняют приказы. Централизм сочетался с широкой внутрипартийной демократией, неукоснительным следованием принципам критики и самокритики сверху донизу.

Весь 1904 г. для Троцкого прошел в политических и организационных конфликтах. Намного позже он писал: «Мне тогда был не ясен великий исторический смысл ленинской политики непримиримого идейного межевания и, где нужно, раскола, чтоб сплотить и закалить костяк подлинно пролетарской партии» [51].

Думается, и на этот раз объяснения Троцкого, пусть и задним числом, своей платформы выглядят неубедительными. Дело не в неясности ленинской модели партии, а в том, что Троцкий и не пытался вникнуть в ее суть. Он отвергал ее с порога, не желая даже вдумываться в значение предложенных Лениным принципов партийного строительства. Эти принципы были чужды ему не только «с человеческой» точки зрения, с позиций личностного фактора, свидетельствуя о психологической несовместимости его и Ленина, меньшевиков и большевиков. Здесь в основе лежала идейно-политическая несовместимость двух типов революционности или, точнее, революционности пролетарского типа и ее мелкобуржуазной оппортунистической альтернативы.

Весьма показательно свидетельство самого Троцкого, тем более что сделано оно было на склоне лет, когда, как говорится, страсти откипели, а политическое зрение, в отличие от зрения физического, стало дальнозорче. «Большевизм,— писал Троцкий в своей во многом итоговой книге «Сталин»,— вовсе не исчерпывается психологией и характером (человека, большевика.— *Н. В.*); он представляет прежде всего историческую философию и политическую концепцию. Рабочие — в известных исторических условиях — толкаются на путь большевизма всем своим социальным положением, притом почти независимо от твердости или мягкости индивидуальных характеров. Интеллигенту нужно было незаурядное политическое чутье и теоретическое воображение, исключительное доверие к диалектике исторического процесса и к революционным качествам рабочего класса, чтобы серьезно и прочно связать с большевистской партией свою судьбу в то время, когда сам большевизм представлял собою лишь историческую антиципацию» [52] (предвосхищение, опережение.— *Н. В.*).

Расхождения между ним и Лениным по вопросам партийного строительства дают веские основания связать происхождение троцкизма именно с «организационным оппортунизмом» меньшевизма. Эти расхождения — наглядное свидетельство общности меньшевизма и троцкизма, несмотря на словесный радикализм Троцкого.

Данное обстоятельство во многом позволяет понять, почему именно в дооктябрьский период в целом, а не только накануне первой русской революции ареной борьбы Ленина, большевизма против Троцкого стала сфера партийного строительства. И то, что Троцкий по ряду вопросов вступал также в полемику и с меньшевиками, мало что меняло в сути его позиции. Полемика с меньшевиками шла в русле однотипного политического течения, хотя касалась не только второстепенных, но и весьма крупных вопросов стратегии и тактики революционной борьбы. Этим объяснялись многократные отходы Троцкого от меньшевиков, его сближение с большевиками, новые возвраты к меньшевикам.

Уже осенью 1904 г. между Троцким и лидерами меньшевизма (Мартовым, Даном и др.) разразился крупный конфликт. Формальным поводом к нему послужило отношение к либеральной буржуазии. В статьях меньшевистских авторов проповедовался союз с «земскими либералами», вытекающий из общей меньшевистской концепции буржуазной революции, где роль гегемона отводилась либеральной буржуазии. Троцкий с этим не соглашался, считая российскую буржуазию неспособной повторить опыт своей французской предшественницы. Все это так. Но в основе конфликта лежала все-таки не указанная причина.

20 октября 1904 г. Мартов писал из Женевы Аксельроду: «С Троцк[им], после очень бурной переписки, которая — если б дать ему волю — кончилась бы полным разрывом моих с ним отношений, наступило «успокоение»: он начал даже писать для «Искры» (она к тому времени уже полностью перешла к меньшевикам.— *Н. В.*) и, видимо, «смягчился» [53].

«Бурная переписка» была вызвана не отношением меньшевиков к либеральной буржуазии, а проводившейся ими организационной линией. Именно поэтому в сентябре 1904 г. Троцкий направил в редакцию «Искры» «Открытое письмо к товарищам». Его текстом я не располагаю. Но некоторое представление о характере упреков Троцкого можно составить из письма Дана тому же Аксельроду. 29 сентября 1904 г. Дан сообщал, что Троцкий «толкует обо всем возможном: о некоторых лицах (т. е. о самом Дане.— *Н. В.*), намеревающихся через головы интеллигенции апеллировать к пролетариату, об имеющихся среди меньшинства тенденциях обособления, о необходимости образовать особые редакции: брошюрную и популярного органа — и передать их лицам, не ассимилированным редакцией «Искры». Все это написано ходульно и высокомерно и заключает в себе формальное объявление выхода из меньшинства» [54].

Троцкий ставил цель объединения с «примиренческим ЦК» для создания устойчивого партийного центра. На деле это означало попытку учреждения некой третьей фракции, промежуточной между большевистской и меньшевистской группировками РСДРП. Такое предположение подтверждается последующими действиями Троцкого: после возвращения в Россию он вступил в контакты с большевиками-примиренцами.

Открытое письмо Троцкого обсуждалось на двух собраниях меньшевиков в Женеве, в присутствии всего меньшевистского центра (Мартов, Дан, Засулич, Дейч, И. Смидович-Леман, Стрельский, сам Троцкий и др.). В итоге обсуждения была принята резолюция, явно примиренческая со стороны меньшевистского большинства. В ней, в частности, говорилось: «Заграничное собрание меньшинства констатирует, что партийная дезорганизация, достигнутая годом «осадного положения», до такой степени отразилась дезорганизацией на самом меньшинстве (по крайней мере, за границей), что дальнейшее существование заграничной коллегии [связывая отдельных и столь видных, как Троцкий, представителей меньшинства] может явиться только источником новых конфликтов в партии, почему и считает необходимым распущение заграничной коллегии меньшинства и ждет от русского меньшинства указаний относительно ведения дел за границей» [55].

По существу, это была капитуляция Мартова, Дана и других не перед Троцким, а перед большевистскими принципами партийного строительства. Это понял и сам Троцкий, поднявший «бучу» против меньшевистских ортодоксов. Помимо главного итога конфликт показал, во-первых, умение Троцкого в своих интересах сполна использовать складывающуюся ситуацию. И во-вторых, достигать известной независимости, нежелание связывать себе руки обязательствами. Беспринципность? Возможно. Во всяком случае, Троцкий уже в 1904 г. стал примерять на себя мундир нефракционного социал-демократа.

И действительно, он на время самоустраняется от внутрипартийной борьбы. Из Женевы выезжает в Мюнхен с лекциями и рефератами. Но мысленно вновь и вновь возвращается к происшедшему расколу на II съезде, пытаясь ответить на традиционные для России тех лет вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». На этот раз сама действительность подсказала выбор — узнав из газет о событиях 9-го января 1905 г. в Петербурге, Троцкий заторопился в Россию...

1905

Из эмиграции Троцкий вернулся одним из первых. С паспортом отставного прапорщика Арбузова в феврале он оказался в Киеве и в течение нескольких недель в целях конспирации переходил с квартиры на квартиру. Одно время даже скрывался в глазной лечебнице. Время действительно было чрезвычайно сложным и напряженным. В России назревала революция.

В январе 1905 г. по стране прокатилась волна стачек и забастовок, в них приняло участие свыше 400 тыс. трудящихся. Первомайские демонстрации состоялись почти в двухстах городах России. Начались волнения в деревне, неспокойно было в армии и военно-морском флоте. Эти и многие другие события ставили перед социал-демократией новые задачи, требовали незамедлительной реакции.

Перемены произошли и в политическом поведении Троцкого. В

его позиции проступают элементы радикализма, выразившиеся в полемике с лидером кадетов П. Н. Милюковым, ужесточается отношение к меньшевикам. Однако, не соглашаясь по ряду вопросов с меньшевиками, он не торопился вернуться и к большевикам. Слишком многое пролегло между ним и Лениным за прошедший год.

В Киеве Троцкий познакомился с большевиком-примиренцем Л. Б. Красиным. От него и получил явки в Петербург, куда переехал весной 1905 г. Официально проживал по паспорту помещика Викентьева, а деятельность в революционных кругах вел под именем Петра Петровича.

Организационно Троцкий не входил ни в одну из фракций, но поддерживал связь с местной группой меньшевиков, которая «вела очень революционную линию», продолжал сотрудничать с Красиным, который тоже перебрался в Петербург. Однако в начале лета из-за провала группы провокатором Троцкий вынужден был переехать в Финляндию.

Поселившись в лесу, на берегу озера, в пансионате Рауга, что в переводе с финского означало «покой», Троцкий, по собственному признанию, писал и писал. С февраля по октябрь его участие в событиях «имело, главным образом, литературный характер».

В Петербург Троцкий вернулся 16 или 17 октября, то есть в самый разгар октябрьской стачки, «с планом выборной беспартийной организации» (один делегат от 1000 рабочих). Но идея создания такой организации уже родилась в гуще трудящихся масс в ходе революции.

Первое заседание общегородского рабочего комитета состоялось 13 октября, в здании Технологического института, или, как его тогда называли, «Техноложки». Цель собрания, как следовало из «Обвинительного акта», фигурировавшего на суде участников Совета в 1906 г.,— «посылка депутации в городскую думу для предъявления требований рабочих об улучшении труда и жизни».

Так, стихийно, как и в ряде других городов России, возник Петербургский Совет рабочих депутатов, сразу превратившийся в орган рабочего самоуправления. К концу ноября в Совет входило уже 562 депутата, представлявших полумиллионную армию столичного отряда рабочего класса. Его руководящими органами стали президиум и исполнительный комитет. В исполком входил 31 человек: 22 депутата и 9 представителей партий — 6 от обеих фракций РСДРП — меньшевиков и большевиков, и 3 — от партии эсеров.

Председателем Совета избрали Зборовского, но он сразу же заболел, и его заменил двадцатисемилетний адвокат Г. С. Носарь (псевдоним Хрусталев). Его заместителем оказался Троцкий. Он под фамилией Яновский участвовал в работе Совета почти с момента его организации. Близко знавший его по работе дворянин Д. Ф. Сверчков отмечал, что 17 октября впервые увидел на трибуне Совета характерную фигуру молодого человека с львиной гривой, умными и острыми глазами, нервными движениями и сильной, увлекательной речью [1].

С этого момента Троцкий постоянно оказывается на виду. По мнению того же Сверчкова, Хрусталев был скорее ширмой, поскольку сам не мог решить ни одного принципиального вопроса. «Человек с болезненным самолюбием, он возненавидел Л. Д. Троцкого именно за то, что ему приходилось обращаться постоянно к нему за советами и указаниями». Фактически все или почти все важнейшие вопросы в Совете решались тройкой — Троцким, Сверчковым и Злыдневым, рабочим из крестьян. Заметную роль играл также представитель большевиков Богдан Мирзаджанович Кнунянц, бывший студент-технолог, член Петербургского комитета РСДРП. Среди эсеров выделялся Н. Д. Авксентьев.

Роль Троцкого в Совете отметил даже Ленин. Об этом вспоминал А. В. Луначарский: «Я помню, как кто-то сказал при Ленине: «Звезда Хрусталева закатывается, и сейчас самый сильный человек в Совете — Троцкий». Ленин как будто омрачился на мгновение, а потом сказал: «Что же, Троцкий завоевал это своей неустанной работой и яркой агитацией» [2]. Несколько смущает здесь «омрачение» Ленина, но в целом, думается, такой эпизод и подобный отзыв о Троцком мог иметь место.

Пятьдесят два дня Совет возглавлял рабочих столицы, и все это время Троцкий пребывал в гуще событий. Ярко раскрываются его сильные стороны политического деятеля, организатора масс, публициста. Работал сразу в трех газетах. Вместе с германским социал-демократом, выходцем из России Парвусом (псевдоним А. Л. Гельфанда), наладили выпуск «Рабочей газеты». За очень короткое время удалось поднять ее тираж с 30 до 100 тыс. экземпляров. Для сравнения: тираж большевистской «Новой жизни» не превышал 50 тыс. экземпляров. Через месяц заказы на газету Парвуса — Троцкого поднялись до полумиллиона, удовлетворить которые оказалось невозможным по техническим причинам. Тогда с 13 ноября Троцкий и Парвус совместно с меньшевиками приступили к изданию газеты «Начало» (вышло 12 номеров). Одновременно Троцкий сотрудничает в органе Совета, газете «Известия», тираж которой также удалось увеличить почти вдвое — с 35 до 60 тыс. экземпляров.

Впоследствии Троцкий пытался поставить «Начало» по влиянию на массы в один ряд с ее, как он заявлял, «классическим прототипом» — «Новой Рейнской газетой» К. Маркса, выходившей в период революции 1848 г. Он, как всегда, преувеличивал степень своих заслуг и значимости того дела, которым занимался. Но то, что статьи в «Начале» находили отклики в массах,— факт бесспорный. Например, большевистская «Новая жизнь» 15 ноября 1905 г. писала: «Вышел первый номер «Начала». Приветствуем товарища по борьбе. В первом номере обращает на себя внимание блестящее описание ноябрьской стачки, принадлежащее тов. Троцкому» [3].

Троцкий был автором многочисленных воззваний, манифестов и резолюций Совета. В них, как правило, содержались весьма радикальные даже по тогдашним революционным меркам требования: удалить из города войска; создать народную милицию с выдачей оружия пролетариату; осуществить полную амнистию для осужден-

ных по политическим и религиозным мотивам; ликвидировать все законы, позволяющие вводить в стране чрезвычайное положение; созвать Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования с целью «создания действительного народовластия в России».

Петроградский Совет в основном решал проблемы: о всеобщей стачке, 8-часовом рабочем дне, проведении в жизнь свободы слова, собраний и демонстраций, неприкосновенности личности. Словом, тех мер, которые были обещаны властями под давлением октябрьской забастовки. Сам премьер-министр С. Ю. Витте вынужден был считаться с руководством Совета, вести с ним переговоры. Об одной из таких встреч по поводу назначенной Советом демонстрации в память погибших 18 октября трудящихся во время стычек с властями Троцкий рассказал в книге «1905». При этом он не без гордости писал: «Граф Витте очень занят и только что отказал в приеме двум генералам, но он беспрекословно принимает депутацию Совета» [4].

Однако дальше легальных форм взаимоотношений с правительством руководство Совета не пошло. Недостатка в горячих призывах к решительной борьбе не было, но был дефицит конкретных действий. Многие распоряжения Совета из-за недостатка контроля с его стороны так и остались на бумаге. Например, указание Хрусталева о раздаче рабочим оружия и др.

В этом недостатке действия, конечно, был громадный минус в деятельности Совета, ответственность за который несло его руководство во главе с Хрусталевым. Не случайно Совет оказался бессилен даже препятствовать аресту своего председателя, который произошел 26 ноября.

В связи с этим событием возник вопрос о выборах нового председателя. 27 ноября в помещении Вольного экономического общества собралось пленарное заседание Совета. Его открыл Сверчков. В присутствии 302 депутатов он предложил вместо одного председателя избрать бюро из трех человек. С предложением согласились представители партий, и оно было утверждено Советом. Конкретные кандидатуры в бюро были избраны на митингах рабочих. От нескольких заводов (Сверчков не уточнил — каких) предложили Троцкого. Рабочие Василеостровского района и одного из крупнейших в городе — Балтийского завода выдвинули Сверчкова. Невский район — Злыднева, а Выборгская сторона — Кнунянца. Эсеры выставили своего кандидата Н. Д. Авксентьева.

Голосовали записками, их подсчет дал следующие результаты: Троцкий — 300 записок, Сверчков и Злыднев по 280, Кнунянц — 200 и Авксентьев — 75.

В числе избранных оказались, таким образом, Троцкий, Сверчков и Злыднев; собственно, те, кто и определял стратегию деятельности Совета. Естественно, что в таком составе роль ведущего даже и не обсуждалась. Им стал, точнее, остался Троцкий. Он тут же на заседании зачитал заранее подготовленный отчет о работе исполкома и предложил выработать обращение к народу. Парвусом был внесен проект, названный «финансовым манифестом», его главная

мысль сводилась к призыву населения страны отказаться от пользования бумажными деньгами и забрать свои вклады из государственных сберкасс. Считалось, что эта акция окончательно подорвет финансовые основы существования самодержавия.

Манифест был опубликован во многих органах печати, в том числе и в большевистской «Новой жизни». В ответ правительство 3 декабря закрыло 8 газет. Других практических последствий манифест не возымел, о нем постарались забыть.

Руководить Советом Троцкому пришлось недолго — 3 декабря прямо на заседании весь его исполком во главе с председателем был арестован.

В 18 часов 20 минут, как сообщалось в рапорте начальника Петербургского охранного отделения полковника Герасимова, в помещение Вольного экономического общества был введен наряд полиции и войск. В зале арестовали 230 человек и еще 37 человек — в верхнем этаже (так называемая Советская комната). В их числе был и Троцкий.

Начался его второй «тюремный цикл». До отправки в Сибирь зимой 1907 г. он в общей сложности провел в заключении пятьдесят семь недель. Следует сказать, что он не очень тяготился таким поворотом событий, в тюрьме много читал, еще больше писал, а его адвокаты «выносили рукописи в своих портфелях».

Находившийся с ним Сверчков делился своими впечатлениями: «Тюремная камера Троцкого превратилась вскоре в какую-то библиотеку. Ему передавали все сколько-нибудь заслуживающие внимания новые книги; он прочитывал их и весь день с утра до поздней ночи был занят литературной работой. «Я чувствую себя великолепно,— говорил он нам.— Сижу работаю и твердо знаю, что меня ни в коем случае не могут арестовать... Согласитесь, что в границах царской России это довольно необычное ощущение...» [5] Не удивительно, что, когда попавшие вместе с Троцким за решетку Парвус и Дейч предложили ему побег, он отказался, сославшись на то, что его «привлекало политическое значение предстоявшего процесса».

Тюремный режим был либеральный, камеры днем не запирались, Троцкий встречался с женой, родными и близкими, вел обширную переписку. У него и других заключенных была налаженная «почта» с ЦК РСДРП. В ряде писем ЦК давал рекомендации, как следует держаться на предстоящем суде, какими оперировать аргументами, чтобы свести к минимуму свою ответственность, а значит, и меру наказания. Однако арестованные категорически отказались от такой тактики, заявив, что желают превратить суд в демонстрацию.

Заключенным удавалось переписываться с близкими. В этом отношении обращает на себя внимание письмо Троцкого к А. Соколовской, связь с которой он после побега из Сибири в 1902 г. ни в одном из своих мемуарных произведений не афишировал. Письмо датировано 17 июня 1906 г. и отправлено в Вологодскую губернию, куда Соколовскую перевели из сибирской ссылки. Дочерей забрала мать Троцкого в Яновку, где они жили до самой ее смерти. Это

письмо — один из редчайших документов, где Троцкий раскрывался как человек, как отец, со всеми свойственными далеко не любому родителю слабостями и переживаниями. «Дорогой друг,— так начиналось его письмо,— неужели ты не получила моего последнего письма? Суд отложен до 19 октября. Сижу я в одиночной камере, прогулка общая — часа 3—4 в день». Далее Троцкий интересовался судьбой братьев Соколовской — Григория и Ильи и сообщал: «Родители привезли мне карточку девочек,— я тебе писал об этом. Девочки превосходны, каждая в своем роде! У Нинушки такое комично-испуганное и вместе с тем лукаво-заискивающее лицо! А у Зинульки такое размечтательное личико!»

Письмо хранится в фонде Троцкого в Центральном партархиве. Оно было изъято именно у Соколовской при аресте в 1935 г. В архиве не сохранилось ни одного личного письма Троцкого. Все они либо вывезены им в 1929 г., либо изъяты в 30-е годы, когда он оказался в разряде «врагов народа». Как бы там ни было, а цитированное письмо — уникальный в своем роде источник.

Как и на воле, в Доме предварительного заключения арестованные вели политические дискуссии, особенно остро они проходили между меньшевиками и большевиками. Г. Зив вспоминал: «Во время одной из наших бесед через волчок я задал ему (Троцкому.— *Н. В.*) прямой вопрос: неужели он, считающий себя марксистом, не видит, что меньшевики именно являются настоящими марксистами и что большевикам совершенно чужд марксистский образ мышления? Он признал справедливость этого (иначе какой бы он был меньшевик?) и допустил, как самоочевидную вещь, что Ленин совсем не марксист. Однако при этом прибавил, что меньшевики совершенно не способны к живому, активному политическому действию, в то время как большевики всегда умеют схватывать настоящую, здоровую, правильную тактику. И в его словах явно звучала горячая симпатия к близким ему по духу большевикам и с трудом скрываемая антипатия к совершенно чуждым ему меньшевикам». Этот разговор имел необычный конец. На вопрос, «что же, правильную марксистскую тактику могут проводить только очевидные не марксисты, а марксисты совершенно неспособны к марксистской тактике?» [6], Зив ответа не получил. Троцкому «помешали» ответить. Больше он к этому вопросу не возвращался.

Приведенный эпизод, хотя и на эмоциональном уровне, но достаточно точно для того времени отразил расплывчатость политических ориентиров Троцкого, плохо проработанную позицию, выражавшуюся в формуле «с одной стороны, но с другой стороны». Эта двойственность, переходящая в неопределенность, нечеткость, половинчатость, всецело характеризует его деятельность на протяжении всей первой русской революции. Сам же он несколько иначе определял свое участие в ней. Он справедливо считал, что революция оставила громадный след не только в истории российского и мирового революционного движения, но и в его собственной политической биографии. Главное, что, по его мнению, он приобрел в тот период,— это основанный на интуиции «политический глазомер»,

который не заменят ни теоретическое образование, ни практическая деятельность. «Отмечу... что ошибки, которые я делал, как бы важны они ни были,— а были ошибки громадной важности,— всегда касались производных вопросов, организационных или тактических, но не основных, не стратегических. В оценке политической обстановки в целом и ее революционных перспектив я по чистой совести не могу себе поставить в вину серьезных ошибок» [7]. Попробуем разобраться в этой самооценке.

Своей деятельностью в Петербургском Совете Троцкий заслужил признание и авторитет в глазах многих рабочих, демократической интеллигенции. Сошлемся здесь на оценку Луначарского, который считал, что Троцкий из всех социал-демократических вождей показал себя, несмотря на свою молодость, наиболее подготовленным, меньше всего на нем было печати эмигрантской узости, которая мешала в то время даже Ленину; он больше других чувствовал, что такое широкая политическая борьба. И вышел из революции с наибольшими приобретениями в смысле популярности; ни Ленин, ни Мартов не выиграли в сущности ничего. Плеханов много проиграл вследствие проявившихся в нем полукадетских тенденций. Троцкий же с этих пор стал в первый ряд [8]. Даже если учесть склонность Луначарского к гиперболам, в этом суждении многое схвачено верно.

«В работе Совета Ленин непосредственного участия не принимал, в Совете не выступал,— писал Троцкий.— Незачем говорить, что он внимательно следил за каждым шагом Совета, влиял на его политику через представителей большевистской фракции и освещал деятельность Совета в своей газете». И затем делался вывод: «Ни по одному вопросу у Ленина разногласий с политикой Совета не было».

В общем Троцкий, пожалуй, был недалек от истины. Хотя в подробностях ошибся. Он не прав, когда пишет, что Ленин не выступал в Совете. 13 (26) ноября 1905 г., в день, когда правительство Витте в ответ на введение рабочими явочным порядком 8-часового рабочего дня объявило локаут и 100 тыс. рабочих столичных предприятий оказались на улице, Ленин держал в Совете речь по данному вопросу. Он предложил не уступать правительству, требовать открытия заводов и в случае отказа призвать всех к всеобщей забастовке, другим решительным мерам [9]. Кстати, Троцкий повел себя несколько иначе — он предложил вступить в переговоры с военным министром и предпринимателями. Исполком Совета принял постановление по резолюции, предложенной Лениным. Может быть, поэтому в «Моей жизни» ничего и не говорилось об этом эпизоде в деятельности Совета?

Относительно же оценки значения Советов как органов революционных масс позиция Троцкого, действительно, мало в чем расходилась с позицией Ленина. Опираясь на полуторамесячный опыт работы в Совете, Троцкий пришел к тем же выводам, которые Ленин сделал теоретически в ноябре 1905 г. в статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов (Письмо в редакцию)». (Впервые она увидела свет в ноябре 1940 г. на страницах «Правды».)

Выводы Троцкого сводились к оценке Совета рабочих депутатов во-первых, как органа самих трудящихся, организованного в ходе борьбы за власть. Во-вторых, возникнув в ходе революционного творчества масс, Совет оказался беспартийным органом. Это не означало, что он противостоял обеим фракциям РСДРП и партии эсеров. Их влияние в Совете оказалось опосредованным, осуществлялось исключительно через соответствие или несоответствие партийным установкам. Такое взаимоотношение Совета с партиями не случайно, потому что Совет выражал интересы всей пролетарской массы, не только передовых рабочих крупных и средних предприятий, но и не поспевавших за ними работников мелких фабрик, служащих, прислуги, батраков и т. д. В-третьих, и это самое главное, Троцкий считал, что Совет «представлял собой зародышевый орган революционного правительства». Он мог осуществлять властные полномочия, был в состоянии не только защищать завоеванные рабочими права и свободы, но и проводить их в жизнь, вопреки бешеному сопротивлению самодержавия [10].

В годы первой русской революции проявилась весьма существенная особенность политического поведения Троцкого, которая затем неоднократно давала о себе знать,— способность на решительные действия в период революционного подъема, вовлечения в борьбу широких слоев населения. Он считал, что в революционном хаосе, беспорядке формируется новый порядок. Для тех, кого революция отметает, она кажется безумной. «Для нас,— отмечал Троцкий,— революция была родной стихией, хотя и очень мятежной».

В такие моменты он внутренне преображался, действовал на редкость собранно и целеустремленно. Возраставший накал борьбы как бы подстегивал его, оказывался дополнительным источником энергии. Не зря, скажем, такой всегда осторожный и крайне сдержанный на похвалу Троцкому Зиновьев писал о нем и Парвусе в 1905 г.: «...Эти два выдающихся меньшевика стали отходить от меньшевизма. Когда «Начало»... попало под их руководство, они придали ему в значительной мере большевистский характер» [11].

Однако в годы первой русской революции возврат Троцкого в лагерь ленинцев не состоялся. Главным сдерживающим фактором, на наш взгляд, был субъективный. Логикой событий Троцкий оказался в условиях, которые могли закружить и кружили головы и не таким эмоциональным молодым людям, как он, а более опытным политическим деятелям. Используя предоставившуюся возможность, Троцкий стремился во что бы то ни стало «показать себя», непременно сыграть роль вождя.

И вновь не лишним будет обратиться к свидетельству Зива. Прибыв в начале декабря 1905 г. в Петербург, он тут же отправился на встречу с Троцким в редакцию «Начала». «В элегантно одетом, изящном господине с очень важным видом я с трудом узнал Леву Бронштейна с его небрежной косовороткой и прочими атрибутами былого опрощения,— рассказывал Зив.— Хотя он обнялся со мною и расцеловался, в его отношении ко мне ясно давал себя чувствовать покровительственный холодок человека, стоящего очень высоко на

общественной лестнице и не имеющего возможности тратить время с друзьями того отдаленного времени, когда он еще не был в чинах. Он уделил мне всего 2—3 минуты в коридоре, пригласил на завтрашнее заседание Совета и исчез в редакционном лабиринте» [12].

Может быть, кому-то эта фотография с натуры и покажется предвзятой или несущественной — мало ли кто и как относится к приятелям своей молодости,— мне она представляется весьма красноречивой. Успех, тем более сопряженный с обладанием властью, не только окрылял Троцкого, умножая его потенциал как личности, но и предельно обнажал свойственные ему недостатки: высокомерие, пренебрежение к нижестоящим. Что и говорить, качества, которые мало кому доставляли удовольствие из его близких. Но если в узком кругу, тем более в мирное время, их еще как-то можно было терпеть или не обращать внимания, то совсем другое значение эти же свойства приобретали в условиях осуществления им властных полномочий, когда и свойства личности политизируются, приобретая способность влиять на выработку тех или иных решений. Конечно, дело не исчерпывалось лишь натурой Троцкого. Сказались и объективные причины. На его позицию, как и на деятельность Совета в целом, отрицательное влияние оказали меньшевики. Они во многом способствовали тому, что роль Совета фактически свелась к руководству сугубо экономической, профессиональной борьбой рабочих. Совет не смог подняться до решения ряда жизненно важных задач и в первую очередь — вооружения пролетариата, налаживания работы в войсках и др. Конечно, вряд ли здесь можно винить одного Троцкого. Он действовал в рамках своей компетенции и тех объективных возможностей, какие были обусловлены сложившейся обстановкой. И все же...

Характерна такая деталь — лидеры меньшевизма (Мартов, например) даже в период самой радикальной деятельности Троцкого и Парвуса продолжали считать их своими. В октябре 1905 г. Мартов писал Аксельроду: «Уживемся ли мы с толстяком (так он звал Парвуса.— *Н. В.)* и Троцким — неизвестно. Сделаем все возможное, чтобы ужиться. Придется допустить без контркритики пропаганду довольно рискованных идей».

Ко времени революции относятся и попытки Троцкого разработать независимую от большевиков и меньшевиков идейно-политическую платформу. Характерно, что в первое послеоктябрьское пятилетие он не скрывал этого факта. В 1919 г. он писал, что по вопросу о характере революции, вызвавшем крупнейшие разногласия в российском революционном движении, которые «улеглись в два основных течения — меньшевизм и большевизм»... не примыкал ни к одному из направлений» [13]. Но после 1923 г., т. е. с начала резкого обострения внутрипартийной борьбы, Троцкий всячески избегал упоминать о своей особой позиции. Он даже не включил во второй том собрания сочинений, целиком посвященный первой русской революции и вышедший в двух частях в 1925 г., ни одной из своих теоретических статей и брошюр периода 1905—1907 гг. Более того, 21 октября 1927 г. в письме в Истпарт ЦК ВКП(б) «О подделке

истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии» Троцкий, хотя и заметил вскользь о наличии «старых, дореволюционных, действительно имевших место разногласий» (имел в виду свои разногласия с Лениным по вопросу о крестьянстве), немало потрудился, чтобы скрыть наличие особой, отличной от ленинской точки зрения позиции на революцию. Но когда Лев Давидович после 1929 г. оказался за рубежом, то вновь стал писать и говорить, что такая позиция была и разногласия имели место. Так, например, уже в конце своей жизни в статье «Три концепции русской революции» Троцкий писал: «...Рядом с нами (т. е. большевиками и меньшевиками.— *Н. В.)* уже на заре первой революции была сформулирована третья позиция, которая почти не встретила признания в те годы...» [14] Эта позиция как раз и была связана с рождением теории «перманентной революции» — факт настолько существенный в политической биографии Троцкого, что о нем нельзя не сказать несколько подробнее.

Троцкий всегда проявлял чрезвычайное внимание к датировке появлявшихся в его арсенале новых идей и установок. Он буквально по дням фиксировал такие факты, стремясь поднять их до уровня события. Складывается впечатление, что делалось это неспроста: заботливо подбирая и выделяя те или иные обстоятельства своей деятельности, Троцкий, таким образом, собственноручно творил свою политическую биографию. Случай не частый для политических и общественных деятелей, а тем более в среде революционеров, которых по большей части мало занимала мысль о том, какое впечатление они произведут на будущие поколения. Иначе поступал Троцкий. Ему в высшей степени был свойствен политический нарциссизм. Самолюбование доходило у него до крайней степени. И в этом отношении немногие были способны конкурировать с ним. Разве что У. Черчилль в своих политических мемуарах порой превосходил Троцкого по части самовозвеличения и проявления честолюбивых амбиций.

В предисловии к книге «1905», написанном в 1922 г., Троцкий отмечал: «Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г. (не раньше и не позже! — *Н. В.*) сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории «перманентной революции». Здесь он не вполне откровенен. Такой внимательный к деталям и подробностям, он почему-то не сказал ничего о том, кому был обязан формированием этих взглядов. Основные постулаты теории «перманентной революции» им были заимствованы у Парвуса.

Их знакомство состоялось осенью 1904 г. в Мюнхене, когда Троцкий и Седова некоторое время жили у Парвуса. Здесь они близко узнали друг друга и убедились в сходстве своих взглядов на многие вопросы революционной борьбы. Точнее будет сказать, что речь шла не столько о тождестве взглядов, сколько об идейном влиянии Парвуса на Троцкого.

Парвус был писателем. По мнению Троцкого, он в революции 1905 г., несмотря на инициативность и изобретательность мысли,

«совершенно не обнаружил качества вождя». После революции был сослан в Сибирь, оттуда бежал в Вену, затем переехал в Константинополь. Там его застала первая мировая война. Он оказался в рядах социал-шовинистов, стал заниматься военно-торговыми спекуляциями и очень скоро превратился в крупного предпринимателя.

Вместе с Парвусом в 1905 г. Троцкий сформулировал первые положения будущей теории «перманентной революции» на страницах газеты «Начало». В ее десятом номере за 1905 г. в статье «Социал-демократия и революция» читаем: «Полная победа революции означает победу пролетариата. Эта последняя, в свою очередь, означает дальнейшую непрерывную революцию. Пролетариат осуществляет основные задачи демократии,— и логика его непосредственной борьбы за упрочение политического господства ставит перед ним в известный момент чисто социалистические проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революционная непрерывность. Это не один «удар», это не день и не месяц. Это целая историческая эпоха. Было бы нелепостью заранее учитывать ее продолжительность».

Какой же вывод напрашивается из далеких от теоретической завершенности рассуждений? Во-первых, революция рассматривалась Троцким не как единовременный акт, а как процесс. Причем процесс значительно растянутый во времени. В связи с чем им использовалась категория исторической эпохи, в которую совершается переход от капитализма к социализму. Во-вторых, единственным последовательным борцом, ведущей силой этого процесса, его гегемоном он считал пролетариат. С поправкой на некоторую терминологическую нечеткость с подобным определением можно было бы согласиться, но вот вызывает возражения трактовка перманентности, т. е. непрерывности революционного процесса, а если точнее — ее отсутствие в этой схеме. Нельзя же за перманентность принимать абстрактные заявления о том, что «вслед за реализацией программы минимум последует осуществление программы максимум». Такая формулировка, на наш взгляд, не результат недодуманности или недостаточной проработки выдвигаемых положений, а принципиальная позиция. Ее суть сводилась к неверной оценке Троцким движущих сил революции, взаимоотношения борющихся сторон, а отсюда и самих задач, стоявших перед революционной социал-демократией.

Просчеты Троцкого вытекали из концепции исторического развития России, которая изложена в брошюре «Итоги и перспективы» и представляла, как он считал, «наиболее законченное для этого периода обоснование теории перманентной революции».

В своей теории Троцкий исходил из двух принципиальных предпосылок. Первая — об иностранном происхождении российского капитализма, который пришел с Запада и за короткое время превратил целый ряд архаичных городов в средоточие индустрии и торговли и даже создал торгово-промышленные города на совершенно чистом месте. В результате этой деятельности — и это его вторая предпосылка — на историческую арену страны выступили

две основные силы общества — мощный пролетариат и самодержавие, между которыми оказалась зажатой в тиски слабая буржуазия.

Исходя из такой расстановки сил, Троцкий выдвигал лозунг борьбы не просто за временное революционное правительство, а за революционное рабочее правительство.

Далее. Если у власти становится пролетариат, то с повестки дня автоматически снимается и сама проблема очередности, последовательности решения конкретных революционных задач, т. е. проблема этапов развития революции. «Разделение нашей программы на минимальную и максимальную имеет громадное и глубоко принципиальное значение при том условии, что власть находится в руках буржуазии,— утверждалось в «Итогах и перспективах».— Именно этот факт — принадлежность власти буржуазии — изгонит из нашей минимальной программы все требования, которые непримиримы с частной собственностью на средства производства. Эти последние требования составляют содержание социалистической революции, и их предпосылкой является диктатура пролетариата. Но раз власть находится в руках революционного правительства с социалистическим большинством, так тотчас разделение между минимальной и максимальной программой теряет и принципиальное и непосредственно-практическое значение. Удержаться в рамках этого разграничения пролетарское правительство никоим образом не сможет» [15].

Такова схема «перманентной революции». Не могу не заметить, что в ней полностью отсутствует анализ взаимоотношений пролетариата с другими революционными силами эпохи, в частности с крестьянством. И это опять-таки не по какому-то недосмотру, а потому, что Троцкий считал, что при капитализме пролетариат находится во враждебных отношениях не только с буржуазией, но и со всеми без исключения классами и социальными слоями. Оговорки о том, что пролетариат должен «опираться на крестьянство», ничего не меняют и не дополняют к его принципиальной позиции потому, что не подкрепляются конкретными соображениями: как пролетариат должен «опираться», в чем политическое содержание этой «опоры» или в более привычной для слуха марксистской терминологии — союза рабочего класса с крестьянством. В теории Парвуса — Троцкого не нашлось места именно этому союзу. Пролетариат в ней фактически предоставляется самому себе. В этом убеждают и заключительные строки брошюры: «Российский пролетариат, оказавшись у власти, хотя бы лишь вследствие временной конъюнктуры нашей буржуазной революции, встретит организованную вражду со стороны мировой реакции и готовность к организованной поддержке со стороны мирового пролетариата. *Предоставленный своим собственным силам* (выделено мной.— *Н. В.*), рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и, следовательно, судьбу всей российской революции, с судьбой социалистической револю-

ции в Европе. Ту колоссальную государственно-политическую силу, которую дает ему временная конъюнктура российской буржуазной революции, он обрушит на чашу весов классовой борьбы всего капиталистического мира. С государственной властью в руках, с контрреволюцией за спиной, с европейской реакцией перед собой он бросит своим собратьям во всем мире старый призывный клич, который будет на этот раз кличем последней атаки: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»* [16].

Если оставить в стороне красоты «левой» фразы, то смысл этого ключевого положения во всей конструкции теории «перманентной революции» сводится к воинственному неприятию крестьянства в качестве революционного союзника пролетариата и соответственно — отрицанию буржуазно-демократической революции как этапа революции социалистической.

Впоследствии, особенно в середине 20-х годов, Троцкий потратит немало сил для опровержения в такой трактовке этого исходного для всей его теории тезиса. Но ему не удастся добиться ощутимых результатов. Видимо, поэтому он и вел полемику с Лениным и большевиками в весьма резких, намеренно заостренных выражениях.

Опровержению ленинской концепции о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, поэтапном развитии революционного процесса в России Троцкий посвятил немало страниц своих произведений. Есть у него и специальная статья на эту тему «Наши разногласия». Она опубликована в сборнике «1905» и больше не включалась Троцким ни в одно издание после Октября. В ней, по мнению Троцкого, Ленин, устанавливая принципиальное различие между социалистической диктатурой пролетариата и демократической диктатурой пролетариата и крестьянства (терминология Троцкого), совершал «сугубо логическую, чисто формальную операцию». По мнению Ленина, рассуждал Троцкий, если бы «мы думали, что можем совершить социалистический переворот, то шли бы навстречу политическому краху». Но, поскольку пролетариат, став вместе с крестьянством у власти, твердо сознает, что его диктатура имеет только «демократический характер», тогда все сходится. Меньшевики полагали, что раз социальные отношения не созрели для социалистического переворота, значит диктатура пролетариата была бы величайшим несчастьем. «Другими словами,— резюмирует Троцкий,— выход из противоречия между классовыми интересами пролетариата и объективными условиями Ленин видит в *политическом самоограничении* (выделено мной.— *Н. В.*) пролетариата, причем это самоограничение должно явиться в результате теоретического сознания, что переворот, в котором рабочий класс играет руководящую роль, есть переворот буржуазный. Объективное противоречие Ленин переносит в сознание пролетариата и разрешает путем классового аскетизма, имеющего своим корнем не религиозную веру, а «научную» схему. Достаточно лишь ясно представить себе эту конструкцию, чтобы понять ее безнадежно идеалистический характер» [17].

По Троцкому получалась парадоксальная ситуация: чем ближе оказывались в революции пролетариат и крестьянство, тем невыгоднее это было для революции и пролетариата, так как в результате такого сближения происходила своеобразная революционная «дегенерация» пролетариата — он терял свои позиции, «самоограничивался», поскольку способствовал реализации демократической платформы крестьянства. Из этого искусственного противопоставления интересов двух трудящихся классов делались весьма далеко идущие выводы не только в отношении большевистской позиции, но и перспектив революционной борьбы в России. «Если меньшевики, исходя из абстракции: «наша революция буржуазна», приходят к идее приспособления всей тактики пролетариата к проведению политики либеральной буржуазии вплоть до завоевания ею государственной власти, то большевики, исходя из такой же абстракции: «демократическая, а не социалистическая диктатура», приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть. Правда, разница между ними в этом вопросе весьма значительна: если антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, то антиреволюционные черты большевизма опасны только в случае революционной победы» [18].

Как все сказанное было непохоже на ленинскую концепцию и на реалии революционной борьбы в России тех лет. В многочисленных статьях, книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», обобщая опыт революционных выступлений трудящихся, Ленин неоднократно подчеркивал, что без борьбы за демократию немыслима и победа за социализм. Поэтому пролетариат, осуществляя социалистическую революцию, одновременно должен был решить до логического конца вопросы буржуазно-демократической революции. *«Победоносным борцом* (выделено мной.— *Н. В.*) за демократизм он (пролетариат.— *Н. В.*) может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства» [19],— указывал Ленин. Вывод: «Решительная победа революции над царизмом» есть *революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»* [20].

Только после такой победы, считал Ленин, возможен вопрос о социалистическом перевороте, установлении революционного и то не чисто рабочего, а рабоче-крестьянского правительства. Иначе говоря, в чем Ленин видел силу пролетариата и умножение потенциала революции — в союзе рабочего класса с трудящимся крестьянством,— Троцкий усматривал слабость революционной борьбы. Пренебрежительное отношение к крестьянству так и осталось в нем до конца дней. Он утверждал: «Марксисты считали крестьянина мелким буржуа, который лишь в той мере способен стать социалистом, в какой, материально или духовно, перестает быть крестьянином» [21].

Ленин не мыслил успешной революции в России вне союза со всем крестьянством в буржуазно-демократической революции и его беднейшими слоями в борьбе за революцию социалистическую.

Коренных расхождений между интересами этих слоев — крестьянством и пролетариатом — Ленин не видел. Может быть, поэтому он и не считал нужным вступать в излишние споры с Троцким. Вспомним, как он на V съезде РСДРП заметил, что ему некогда останавливаться на разногласиях с Троцким по поводу его теории. Критика троцкистских взглядов достигалась им попутно в ходе разоблачения меньшевистской концепции революции (в ней также не было места для союза рабочего класса с крестьянством.— *Н. В.*). Поэтому в годы первой революции и после нее Ленин специально нигде не останавливался на разборе теории «перманентной революции». Лишь в 1909 г., попутно, при рассмотрении меньшевистской платформы в статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции» Ленин заметил, что основная ошибка Троцкого состояла в игнорировании «буржуазного характера революции, отсутствии ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической» [22].

В свете сказанного думается, что преувеличением звучит заявление Троцкого в «Моей жизни» о том, что в 1905—1907 гг. «теория перманентной революции выдержала первое большое испытание». Нет, первое же соприкосновение этой теории с революционной практикой оказалось весьма болезненным для нее. Не успев появиться, она была обречена на прозябание. Однако и по сей день находятся люди, которые всерьез считают эту теорию эквивалентом марксовой теории непрерывности революции.

Генеральная репетиция Октября 1917 г. лично для Троцкого закончилась судебным процессом по делу о Петербургском Совете. Он открылся 19 октября 1906 г. «С утра мы приоделись,— вспоминал Сверчков.— Вскоре нас вызвали в тюремный коридор, где уже стояла длинная шеренга жандармов, и предложили становиться каждому между двумя жандармами, вызывая по порядку обвинительного акта. Первым по списку значился Носарь-Хрусталев, вторым — Л. Д. Троцкий, третьим — я, четвертым — П. А. Злыднев. Дальше следовали: Зборовский, Кнунянц, Авксентьев, Немцов, Киселевич, Фейт, Вайнштейн, Голынский, Стогов, Мосалев и др.» [23]. Всего на скамье подсудимых было пятьдесят два человека.

Дата начала суда была выбрана не случайно: в самый разгар военно-полевых судов над участниками потерпевшей поражение революции. Начиная с января 1905 г. и только по апрель 1906 г., когда открылась I Государственная дума, по приказу правительства было убито свыше 14 тыс. человек, казнено более 1 тыс., ранено до 20 тыс., арестовано и отправлено в ссылку около 70 тыс. человек. Репрессии продолжались и в 1906—1907 гг. Так что суд проходил в обстановке чрезвычайно неблагоприятной, чтобы не сказать — зловещей. Тем более что его организаторы и не скрывали своих намерений.

Они замыслили судить не просто руководителей Совета, а привлечь к ответственности саму революцию, дискредитировать ее участников как злостных заговорщиков. Одновременно ставилась задача покончить с буржуазным либерализмом в лице бывшего

премьера Витте, чье «попустительство» и «непринятие мер» якобы и привело к революции. Поэтому процесс замышлялся с размахом. Он велся открыто, в присутствии журналистов, широкой публики. Было привлечено свыше четырехсот свидетелей, представлявших все слои российского общества: рабочие, фабриканты, жандармы, инженеры, прислуга, обыватели, журналисты, почтово-телеграфные работники, полицмейстеры, гимназисты, гласные Думы, сенаторы, депутаты, профессора, солдаты. В течение месяца перед судебным заседанием, по сведениям Троцкого, прошло более трехсот человек. Стенографический отчет следствия составил 33 тома.

На суде присутствовали мать и отец Троцкого. Им импонировала популярность сына. «Мать была уверена, что меня не только оправдают, но как-нибудь еще и отличат...— вспоминал Троцкий.— Отец был бледен, молчалив, счастлив и убит в одно и то же время» [24].

По словам Луначарского, Троцкий вел себя необыкновенно картинно и героически. Он произнес пламенную речь на тему «Совет рабочих депутатов и вооруженное восстание».

Обвиняемым ставилось в вину участие в «преступном сообществе с целью изменения установленного в России основными законами образа правления на демократическую республику». Троцкого в числе 14 других обвиняемых приговорили к ссылке в Восточную Сибирь на вечное поселение с лишением всех гражданских прав. Это был сравнительно легкий приговор. Ждали каторги.

После суда Хрусталева и Троцкого поместили в Петропавловскую крепость, Сверчкова — в Дом предварительного заключения, Злыднева и Зборовского — в одиночную тюрьму. Перед отправкой в Сибирь всех свезли в «Предварилку». Новый, 1907 г. четырнадцать приговоренных к ссылке встречали вместе. Освещение процесса в печати сделало свое дело: в тюрьму потоком шли любопытствующие «посмотреть на Троцкого». Приходили даже офицеры Семеновского полка, среди которых оказались и те, кто командовал расстрелом рабочих 9 января (например, Риман). Иногда в смотринах участвовало и высокое тюремное начальство. «Это — Хрусталев. А вот это — Троцкий,— говорил начальник, услужливо изгибаясь перед какими-то господами,— вспоминал Сверчков.— Мы чувствовали себя в положении редкостных чудовищ. Я до сих пор не уверен, что за просмотр нас не брали денег».

Однако этот «просмотр» имел свои выгоды и для заключенных. Ссыльных хотя и переодели в арестантскую робу, но оставили собственную обувь. Воспользовавшись этим, Троцкий сумел в подметку ботинок припрятать паспорт, а в высокие каблуки — золотые червонцы, которые наверняка ему принесли сердобольные родные.

10 января глубокой ночью группу ссыльных доставили на Николаевский вокзал, загнали в тюремный вагон с решетками и отправили в сибирский городишко Обдорск. Находился он далеко за Полярным кругом. До железной дороги — полторы тысячи километров, до ближайшего телеграфа — 800. Почта приходила раз в две недели, а в весенне-осеннюю распутицу она не доставлялась по

два-три месяца. До Тюмени добирались по железной дороге, а после на санях. Четырнадцать ссыльных сопровождали пятьдесят два конвойных солдата, командир отряда, пристав и урядник. Выехали обозом в 40 саней. На тридцать пятый день пути — 12 февраля — добрались до городка Березова, известного по месту ссылки соратника Петра I, светлейшего князя А. Д. Меншикова. Оставалось проехать еще 500 верст. Во время передышки Троцкий, посоветовавшись с бывшим офицером Ф. Н. Рошковским, отбывавшим ссылку в Березове, решился на побег. Надо сказать, что на этот раз риск был нешуточный: побег вечнопоселенца карался каторжными работами. Но Троцкий пренебрег суровостью наказания, что, естественно, свидетельствовало о мужестве. Например, Хрусталев долго сопротивлялся побегу, подыскивал всякие отговорки, прежде чем согласился.

Имея червонцы и запас спирта, Троцкий привлек для организации побега местного крестьянина Бонифатия Батмашева по прозвищу Козья Ножка. Тот в свою очередь подобрал оленевода, зырянина по национальности, запойного пьяницу, но отчаянного человека. Именно он выдал властям Батмашева, которого сурово наказали. После Октября Батмашев узнал, что благодаря ему Троцкий сумел бежать. В 1923 г. он приезжал к Троцкому в Москву, был им обласкан и чрезвычайно довольный, в новом красноармейском обмундировании вернулся домой.

С зырянином по лютому февральскому морозу на оленях Троцкий проехал за неделю свыше 700 километров до Урала, там сел на поезд и вскоре оказался в Петербурге. Сохранился документ Березовского полицейского управления Тобольской губернии, в котором сообщалось: «Февраля 21 дня 1907 г. В ночь с 19 на 20-е сего февраля скрылся находившийся на излечении в Березовской инородческой больнице важный государственный преступник ссыльнопоселенец Лейба Давидов Бронштейн (он же Троцкий). По полученным сведениям означенный ссыльный выбыл из города Березова с крестьянином Бонифатием Батмашевым» [25].

Если до Березова ссыльные добирались в течение месяца, то обратный путь Троцкий проделал за 11 дней. Именно в стремительности предприятия и заключался его благополучный исход. Из Петербурга Троцкий сразу выехал в Финляндию — ближнюю эмиграцию, там уже находились Ленин и Мартов. Ленин проживал в Куоккале на известной для многих партийцев даче «Ваза», ставшей своего рода большевистским штабом. Беглец посетил Ленина и Мартова. Имел с ними продолжительные беседы. Владимир Ильич дал ему явки в Гельсингфорс (Хельсинки), которые очень помогли ему в устройстве. В небольшом местечке Оглбю Троцкий описал свой побег в книжке «Туда и обратно». На полученный гонорар через Стокгольм выехал в Западную Европу. 30 апреля уже присутствовал на V лондонском съезде РСДРП.

Популярность его достигла пика. Некоторые делегаты, в особенности из провинции, так же как и «публика» в Петербурге зимой 1907 г., шли «смотреть Троцкого». Делегат Иваново-Вознесенской

организации Гандурин вспоминал: «Будучи членами-провинциалами мы сейчас же вскочили и пошли «посмотреть» на появившегося в зале съезда Троцкого. Возле одного из столов стоял высокий молодой человек; это был Троцкий. Острый и быстрый взгляд горячих глаз, резко выразительное лицо — все в нем производило впечатление и говорило о недюжинности этого человека: Троцкий произвел на нас очень сильное впечатление. Мы были рады, что знаменитый по деятельности в Петербурге Совета рабочих депутатов, только что бежавший из ссылки тов. Троцкий выглядит настоящим «вождем» [26].

Это можно считать восприятием восторженного почитателя талантов Троцкого. А вот каким был его портрет, сделанный ведомством, которому чужды всякая эмоциональность и излишества стиля — Охранным отделением: «Бронштейн Лев Давидов, он же Николай Троцкий и Яновский, лишенный всех прав, сын колониста, русский подданный, литератор... Приметы: рост 2 арш. 3,8 вершка (это приблизительно 170 см.— *Н. В.*), телосложения среднего, волосы, усы, брови, борода темно-каштановые, вьющиеся, глаза голубые, близорукие, носит пенсне, лоб выпуклый, нос орлиный, лицо четырехугольное, губы полные, подбородок широкий с ямкой посредине, держится прямо» [27].

Как видим, каждая сторона отметила в Троцком то, что хотела увидеть: молодой рабочий — объект для подражания; сотрудники охранки — более прозаические вещи, им нужно было организовывать слежку за Троцким. И они это сделали весьма оперативно. В одном из донесений заграничного агента охранки о ходе работы V съезда сообщалось: «Из ораторов в дискуссии выступали в защиту крайней революционной точки зрения Станислав (большевик), Троцкий, Покровский (большевик), Тышко (польский национал-демократ); в защиту же оппортунистической точки зрения — Мартов, Плеханов...»[28]

На съезде с Троцким познакомился М. Горький и одобрительно отозвался о его политических памфлетах. Здесь же Троцкий «заметил» молодого Зиновьева, подружился с Р. Люксембург. Он считал, что Люксембург разделяла принципиальные установки теории «перманентной революции». На эту тему в одном из перерывов между заседаниями съезда произошла легкая пикировка между Троцким и Лениным. «Делегаты окружили нас тесным кольцом,— писал Троцкий.— Это все потому, говорил Ленин про Розу, что она недостаточно хорошо говорит по-русски.— Зато, отвечал я, она хорошо говорит по-марксистски. Делегаты смеялись, и мы вместе с ними». Мог познакомиться Троцкий и со Сталиным, который присутствовал под фамилией Ивановича с совещательным голосом. Но этого, видимо, не произошло. Сталин за всю работу съезда не обронил ни слова, и, естественно, Троцкий, привыкший к фейерверкам словесной полемики, не мог заметить такого делегата.

Хотя съезд и проходил под диктовку большевиков, но полемика порой приобретала крайне резкие формы и Ленину с единомышленниками стоило немалых трудов защитить свою платформу. Во время

работы съезда Ленин дважды обращался к оценкам позиции Троцкого. Первый раз — в речи по отчету думской фракции и второй — в заключительном слове. Причем характер этих оценок был полярен, будто на съезде присутствовало два Троцких, которые отрицали друг друга.

По вопросу о думской тактике выступил меньшевик И. Церетели. Большевистские ораторы и примкнувшие к ним польские социал-демократы раскритиковали отчет за соглашательство меньшевиков с кадетами. Троцкий, от которого делегаты ждали продолжения критики, неожиданно выступил с нападками на внесенную по этому вопросу резолюцию большевиков.

Председательствовавший на заседании Ленин бросил Троцкому: «Внесите вы!» (т. е., если не устраивает большевистская резолюция, внесите свою). Троцкий ответил, что не собирается уподобляться большевикам, которые торгуются из-за каждого слова, вместо того чтобы пойти на компромисс. «Вы хотите, т. Ленин, чтобы я внес компромиссное предложение, а я хочу, чтобы вы сами поняли и признали необходимость такой резолюции и внесли ее *вместе со мной*» [29] (выделено мной.— *Н. В.*).

Я не зря выделил заключительные слова Троцкого. Они, как мне представляется, позволяют понять истоки его гневных нападок на большевиков. А именно: Троцкий рассердился на Ленина и его сторонников отнюдь не за критику отчета Церетели и политики меньшевиков (эта критика его меньше всего беспокоила), он негодовал по поводу того, что большевики внесли свою резолюцию, не спросив его мнения. И вообще они мало обращали внимания на группу «центра», через которую Троцкий собрался оказывать давление на две основные фракции. Ведь он не хуже других понимал шаткость равновесия между большевиками и меньшевиками, видел, что многое на съезде будет зависеть от того, к кому примкнут делегаты других течений. Натура Троцкого, его безудержное самолюбие и здесь сыграли ключевую роль. Возмущаясь нежеланием большевиков считаться с его «я», он принялся играть на противоречиях между большевиками и меньшевиками. Не зря, обвиняя Троцкого в угрозе раскола, уходе думской фракции якобы из-за несогласия с резолюцией большевиков, Ленин требовал от него четкой линии.

«Почему вы не провели своей резолюции?», спросят нас на местах,— говорил на съезде Ленин.— Потому, что на нее обиделся центр и отказался по обиде от изложения своих принципов!! (Аплодисменты большевиков и части центра.) Это не принципиальная позиция, а беспринципность центра» [30].

Троцкому, по существу, нечего было возразить. Надо сказать, что резкий отпор его претензиям на особую роль он не оставил без последствий. Уже при обсуждении вопроса об отношении к буржуазным партиям Троцкого было не узнать. Ни одного предосудительного слова против большевиков и поток резких, хлестких замечаний по адресу меньшевистской платформы. Одновременно, стремясь отвести от себя обвинения в создании и руководстве «центром»,

Троцкий несколько раз повторил, что не претендует на представительство особого течения, «третьей фракции», но сохранит за собой право иметь по каждому вопросу свое мнение.

В ответ на выступление Троцкого Ленин отметил его приближение к большевикам, но не согласился с его теорией «перманентной революции». В записке в президиум съезда Троцкий опротестовал мнение Ленина о том, что «под влиянием статьи Каутского я изменил свой взгляд на роль крестьянства в русской революции. *Это фактически не верно*». Он заверил съезд, что его взгляды остались прежними, то есть, во-первых, что крестьянство не оттеснит пролетариат с места гегемона в революции, во-вторых, что крестьянство неспособно к самостоятельной политической роли и, наконец, в-третьих, что крестьянство имеет шанс на успех в революции, только если признает главенствующую роль пролетариата [31].

Ознакомившись с запиской, Ленин никак не реагировал на нее. Этим он ясно дал понять, что поскольку между ними лежала теория «перманентной революции», то речь действительно могла идти только о приближении Троцкого к большевикам. Не в обычаях Владимира Ильича было поступаться принципами ради извлечения сиюминутных тактических выгод. Но этот эпизод на съезде вместе с тем ярко характеризовал его отношение к внутрипартийным разногласиям. Ленин всегда давал конкретную оценку позициям конкретного партийца, регистрировал малейшие изменения в этой позиции, не замыкался в себе, не отгораживался частоколом накопившихся обид, первым брал на себя инициативу возобновления сотрудничества, если убеждался в такой готовности другой стороны.

В качестве примера сошлемся на отношения Ленина с Мартовым, Плехановым, Луначарским и другими социал-демократами, с которыми у него в разное время возникали принципиальные расхождения. И Троцкий не был исключением. У Крупской были основания сказать: «Когда Ильича противник ругал, Ильич кипел, огрызался вовсю, отстаивая свою точку зрения, но когда вставали новые задачи и выяснялось, что с противником можно работать вместе, тогда Ильич умел подойти ко вчерашнему противнику как к товарищу. И для этого ему не нужно было делать никаких усилий над собой. В этом была громадная сила Ильича. При всей своей принципиальной настороженности он был большой оптимист по отношению к людям. Ошибался он другой раз, но в общем и целом этот оптимизм был для дела очень полезен. Но, если принципиальной спетости не получалось, не было и примирения» [32].

Это поистине уникальная способность, чтобы не сказать дар, которым мало кто обладал из лидеров тогдашней социал-демократии, да и более поздних времен. Не было такой способности и у Троцкого. Он не только не захотел принять протянутую Лениным руку, но и повел себя так, что у Ленина еще долгие годы не возникало желания сблизиться. Это целиком подтвердила вторая эмиграция. Она вошла в политическую биографию Троцкого и в историю его взаимоотношений с Лениным как период самой ожесточенной борьбы между ними по ключевым вопросам партийной жизни, революционной стратегии и тактики.

ВТОРАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Вторая эмиграция растянулась на долгое и тягостное десятилетие.

С 1908 г. начался мучительный процесс консолидации российской социал-демократии. За границей, в Женеве оказались «все наличные силы» большевиков. В конце февраля возобновилось издание большевистского «Пролетария». Стремясь привлечь к его работе как можно больше талантливых людей, Ленин разослал письма с приглашением к сотрудничеству разным людям, в том числе и Троцкому. Он к тому времени обосновался в столице Австро-Венгрии Вене.

«Насчет Троцкого хотел Вам прошлый раз ответить, да забыл,— сообщал Ленин Горькому 13 февраля 1908 г.— Мы... Ал. Ал. (Богданов.— *Н. В.*), я и «инок» (Дубровинский.— *Н. В.*) — очень хороший коллега из беков русских... сразу решили пригласить его в «Пролетарий». Написали письмо, наметили и предложили одну тему. Подписали *по общему согласию* «редакция «Пролетария», желая поставить дело на более коллегиальную почву... Троцкий обиделся что ли на эту форму, не знаю, но прислал письмо, писанное не им: «По поручению т. Троцкого» извещалась редакция «Пролетария», что он писать отказывается, занят.

Это — позерство, по-моему. И на Лондонском съезде он держался позером. Не знаю уж, пойдет ли он с беками... Троцкий хочет стоять «выше борющихся фракций» [1].

Владимир Ильич попал, что называется, в точку. Как предвидел, так и получилось. Троцкий намеренно отдалился от центра революционной эмиграции. В «Моей жизни» он посвятил немало строк объяснениям причин своего обоснования в Вене: «В этот период я стоял ближе всего к немецкой политической жизни. В Берлине поселиться нельзя было по полицейским причинам. Мы остановились в Вене. Но в течение всех этих семи лет (до 1914 г.— *Н. В.*) я гораздо внимательнее следил за германской жизнью, чем за австрийской, которая слишком напоминала возню белки в колесе».

Троцкий действительно был постоянным корреспондентом центральных органов печати Социал-демократической партии Германии, присутствовал на ее съездах, регулярно поддерживал контакты с ее вождями К. Каутским, К. Цеткин. Но еще более активную политическую жизнь он развернул в Вене: сразу по прибытии вступил в австрийскую социал-демократическую партию, участвовал в ее работе, много писал в партийной печати, ходил на собрания, митинги, демонстрации, поступил в венский университет. Так что ссылки на тяжелые условия Берлина и интерес к Германии, из-за которого он остался в Вене, мне кажутся натяжкой. Дистанцируясь от естественных центров российской эмиграции, он преследовал определенную цель. Вскоре она прояснилась для всех.

3 октября 1908 г. в Вене на 12 страницах, 6 полосах размером в четверть нынешней газетной страницы любого центрального издания, вышла газета «Правда». Над заголовком значилось: «Россий-

кая Социал-Демократическая рабочая партия». Чуть левее от него набрано — «Рабочая газета», справа — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Газета объявлялась органом Украинского Союза «Спилки» РСДРП. Так выглядели выходные данные троцкистской газеты. Сколько их еще будет в России и за ее пределами! Но эта — первая, вошедшая в историю как венская «Правда».

Ее подготовке предшествовала сложная запутанная борьба среди местных и заграничной организаций «Спилки». Союз возник в конце 1904 г., отколовшись от Революционно-украинской партии (РУП), которая входила в РСДРП на правах автономной областной организации. «Спилка» во внутрипартийной борьбе тяготела к меньшевикам. Были в ее среде и националистически настроенные элементы. В 1908 г. организация переживала период распада. Поэтому ее руководство чрезвычайно болезненно реагировало на любые сепаратистские действия. Создание «Правды» нанесло по ней мощный удар.

За четыре месяца до ее выхода в свет в эмигрантских социал-демократических кругах была распространена листовка-извещение о возобновлении печатного органа «Спилки» газеты «Правда». В листовке перечислялись задачи издания: помочь процессу «созревания широких масс сельского пролетариата», способствовать революционному просвещению фабрично-заводского пролетариата. Предлагалось поддержать «Правду» денежной помощью.

За издание газеты высказались четыре (из почти двух десятков) не самые заметные в «Спилке» организации. Полтавская, Кременчугская, Черниговская, Конотопская, другие, наиболее крупные,— не согласились с изданием «Правды». В протесте руководства указывалось, что «редакция фактически находится в руках Троцкого, взгляды которого были чужды организации области» (речь шла о Полтавской области.— *Н. В.)*. Именно поэтому «Спилка» отказалась выдвинуть кандидатуру Троцкого на V съезд РСДРП. Заграничная организация «Спилки» также не одобрила выхода «Правды».

Такая вот история. Если называть вещи своими именами, то Троцкий, воспользовавшись неразберихой, которая царила тогда не только в самом союзе, но и во всей РСДРП, фактически захватил у «Спилки» ее печатный орган.

Венская «Правда» выходила в течение трех с половиной лет. За все время появилось двадцать пять номеров и четыре приложения. Но газета сделала свое дело. Вокруг нее сгруппировались первые троцкистские кадры в РСДРП: С. Семковский (Бронштейн), М. Скобелев (позже министр труда в правительстве А. Керенского), А. Иоффе (возглавит советскую делегацию на Брест-Литовских переговорах), В. Копп (будущий советский дипломат), М. Урицкий и другие.

Каким было направление газеты? Об этом можно судить уже по ее первому номеру. В нем сообщалось, что газета рассчитана на рабочих города и деревни, поэтому редакция будет делать все для перевозки «Правды» в Россию. Другая задача — воссоздание пар-

тии на новых основах, которая сбросила бы с себя «зависимость от буржуазной интеллигенции» и поставила во главе пролетарских организаций «рабочих-вождей». С точки зрения методов подачи материала заслуживал внимания лозунг: «Не руководить, а служить! Не раскалывать, а объединять!» [2]

Бесспорно, вопрос о единстве партийных рядов представлял самый больной вопрос дня. В партии усилились центробежные тенденции. Появились десятки групп и группочек, грозивших парализовать ее дееспособность. Деморализованные меньшевики в массе готовы были отказаться от программы и тактики РСДРП. На этой почве в их среде возникло ликвидаторство. Свое название оно получило в связи с требованием ликвидировать нелегальную социал-демократическую рабочую партию и вместо нее учредить партию, которая существовала бы открыто.

Раскололись большевики. Среди них появились отзовисты, требовавшие отозвать депутатов Государственной думы и свернуть легальную работу. Группировались вокруг журнала «Вперед» (А. Богданов, А. Луначарский, Г. Алексинский). По замечанию Зиновьева, «вся наша партия разбилась на группы, подгруппы и фракции». Не смог консолидировать силы партии и январский 1910 г. Пленум ЦК РСДРП. На нем, используя противоречия между ликвидаторами и большевиками, Троцкому удалось добиться финансовой поддержки «Правды» в размере 400 франков (150 рублей) в месяц, направления в редакцию представителя ЦК Л. Каменева (против этого голосовал только Ленин). Троцкий лелеял мысль превратить свою газету в орган ЦК всей партии.

Достичь такого результата Троцкому удалось и за счет умелого учета перемен, которые стремительно нарастали в широких партийных кругах, среди передовых рабочих. В 1909—1910 гг. он развивал идеи о появлении на революционной арене партийца нового типа, отличительными чертами которого были: свобода от фракционной предвзятости, партийный патриотизм, идейная самостоятельность, умение постоять за свои взгляды против всяких авторитетов, но в то же время и сознание, что без самоограничения, без личных и организационных соглашений и компромиссов никакая партия не может существовать, рассыплется на части.

Кто бы стал возражать против такого облика партийца как среди меньшевиков, так и большевиков? думаю, никто. «... Не большевик и не меньшевик, а социал-демократ, который многое впитал из большевизма, многое из меньшевизма, многое отметает в обеих фракциях и который во всяком случае сознает или по крайней мере чувствует, что перерос их — уже по одному, что они — фракции, а ему нужна партия. Это чисто социал-демократический тип, это Петр-камень, на котором укрепится наша партийная церковь» [3],— писал Троцкий.

Это тот самый «камень», который Троцкий и намеревался подложить под партию, поскольку описанный им тип претендовал на звание не столько партийца, сколько троцкиста, и писался он не с кого-нибудь, а с самого Троцкого. Хотя в этом описании отдель-

ными своими чертами этот облик перекликался с ленинским типом члена партии из сознательных рабочих, нарождавшимся после революции, которому были чужды фракционные дрязги, пустившие глубокие корни в эмиграции, и который требовал от партии главного — конкретной работы, организации масс на новые революционные выступления, их идейной и политической закалки. В наличии такого типа партийца Ленин убедился, встречаясь с рабочими, которые приезжали из России для учебы в партийных школах, образовавшихся в 1909—1910 гг. Суммируя свои впечатления, Ленин пришел к выводу, что фракционность рабочих-партийцев — понятие весьма относительное. Он был убежден, что большевистская линия в партии рано или поздно возьмет верх. Но было также ясно и то, что замыкаться на фракционности нельзя. Партия не может и не должна быть связана фракциями. Она обязана представлять единый центр, призванный сплачивать вокруг себя всех социал-демократически настроенных рабочих и трудящихся. Поэтому важнейшим условием послереволюционного обновления РСДРП Ленин считал привлечение на свою сторону не только большевиков и сочувствовавших им рабочих, но и тех, кто примыкал к меньшевикам-партийцам и другим внутрипартийным группировкам. Разумеется, не за счет компромисса в плане идеологии и политики.

Не то у Троцкого. Его «нефракционность» носила показной характер, помогала ему лавировать между разными течениями в РСДРП, делать ставку то на одно, то на другое, в зависимости от степени их силы и влияния в конкретный момент. Он исподволь — никогда открыто! — поддерживал то ликвидаторов, то «впередовцев» (участвуя в организованной ими партийной школе в Болонье), но всегда против Ленина. В одном из писем Троцкого из Болоньи в Вену секретарь школы С. Мандельштам-Лядова, безбожно перлюстрировавшая переписку «учеников» и «учителей» школы, могла прочесть: «Великая будет драка,— и Ленин в ней примет смерть».

Еще до Болоньи, выступая с докладом на одном из заседаний Венского клуба, который посещали местные и российские социал-демократы, Троцкий позволил грубые выпады против Ленина и большевистской «Рабочей газеты», которую он расценил как конкурентку своей «Правды». Зато по адресу ликвидаторов докладчик не только не проронил ни одного бранного слова, а даже пригласил их участвовать в совместной конференции. Предложение Троцкий адресовал и «впередовцам» в Болонью. В результате переговоров в их журнале появилось сообщение о планировавшейся отдельно от большевиков конференции.

Естественно, что такого рода призывы и действия, даже если не брать в расчет накаленную атмосферу эмиграции, были способны взволновать кого угодно, а не только Ленина. Его ответом Троцкому стала написанная не позднее первой половины января 1911 г. заметка «О краске стыда у Иудушки Троцкого». «Вопреки прямому решению назначенной пленумом (январским.— *Н. В.*) Школьной комиссии, которая постановила, что ни один партийный лектор не должен ехать во фракционную школу впередовцев, Иудушка

Троцкий туда поехал и обсуждал план конференции с впередовцами,— писал Ленин.— План этот опубликован теперь группой «Вперед» в листке.

И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкается.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого» [4].

В заметке разъяснялись причины, побудившие Троцкого нарушить решение январского Пленума ЦК и фактически повести себя, по словам Ленина, «хуже всех прочих фракционеров» [5]: «После пленума ослабел ЦК, усилились впередовцы — обзавелись деньгами (в результате осуществленной их сторонниками на Урале экспроприации.— *Н. В.*). Укрепились ликвидаторы, плевавшие в «Нашей Заре» перед Столыпиным в лицо нелегальной партии» [6].

Любопытна судьба этой ленинской заметки. Впервые она была опубликована 21 января 1932 г. на страницах «Правды». До этого о ее содержании знало всего несколько наиболее близких к Ленину в эмиграции людей. Что остановило Ленина предать огласке эту заметку? Может быть, он посчитал неэтичным выносить на суд общественности слишком личное отношение к человеку, который как-никак пользовался известностью в кругах политических эмигрантов. Как бы там ни было, но ясно одно — даже в пылу раскаленной атмосферы внутрипартийной борьбы Ленин умел контролировать себя и не позволял страстям захлестывать сути вопроса. Разумеется, это лишь догадки. О подлинных причинах, которыми руководствовался Ленин, мы уже вряд ли узнаем.

Сегодня вокруг факта непубликации Лениным данной заметки кое-кто пытается разогреть страсти: мол, раз не опубликовал, значит, не считал содержащуюся в заметке аттестацию Троцкого верной, что-де всему виной нервное перенапряжение, срыв и прочее. А вот то, что заметку опубликовала «Правда» в 1932 г., так это сделано с единственной целью — уязвить Троцкого, который в то время заканчивал очередную книгу под звонким названием «Сталинская школа фальсификаций». Может быть, так оно и было. Опять-таки, все это лишь догадки и предположения.

Характерно, что рассуждения самого Троцкого против публикации ленинской заметки примерно совпадали с вышеизложенным. Летом 1933 г. в «Бюллетене оппозиции» за подписью «Альфа» появилась небольшая заметочка «Последняя фальсификация сталинцев». Правда, из заметки так и осталось неясным, в чем же состояла фальсификация. Ведь не в том же, что, как разъяснял Троцкий, Ленин имел в виду не евангельского Иуду, а всего лишь главного персонажа известного по тем временам романа М. Е. Салтыкова-Щедрина Иудушку Головлева. «В эмигрантской борьбе того времени (заметьте, Троцкий намеренно пишет об «эмигрантской», а не внутрипартийной борьбе.— *Н. В.*), чуть не в каждой полемической статье, можно было встретить «острые» позаимствования у Салтыкова. В данном случае дело шло даже не о статье, а о записке в сердитую минуту» [7]. И далее Троцкий разъяснял, что между ним и

Лениным были не только расхождения, а после победы Октября — и годы совместной работы.

Все это так. Но разве от того, что Ленин не обнародовал свои заметки, что-то изменилось в его отношении к Троцкому в 1910—1911 гг.? Нисколько. Достаточно обратиться к ленинским статьям и письмам той поры, ну хотя бы к «Заметкам публициста» или «Историческому смыслу внутрипартийной борьбы в России» и др., чтобы убедиться в том, что оценка Лениным Троцкого в годы реакции была однозначно негативной, т. е. такой, какой он и заслуживал своей двурушнической тактикой примирителя и объединителя всех за спиной большевиков.

Он просто-таки непорядочно повел себя и по отношению к Каменеву, как представителю ЦК в венской «Правде». С мнением Каменева в редакции мало кто считался. В частности, проигнорировали его протест против опубликования в № 14 «Правды» письма-манифеста «К мыслящим рабочим», в котором подвергалась ревизии одна из основных резолюций январского пленума ЦК «О положении дел в партии», осуждавшая ликвидаторство и отзовизм. Каменев вынужден был обратиться с письменной жалобой в ЦК на самочинные действия редакции газеты. Но и этот шаг не помог Каменеву восстановить нормальные взаимоотношения. Фактически его вынудили уехать из Вены. Год спустя Каменев в книге «Две партии» описал свое сотрудничество с Троцким: «Опыт совместной работы с Троцким — смею сказать, опыт искренне мной проделанный... показал, что примиренчество неудержимо скатывается к защите ликвидаторства, решительно становится на сторону последнего против РСДРП» [8].

Неприглядную роль Троцкий играл и в международном рабочем движении. Вместе с Мартовым он пытался представить положение дел в РСДРП в явно превратном свете, вызвать недоверие не только к позиции большевиков, Ленина, но и поддерживавших их в борьбе за единство партии меньшевиков-партийцев, Плеханова. С этой целью они публиковали в социал-демократической прессе Германии статьи, дезориентировавшие читателей. Так Троцкий накануне конгресса II Интернационала в Копенгагене (1910 г.) поместил в журнале «Форвертс» анонимную статью с подзаголовком: «от нашего русского корреспондента». В ней утверждалось, что «никогда еще русские эмигранты, которые в нашей партии играют непропорционально большую роль, не были так чужды интересам и потребностям русского рабочего движения, как теперь», что ЦО РСДРП «Социал-демократ» «ведется в узкофракционном духе» и что большевики отличаются формальным и внешним радикализмом, наконец, что они лишь в результате революции пришли к признанию парламентаризма. Все положение партии рисовалось Троцким в крайне мрачном свете, кроме одного события в жизни РСДРП — это выходящая в Вене рабочая газета «Правда», которая стоит в стороне от фракционной полемики и «ставит себе задачу ведения политической агитации».

Сходные положения развивались в статьях Троцкого «Тенденции развития русской социал-демократии», опубликованной в газе-

те «Нью Цайт», № 50 за 1910 г., и Мартова «Прусская дискуссия и русский опыт» (№ 51). Ленин ответил обоим авторам знаменитой статьей «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России». Однако редакторы той же газеты — Каутский и Вурм — не опубликовали ее.

Дело приняло настолько скандальный оборот, что Ленин как представитель РСДРП в Международном бюро II Интернационала, Плеханов и польский социал-демократ А. Варский как делегаты ЦО партии на Копенгагенском конгрессе направили в Правление германской социал-демократической партии протест против клеветнической статьи Троцкого. Плеханов потребовал устроить нечто вроде партийного суда над Троцким. И только благодаря заступничеству присутствовавших на конгрессе Луначарского, который, видимо, действовал по указанию руководства журнала «Вперед», и меньшевика Рязанова, принимавшего участие в работе венской «Правды», «план Плеханова совершенно расстроился» [9].

Впервые в РСДРП и международном рабочем движении термины «троцкисты» и «троцкизм» употребил Ленин, характеризуя антипартийные тенденции. Позднее Троцкий настаивал на том, что первооткрыватель «троцкизма» — кадетский лидер П. Н. Милюков. Действительно, в 1905 г. в полемике с Троцким тот использовал это слово, но использовал его не с точки зрения антипартийной сущности, а для обозначения содержания экстремистских лозунгов Троцкого — Парвуса, с какими они выступали в «Русской газете» и «Начале» [10].

14 сентября 1911 г. в «Социал-демократе» в статье «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии (посвящается нашим «примирителям» и «соглашателям»)» Ленин писал: «... Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие *обманывают* рабочих, *прикрывают* зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова (лидер ликвидаторов.— *Н. В.*) и К° в России, прикрывание их дел «революционной» фразой за границей — вот суть политики «троцкизма» [11].

Ленинская оценка Троцкого и троцкизма полностью подтвердилась и в период нарастания революционной волны в России. Она в корне изменила соотношение сил в РСДРП. Все то наносное, чуждое партийности, что могло возникнуть и сравнительно легко процветать под гнетущим прессом реакции, особенно в зарубежной эмигрантской среде, стремительно линяло, теряя свою мнимую значимость. Как только революционная борьба в России усилилась, возросла потребность в повышении уровня партийной работы, необходимость организационного укрепления РСДРП, тут же сказалась вся эфемерность лоскутного объединения, которое произошло на январском Пленуме 1910 г. И оно затрещало по швам. Начался, по

словам Ленина, «процесс умирания заграничных группок, пытавшихся построить свое существование на дипломатической игре с несоциал-демократическими течениями ликвидаторства и отзовизма» [12]. Наиболее ярким примером «умирания» Ленин назвал венскую «Правду».

Основания для такого утверждения были. Все более удлинялись временны́е промежутки между выходом в свет очередных номеров газеты. Причиной тому были не только финансовые трудности, их испытывали все партийные издания. Главная причина заключалась в том, что газете не о чем стало писать, содержание материалов заметно мельчало, теряло остроту, что естественно сказывалось и на ее авторитете у читателей. Не оттого ли это происходило, что, как спрашивал Ленин, «Троцкий с его заграничной группкой есть ноль для русских с.-д. организаций?» [13]

В начале 1910 г.— пору своего наивысшего расцвета — «Правда» провела анкетирование среди своих читателей в России. Откликнулись сорок два человека. Их партийная принадлежность: нефракционные социал-демократы — 25, большевики — 10, ликвидаторы — 3, отзовисты — 3 и 1 «впередовец» [14]. Негусто. По данным департамента полиции на конец лета 1911 г., из десяти городов России, где имелись партийные организации, называлось только Сормово, в рабочих кружках которого наряду с меньшевиками были и троцкисты [15].

В апреле 1912 г. венская «Правда» прекратила существование. Свои идеи Троцкий попытался реализовать в созданном им блоке, названном «августовским» по времени его образования (август 1912 г.), в который вошли он сам с несколькими сотрудниками «Правды», ликвидаторы и бундовцы. И этот блок, по словам Ленина, был заранее обречен на провал, поскольку оказался «построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе» [16].

Видимо, и сам Троцкий слабо верил в эффективность своей затеи, поскольку уже в сентябре 1912 г. корреспондентом от «Киевской мысли» уехал на Балканы, где шла война. В 1913 г. он уже вновь в Вене и пишет для «Одесских новостей» (редактор его дядя Шпенцер), «Голоса», «Дня», меньшевистского «Луча». С февраля 1914 г. в Петербурге Троцкий издавал ежемесячный журнал «Борьба» (вышло 8 номеров, где напечатано девятнадцать его статей).

За два предвоенных года (1913—1914) Троцкий столько наговорил недостойного в адрес Ленина, дал резких и несправедливых оценок деятельности большевистской фракции РСДРП, сколько им не было сказано и написано за всю его жизнь. Не случайно в «Моей жизни» эти два года как бы выпали. Зато в «Сталине» Троцкий был непривычно беспощаден к себе в годы редактирования венской «Правды» и в канун войны.

«Некоторые критики большевизма и сейчас считают мое старое примиренчество голосом мудрости,— писал Троцкий.— Между тем глубокая ошибочность его давно вскрыта теоретически и опытом. Простое примирение фракций возможно лишь на какой-то «средней» линии. Но где же гарантия, что эта искусственно выведенная диагональ совпадет с потребностями объективного развития? Зада-

ча научной политики состоит в том, чтобы вывести программу и тактику из анализа борьбы классов, а не из параллелограмма таких второстепенных и преходящих сил, как политическая фракция». После чего следовал хоть и запоздалый, но вывод с повинной: «Мелкая и кропотливая — по масштабам, смелая — по размаху мысли, работа Ленина в годы реакции навсегда останется великой школой революционного воспитания» [17].

К этой самокритике трудно что-либо добавить...

1 августа 1914 г. Германия объявила войну России. Европу захлестнул шовинистический угар. В канун войны в Париже был убит один из создателей Французской социалистической партии Ж Жорес, осудивший военные приготовления правительства. Повсюду начались слежка, аресты, в первую очередь среди политэмигрантов. Даже в относительно спокойной Швейцарии не обошлось без эксцессов. Ленин высказал опасение, что по первому жесту русского или французского посла швейцарская полиция может учинить военный суд или высылку революционеров [18]. В Австро-Венгрии власти опубликовали призыв к населению, в котором предлагалось выслеживать и ловить всех вызывавших подозрение иностранцев. В Поронине был арестован Ленин. Лишь вмешательство депутатов парламента Г. Диаманда и В. Адлера, которые поручились за Ленина, помогло освободить его из тюрьмы. Когда позже Адлер встретился с Лениным в Вене, он рассказал о своей беседе с министром внутренних дел Австро-Венгрии. Тот спросил: «Уверены ли вы, что Ульянов враг царского правительства?» Адлер ответил: «О да! Более заклятый враг, чем ваше превосходительство» [19].

Интересно, какой вопрос задал бы министр и что ответил бы ему венский парламентарий, если бы в тюрьме оказался Троцкий? Но именно к Адлеру обратился Троцкий за советом и помощью. Вдвоем они посетили шефа полиции Гейера. На вопрос Троцкого, следует ли ему покинуть пределы империи, полицмейстер ответил, что он предпочел бы, чтобы тот сделал это немедленно, так как предполагалось опубликование приказа о заключении под стражу всех русских и сербов. Разговор происходил в три часа дня, как вспоминал Троцкий, а в седьмом часу он с семьей уже сидел в поезде, отправлявшемся в Цюрих. Деньги на переезд — 300 крон — были заняты у Адлера. Позади остались семилетние связи книги, архив и работа.

Архив и библиотеку Троцкому австро-венгерская делегация вернула на Брест-Литовских переговорах в январе 1918 г.

Во второй эмиграции проявилась еще одна особенность деятельности Троцкого, о которой все без исключения его биографы хранили дружное молчание. На эту подробность жизни Троцкого вывела меня книга одного из бывших руководителей царской охранки генерала А. И. Спиридовича «История большевизма в России», изданная в 1922 г. в Париже на русском языке. Откроем страницу 252: «Бронштейн-Троцкий — прекратил печатание своей «Правды». Состоя на службе у австрийской полиции, он занимался другим делом, которое питало его».

Сказано круто. Но эффект мог быть еще большим, если бы не источник информации, которым пользовался Спиридович: статья В. Л. Бурцева в журнале «Общее дело» № 370 за 1921 г. Бурцев писал: «Троцкий, в особенности в начале своей предательской карьеры, был совсем мелким полицейским агентом... В Вену Троцкий прибыл в феврале 1911 года. Дела его в то время были совершенно плохи. Он занимал с женою маленькую комнатку и жил впроголодь. В то время Троцкий через немца Брандта, владельца книжного магазина «Либрэри де Пепль», агента австрийской политической полиции, сошелся с заведовавшим в то время полицией неким Шлеймером. Этот Шлеймер ангажировал нынешнего Главковерха Красной Армии к себе на службу за 300 крон в месяц».

Много неточного в статье Бурцева: дата прибытия Троцкого в Вену, условия жизни и быта, легкость, с какой Троцкий принял предложение о сотрудничестве. Такое впечатление, что написано это было с одной целью — показать, какие «ничтожества» после Октября 1917-го прорвались к власти в России. Тем более что статья Бурцева называлась «Ленин и Троцкий — австро-германские агенты». Может быть, она и не заслуживала особого внимания: не первая и не последняя в долгом ряду антибольшевистских фальшивок, если бы не одно письменное свидетельство. Его подлинник хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, в фонде Бурцева. Приведу его полностью: «Справка 19 октября 1916 года. Бронштейн-Троцкий был агентом Австрии под руководством Раковского, начальника австрийского шпионажа на Балканах». И еще из того же фонда: «Лозанна. Подлинным письмом венской полиции лейтенант Элейшкери подтверждает, что Лев Давидов Бронштейн, известный как Троцкий, служил в австрийской политической полиции. Представлено было начальником внешнего наблюдения заграничной агентуры Департамента полиции Анри Багио директору Департамента полиции в Петрограде и освещено в делопроизводстве Департамента за 1916 год» [20].

Это уже посерьезней. В царской охранке слежка за политическими была поставлена превосходно. Не зря после гражданской войны и исхода из России миллионов дворян, интеллигентов, служилых людей именно работники охранки и департамента полиции России составили костяк антикоммунистической службы в Германии, Франции, Австрии, Югославии, и не только там. Скорее всего, генерал Спиридович мог знать о цитированных выше документах, если так легко согласился с заявлением Бурцева. Возможно, этот факт дал основание писателю В. Пикулю в романе «Честь имею» высказать предположение о том, что в 1912—1913 гг. на Балканах Троцкий находился не только в качестве военного корреспондента «Киевской мысли», но и той инстанции, которая пользовалась его услугами в венской полиции. Косвенным подтверждением этому может послужить факт визита Троцкого с Адлером к руководителю венской политической полиции — Гейеру. Показательно и другое. Когда осенью 1916 г. французское правительство приняло решение

о депортации Троцкого из Парижа, ему предъявили обвинение в ведении прогерманской пропаганды. Кто-то скажет, мол, и Ленина обвиняли в том же, называя «германским шпионом». Да, но пока ни одного документа, подтверждающего этот факт, не найдено и не опубликовано. А вот в отношении Троцкого такие свидетсльства сохранились.

Я представляю, какой шум был бы поднят частью прессы, найдись что-то подобное о Ленине и других руководителях партии и государства.

В Цюрихе Троцкий не задержался и вскоре появился в Париже. Здесь он вошел в редакцию левосоциалистической газеты «Голос», издававшейся Д. Мануильским и В. Антоновым-Овсеенко. После ее закрытия выступил в числе учредителей и редакторов также органа левых социалистов — газеты «Наше слово». Ее главным финансистом, считаю, был Х. Г. Раковский, с которым Троцкий близко сошелся на Балканах. Сын крупного торговца и помещика, болгарин по национальности, Раковский стал одним из зачинателей социал-демократического движения в Румынии. Унаследовав миллионы отца, он пожертвовал их «на революцию».

В течение двух лет существования «Нашего слова» (до сентября 1916 г.) в ней постоянно сотрудничали: А. Балабанова, М. Бронский, М. Владимиров, Дивильковский, К. Залевский, А. Коллонтай, А. Лозовский, А. Луначарский, Л. Мартов, Д. Мануильский, В. Мещеряков, В. Антонов-Овсеенко, М. Покровский, М. Павлович, В. Полянский, К. Радек, Раппопорт (Варин), Рязанов (Буквоед), Х. Раковский, Ф. Ротштейн, Г. Сокольников, Сергеев (Артем), Л. Троцкий, М. Урицкий, Г. Чудновский, Г. Чичерин (Орнатский). Всех их сближало неприятие войны, поиск путей выхода из кризиса, охватившего реформистский II Интернационал, наконец, потребность в объединении активных сил, стоявших на интернационалистских позициях. «Нам искренне хотелось действительно на новой почве интернационализма наладить полное объединение всего нашего фронта от Ленина до Мартова,— вспоминал бывший одним из активных сотрудников и членов редакции «Нашего слова» Луначарский.— Я ораторствовал за это самым энергичным образом и был в некоторой мере инициатором лозунга: долой оборонцев, да здравствует единение всех интернационалистов! Троцкий вполне к этому присоединился. Это лежало в давних его мечтах и как бы оправдывало всю его предшествовавшую линию» [21].

Однако дружной работы не вышло. Редакция, состоявшая из семи человек, раскололась: из нее вышли два меньшевика (Мартов и Беер), два меньшевика-партийца (Владимиров и Лозовский), бывший «впередовец» Безработный (Мануильский) и бывший меньшевик Антонов-Овсеенко, наконец, сам Троцкий.

С таким делением редакции был согласен и Ленин, считая Мануильского и Антонова-Овсеенко своими союзниками. Что же касается позиции Троцкого, то Ленин характеризовал ее как типично центристскую, каутскианскую. В одном из писем Зиновьеву он призывал: «Надо во 100 раз резче напасть на «мир» в постановке

«Нашего Слова». Не оправдываться («не в том дело», «мы признаем»), а нападать: нашесловцы дают пустые фразы о «мире», *ища мира с социал-шовинистами*» [22].

Ни о каком сближении с Троцким не было речи и позднее. В марте 1916 г., разоблачая «программу мира» Каутского и его лозунг «самостоятельности наций», Ленин спрашивал: «А Троцкий?» И отвечал: «Он горой *за* самоопределение, но и у него это пустая фраза, ибо он не требует свободы отделения наций, угнетенных «отечеством» *данного* национального социалиста; он *молчит* о лицемерии Каутского и каутскианцев!» [23].

Особенно резкими расхождения между Лениным и Троцким оказались по вопросу о лозунге Соединенных Штатов Европы. Первыми, кто с началом войны включил его в свою программу, были не троцкисты, а ленинцы. Но позднее вынуждены были отнестись к нему неоднозначно. Аргументация была следующей. Временные соглашения между капиталистами и буржуазными государствами возможны. Следовательно, возможны и СШЕ. Это было бы соглашением европейских капиталистов для укрепления своих позиций в Европе и усиления борьбы против социализма на континенте, с одной стороны. С другой — против США и Японии за рынки сбыта и расширение колониального господства.

Далее. Поскольку Европа в сравнении с более передовыми Соединенными Штатами Америки олицетворяла, по словам Ленина, «экономический застой», постольку СШЕ стали бы тормозом для развития Америки. Ленин считал, что с политической точки зрения этот лозунг, ставящий задачу революционного низвержения трех реакционных монархий — в России, Германии и Австро-Венгрии,— неуязвим, но с точки зрения экономических условий империализма — вывоза капитала и раздела мира между ведущими капиталистическими странами — «Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны» [24].

Но это не означало, что лозунг был непригоден для революционного движения. Ленин видел в нем отражение не только интернационализации хозяйственной жизни капиталистических государств, но и потребности единства национальных отрядов международного рабочего класса, сочетания национальных и интернациональных форм классовой борьбы трудящихся разных стран. Иначе говоря, борьба за революцию и социализм уже не ограничивалась рамками отдельных стран и регионов, а приобретала континентальный и даже всемирный характер. «Те времена, когда дело демократии и дело социализма было связано только с Европой,— писал Ленин,— прошли безвозвратно». Отсюда ясно, что боевым лозунгом пролетариата всех стран должен стать лозунг Соединенных Штатов Мира, а не только Европы. Эти штаты «являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом,— пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства»,— писал Ленин. Отсюда следовал вывод: «Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты мира был бы,

однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным»[25].

Безусловным законом капитализма, считал Ленин, является неравномерность его экономического и политического развития. Отсюда следовало, что победа социализма возможна первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат такой страны, осуществив экспроприацию капиталистов и организацию социалистического производства, вынужден был бы встать против остального капиталистического мира, но не в одиночестве, а привлекая на свою сторону угнетенные классы других стран, поднимая в них восстания против угнетателей, не останавливаясь даже перед применением против них военной силы. Ленин тезисно высказал соображение и по поводу государственного устройства будущего социалистического общества — демократическая республика, которая призвана была объединить силы данной нации или наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму.

Таким образом, всесторонне проанализировав политические и экономические стороны лозунга США, Ленин пришел к убеждению в неправильности этого лозунга. В примечании к манифесту ЦК РСДРП о войне, который был помещен в брошюре Ленина и Зиновьева «Социализм и война», это выражено следующим образом: «Либо это — требование, неосуществимое при капитализме, предполагающее установление планомерности мирового хозяйства при разделе колоний, сфер влияния и проч. между отдельными странами. Либо это — лозунг реакционный, означающий временный союз великих держав Европы для более успешного угнетения колоний и ограбления более быстро развивающихся Японии и Америки»[26].

Такова была позиция Ленина. В сочетании с развитой им в новых условиях идеей Маркса и Энгельса о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую она свидетельствовала о том, что он рассматривал социалистическую революцию в России не как дело будущего, а как практическую задачу.

А что же Троцкий?

Со второй половины 1915 г. и до первой половины 1916 г. в «Нашем слове» он публикует ряд статей: «Нация и хозяйство», «Мир без аннексий и «Status quo», «Право наций на самоопределение», «Соединенные Штаты Европы», «Позиция Социал-Демократа» и др., из которых в 1917 г. была составлена брошюра «Программа мира» (опубликована во втором томе «Войны и революции» и в первой части 3-го тома его собрания сочинений). В этих статьях Троцкий излагал свою точку зрения и пытался оспорить ленинскую.

Его исходная позиция: отрицание возможности мирного союза империалистических государств при любом исходе мировой войны; борьба за республиканские Соединенные Штаты Европы без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии; признание мирового

или хотя бы общеевропейского характера революционного процесса. Заслуживала внимания и попытка Троцкого придать лозунгу СШЕ антишовинистическую окраску, направленную против социал-патриотического лозунга о защите «своего» отечества.

Такова первая часть формулы лозунга СШЕ Троцкого. Она, как нам представляется, почти ни в чем существенно не расходилась с ленинской, связывавшей установление Соединенных Штатов Мира, а не только Европы с достижением свободы наций и социализма. Если бы на этом Троцкий поставил точку, то и полемизировать было бы не о чем. Но он продолжил свою формулировку: «Но победоносная европейская революция — каковы бы ни были ее перипетии в отдельных странах — за отсутствием других революционных классов, может передать власть только пролетариату. Следовательно, Европейские Соединенные Штаты прежде всего представляют собой форму — единственно мыслимую форму — диктатуры европейского пролетариата» [27].

Эта, вторая, часть формулы уже не только не приближалась к ленинской, но при всем словесном сходстве с ней есть прямая попытка концептуально обосновать невозможность победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным странам.

Методологический и политический просчет Троцкого состоял в том, что он исходил из односторонне понятых им тенденций развития мирового капитализма в империалистической стадии. В частности, абсолютизировал центростремительные тенденции, ведущие к преобразованию мировой системы капитализма в «один гигантский капиталистический трест», и оставлял вне поля зрения центробежные силы, имевшие не меньшее значение. Троцким фактически не принимался в расчет безусловный закон капитализма о неравномерном экономическом и политическом развитии отдельных стран и целых регионов. Причем для доказательства своей правоты им использовался схоластический метод. Вместо того чтобы сопоставлять уровень развития передовых капиталистических государств между собой, он сравнивал эти уровни между развитыми капиталистическими странами и странами Азии и Африки, т. е. сопоставлял несоизмеримые величины.

Отсюда им и делался вывод о том, что все капиталистические страны независимо от экономических и политических особенностей созрели для социалистической революции и установления социализма. Это с одной стороны. А с другой — он считал бесперспективной революционную борьбу в чисто национальных рамках потому, что при империализме производительные силы государств, вся их экономическая и политическая жизнь стремительно интернационализируются. И в данном случае он ошибочно интерпретировал марксистский тезис о необходимости сочетания национальной и интернациональной форм классовой борьбы. Интернациональный фактор Троцкий ставил над национальным, а не наоборот, как это было в жизни и как об этом писали основоположники марксизма — интернациональная борьба складывалась из революционной борьбы национальных отрядов рабочего класса.

«Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей

борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия,— писал Троцкий.— Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения — что, напр., революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире» [28].

Опираясь на эти положения, Троцкий, во-первых, подверг критике брошюру Ленина и Зиновьева «Социализм и война», причем сделал это, не утруждая себя поиском контраргументов, не приняв во внимание ленинский вывод о неприемлемости лозунга США; он заявил, что в работе «в телеграфном стиле даны ответы на все вопросы мироздания и еще на некоторые другие». Во-вторых, Троцкий резко выступил против закона неравномерного экономического и политического развития капитализма. И в-третьих, попытался оспорить ленинское положение о возможности победы социалистической революции первоначально в одной отдельно взятой стране или нескольких странах. При этом его главный довод был сведен к тому, что социалистическому лозунгу США Ленин якобы противопоставлял демократический лозунг самоопределения наций и народностей.

В статье «Позиция «Социал-Демократа» (она не была включена в брошюру «Программа мира») утверждалось: «Отвергая лозунг Соединенных Штатов, как относящийся уже к социалистическому режиму, и в то же время отстаивая право на самоопределение, как лозунг нынешней эпохи, ленинская позиция может только вызывать представление, будто империализм, несовместимый с демократическим объединением государств (Соединенные Штаты), вполне совместим с их национально-демократическим *расчленением*. А такое представление совершенно абсурдно, взять ли его политически, экономически или систематически». И затем: «Особенно характерно для Ленина, в котором революционный демократизм и социалистическое доктринерство живут параллельно, никогда не сливаясь в живое марксистское целое... что, приняв Соединенные Штаты в политической инстанции и отвергнув в экономической, Ленин умудрился через все инстанции провести принцип национального самоопределения. Тут победа осталась на стороне революционного демократа. Социалистический доктринер не успел отравить его сомнением насчет осуществимости самоопределения на капиталистических основах» [29].

В этом заключении весь Троцкий, его манера ведения дискуссии с демонстративным пренебрежением к сопернику. Здесь же вырисовывается и сущность троцкизма: его нежелание считаться с конкретно-историческими реальностями разных стран, бравирование социалистической программой трудящихся, превознесение «высших форм» классовой борьбы и нежелание снизойти к «низшим» фор-

мам, которые он связывал с борьбой за повседневные нужды трудящихся, игнорирование революционного потенциала всех трудящихся, кроме пролетариата.

Отвечая Троцкому и другим поборникам борьбы за «чистый» социализм, Ленин в статье «Итоги дискуссии о самоопределении» писал: «Социалистическая революция в Европе *не может быть* ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия *не* возможна *массовая* борьба, не возможна *никакая* революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но *объективно* они будут нападать на *капитал*, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешнераздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать... тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков» [30].

Что же касалось упреков Троцкого в излишнем акцентировании внимания на проведении в жизнь требований о самоопределении наций и народностей, Ленин заметил, что каутскианцы лицемерно признают самоопределение, в России по этому пути шли Троцкий и Мартов. На словах они выступали за самоопределение, а на деле получался обычный эклектизм: с одной стороны, хозяйство сливает нации, с другой стороны, национальный гнет разъединяет. И в результате лицемерие оставалось неразоблаченным, агитация безжизненной, не затрагивающей главного: «отношения к нации, угнетаемой «моей» нацией». «Каковы бы ни были субъективные «благие» намерения Троцкого и Мартова, объективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм» [31]. Вот к такому малоприятному для Троцкого и его сторонников заключению приходил Ленин.

Все эти теоретические споры, без которых невозможно представить жизнь российской политической эмиграции того времени, мало беспокоили французские власти. Их волновал рост антивоенных настроений среди трудящихся собственной страны. Естественной реакцией любого правительства, каким бы либеральным оно себя ни числило, тем более в военное время, стало ужесточение политического режима, свертывание буржуазной свободы печати и слова.

В марте 1915 г. была закрыта эсеровская ежедневная газета «Мысль», редактировавшаяся В. Черновым и М. Натансоном. Подбирались власти и к «Нашему слову». Все чаще и чаще газета выходила с «белыми пятнами», а то и просто в виде чистых листов бумаги. «Наше Слово» все белое» [32],— писал Ленин осенью 1915 г. Зиновьеву. Текст газеты вымарывался цензором, французским офицером «мсье Шалемом». Причем, когда Троцкий или кто-то из членов редакции обращался к нему за разъяснением, он и не считал

нужным скрывать оказываемого на него давления министерства иностранных дел, а на самом деле — посольства России.

В сентябре 1916 г. закрылось и «Наше слово». Одновременно парижский префект полиции предъявил Троцкому ордер на высылку за пределы Франции (характерно, что в 1929 г., когда Троцкий оказался высланным из СССР, именно на основании этого декрета ему было отказано в визе в страну). Троцкому не помогли ни ссылки на очевидную глупость предъявленного газете и ему лично обвинения в «подстрекательстве» солдат, ни открытое письмо министру-социалисту Ж. Геду с просьбой «войти в положение», ни протест депутата французского парламента Ж. Лонге министру-президенту республики Бриану.

В начале ноября в сопровождении двух полицейских агентов Троцкого вывезли в Испанию, в Сан-Себастьян. Оттуда он переехал в Мадрид, где, с помощью местных социалистов устроившись в небольшом пансионате, старательно посещал мадридские музеи и библиотеки. Длилась такая жизнь недолго, 9 ноября он был арестован и посажен в тюрьму. Поводом для заключения послужила полученная из Парижа телеграмма о том, что Троцкий — «опасный анархист». Через три дня опять-таки без объяснения причин его перевели в Кадикс, откуда он должен был отправиться на пароходе ближайшим рейсом в Гавану.

Троцкий воспротивился, требуя, если уж нельзя обойтись без высылки, отправить его в Нью-Йорк. Тем временем один из испанских депутатов, республиканец, внес в парламент запрос по поводу ареста и высылки Троцкого. Началась дискуссия в газетах. В результате власти разрешили Троцкому остаться в Испании до отхода первого парохода в Нью-Йорк. Он перебрался в Барселону. Туда прибыла из Франции Седова с сыновьями, и 25 декабря после трех с лишним месяцев бестолковых мытарств на испанском пароходе трансатлантической компании «Монсерат» Троцкий с семьей наконец отплыл к берегам Нового Света.

В то время рабочее движение в США, как и западноевропейское, было разрозненным. В рядах социал-демократии, как и положено, имелись свои «правый» и «левый» фланги, а также традиционный «центр». Особенно это размежевание было характерно для фракций, представлявших выходцев из Восточной Европы.

Благодаря финансовому положению, наиболее сильной была фракция во главе с А. Каганом, группировавшаяся вокруг газеты «Форвертс». Издание выходило в Нью-Йорке с 90-х годов прошлого века и традиционно отражало настроения представителей еврейской либеральной интеллигенции, мелкой буржуазии, «рабочей аристократии», т. е. более или менее благополучных в материальном отношении слоев. К группе «слева» относились латвийская федерация и редакция газеты «Новый мир». К «центру» тяготели немецкая и финляндская федерации.

Естественным притяжением для Троцкого в силу не только языковых, но и ряда других причин стала редакция «Нового мира». Газета была учреждена в конце 1911 г. группой меньшевиков

(С. Ингерман, М. Ромм, Джемс и др.), эмигрировавших из России. Одно время ее редактировал Л. Дейч [33]. В 1912 г. редакция обращалась к Троцкому с предложением сотрудничества, но он отказался. Статьи в «Новый мир» посылали большевики, в частности Ленин. К моменту прибытия Троцкого в Америку в газете активно работали Н. И. Бухарин, Г. И. Чудновский, М. С. Урицкий, В. Володарский (М. М. Гольдштейн) и др. С Урицким у Троцкого уже был опыт совместной работы в венской «Правде». Чудновский и Володарский тут же перешли на его сторону. Сотрудничество этой тройки продолжалось и позднее. После Февральской революции они войдут в «межрайонку» («Межрайонную организацию объединенных социал-демократов»), станут членами большевистской партии на VI съезде, затем участниками Октябрьской революции.

Особые отношения связывали Троцкого и Бухарина. Историк троцкизма, П. Бруе, со ссылкой на рассказ Н. Седовой В. Сержу (псевдоним Кибальчича) представил идиллическую картину встречи Троцкого и Бухарина в США: «Они познакомились в Вене (до войны.— *Н. В.*), когда фракционная борьба их разделила, но к моменту встречи между ними уже не было сколько-нибудь значительных разногласий» [34].

Это не совсем так. Идиллия имела место, но недолго. Двадцативосьмилетний Бухарин, несмотря на тюрьму, ссылку, побег, мытарства эмигранта, сохранил в себе юношескую порывистость и непосредственность. Он легко сходился с людьми (склонен был воспринимать главным образом их положительные качества), мог быстро привязываться к тем, в ком видел единомышленника. По словам Троцкого, при встрече Бухарин приветствовал его со свойственной ему ребячливой восторженностью и тут же повел с Седовой осматривать публичную библиотеку.

Будучи на девять лет старше Бухарина, Троцкий покровительственно позволил ему привязаться к себе. Этот оттенок снисходительности, неприятия Бухарина всерьез Троцкий сохранил на всю жизнь, предпочитая замечать в нем только восторженность, которой тот одарил Троцкого. «Со времени совместной работы в Нью-Йорке начинается все возрастающая привязанность Бухарина ко мне, которая, все повышаясь, перешла в 1923 г. в свою противоположность,— писал Троцкий позднее.— Свойство этого человека таково, что он всегда должен опираться на кого-либо, состоять при комлибо, прилипнуть к кому-либо. В такие периоды Бухарин является просто медиумом, через который говорит и действует кто-то другой. Но надо не спускать с медиума глаз: иначе он незаметно для себя подпадет под прямо противоположное влияние, как другие люди попадают под автомобиль, и начнет поносить своего идола с той же беззаветной восторженностью, с какой только что превозносил». После чего следовал вывод, который, на наш взгляд, свидетельствовал не столько о превосходстве Троцкого над Бухариным, сколько о стремлении отомстить молодому другу за его измену: «Я никогда не брал Бухарина слишком всерьез и предоставлял его

самому себе, а это значит — другим. Бухарин стал после смерти Ленина медиумом Зиновьева, затем Сталина. Сейчас, когда пишутся эти строки (1929 г.— *Н. В.*), Бухарин проходит через новый кризис, и новые мне еще неведомые флюиды проникают в него» [35].

Троцким же была дана ему кличка — Коля Балаболкин. Думается, что в нью-йоркский период Троцкий преувеличил идейную зависимость от него Бухарина. Да и его привязанность к Троцкому быстро улетучилась, когда «стороны приступили к выяснению занятых ими позиций». Произошло это в день их встречи, а точнее ночью 14 января в Бруклине, на квартире редактора «Фольксцайтунг» и секретаря немецкой федерации Социалистической партии США Л. Лоре. Здесь собрались два десятка левых социалистов, решивших обсудить программу действий. По мнению американского историка Т. Дрейпера, в ходе длившейся всю ночь дискуссии выявились две полярные точки зрения по основному тактическому — он же и политический — вопросу о судьбе левой части социалистической партии. Бухарин, в соответствии с намеченной на Циммервальдской конференции левой тактикой, высказался за раскол с правой, оппортунистической частью партии и создание новой. Троцкий же предложил оставить левую фракцию в соцпартии, чтобы «революционизировать ее изнутри» [36].

Свое предложение Троцкий вспомнит в 30-е годы при разработке тактики «энтризма» (от французского глагола «entrer» — входить, проникать.— *Н. В.*) троцкистов в социалистические партии с целью привлечения на свою сторону их рядовых членов. А тогда, в январе 1917 г., он «начал революционизировать» социалистическую партию с усиленной работы в редакции газеты «Форвертс», приняв предложение ее редактора изложить на ее страницах свои взгляды на положение международного социализма.

Впоследствии Троцкий в «Моей жизни» так представлял эту сторону своей деятельности: «Мы все успешнее проникали в могущественную еврейскую федерацию с ее четырнадцатиэтажным дворцом, откуда ежедневно извергалось двести тысяч экземпляров газеты «Форвертс», с затхлым духом сентиментально-мещанского социализма, всегда готового к худшим предательствам» [37].

Одновременно Троцкий навел контакты с сотрудниками газеты «Колл», которая, по его словам, «велась в духе бессодержательного пацифистского нейтрализма». Кроме того, как и во Франции, он, собрав своих сторонников, приступил к подготовке независимого печатного органа. Первый его номер под названием «Классовая борьба» (на английском языке) вышел 22 апреля 1917 г., уже после отъезда Троцкого в Россию. В эти месяцы почти ежедневно Троцкий общался с будущим создателем японской компартии С. Катаямой, голландцем С. Рютжером, финном С. Нуертевой, ирландцем Д. Ларкиным. Он продолжал активную деятельность в редакции «Нового мира» и среди российских социал-демократов. «Троцкий

быстро приобрел популярность в местной русской колонии,— писал Зив.— Он скоро окончательно порвал с «социал-патриотами», устроившими его приезд в Америку и так радушно принявшими его. Он сделался редактором «Нового мира» и быстро превратил эту газету во второе издание «Нашего Слова» [38].

Наблюдая за деятельностью революционеров из Европы, Ленин сообщал И. Арманд в письме: «Еще письмо от Коллонтайши, которая... вернулась из Америки в Норвегию. Н. Ив. (Бухарин.— *Н. В.*) и Павлов (латыш, что был в Брюсселе: Павел Васильевич) *завоевали*-де «Новый Мир» (я из рук вон плохо получаю эту газету), но... приехал Троцкий, и сей мерзавец сразу снюхался *с правым* крылом «Нового Мира» против левых циммервальдцев!! Так-то!! Вот так Троцкий!! Всегда равен себе = виляет, жульничает, позирует как левый, *помогает* правым, пока можно...» [39] Сегодня и эта ленинская оценка беспринципности Троцкого кое у кого вызывает протест своей категоричностью, вызванной якобы сиюминутным раздражением — вот-де, мол, так хорошо Бухарин наладил газету на принципах Циммервальдской левой, но вмешался Троцкий и многое расстроилось, опять надо начинать чуть ли не с нуля. Убежден, что ленинская оценка — не эмоциональный срыв, а продолжение его прежних оценок Троцкого.

Начавшийся налаживаться быт семьи Троцкого резко всколыхнуло сообщение о Февральской революции в России. Опять зазвучали его речи и статьи, в которых уже не призывалось крепить контакты с «Форвертсом» и правым крылом соцпартии США. В «Новом мире» от статьи к статье нарастала критическая волна против местных социал-патриотов. Он однозначно осуждал как правых социалистов за проповедь лозунга «защиты отечества», попытки бросить тень на Февральскую революцию, так и правительство страны за недальновидное вступление в мировую войну. Вновь в литературном лексиконе Троцкого замелькали слова «революция», «классовая борьба», «пролетариат». 22 марта на страницах того же «Нового Мира» в статье «Война и революция» он писал: «Американский капитализм вовлекает страну в войну,— американский пролетариат найдет из нее выход на пути социальной революции» [40].

Анализируя материалы прессы, которые нередко со значительным запозданием доставлялись из России, Троцкий пытался разобраться в происходившем, раскрыть внутренние и внешние причины событий, составить хотя бы приблизительный социальный прогноз. Этим вопросам посвящены его статьи «Революция в России», «Два лица. (Внутренние силы русской революции)», «Нарастающий конфликт», «Война или мир?», «От кого и как защитить революцию?», «Кто изменники?», «1905—1917. (Ближайшие задачи нынешней революции)», напечатанные в «Зюкунфт» (журнал левых кругов представителей еврейского рабочего движения в Америке).

В послесловии к «Урокам Октября» в сентябре 1924 г. Троцкий отмечал: «Первый этап революции и ее перспектива освещены в

статьях, написанных в Америке. Думаю, что во всем существенном они вполне согласуются с тем анализом революции, который дан Лениным в его «Письмах из далека» [41]. А в 1931 г. в приложении к «Истории русской революции» он пошел дальше, заметив, что в своих «американских статьях» обосновал «тот же взгляд на развитие революции, который нашел свое выражение в тезисах Ленина 4-го апреля» [42].

Это заявление, конечно, явная натяжка, призванная задним числом сгладить несходство своей позиции с ленинской. Попытаюсь разобраться с действительно имевшими место терминологическими совпадениями, которые в 1924 г. в примечаниях к 3-му тому собрания сочинений Троцкого скрупулезно перечислил их редактор и автор комментариев Ленцинер. Назову их: недоверие к буржуазному Временному правительству, разоблачение его политики, призывы к миру, конфискация помещичьих земель и др.[43] Выделенные Ленцинером точки соприкосновения в статьях Ленина и Троцкого не случайны. Затрагиваемые в них вопросы были центральными, поставленными в повестку дня самой логикой развития событий, волновали не только Ленина и Троцкого, но и лидеров всех политических группировок и сил: монархистов, кадетов, меньшевиков, эсеров и т. д. От их решения зависела судьба революции, дальнейшее развитие страны. Поэтому простая констатация, что об этих вопросах шла речь в статьях и выступлениях Ленина и Троцкого, как это фактически делает Ленцинер, мало что объясняет. Тут нужен всесторонний анализ содержания ответов Ленина и Троцкого на данные вопросы.

Ленин исходил из ключевого положения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, перехода от первого этапа революции ко второму и потому его подход отличался реализмом, максимумом осуществимого в данных условиях и при данной расстановке классовых сил.

Его апрельские тезисы представляли не просто набор словесных требований и пожеланий, которых в избытке хватало в платформах различных мелкобуржуазных партий и групп, а конкретную программу действий, руководствуясь которой большевистская партия в считанные недели шаг за шагом приближалась к намеченной цели — социалистической революции. «Своеобразие текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— писал Ленин,— *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [44].

Троцкий же, опираясь на теорию «перманентной революции», в которой не было места для буржуазно-демократической революции, что произошла в России, претворение в жизнь ее задач целиком связывал с осуществлением социалистической революции. Хотя и выражался при этом крайне туманно: «Люди, мыслящие одними формулами или не мыслящие вовсе, полагают, что весь вопрос решался тем, что в России сейчас происходит буржуазная револю-

ция,— писал Троцкий.— В действительности же вопрос только поднимается; какая это буржуазная революция? Каковы ее внутренние силы и дальнейшие перспективы?» [45]

Отвечая на эти вопросы, Троцкий сравнивал Февральскую революцию с французской конца XVIII века. Во Франции главной движущей силой оказалась, по его мнению, мелкая буржуазия города, державшая под своим влиянием крестьянские массы. В России мелкая буржуазия не играла никакой роли, так как ее экономические позиции в обществе были ничтожны. Русский капитализм, считал Троцкий, с самого начала развивался в своих высших, централизованных формах. Поэтому русский пролетариат враждебно противостоял русской буржуазии как класс классу еще в первой русской революции. Отсюда им делался вывод, что начавшаяся в России революция по своему характеру должна быть сразу же революцией пролетарской, без всяких переходных форм и промежуточных ступеней.

Эту точку зрения Троцкий отстаивал фактически до конца жизни. Даже в «Истории русской революции», которая писалась им со значительной коррекцией на ленинские труды, он, удивляясь тому, что Петербургский Совет в лице Чхеидзе, Церетели и прочих соглашателей добровольно передал власть Временному правительству, считал этот факт как парадокс Февраля. Парадокс действительно имел место. Но не в том смысле, в каком его понимал Троцкий: мол, не отдай Совет власти буржуазии и была бы не буржуазная, а социалистическая революция. Эта добровольная сдача полномочий свидетельствовала о парадоксе другого свойства — глубокой пропасти между доктриной меньшевизма, смысл которой сводился к догматическому, одноцветному толкованию революционного процесса: раз революция буржуазная, значит и руководить ею должна буржуазия, и реальностью, свидетельствовавшей о революционной немощи российской буржуазии и выходе пролетариата на роль гегемона уже на этапе буржуазно-демократической революции. Так что, говоря (в послесловии к «Урокам Октября») о том, что на первом этапе революции он шел вместе с Лениным, Троцкий создавал очередную легенду о своем прошлом. В статьях в «Новом мире» и «Зюкунфте» нет ни слова не только о первом этапе, но и о самом понятии поэтапного развития революции в России. 1917 г. Троцкий встретил с той самой теорией «перманентной революции», которая была им замыслена в ходе первой русской революции и от которой он не собирался отказываться.

Но напрашивается еще один принципиальной важности вывод. Нарастание революционных событий способствовало тому, что в троцкистской теории ее оппортунистические, социал-реформистские положения, касавшиеся во многом расстановки классовых сил, отходили на задний план, уступая место леворадикальным. Конечно, не следует понимать, что троцкизм утрачивал свое лицо и сливался с большевизмом. Но политическая платформа троцкизма стремительно приближалась к большевистской в ее ленинской новаторской трактовке. Причем не только по отношению к оценке

поведения буржуазных партий, но и по другим не менее существенным вопросам — войны и мира, Советов, интернациональных задач русской революции. Иначе говоря, отмечался такой не менее парадоксальный, чем в случае с добровольной передачей Советами власти буржуазии, процесс вымывания в политической платфоме Троцкого ее собственно троцкистских, то есть мелкобуржуазных, псевдореволюционных элементов. Теория «перманентной революции» стремительно революционизировалась. Происходил весьма своеобразный и любопытный для политических учений эффект аннигиляции троцкизма. И обусловлен этот процесс был именно шквальным, обвальным характером развития революции в России, когда в считанные дни стирались грани между двумя этапами революции, так что эти этапы фактически сливались в один. Между ними ни в постановке проблем, ни в быстроте их решения почти не оставалось временного зазора.

Именно в причудливом своеобразии революционного развития России и следует искать ростки того, что приближало Троцкого к большевикам и Ленину. Причем что характерно — сам Троцкий субъективно не ощущал этого приближения, и главным образом из-за того, что ему в общем-то не от чего было отказываться в своей теории. Изменялась она сама под воздействием практики, пополнялась новыми элементами. Это с одной стороны. А с другой — эклектизм теории «перманентной революции» позволял Троцкому давать ответы практически на все случаи жизни, изменяя лишь акценты и те или иные стороны своей теории, выдвигая на передний план те из них, которые более всего отвечали потребностям данного момента.

...После посещения Троцким русского консула в Нью-Йорке с заявлением об отъезде в Россию он и члены его семьи получили необходимые документы. Отъезд был согласован и с британским консулом. 27 марта Троцкий и Седова с сыновьями, а также еще пятеро подданных России — Чудновский, Мельничанский, Фишелов, Мухин и Романченко — отбыли из Нью-Йорка на норвежском пароходе. Однако поездка их явно затянулась.

Как писал Троцкий в письме на имя министра иностранных дел Российской Республики П. Н. Милюкова (5 мая, Петроград), по прибытии в канадский порт Галифакс на борт парохода, подвергшегося досмотру английскими военно-морскими властями, поднялась группа офицеров в сопровождении вооруженных матросов. От имени местного адмирала они потребовали, чтобы Троцкий с семьей и пятеро русских пассажиров покинули пароход. Троцкий воспротивился. Тогда матросы под крики возмущенных пассажиров «Позор!» снесли всех на руках на военный катер и доставили пленных в Галифакс. «Когда матросы держали меня на руках, мой старший мальчик (Лев. — *Н. В.*) подбежал ко мне на помощь и крикнул: „Ударить его, папа?“,— писал Троцкий в письме Милюкову.— Ему 11 лет, господин министр, и я думаю, что у него на всю жизнь сохранится яркое представление о некоторых особенностях правящей английской демократии и англо-русского союза» [46].

Похожая сцена повторится через одиннадцать лет, в январе 1928 г. в Москве, когда Троцкого и его семью отправят в алма-атинскую политическую ссылку. Его также вынесут на руках из кремлевской квартиры, посадят в автомобиль, а затем из автомобиля понесут в вагон специального поезда. Один из его сыновей, на этот раз младший, Сергей, попытается заступиться за отца, попросив его разрешения пойти в рукопашную на сотрудников ОГПУ, но Троцкий и Седова запретят ему ввязываться в драку. Старший сын будет бежать рядом и кричать: «Смотрите, несут Льва Троцкого!» Но никто из двух десятков железнодорожных рабочих не крикнет: «Позор!» И никто не сделает попытки вместе с Сергеем помешать отправке Троцкого в Казахстан...

В Галифаксе без объяснения мотивов задержки всю группу по железной дороге доставили в местечко Амхерст и поместили в лагерь для немецких военнопленных. После протеста Троцкого и Седову с детьми удалось из лагеря переместить на квартиру местного жителя. Все попытки связаться с Россией оказались тщетными. Правда, удалось дать знать об аресте в редакцию «Нового мира». Газета 10 апреля сообщила об этом факте. В социал-демократической печати, в том числе и в России, началась кампания по освобождению Троцкого.

В ответ британское посольство в Петрограде разослало редакциям всех влиятельных в России газет официальное уведомление, что подвергнутые в Канаде аресту российские подданные ехали «с субсидией от германского посольства для низвержения Временного правительства» [47]. Ряд газет и в их числе большевистская «Правда» выступили с опровержением этой клеветы. 16 апреля в «Правде» появилась заметка, авторство которой Троцкий приписывал в «Моей жизни» самому Ленину. Не знаем, так ли это, но факт остается фактом: руководимая им газета выступила в защиту интернированных, заявив, что вряд ли можно верить сообщению английской стороны о том, что бывший председатель Петербургского Совета рабочих депутатов в революции 1905 г. мог быть связан с германским правительством.

К кампании подключился Петербургский Совет. Исполком принял обращение-протест против действий английского правительства. Его содержание сообщили британским властям, английским газетам, а также Милюкову. Он обратился к британскому послу Бьюкенену, тот снесся со своим правительством и 27 апреля сообщил, что британские власти задержали Троцкого и других исключительно по «необходимости обменяться телеграммами с правительством Ее Величества» (английской королевы.— *Н. В.*) по данному вопросу». Одновременно посол побывал в редакции «Правды», «Рабочей газеты» — другого большевистского органа, который выступал за возвращение в Россию всех, кто оказался за ее пределами.

29 апреля Троцкий и его компаньоны были освобождены. На датском пароходе «Гелиг Олаф» они продолжили свой путь в Россию через Швецию, Финляндию на Петроград.

Если в 1905 г. Троцкий одним из первых вернулся в Россию из эмиграции, то после Февраля он оказался в числе последних. В Петроград он и его спутники прибыли 4(17) мая, проделав тот же последний отрезок пути, что и группа Ленина в апреле. В Белоостров на встречу с ним прибыла весьма представительная делегация из Межрайонной организации РСДРП во главе с Урицким и от большевистского ЦК — Г. Ф. Федоровым. Была встреча и на Финляндском вокзале. Не такая по массовости, как встреча Ленина, но с такими же пламенными речами и призывами.

Троцкий с семьей поселился в затрапезной гостинице «Киевские номера», в одной комнате, да и то пришлось постараться, чтоб ее заполучить. Бытовая сторона, правда, мало волновала его. Домой он приходил разве что переночевать и наспех чего-нибудь перекусить. Остальное время проходило в водовороте заседаний, выступлений на митингах, в Петросовете, демонстрациях, в скорописи листовок, воззваний и статей.

Уже 5(18) мая Троцкий выступил в Петроградском Совете. Причем, что характерно, его кандидатуру в состав исполкома Совета внесли не «межрайонцы», в рядах которых он числился с 1913 г., и не приятель Чхеидзе, которого он накануне мировой войны учил, как вести себя в борьбе против ленинцев. Троцкого рекомендовали большевики, которых он полтора десятилетия изображал диктаторами и антидемократами.

Как один из лидеров «межрайонки», Троцкий пытался наладить контакты с представителями других левых партий и организаций, органами их печати. Он неоднократно посещал редакцию полуменьшевистской газеты «Новая жизнь», издававшейся Н. Сухановым и М. Горьким. Последний проявил интерес к Троцкому. Зная его по эмиграции, надеялся, что тот окажется союзником в примирении враждовавших между собой основных группировок социал-демократии. Но первые же заявления Троцкого разочаровали Горького, и он не раз говорил сотрудникам редакции, что Троцкий оказался еще непримиримее Ленина.

Побывал Троцкий и в редакции большевистской «Правды», встретился с Лениным, Зиновьевым, Каменевым. Ленин возлагал на него определенные надежды, надеялся привлечь к совместной работе. По некоторым свидетельствам, он на одном из заседаний ЦК партии, в мае, высказался за привлечение Троцкого в редакцию «Правды». Но его предложение отвергли другие члены ЦК. Ленин предложил также Троцкому возглавить газету популистского толка на манер редактировавшейся им и Парвусом в 1905 г. газеты «Начало». Но от этого предложения отказался Троцкий.

7—10 мая состоялась городская конференция «межрайонцев». На последнем заседании, 10 мая, присутствовали Ленин, Зиновьев и Каменев. Здесь Ленин высказал предложение о слиянии РСДРП(б) и Межрайонной организации. Оно включало несколько пунктов. Во-первых, «объединение желательно немедленно». Во-

вторых, включить по одному представителю «межрайонки» в редакцию «Правды», которую планировали превратить во всероссийскую популярную газету и ЦО будущей слившейся партии. В-третьих, включить двух «межрайонцев» в комиссию по подготовке VI съезда партии. И наконец, обеспечить в «Правде» и других печатных органах свободную дискуссию по спорным вопросам [1].

Троцким эти предложения были оценены своеобразно. Взяв вслед за Лениным слово, он заявил, что согласен «с резолюциями». Ленин записал следующие его слова: «...согласен **постольку, поскольку** русский большевизм и н т е р н а ц и о н а л и з и р о в а л с я. Большевики разбольшевичились — и я называться большевиком не могу... Признания большевизма требовать от нас нельзя». Согласившись с предложением о введении в ЦК будущей «слившейся партии» представителей «межрайонцев», Троцкий выразил сомнение в целесообразности участия в совместных органах печати. В заключение он признал нежелательным старое фракционное наименование — РСДРП(б) [2]. Троцкий не просто критиковал ленинские предложения о слиянии, но отверг их. Причем сделал это в некорректной форме, выдвинув ряд неприемлемых для Ленина и большевиков условий. Что означало его заявление «о разбольшевичивании русского большевизма, который интернационализировался»? Только одно — Троцкий не желал признать правоту «старого большевизма», Ленина, большевиков в споре с ним и с троцкизмом. То есть Троцким выдвигалось условие, которого от него не требовали ни Ленин, ни другие руководители РСДРП(б). Поэтому он не хотел принять и старое фракционное наименование партии. Троцкий соглашался на слияние только, как он считал, с «обновленным Лениным», в котором усматривал своего единомышленника, перешедшего на позиции теории «перманентной революции» и с «обновленным большевизмом», в котором он видел подобие российской или — точнее — ленинской разновидности троцкизма.

За кулисами конференции он пытался дискредитировать Ленина лично. Запугивал «межрайонцев» диктаторским нравом Ленина, настаивал на том, чтобы их организация сохранила в РСДРП(б) свою автономию. Именно по его инициативе конференция отвергла ленинский план объединения. Когда А. Балабанова спросила Ленина, что его до сих пор разделяло с Троцким, тот, вскинувшись, ответил: «А разве вы не понимаете? Амбиции, амбиции, амбиции».

В начале июня вышел в свет первый номер органа «межрайонцев» — журнал «Вперед». Его издание по случаю несостоявшегося слияния с РСДРП(б) предполагалось на долгий период. До объединения с РСДРП(б) вышло 16 номеров. И почти в каждом есть статьи, заметки, реплики Троцкого. Назовем наиболее заметные: «Двоебезвластие», «На пути к развязке», «На этом пути выхода нет», «Пацифизм на службе империализма», «Наступление и наступленцы», «Тезисы о войне», «К вопросу об объединении интернационалистов». Они вошли в первую часть 3-го тома его собрания сочинений. Их общая направленность была кратко сформулирована Троцким: «Я лично выступал в своих статьях в журнале «Вперед» и

в своих речах **за переход всей власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»** [3].

...Массы стремительно левели. Вместе с ними левел и Троцкий. Популярность Троцкого быстро набирала силу. Этому, на наш взгляд, способствовало немало обстоятельств объективного и главным образом субъективного характера. Во-первых, разлив мелкобуржуазной стихии с ее показной, чисто словесной революционностью, для которой важно не столько быть, сколько казаться, с ее культом вождя, жаждой немедленного успеха. Всем этим параметрам вполне отвечал троцкизм.

Во-вторых, те, кто знал о негативной деятельности Троцкого в годы реакции, последовавшие за поражением первой русской революции,— как большевики, так и меньшевики,— только возвращались из-за границы, из ссылок и тюрем. Молодому поколению участников революционного движения, тем более беспартийным массам, о борьбе Троцкого против Ленина, против большевистской партии в эмиграции было практически ничего не известно. Зато Троцкий — председатель Петербургского Совета в 1905 г.— многим из них был памятен и близок.

В-третьих, как ни странно, популярности Троцкого во многом способствовал его арест в Канаде английскими властями при возвращении из США в Россию. В газетах то и дело мелькали публикации о пребывании Троцкого в плену. Все это создало ему ореол непримиримого борца с ненавистной Антантой.

Наконец, в-четвертых, Петроград бурлил: митинги, речи, демонстрации, красные флаги, революционные призывы — среда, в которой Троцкий с его мастерством трибуна и оратора чувствовал себя как рыба в воде. Своими речами он кружил головы не только простым рабочим, солдатам, матросам, но и поднаторевшим в политике людям.

Естественно, деятельность Троцкого в майские дни не ограничивалась только участием в митингах и демонстрациях. На I Всероссийском съезде Советов, несмотря на заявления в поддержку министров Временного правительства, по некоторым вопросам он блокировался с большевиками. В частности, в осуждении готовившегося наступления русской армии на фронте. Им даже был написан текст заявления большевиков по этому вопросу, оглашенный на съезде. В исполкоме Петросовета он поддержал предложение большевиков о проведении 10 июня демонстрации трудящихся под лозунгами «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!». И это невзирая на то, что в знак протеста против его заявления часть «межрайонцев» покинула заседание исполкома. Троцкий подготовил текст заявления фракции большевиков, зачитанного на заседании съезда Советов 12 июня. В нем разоблачались попытки меньшевиков и эсеров обвинить большевистский ЦК в авантюризме за настаивание на проведении указанной демонстрации.

Особую активность Троцкий развил в июльские дни. Он вместе с Лениным, Зиновьевым, Каменевым, другими лидерами РСДРП(б) предостерегал рабочие и солдатские массы от опрометчивых шагов,

в частности от проведения антивоенной демонстрации 4 июля, которая ставила целью низвержение Временного правительства. «Июльские демонстранты хотели передать власть Советам,— писал Троцкий.— Для этого необходимо было, чтоб Советы согласились ее взять. Между тем даже в столице, где большинство рабочих и активные элементы гарнизона уже шли за большевиками, большинство в Совете, в силу закона инерции, свойственного всякому представительству, принадлежало еще мелкобуржуазным партиям, которые покушение на власть буржуазии рассматривали, как покушение на себя».

Троцкий решительно выступал против развернутой в небольшевистской печати травли Ленина как «германского шпиона» за то, что он не побоялся вернуться в Россию из эмиграции, проехав по территории Германии.

5 июля, по свидетельству Троцкого, между ним и Лениным состоялась встреча, на которой обсуждались планы работы на случай ухода в подполье. Такой встречи не зафиксировано в 4-м томе «Биографической хроники» В. И. Ленина. Но в этом томе есть сообщение о том, что вечером 4 июля в Таврическом дворце Ленин участвовал в объединенном заседании Центрального и Петербургского комитетов РСДРП(б), Военной организации при ЦК партии и Межрайонной организации РСДРП, членом которой являлся Троцкий [4]. Не исключено, что встреча, о которой говорил Троцкий, могла иметь место днем раньше.

С конца июня в повестку дня вновь выдвинулся вопрос об объединении с большевиками. В статье «От слов — к делу (К вопросу об объединении интернационалистов)», напечатанной в газете «Вперед» в конце июня, Троцкий, возвращаясь к итогам майской конференции «межрайонцев», писал об отсутствии принципиальных расхождений с большевиками. Здесь же он подверг критике статью другого лидера «межрайонки» Юренева в третьем номере журнала, в которой тот объединению с РСДРП(б) предпочел союз с меньшевиками-интернационалистами (Мартов и другие) и проведение совместно с ними всероссийского съезда с.-д. интернационалистов.

А уже 2(15) июля в «Правде» в заметке «Нужно немедленно объединиться на деле (Ответ на запрос)» им была сформулирована объединительная платформа из пяти пунктов. Ни одного условия, ни одного слова упрека в адрес большевиков, как в речи на майской конференции «межрайонцев», в ней не было. Перед читателем предстал не привычный всем воинственный Троцкий, а образец смирения и согласия, не человек, а, пользуясь выражением его любимого поэта Маяковского, «облако в штанах». Подчеркнув еще раз, что «никаких принципиальных или тактических разногласий между «объединенной» и большевистской организацией не существует», он счел необходимым объединить всю работу в Петрограде немедленно, не дожидаясь партийного съезда.

Заметка была приурочена к открывшейся 2 июля второй Петроградской конференции Межрайонной организации. На ней присутствовало 70 делегатов. И естественно, главным вопросом повестки

дня стал вопрос объединения с большевиками. Подавляющим большинством он был решен положительно. Конференция выделила двух представителей «межрайонки» в Оргбюро по проведению VI съезда РСДРП(б). Троцкого назначили на съезд докладчиком по текущему моменту.

Конечно, Ленин не мог не оценить позицию Троцкого, тем более что немногие небольшевистские социал-демократы (кроме Мартова) открыто высказались в защиту Ленина. В «Моей жизни» Троцкий вспоминал: «Отношение Ленина ко мне в течение 1917 г. проходило через несколько стадий. Ленин встретил меня сдержанно и выжидательно. Июльские дни нас сразу сблизили» [5].

Свидетельство Троцкого не расходится с мнением Ленина. В подготовленных им тезисах для доклада 8 октября на конференции Петербургской организации в примечании к тезису «О списке кандидатов в Учредительное собрание» читаем: «Само собою понятно, что из числа межрайонцев, совсем мало испытанных на пролетарской работе *в направлении* нашей партии, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата. Ясно, что нельзя этого сказать про множество внесенных в список вчерашних членов партии» [6].

Конечно, надуманность обвинений Ленина в «шпионаже» была очевидна, по крайней мере для Временного правительства. Ведь его министры не могли не знать, что среди 500 политических эмигрантов, прибывших в Россию из Швейцарии проездом через Германию, свыше 400 были представителями различных партий. Но никто, естественно, не подозревал их как «немецких шпионов». Антиленинская кампания преследовала вполне очевидные политические цели — дискредитацию РСДРП(б) и большевизма в целом.

Не мог не понимать этого и Троцкий. Усиленно защищая Ленина от реакционной печати, он стремился не только и не столько уберечь его честь, сколько лишний раз напомнить и о своем революционном прошлом, равно как и о еще более революционном настоящем. В письме Временному правительству, публичных выступлениях рядом с именем Ленина им неизменно ставилось и собственное. Такой прием действовал. Не зря, скажем, в столице стойко держался слух о возможном установлении диктатуры триумвирата в лице Ленина, Троцкого и почему-то Луначарского. Насколько серьезной была такая версия, судить не беремся, тем более что Троцкий и Луначарский были арестованы.

В накаленной атмосфере июля 1917-го Троцкий не раз мысленно возвращался к правительственному террору 1905—1906 гг., когда, по его же словам, петербургские «Кресты» оказались чуть не самым безопасным местом в России. Действительно, трудно назвать логичным поступок Троцкого, сообщившего Временному правительству адрес своего местопребывания.

Уже в «Крестах» Троцкий рассказывал Ф. Ф. Раскольникову, как он был арестован. Троцкий получил приглашение от родственников подследственного мичмана выступить его защитником на суде. Он согласился и позвонил в министерство юстиции. Оттуда ответили, что препятствий нет, и записали адрес. Едва ли не в ту же ночь по адресу явилась милиция и его арестовали [7].

Почти добровольная сдача на милость властей даже из солидарности с большевиками выглядела странной. Если, конечно, Троцкий имел в виду не только еще раз таким образом заявить о своей поддержке РСДРП(б), а ставил другие цели. Во всяком случае его поведение тогда некоторым деятелям социал-демократии, в частности Суханову и Лурье, показалось непонятным. Как бы там ни было, пребывание в «Крестах» мало сказалось на политической активности Троцкого. Разве что он не мог использовать свои ораторские способности. Зато недостача устной агитации им с лихвой была восполнена за счет публикаций в печати. Одна за другой появлялись его статьи и заметки в большевистском «Рабочем и солдате», журнале «Вперед» (орган РСДРП(б), в «Пролетарии», где Троцкий печатался под псевдонимом П. Танас, горьковской «Новой жизни» и других печатных изданиях.

В тюрьме он написал две работы: «Что же дальше? (Итоги и перспективы)» и «Когда же конец проклятой бойне?» Обе брошюры вышли в издательстве большевиков «Прибой» и сразу же обратили на себя внимание читающей публики, особенно первая. Она была в некотором роде итоговой для деятельности Троцкого в первое полугодие 1917-го. В ней он анализировал характер происшедших событий, расстановку классовых сил после ликвидации двоевластия, пытался проследить дальнейший ход революционного процесса, наметить некоторые перспективы на ближайшие месяцы, недели и даже дни.

По поводу характера российской революции Троцкий повторил свои прежние соображения о том, что она может быть только пролетарской, к тому же — общеевропейской. «Это не «национальная», не буржуазная революция,— утверждалось в брошюре.— Кто оценивает ее так, тот живет в мире призраков XVIII и XIX столетий. А нашим «отечеством во времени» является XX век. Дальнейшая судьба русской революции непосредственно зависит от хода и исхода войны, т. е. от развития классовых противоречий в Европе, которому эта империалистическая война придает катастрофический характер». Заканчивалась брошюра фразой, ставшей у Троцкого почти ритуальной полуконстатацией-полупризывом: «Перманентная революция против перманентной бойни! Такова борьба, в которой ставкой является судьба человечества» [8].

В августе 1917 г. на VI съезде РСДРП(б) 4 тысячи «межрайонцев» вошли в партию и растворились в ней. Вместе с ними оказался и Троцкий. Причем от бывшей «межрайонки» он, наряду с Урицким, хотя и не присутствовал на съезде (сидел в тюрьме), вошел в состав ЦК. Из 134 делегатов съезда, принявших участие в выборах руководящего органа партии, за Троцкого был подан 131 голос, на

два меньше, чем за Ленина. Уже сам по себе этот факт показывает возросший авторитет Троцкого в партийных кругах, прежде всего руководящих.

С конца августа 1917 г. политическая ситуация в стране резко меняется. Июльские события многим раскрыли глаза на неспособность Временного правительства и поддерживавших его эсеров и меньшевиков действовать в интересах трудящихся масс. Народ стал переходить на сторону большевиков. 20 августа на выборах в местные органы власти в Петрограде процент голосов, поданных за представителей РСДРП(б), поднялся с 20 до 33. Сентябрьские выборы в районные думы Москвы подтвердили рост авторитета большевиков в массах: процент большевистских голосов поднялся с 11 до 51.

Провал корниловского мятежа, в чем решающую роль сыграли работавшие среди шедших на Петроград воинских частей большевистские агитаторы, с одной стороны, укрепил уверенность революционных масс в своих силах, а с другой — еще выше поднял авторитет РСДРП(б). Вновь растет революционная волна. «Мы,— отмечал Троцкий,— еле поспевали за приливом».

2 сентября Временное правительство вынуждено было освободить из «Крестов» Троцкого и всех социал-демократов, арестованных в июльские дни,— Каменева, Луначарского, Коллонтай и других. В газете «Рабочий путь» (так стала называться «Правда» после разгрома ее редакции в июле) 3 сентября появилась заметка: «Вчера освобожден из-под ареста под залог в 3 тыс. рублей Л. Троцкий».

Одна за другой почти во всех небуржуазных газетах появляются его статьи. Он участвует в работе ЦК РСДРП(б), в заседаниях Петроградского Совета. Вот как «Рабочий путь» описывает появление Троцкого на заседании Исполкома Петроградского Совета 9 сентября: «На трибуне — тов. Троцкий. Почти весь зал встречает его бурными, продолжительными аплодисментами».

Стремясь вырвать у большевиков инициативу, меньшевики и эсеры предложили провести Всероссийское демократическое совещание. Его инициаторы попытались подменить совещанием (оно открылось 14 сентября) необходимость проведения II съезда Советов, создав в стране видимость парламентского строя.

21 сентября Троцкий по поручению ЦК РСДРП(б) выступил с докладом о текущем моменте на заседании большевиков, участвовавших в работе Демократического совещания. В докладе им была выдвинута идея бойкота созданного Предпарламента. Она вызвала среди участников партийного совещания большевиков противоречивую реакцию. Результаты голосования оказались не в пользу предложения Троцкого. За участие в Предпарламенте высказались 77 участников совещания, против — 50.

22 сентября, оценивая из своего «далека» принятое решение, Ленин назвал его явной ошибкой. Участвовать в Демократическом совещании в условиях революционного подъема значило бы, по его мнению, сеять в массах иллюзии о возможности Предпарламента

решать задачи революции. «Надо уйти в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уйти в профессиональные союзы, уйти вообще к массам,— писал Ленин.— Надо *их* звать на борьбу. Надо *им* дать правильный и ясный лозунг: разогнать бонапартистскую банду Керенского с *его* поддельным предпарламентом, с этой церетелевски-булыгинской думой» [9]. Днем позже Ленин одобрил и поддержал доклад Троцкого:

«Троцкий был за бойкот. Браво, товарищ Троцкий! Бойкотизм побежден во фракции большевиков, съехавшихся на Демократическое совещание.

Да здравствует бойкот!» [10]

ЦК еще не раз возвращался к обсуждению вопроса о Предпарламенте. На состоявшемся 5(18) октября заседании ЦК РСДРП(б) после дискуссии десятью голосами против одного (Каменев) принимается решение об уходе большевистской фракции из Предпарламента.

25 сентября (8 октября) произошли перевыборы членов Исполкома Петроградского Совета. В результате голосования в Исполком вошли 13 большевиков (Каменев, Троцкий, Коллонтай, Иоффе, Шляпников, Бубнов, Сокольников, Евдокимов, Федоров, Залуцкий, Юренев, Карахан, Красиков), 6 эсеров, 3 меньшевика-оборонца и ни одного меньшевика-интернационалиста. По предложению большевистской фракции председателем Совета был избран Троцкий. Его фамилия вносится в список 40 кандидатов от РСДРП(б) по выборам в Учредительное собрание. Причем Троцкий стоял в списке сразу же после Ленина и Зиновьева, перед Каменевым, Коллонтай, Луначарским, Бухариным, Пятаковым, Сталиным.

Рост авторитета и влияния РСДРП(б), наиболее ярко выразившийся в большевизации Петроградского Совета, отмечался фактически по всей России. «...Вместе с левыми эсерами мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и *в стране*, в этом ни тени сомнения быть не может»,— писал 29 сентября Ленин [11]. В повестку дня вновь со всей силой выдвинулся лозунг «Вся власть Советам!», который, по оценке руководителя большевиков, с половины сентября стал равносилен призыву к восстанию.

Троцкий, несомненно, внес весомый вклад в подготовку и осуществление Октябрьского вооруженного восстания. Правда, этот вклад не столь значителен, как это изображалось, скажем, откровенно симпатизировавшим Троцкому меньшевиком Н. Сухановым в «Записках о революции»: «Он был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории».

Точно так же явно преувеличенной выглядит и оценка его вклада Сталиным в статье «Октябрьский переворот», опубликованной в газете «Правда» 6 ноября 1918 г. В статье Троцкий представлялся чуть ли не единственным организатором и руководителем восстания, а Н. И. Подвойский и В. А. Антонов-Овсеенко — лишь исполнителями его воли. В 1924 г. в речи Сталина «Троцкизм или ленинизм» вклад Троцкого выглядел уже скромнее. Впоследствии Сталин предпочитал вообще не говорить о нем, а упомянутая выше

статья в «Правде» вошла в собрание его сочинений в усеченном виде. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938 г.) о роли Троцкого в октябрьских событиях говорилось только в отрицательном плане, так же как и о «штрейкбрехерской» позиции Зиновьева и Каменева.

Деятельности Троцкого в Октябре фактически посвящена вся вторая часть второго тома его «Истории русской революции». На мой взгляд, Троцкому здесь удалось весьма рельефно показать объективные и субъективные предпосылки вызревания Октябрьской революции, выявить экономические, социальные, политические, военные слагаемые обстановки, из которой выросло восстание. Не обошлось без просчетов, явных и не столь заметных невооруженному глазу перегибов в изображении событий, их участников. Прежде всего это относится к показу самой фигуры Троцкого. Складывается впечатление, что если бы не он, то Октябрьская революция могла бы не состояться.

Собственно, Троцкий не скрывал своих претензий на роль «второго вождя» Октября. Он неоднократно высказывал это публично, в статьях и книгах, в частности таких, как «Уроки Октября» (1924 г.), «О Ленине» (1924 г.), «Моя жизнь» (1930 г.) и др. В дневниковых записях Троцкого 25 марта 1935 г. можно прочесть: «Если бы в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться».

Как же обстояло дело в действительности?

За пять недель — от Демократического совещания до Октябрьского вооруженного восстания — Троцкий как председатель Петроградского Совета сделал немало, чтобы воспрепятствовать меньшевикам и эсерам сорвать проведение II съезда Советов. По решению ЦИКа съезд наметили на 20-е, а затем перенесли на 25 октября. Не последнюю роль в принятии такого решения сыграл созванный в начале октября по инициативе большевиков съезд Советов Северной области. На него прибыли 150 делегатов от двадцати трех городов — Петрограда, Москвы, Кронштадта, Ревеля, Гельсингфорса, от Балтийского флота и окружавших столицу воинских гарнизонов.

На съезде выступил Троцкий и проинформировал делегатов о намерении Временного правительства вывести из Петрограда революционные воинские части. Он справедливо связывал вопрос о петроградском гарнизоне с проблемой взятия власти Советами. Предложенная Троцким резолюция гласила: «Наступил час, когда только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть... решен вопрос о центральной власти».

Определенный вклад Троцкий внес в создание при Петроградском Совете Военно-революционного комитета — органа подготовки и осуществления вооруженного восстания. В его состав вошли по два представителя от ЦК РСДРП(б) и партии левых эсеров, от военных организаций, солдатских секций Петросовета и Гарнизонного совещания и др. Персонально: Лазимир, Невский, Троцкий (как председатель Совета), Дзержинский, Антонов-Овсеенко, Кудинский,

Коцюбинский, Лашевич, Мехоношин и другие. Председателем ВРК вначале был избрал левый эсер Лазимир, впоследствии им стал Подвойский, секретарем — Антонов-Овсеенко.

Подготовленный комиссией во главе с Лазимиром проект Положения о ВРК был отредактирован Троцким и принят единогласно на заседании Исполкома Петроградского Совета 12 октября. В утвержденном Уставе ВРК, состоящем из 19 пунктов, его первейшей задачей объявлялось взятие управления петроградским гарнизоном в свои руки. Как писал Подвойский, «Комитет должен был провести в жизнь лозунг власти Петербургского Совета в петроградском гарнизоне. В силу принятого устава ни одна воинская часть не могла быть выведена из Петербурга, даже из казарм, без санкции Военно-Революционного Комитета».

Это требование в виде приказа по гарнизону опубликовали 22 октября в газете «Рабочий путь». Руководство комитетом, начавшим активно работать с 20 октября, осуществлялось бюро, в которое вошли Лазимир, Антонов-Овсеенко, Подвойский, Садовский и Сухарьков.

ВРК приступил к вооружению рабочих. 21 октября было дано предписание заводскому комитету Петроградского патронного завода о запрещении отпуска патронов без разрешения комитета и членов ВРК Петроградского Совета: Лазимира, Дзержинского, Антонова, Троцкого.

10(23) октября Ленин внес на заседание ЦК вопрос о вооруженном восстании. Обсуждение продолжалось 10 часов с краткими перерывами. На голосование была поставлена ленинская резолюция о проведении восстания. На заседании из 21 члена ЦК присутствовало 12. За предложенную резолюцию высказались 10 человек, против — 2. Уже после победы Октября, по свидетельству Троцкого, Ленин вспоминал, что до упомянутого заседания ЦК он боялся оппортунизма со стороны интернационалистов-объединенцев, а не от членов ЦК своей партии. Это его крайне огорчило. Из интернационалистов на заседании ЦК присутствовали Троцкий, Урицкий и Сокольников. Они поддержали Ленина. А вот среди членов ЦК, которые не согласились, оказались Зиновьев и Каменев.

Впоследствии, комментируя факт принятия ленинской резолюции, Троцкий писал: «Резолюция 10 октября приобрела огромное значение. Она сразу обеспечила действительным сторонникам восстания крепкую почву партийного права. Во всех организациях партии, во всех ячейках стали выдвигаться на первое место наиболее решительные элементы. Партийные организации, начиная с Петербурга... подсчитали силы и средства, укрепили связи и придали кампании за переворот более концентрированный характер».

Все это Троцким писалось в 1933 г. А тогда, в октябре 1917 г., далеко не так ясны были для него самого и ряда других руководителей РСДРП(б) последствия принятого решения.

На состоявшемся 16 октября расширенном заседании ЦК РСДРП(б), Петербургского комитета, Военной организации и других руководящих органов большевиков вновь обсуждался вопрос о

вооруженном восстании. Троцкий отсутствовал. И виновато здесь не просто стечение обстоятельств, как позднее объяснял он свое отсутствие (в это время он находился на заседании Петроградского Совета, где принималось Положение о ВРК). Сомнений в том, что Положение будет принято, ни у кого не возникало, учитывая, что еще 12 октября на пленуме Совета за него проголосовало 283 депутата против одного при 23 воздержавшихся. Троцкий был гораздо нужнее на расширенном заседании руководящих органов РСДРП(б). Тем более что он не мог не знать, как вопрос о восстании беспокоил Ленина. Троцкого не было... Почему?

Троцкий справедливо критиковал многих членов ЦК, и прежде всего Зиновьева и Каменева, за их парламентские иллюзии. Однако в октябре 1917-го дань этим иллюзиям, притом немалую, отдал и сам Троцкий.

На заседании Петроградского Совета 18(31) октября по вопросу о вооруженном восстании Троцкий заявил, что оно еще не назначено, но «при первой попытке контрреволюции сорвать съезд (речь шла о II съезде Советов.— *Н. В.*) — мы ответим контрнаступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца». Сосед Троцкого в президиуме Совета Каменев солидаризировался с его заявлением.

Поспешность, с какой Каменев поддержал Троцкого, была не случайной. В его заявлении «О выступлении», опубликованном в непартийной газете «Новая жизнь», где Каменев и Зиновьев публично выражали свое несогласие с курсом на восстание и тем самым выдавали Временному правительству секретное решение ЦК, говорилось: «Не только я и т. Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом». Под «товарищами-практиками» имелся в виду прежде всего Троцкий.

Оценивая заявление Каменева, его и Троцкого поведение на упомянутом заседании Петроградского Совета, Ленин в «Письме в Центральный Комитет РСДРП(б)» (19 октября) писал: «Увертка Каменева на заседании Петроградского Совета есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий *не мог*, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что *долг* партии, скрывшей от врага *свое* решение... *обязывает* при публичных выступлениях не только «вину», но и почин сваливать на противника» [12].

Троцкий затем использовал эту ленинскую оценку для смягчения своей позиции в целом. Объясняя на заседании ЦК 20 октября свое выступление в Совете, Троцкий оправдывался тем, что «оно было вынуждено тов. Каменевым». При этом он заявил, что создавшееся положение «совершенно невыносимо и недопустимы письма в ЦО (Зиновьева и Луначарского, равно и заметка от редакции)...».

Речь шла о письмах в редакцию газеты «Рабочий путь», в

которых Зиновьев и Луначарский поддержали речь Троцкого в Совете. Приписка «от редакции» к письму Зиновьева была сделана одним из ее членов — Сталиным. В ней он не согласился с письмом Ленина в ЦК РСДРП(б), где содержалось требование об исключении Каменева и Зиновьева из партии.

Вплоть до штурма Зимнего дворца Троцкий публично заявлял, что Военно-революционный комитет был создан не как штаб по подготовке восстания, а как орган самозащиты революции. 23 октября на заседании Петроградского Совета он заявил: «Задача гарнизона и пролетариата — предоставить в распоряжение съезда Советов вооруженную силу, о которую разбилась бы правительственная провокация...» И далее: «Если же Правительство 24 или 48 часами, которые в его распоряжении (то есть до II съезда Советов, на котором должен был, по его мнению, получить разрешение вопрос о власти.— *Н. В.*), попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить нож в спину революции, то мы заявляем, что передовой отряд ответит на удар ударом, на железо сталью».

По свидетельству Н. Суханова, 24 октября (6 ноября), принимая в Смольном в перерыве между заседаниями Совета делегацию городской управы, Троцкий спрашивал: «Выступление?.. Никакого приказа Совет не отдавал. Захват власти? Это подлежит компетентному решению съезда. Если съезд не пойдет на это, Петербургский Совет подчинится... Совет сегодня выступать не думает».

В «Моей жизни» Троцкий так передал этот эпизод: «Я ответил изложением диалектического взгляда на революцию и предложил Думе участвовать через одного делегата в работах Военно-революционного комитета. Это их испугало больше, чем самый переворот. Закончил я, как всегда, в духе вооруженной обороны: «Если правительство пустит в ход железо, ему ответит сталь».

Это были не только слова. Троцкий стремился действовать в духе предложенной им схемы. 24 октября, как вспоминал матрос крейсера «Аврора» Курков, они получили от Троцкого приказ передать по радио, что контрреволюция перешла в наступление. Комментируя этот факт, Троцкий в «Истории русской революции» отмечал: «Оборонительная форма прикрывала и здесь призыв к восстанию, обращенный на этот раз ко всей стране». Эти призывы действительно вводили многих в заблуждение на счет большевистской тактики. П. Н. Милюков считал, что Троцкий добросовестно обманывал Керенского [13].

Думается, что все-таки дело было не просто в «прикрывании» оборонительными речами факта начавшегося вооруженного выступления рабочих и солдатских масс. И не только в «обмане» Керенского. При всех оговорках, которые в своем подавляющем большинстве сделаны Троцким гораздо позднее, в ходе осмысления опыта и уроков Октября, нельзя не заметить четко выраженной тенденции в его рассуждениях и действиях: вопрос о власти неизменно связывался им со съездом Советов. Это не значит, что он вынашивал планы срыва восстания, как о том писалось в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Это значит, что позиция Троцкого отличалась от ленинской.

В книге «О Ленине» (1924 г.) Троцкий писал: «...В Центральном Комитете определились три группировки: противники захвата власти, оказавшиеся вынужденными логикой положения отказаться от лозунга «Власть Советам!» (прежде всего Каменев и Зиновьев.— *Н. В.)*; Ленин, требовавший немедленной организации восстания, независимо от Советов, и остальная группа (т. е. Троцкий.— *Н. В.)*, которая считала необходимым тесно связать восстание со Вторым съездом Советов и тем самым выдвинуть его к последнему времени» [14].

Из текста следует, что Троцкий отделял свою позицию от позиции Ленина. В «Моей жизни» у него проскочила фраза: «По некоторым случайным и ошибочным признакам, ему (Ленину.— *Н. В.)* показалось... будто в вопросе о вооруженном восстании я веду слишком выжидательную линию. Это опасение отразилось в нескольких письмах Ленина в течение октября».

Ремарка Троцкого свидетельствует о том, что, хотя и с оговорками, он вынужден был принять и на свой счет упреки Ленина по поводу медлительности ЦК в подготовке вооруженного выступления, в том, что «ждать съезда Советов — ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции» [15].

Не исключено, что эти колебания, негативно сказывавшиеся на работе большевистской фракции в исполкоме Совета, дали основания Дзержинскому для весьма резкой оценки ее работы. 21 октября (3 ноября) 1917 г. на заседании ЦК он сообщил о полной дезорганизации работы в исполкоме. И тут же предложил обязать всех его членов-большевиков непременно работать в исполнительном комитете или же выйти оттуда. На заседании ЦК было решено срочно ввести в состав исполкома для работы Володарского, Юренева, Милютина, Скалова, Пахомова, Зорина, Дзержинского, Сталина, Лашевича, Иоффе, всего десять видных большевиков.

Это решение оказало воздействие на колебавшихся: даже Каменев, высказывавшийся против восстания, вынужден был принять участие в заключительной фазе его подготовки.

23 октября Троцкий выступил на заседании Петроградского Совета, где заслушивался отчет секретаря ВРК Антонова-Овсеенко о работе комитета.

Хотя в докладе и выступлениях других участников собрания прямо не велась речь о восстании, в ходе совещания были определены практические задачи и конкретные меры, свидетельствовавшие о развертывании работы по его подготовке. Это — взятие ВРК руководства петроградским гарнизоном, Петропавловской крепостью и другими важнейшими военными объектами, направление во все воинские подразделения комиссаров, установление своего контроля за печатью, выдачей оружия и боеприпасов, срыв намеченного властями на 22 октября крестного хода прибывших в город казаков и др. [16]

24 октября (6 ноября) состоялось заседание ЦК РСДРП(б), на котором присутствовало 11 членов ЦК. Ленин, вынужденный скрываться от полиции, направил «Письмо членам ЦК», в котором

настаивал на проведении вооруженного восстания в ночь на 25 октября: «Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью» [17].

На заседании отсутствовал Зиновьев. Не было Сталина, он находился в редакции ЦО. По предложению Каменева приняли решение: с 24 октября без особого постановления ЦК ни один член ЦК не мог отлучиться из Смольного. Он же, как ни странно, сделал доклад от Военно-революционного комитета.

Активно участвовал в работе Троцкий. Он предложил направить в распоряжение ВРК двух членов ЦК для налаживания связи с почтово-телеграфными работниками и железнодорожниками, еще одного члена ЦК — для наблюдения за Временным правительством. На почту и телеграф делегировали Дзержинского, на железную дорогу — Бубнова, наблюдение за Временным правительством поручили Свердлову.

Анализ протокола заседания показывает, что велись последние приготовления к началу решительного штурма. Как отмечал Троцкий, задача заключалась в том, чтобы в ближайшие 24 часа окончательно завладеть Петроградом, т. е. захватить те политические и технические учреждения, которые еще оставались в руках правительства.

25 октября в 22 часа 40 минут начал работать II съезд Советов. Съезд в законодательном порядке закрепил переход власти к большевикам, принял декреты о мире и о земле, утвердил по докладу Троцкого первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров, созданный исключительно из представителей РСДРП(б) в составе пятнадцати человек.

Троцкий принял самое деятельное участие в организации разгрома (в конце октября) мятежа Керенского — Краснова. 1(14) ноября «Правда» опубликовала телеграмму за его подписью от имени Совнаркома: «Село Пулково. Штаб. 2 часа 10 минут ночи. Ночь с 30 на 31 октября войдет в историю. Попытки Керенского двинуть контрреволюционные войска на столицу революции получили решающий отпор. Керенский отступает, мы наступаем».

В тот же день Троцкий принимает участие в чрезвычайно важном заседании ЦК РСДРП(б). В его работе также участвовали представители исполкома Петербургского комитета партии, Военной организации, три члена Совнаркома, не входившие в ЦК РСДРП(б), и представитель профсоюза. На заседании был дан отпор группе Каменева — Зиновьева, создавшей острый правительственный кризис. Вопреки мнению большинства ЦК и Совнаркома, группа настаивала на принятии предложения эсеров и меньшевиков о создании так называемого однородного социалистического правительства. Большевикам в нем отводилась незначительная роль, допускалась возможность замены Ленина на посту главы правительства.

Троцкий выступил одним из первых и самых непримиримых противников такого решения. Ленин высоко оценивал его позицию, заявив, что «Троцкий давно сказал, что объединение (с соглашательскими партиями.— *Н. В.*) невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика».

Этой фразы Ленина нет в «Протоколах Центрального Комитета РСДРП(б)» изданий 1929 и 1958 гг. И нет ее именно потому, что Ленин назвал Троцкого большевиком. Вклейку текста протокола с ленинской фразой я обнаружил в книге Троцкого «Сталинская школа фальсификаций», изданной в 1932 г. в Берлине, между 116-й и 117-й страницами.

В ноябре 1917 г. Троцкий активно проводил в жизнь платформу большевистской партии. Хотя справедливости ради следует заметить, что ни тогда, в ноябре 1917-го, ни позднее он публично нигде не признал правоты большевизма в споре с ним в прошлом. Не было такого признания и в будущем. Наоборот. Сперва негласно, в ходе борьбы за заключение Брестского мира, затем в дискуссии о профсоюзах, а после смерти Ленина открыто Троцкий заявлял, что не он перешел на позиции большевизма, а большевики «разбольшевичились», перейдя во главе с Лениным на платформу его теории «перманентной революции».

НАРКОМИНДЕЛ

В Смольном кабинеты Троцкого и Ленина находились на противоположных концах длинного коридора, но это не мешало их тесному сотрудничеству.

Само название Советского правительства — Совет Народных Комиссаров — похоже, принадлежит Троцкому.

В «Моей жизни» он писал: «Надо формировать правительство (как только стало известно о взятии Зимнего.— *Н. В.*). Нас несколько членов центрального комитета. Летучее заседание в углу комнаты.

— Как назвать? — рассуждает вслух Ленин.— Только не министрами: гнусное, истрепанное название.

— Можно бы комиссарами,— предлагал я (по примеру французской революции.— *Н. В.*),— но только теперь слишком много комиссаров (так назывались чиновничьи должности и при власти Временного правительства.— *Н. В.*). Может быть, верховные комиссары?.. Нет, «верховные» звучит плохо. Нельзя ли «народные»?

— Народные комиссары? Что ж, это, пожалуй, подойдет,— соглашается Ленин.— А правительство в целом?

— Совет, конечно, совет... Совет народных комиссаров, а?

— Совет народных комиссаров? — подхватывает Ленин,— это превосходно: ужасно пахнет революцией!..» [1]

Этот факт подтверждают еще по меньшей мере два известных члена Совнаркома: Л. Б. Каменев, ставший первым от большевистской партии председателем ВЦИКа, и наркомзем В. П. Милютин.

Оба присутствовали на описанном Троцким совещании. Причем Милютин поведал об этом почти теми же словами, что и Троцкий. Возникает вопрос, кто у кого заимствовал этот факт? Воспоминания Милютина о Ленине увидели свет в 1924 г., а «Моя жизнь» — пятью годами позже.

Любопытен эпизод с назначением Троцкого на пост наркоминдела. В «Моей жизни» Троцкий утверждал, что Ленин предложил ему возглавить Совнарком: «Я привскочил с места с протестом — до такой степени это предложение показалось мне неожиданным и неуместным. «Почему же?» — настаивал Ленин.— Вы стояли во главе Петроградского Совета, который взял власть». Я предложил отвергнуть предложение без прений. Так и сделали».

Далее Ленин потребовал от него стать во главе комиссариата внутренних дел, так как главной задачей дня была борьба с контрреволюцией, что, по мнению Ленина, у Троцкого получалось лучше всех. «Я возражал,— писал Троцкий,— и, в числе других доводов, выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство? Ленин был почти возмущен: «У нас великая международная революция,— какое значение могут иметь такие пустяки?» На эту тему возникло у нас полушутливое препирательство. «Революция-то великая,— отвечал я,— но и дураков осталось еще не мало».— «Да разве ж мы по дуракам равняемся?» — «Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых же порах лишнее осложнение?..» [2]

Национальный момент возникнет в отношениях Троцкого и Ленина и в 1922 г., когда Ленин захочет привлечь Троцкого к руководству Совнаркомом: предложит ему пост своего заместителя. Однако Троцкий, вновь ссылаясь на свое еврейское происхождение, откажется от ленинского предложения [3].

Кроме «Моей жизни», иных свидетельств предложений Ленина Троцкому поста председателя Совнаркома пока, мною во всяком случае, не обнаружено. А вот его отказ от поста заместителя Ленина, помимо стенограммы октябрьского (1923 г.) Пленума ЦК, зафиксирован и в других источниках. Например, в докладе Сталина на XII съезде партии.

В 1917 г., отказываясь от поста наркома внутренних дел, Троцкий просил направить его на руководство большевистской печатью. Однако этой просьбе решительно воспротивился Ленин. Был также против Свердлов. Если верить Троцкому, Свердлов заметил: «Льва Давидовича надо противопоставить Европе, пусть берет иностранные дела». «Какие у нас теперь иностранные дела?» — возражал Ленин. Но скрепя сердце он согласился. Так, по инициативе Свердлова Троцкий оказался на четверть года во главе советской дипломатии.

И еще об одном эпизоде. На II съезде Советов Троцкий выступил против возражений меньшевика Авилова и левого эсера Карелина, пытавшихся оспорить сугубо большевистский по составу первый Совнарком. Он отверг их предложение коалиции с другими социалистическими партиями, заявив, что большевики добились

коалиции иного толка,— с рабочими, солдатскими и крестьянскими массами. Их опорой станет грядущая европейская революция, которая сыграет гораздо большую роль в укреплении Советской власти, чем союз с трудящимися массами самой России. «Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, это несомненно,— заявил Троцкий.— Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу революцию» [4].

По существу рассуждений Троцкому никто не возразил. Хотя в протоколе заседания съезда имеется запись: «Есть третий путь»,— кричит кто-то с места». В чем он заключался и кто бросил эту реплику, не сообщалось. Руководству РСДРП(б), большевистским депутатам не было резона вступать на съезде в полемику между собой.

Среди них мало кто сомневался, что Октябрьская революция будет не только примером для пролетариата европейских стран, но и послужит мощным ускорителем мирового революционного процесса, толчком для новых революций. Собственно, так оно и случилось. В течение нескольких лет революции и революционные выступления рабочих отмечались повсеместно: в Финляндии, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и других странах. Так что «теория толчка» будет доминирующей в сознании и деятельности членов РСДРП(б) вплоть до осени 1920 г., до поражения Красной Армии в польской кампании.

Неуместность дискуссии объяснялась и тем, что с особой остротой встала задача защиты революции, реализовать которую, не имея единства в партии перед лицом конкурировавших с ней других партий, было просто невозможно. Это не означало, что правы оказались критики большевизма, в том числе современные — доморощенные, за его якобы органическую нерасположенность к многопартийности. Как только представилась возможность, в декабре 1917 г. РСДРП(б) разделила властные полномочия с партией левых эсеров.

За преодолением правительственного кризиса в связи с выступлением группы Зиновьева — Каменева в ЦИКе остро встал вопрос о печати в связи с проведением твердой линии в отношении буржуазных газет и журналов. Троцкий связывал этот вопрос с вопросом о репрессиях в отношении контрреволюционеров, оказавшись первым среди руководителей, кто упомянул термин «репрессии».

Троцкий участвовал в решении сложнейших проблем по подготовке демобилизации армии, а также проведения Учредительного собрания. Одновременно при помощи царскосельской радиостанции он вел миролюбивую пропаганду на зарубеж. Выступал с отчетами о деятельности Совнаркома перед трудящимися. Об одном из них писала «Правда» 21 ноября 1917 г. Он состоялся в облюбованном Троцким еще по дооктябрьским митингам цирке «Модерн». Наркоминдел отчитывался в присутствии 12 тыс. человек и еще по крайней мере тысяча стояла у входа, несмотря на проливной дождь.

Собственно делами вверенного ему наркомата Троцкий почти не занимался. «...Я этот Наркоминдел долгое время ни разу не посещал,— вспоминал он,— так как сидел в Смольном» [5].

На вечере воспоминаний об Октябрьском вооруженном восстании, состоявшемся 7 ноября 1920 г., выступил работник НКИД Пестковский. Он рассказал о своей встрече с Троцким в ноябре 1917-го, когда пришел к нему проситься на работу. «Жаль вас мне на эту работу,— ответил ему Троцкий.— Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку» [6].

В «Моей жизни» Троцкий подтвердил этот разговор, хотя и дал несколько иную редакцию своей последней фразе: «...Вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку». Со временем, видя всю нелепость своего «афоризма», Троцкий, стремясь смягчить диковатость формулировки, заметил: «Мой собеседник был искренне огорчен таким недостатком у меня дипломатического самосознания. Я намеренно, разумеется, утрировал свою точку зрения, желая подчеркнуть, что центр тяжести сейчас совсем не в дипломатии».

Конечно, речь шла не о силе или слабости тех или иных выражений, а о деле, которым Троцкий действительно занимался спустя рукава. Будничная, повседневная работа, когда посторонним не видны твои старания, не перед кем показать полета твоей мысли, были не по нему. Он тяготился отсутствием слушателей, ему постоянно недоставало цирка «Модерн». Это был не демон, а скорее актер революции. Никаких дипломатических переговоров в эти времена в Наркоминделе не было, вся работа сводилась к изданию документов и продаже содержимого вализ (посылок, поступавших из других стран). Дипломатическая работа проходила в Смольном без всякого аппарата Наркоминдела. Только когда приехал Чичерин и был назначен в состав Наркоминдела, началась работа в самом здании.

Чичерин благодаря Троцкому вернулся в Россию из Англии, где отбывал срок в лондонской тюрьме за ведение антивоенной пропаганды. До его приезда Троцкому с немногочисленным штатом помощников удалось сломить саботаж чиновников прежнего режима. Сделать это помогли решительные меры. 13 ноября Троцкий издал приказ, в котором за отказ признать власть Совнаркома были уволены 33 человека без права на пенсию. Точно так же он решил вопрос с послами. 26 ноября им был издан приказ, в котором сообщалось: «Ввиду неполучения ответа на посланные телеграммы и радиотелеграммы послам, посланникам, членам посольств и прочим Российской Республики с предложением немедленного ответа о согласии работать под руководством Советской власти на основании платформы II Всероссийского Съезда (Советов.— *Н. В.*) увольняются со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности, а равным образом лишают-

ся права производить с сегодняшнего дня какие бы то ни было выдачи из государственных средств...» Далее назывались фамилии 28 глав посольств Республики за рубежом [7].

Как бы обобщая начальный опыт работы в Наркоминделе, Троцкий подготовил распоряжение «О саботаже чиновников» и от имени Военно-революционного комитета опубликовал его в «Газете Временного Рабоче-Крестьянского Правительства» 26 ноября. В нем утверждалось: «Чиновники государственных и общественных учреждений, саботирующие работу в важнейших отраслях народной жизни, объявляются врагами народа. Их имена будут отныне публиковаться во всех советских изданиях, и списки врагов народа будут вывешиваться во всех публичных местах».

Наряду с организацией деятельности НКИДа, Троцкий гораздо с большим удовольствием занимался разработкой внешнеполитической стратегии Советского государства. Здесь он чувствовал себя на месте. Ведь в качестве его «зрителей» выступали не бывшие царские чиновники и не матрос Маркин, а вся страна, более того — Европа. Троцкий был и, пожалуй, так и остался единственным в истории Советского государства наркомом по иностранным делам, который обладал гораздо большими возможностями для проявления инициативы, самостоятельности и свободы действий, чем все последующие руководители этого ведомства.

Главным вопросом после победы Октября оставался вопрос о мире. Отношение к нему новая власть выразила в принятом на II съезде Советов Декрете о мире. Всем воюющим державам предлагалось заключить всеобщий демократический мир без аннексий и контрибуций.

В развитие этих предложений 8 ноября через английского посла Бьюкенена Троцкий направил правительственную ноту послам союзных стран, воевавших на стороне России. В ней сообщалось, что II съезд Советов создал новое правительство во главе с Лениным и наркоминделом Троцким. Излагалось содержание Декрета о мире, предлагалось прекратить войну и немедленно приступить к переговорам.

Вместе с Лениным и комиссаром по военным делам Н. В. Крыленко Троцкий подписал обращение к Верховному главнокомандующему русской армией генералу Духонину, в котором тому предписывалось обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров. Показательно, что почти все материалы этого периода, вошедшие в первый том «Документов внешней политики СССР» (1957 г.), были подписаны «Народный Комиссар по Иностранным Делам». Фамилия Троцкого была опущена, хотя те же материалы, публиковавшиеся в газетах «Правда» и «Известия», были подписаны его фамилией.

10 ноября Троцкий с аналогичной нотой обратился к послам нейтральных стран. Через четыре дня, 14 ноября, Ленин и Троцкий подписали обращение Совнаркома к правительствам и народам союзных с Россией стран. 17 ноября Троцкий известил дипломати-

ческих представителей союзных с Россией стран, что соответственно договоренности с германским командованием на Восточном фронте военные действия приостановлены. Предварительные переговоры начнутся 19 ноября (2 декабря) в 5 часов дня. В случае согласия участвовать в переговорах союзники должны были уведомить об этом Советское правительство.

Действия Совнаркома говорили о том, что он не только на словах, но и на деле был противником тайной дипломатии, заботился о создании реальных предпосылок для прекращения мировой войны, ратовал за такой послевоенный порядок, при котором не ущемлялись бы права и интересы всех, как воевавших, так и нейтральных, государств.

Троцкий регулярно информировал трудящихся России, всего мира о ходе переговоров, комментировал их наиболее важные аспекты. По его указанию 27 ноября (10 декабря) полномочные представители Советской России пересекли линию фронта. В их числе были рабочий, крестьянин и матрос, символизировавшие опору новой власти. Помимо них в делегацию вошли А. Иоффе (председатель), Л. Карахан (секретарь), Л. Каменев, Г. Сокольников. Партию левых эсеров представляла А. Биценко, совершившая в 1905 году убийство военного министра России В. Сахарова. Дипломатов сопровождала группа военных консультантов во главе с контр-адмиралом В. М. Альтфатером. Позднее к делегации присоединился бывший председатель Моссовета М. Покровский.

С завязанными глазами их пропустили через немецкие оборонительные линии. 2(15) декабря с получасовым опозданием делегация прибыла в ставку германского командования Восточным фронтом — Брест-Литовскую военную крепость.

Советской делегацией руководил из Москвы Ленин. Активную помощь в этом ему оказывал Троцкий. В день прибытия делегации в Брест был подписан договор о перемирии между Советской Россией и державами Четверного союза (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией) сроком до 12 января при автоматическом его продлении, если не последует отказа одной из сторон. В документе оговаривалась недопустимость переброски германских войск на Западный фронт.

По указанию Троцкого Иоффе в письме к одному из руководителей делегации Германии, генералу Гофману, сообщил, что, согласившись начать переговоры в оккупированной немцами русской крепости, он настаивает на их перенесении в одну из нейтральных стран, в частности в Стокгольм. С прибытием в Брест-Литовск глав германской делегации Р. Кюльмана и австро-венгерской О. Чернина договорились продолжить переговоры в крепости, но затем переехать в другой, не занятый немцами русский город, например Псков, где и подписать мир.

Переговоры проходили в непринужденной, внешне дружелюбной атмосфере. «Германия жаждала сепаратного мира с Россией (известно теперь, что она предприняла в этом направлении ряд шагов еще при царизме),— писал Иоффе.— Советская власть боро-

лась за *всеобщий* демократический мир и выдвигала принципы такого мира, одинаково приемлемые для всех» [8].

В свободное время участники переговоров вели непротокольные беседы по более широким вопросам, не входившим в их компетенцию. Споры и беседы носили особенно оживленный характер, когда всех приглашал к себе на обед принц Баденский. «Никогда не забуду первого обеда с русскими,— вспоминал Гофман.— Я сидел между Иоффе и Сокольниковым, нынешним комиссаром финансов (дневники были опубликованы в 1927 г.— *Н. В.*). Против меня сидел рабочий, которого явно смущало большое количество столового серебра. Он пробовал то одну, то другую столовую принадлежность, но вилкой пользовался исключительно для чистки зубов. Прямо напротив, рядом с принцем Гогенлоэ сидела мадам Биценко, а рядом с нею — крестьянин, чисто русский феномен с длинными седыми кудрями и огромной дремучей бородою. Один раз вестовой не смог сдержать улыбку, когда спрошенный, какого вина ему угодно, красного или белого, он осведомился, которое крепче, и попросил крепчайшего».

15 (28) декабря советская делегация отбыла в Петроград для консультаций, взяв десятидневный перерыв, еще и с целью, чтобы и другие государства, желающие присоединиться к переговорам, смогли это сделать.

Несмотря на усилия Советского правительства, державы Антанты игнорировали переговоры. Этим воспользовались представители Четверного союза. В ответ на уведомление о выезде в Брест советской делегации для продолжения переговоров они 23 декабря (5 января) направили телеграмму Иоффе. В ней, подчеркнув факт неприсоединения к переговорам других государств, отказались от уже признанной ими на первом этапе декларации советской стороны о принципах демократического мира. «Поворот был ясен,— писал впоследствии Иоффе.—...Уже не Кюльман и даже не Гофман, а Людендорф (читай: военная партия) должны были определять германские требования» [9]. В таких явно неблагоприятных условиях начался второй этап переговоров.

Единственным изменением в составе официальной советской делегации было то, что к ней присоединился Троцкий, взяв на себя полномочия председателя. Неофициально появилось новое звено: группа консультантов по национальным вопросам. В нее вошли К. Радек, П. Стучка, С. Бобинский и В. Мицкявичус-Капсукас.

Накануне поездки в Брест-Литовск Троцкий совместно с Лениным разработали план действий. Главным его аспектом оставалось использование переговоров для развертывания пропаганды на Европу, разъяснение миролюбивой политики Советской России. Этим был обусловлен и главный тактический ход — как можно дольше затягивать переговоры. «Ленин предложил мне, после первого перерыва в переговорах, отправиться в Брест-Литовск,— вспоминал Троцкий.— Сама по себе перспектива переговоров с бароном Кюльманом и генералом Гофманом была мало привлекательна, но «чтобы затягивать переговоры, нужен затягиватель», как выразился Ленин.

Мы кратко обменялись в Смольном мнениями относительно общей линии переговоров. Вопрос о том, будем ли подписывать или нет, пока отодвинули: нельзя было знать, как пойдут переговоры, как отразятся в Европе, какая создастся обстановка. А мы не отказывались, разумеется, от надежд на быстрое революционное развитие» [10].

Троцкий пунктуально проводил эту установку. Причем начал уже по дороге в Брест-Литовск. Консультант по национальному вопросу Радек на оккупированной Германией территории разбрасывал листовки. «Спустя несколько лет,— писал Фишер,— Радек со смехом описывал мне эту сцену» [11].

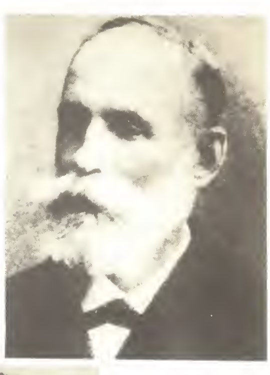
По прибытии Троцкий, как писал Гофман, «заключил советскую делегацию в монастырь». Совместные обеды и неформальные беседы были прекращены. В корне изменился характер переговоров. На первом заседании 27 декабря (9 января), открывшемся в 11 часов 10 минут, получив слово от председательствовавшего великого визиря Талаат-паши, статс-секретарь Кюльман объявил недействительной декларацию советской делегации от 9 (22) декабря. На следующий день в качестве председательствовавшего Кюльман огласил право присутствовать на переговорах делегации Украинской Рады, или, как она тогда называлась по официальным документам,— Украинской Народной Республики.

В ответ на обращенный Кюльманом к председателю советской делегации вопрос, «намерены ли он и его делегация и впредь быть здесь единственными дипломатическими представителями всей России», Троцкий заявил: «Заслушав оглашенную украинской делегацией ноту Генерального Секретариата Украинской Народной Республики, русская делегация, в полном соответствии с признанием за каждой нацией права на самоопределение, вплоть до полного отделения, заявляет, что с своей стороны не имеет никаких возражений против участия украинской делегации в мирных переговорах» [12].

Жест Троцкого очень дорого обошелся советской стороне. Он не мог не знать о подлинных намерениях украинской делегации, которые не были секретом не только для него, но и для представителя Четверного союза. Граф Чернин отмечал: «Украинцы сильно отличаются от русских делегатов. Они значительно менее революционно настроены, они гораздо более интересуются своей родиной и очень мало социализмом. Они, в сущности, не интересуются Россией, а исключительно Украиной, и все их старания направлены к тому, чтобы как можно скорее эмансипировать (т. е. отделиться от совместной борьбы трудящихся и установить власть украинской националистически настроенной буржуазии и помещиков.— *Н. В.*) ее... Они явно были намерены использовать нас, как трамплин, с которого удобнее всего наброситься на большевиков». Добавлю: большевиков не только российских, но и украинских.

Признание права Рады на участие в переговорах стало первой крупнейшей ошибкой Троцкого, исправить которую оказалось невозможно. Это был не единственный просчет советской делегации.

Давид Леонтьевич Бронштейн, отец Троцкого

Анна Бронштейн, мать Троцкого

Троцкому девять лет.

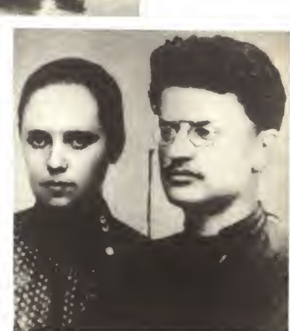

Троцкий. 1897 г.

Григорий
и Александра
Соколовские,
Лев Троцкий.
На переднем плане
Григорий Зив.
1897 г.

Троцкий
и А. Л. Соколовская
в Сибири.
Лето 1902 г.

Ссыльные в Сибири. А. Соколовская с Зиной на руках.
Троцкий второй слева во втором ряду. Зима 1902 г.

Наталья Седова в Мюнхене. 1904 г.

Троцкий с дочерью Ниной. Петроград. 1917 г.

Троцкий в кабииете Смольного. Ноябрь 1917 г.

Восточный фронт. Троцкий и Калинин приветствуют бойцов 14-й дивизии. Август 1918 г.

Л. Д. Троцкий и Демьян Бедный на палубе парохода «Григорий» под Казанью. 1918 г.

Л. Д. Троцкий, В. И. Ленин, Я. М. Свердлов
среди сотрудников Секретариата Совнаркома и ВЦИК в Кремле.
Не ранее 17 октября 1918 г.

Совещание в поезде Троцкого. 1918 г.

**Смотр первых частей Красной Армии.
Москва, Красная площадь. 1918 г.**

**Троцкий принимает парад Красной Армии.
Москва. 1918 г.**

**Похороны жертв взрыва
В Леонтьевском переулке.
Сентябрь 1919 г.**

**Демонстрация протеста
против взрыва в Леонтьевском переулке.
В первом ряду идут М. И. Калинин, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев,
Е. Д. Стасова, Г. Е. Зиновьев**

Встреча Троцкого в Саратове. 1919 г.

Зиновьев и Троцкий провожают красноармейцев на фронт. Петроград. Ноябрь 1919 г.

2-я годовщина Октября.
Троцкий и Каменев принимают парад.
Москва. 1919 г.

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАБОЧЕ-
КРЕСТЬЯНСКАЯ
КРАСНАЯ АРМИЯ.

ГРАМОТА

о награждении знаком ордена „КРАСНОЕ ЗНАМЯ".

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Сов. Рабоч., Крест., Казач. и Красноармейских Депутатов в заседании от 20-го ноября 1919 года, в ознаменование заслуг тов. **Л. Д. Троцкого** перед мировой пролетарской революцией и Рабоче-Крестьянской Армией Р. С. Ф. С. Р., постановил наградить **Л. Д. Троцкого** орденом „КРАСНОГО ЗНАМЕНИ"—Символом Мировой Социалистической Революции.

Тов. **Л. Д. Троцкий,** взяв на себя по поручению ВЦИК задачу организации Красной Армии, проявил в порученной ему работе неутомимость и несокрушимую энергию. Блестящие результаты увенчали его громадный труд.

Тов. **Троцкий** руководил Красной Армией рабочих и крестьян не только из центра, но неизменно переносил свою работу на те участки фронта, где задача была всего труднее, с неизменным хладнокровием и истинным мужеством идя на ряду с героями-красноармейцами навстречу смертельной опасности.

В дни непосредственной угрозы Красному Петрограду, тов. **Троцкий,** отправившись на Петроградский фронт, принял ближайшее участие в организации блестяще проведенной обороны Петрограда, личным мужеством вдохновляя красноармейские части на фронте под боевым огнем.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. Калинин

№ 539/8

7 ноября 1919 года

Грамота о награждении Троцкого знаком ордена «Красное Знамя»

Троцкий и Склянский. 1920 г.

В. И. Ленин выступает с речью перед красноармейцами, отправляющимися на Польский фронт. 5 мая 1920 г.

В. И. Ленин беседует с Л. Д. Троцким и Л. Б. Каменевым после выступления перед красноармейцами, отправляющимися на Польский фронт. 5 мая 1920 г.

Клер Шеридан и ее произведение.
Осень 1920 г.

После утверждения представителей Рады на переговорах последовал ряд пленарных заседаний, на которых велись по сути ни к чему не обязывающие разговоры о процедурных и второстепенных вопросах. И здесь в качестве главных дуэлянтов выступали Кюльман и Троцкий. Оба были не прочь блеснуть эрудицией и легко втягивались в многочасовые теоретические, исторические, юридические экскурсы. Желая облегчить Кюльману диалог, Троцкий перешел на немецкий язык. Вся агитация, которая велась за стенами зала заседаний, теперь обрушилась на стол переговоров, а отсюда — на страницы печати. «Началась словесная битва между Троцким и Кюльманом,— вспоминал Гофман,— которая длилась недели и не привела ни к чему. Только постепенно участвующим стало ясно, что основной целью Троцкого было распространение большевистской доктрины, что он просто разглагольствовал и не придавал значения практической работе» [13].

5 (18) января на проходившем под председательством Кюльмана вечернем заседании Троцкий резюмировал прения: «Германия и Австро-Венгрия отрезают от владений бывшей Российской империи территорию размером свыше 150 000 квадратных верст, причем в границы ее входит бывшее Царство Польское, Литва и значительные пространства, населенные украинцами и белоруссами; далее намеченная линия прорезает территорию, населенную латышами, разделяя ее на две части, и отсекает населенные эстонцами острова Балтийского моря от эстонской части континента. В пределах названных областей Германия и Австро-Венгрия сохраняют режим военной оккупации не только по заключении мира с Россией, но и по заключении всеобщего мира, причем обе упомянутые державы отказываются вступать в какие бы то ни было объяснения не только относительно срока очищения оккупированных областей, но и вообще отказываются связывать себя какими бы то ни было обязательствами в смысле очищения оккупированных областей от своих войск». Зафиксировав этот факт, Троцкий предложил устроить очередной десятидневный перерыв, чтобы «дать возможность правительственным органам Российской Республики вынести свое окончательное решение по поводу предложенных нам условий мира» [14]. Хотя предложение о перерыве принято не было, Троцкий в сопровождении Каменева уехал в Москву.

В примечаниях к первой части вышедшего в 1926 г. 17-го тома собрания сочинений Троцкого дано разъяснение причин принятого им решения. В частности, говорилось, что к данному моменту переговоры достигли той стадии, когда перерыв стал необходим. Притязания немцев были оглашены, оставалось выждать, какое это произведет впечатление на Западе и в РСФСР, где начинали выявляться разногласия как внутри партии большевиков, так и между обеими правительственными партиями. В Германии, Австрии и Польше классовая борьба достигла к этому моменту большого подъема. Прокатился ряд уличных демонстраций и забастовок, на которые немалое влияние оказали русская революция и Брестские переговоры. Были основания полагать, что каждый день затяжки пере-

говоров будет способствовать усилению революционного движения на Западе.

Положение в Германии и Австрии все более обострялось. Как и в России накануне Февраля, события развивались под лозунгом «Хлеба и мира!». К продовольственному кризису добавились требования самоопределения угнетенных наций. 17 (30) января 1918 г. граф Чернин записывал в дневнике о дурных вестях из Вены и окрестностей, сильном забастовочном движении, вызванном сокращением мучного пайка и вялым ходом Брестских переговоров.

Австро-венгерское правительство вынуждено было пойти на уступки, пообещав сделать все возможное для скорейшего заключения демократического мира, обеспечения масс продовольствием и другие меры. Аналогичные события развивались в Германии, где особенно острый характер приняло забастовочное движение. Правда, в отличие от австро-венгерского, правительство Германии ввело военное положение и подавило выступления силой. Тем не менее по всему ощущалось, что это начало грядущих более массовых выступлений против существовавшего порядка.

Под воздействием этих явлений у Троцкого созрел знаменитый план: объявить войну оконченной, но мир не подписывать. Позднее он назвал эту установку «педагогической» демонстрацией. Посоветовавшись с другими членами делегации, встретив с их стороны сочувствие, Троцкий написал Владимиру Ильичу. Тот ответил, что разговор будет при встрече. Не исключено, что в ответе уже было выражено несогласие с предложением Троцкого.

В примечаниях к первой части 17-го тома сочинений Троцкого приводятся тексты двух записок, которые он получил, находясь в Брест-Литовске: «1. Троцкому. Сейчас приехал Сталин; обсудим с ним и сейчас дадим Вам совместный ответ», «2. Передайте Троцкому: просьба назначить перерыв и выехать в Питер». Эти записки помечены 5 (18) января. Впоследствии они вошли в первый том документов и материалов, которые были изданы Институтом социальной истории в Амстердаме под названием «Бумаги Троцкого»,— часть архива, который Троцкий вывез из СССР и продал институту в 1936 г., когда его директором был меньшевик Б. Николаевский. В Полном собрании сочинений Ленина этих телеграмм нет, что лишний раз ставит вопрос: а полное ли это собрание?

Троцкий торопился в Петроград и еще по одной причине. 5 января при поддержке руководства левых эсеров большевики выступили за роспуск Учредительного собрания. Этот акт, считал позднее Троцкий, «чрезвычайно ухудшил наше международное положение». До сих пор немцы опасались блока большевиков с патриотически настроенным Учредительным собранием, что неминуемо привело бы к продолжению войны. «Разгон же Учредительного собрания,— свидетельствовал Троцкий,— означал для немцев нашу очевидную готовность к прекращению войны какой угодно ценой. Тон Кюльмана сразу стал наглее» [15].

Против разгона «учредилки» выступили определенные круги в Советской России. В Петрограде прошли демонстрации, в них, по

разным источникам, участвовало от 20 до 100 тыс. человек. Троцкий оказался решительным сторонником разгона. В конце января, выступая на III съезде Советов, он, как следовало из газетного отчета, говорил: «Власть Учредительного собрания означала бы лишь власть партии Керенского, Чернова и др., чуть-чуть дополненных Церетели. Мы слишком знаем их по их делам, для того чтобы у нас могли возникнуть в связи с передачей власти какие бы то ни было надежды. Без всякого сомнения, они, не имея никакой опоры в рабочих Советах, без которых невозможна никакая война и никакая государственная деятельность, преследовали бы лишь одну цель — заручиться поддержкой солдат и потому заключить мир во что бы то ни стало» [16].

В перерыве между пленарными заседаниями на переговорах в Бресте, пока работали экономическая и правовая комиссии, Троцкий вместе с Караханом и Карелиным побывали в Варшаве, где он, как отмечалось в примечаниях к первой части 17-го тома его собрания сочинений, «был с восторгом встречен населением». 9 (22) января в отсутствие Троцкого состоялось важнейшее заседание ЦК РСДРП (б), где приняли решение о переводе ЦК партии в Москву и создании Бюро ЦК. В состав Бюро вошло пять человек: Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Троцкий [17].

11 (24) января состоялось заседание ЦК партии, на котором впервые в 1918 г. присутствовал Троцкий. Среди рассмотренных трех вопросов главным был, естественно, вопрос о мире. Ко времени проведения этого заседания в ЦК партии определились три точки зрения: 1. Сепаратный аннексионистский мир (Ленин); 2. Революционная война («левые коммунисты» — Бухарин); 3. Объявление войны прекращенной, демобилизовать армию, но мира не подписывать (Троцкий). На состоявшемся 8 (21) января совещании партийных работников, где обсуждались тезисы Ленина о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира, его точка зрения собрала 15 голосов, вторая — 32 и третья — 16.

Бухарин тут же ухватился за предложение Троцкого «ни войны, ни мира», назвав его «самым правильным». А в позиции Ленина он обнаружил по крайней мере два противоречия: Ленин считал, что республика должна занять оборонительную позицию, «но оборона предполагает войну, ведя же войну, мы идем в хвосте империализма». Бухарин подверг критике отказ Ленина руководствоваться предложенной Троцким «политической демонстрацией», вместо которой Ленин предложил стать на прочные рельсы реализма, исходя в первую очередь из интересов победившего Советского государства. Распаляясь, Бухарин заявил, что ничего особенного в возможности наступления немцев не видел, что это даже хорошо, когда они продвинутся в глубь территории России на «сто верст» и т. д.

Пользуясь возникшей напряженностью, Троцкий поставил на голосование формулу: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». За нее подали 9 голосов, против — 7. Вот так «демонстрации» могут оборачиваться принятием политических решений, способных нанести ущерб революционной власти и стать

трагедией для миллионов трудящихся. Блокирование «левыми коммунистами» и Троцким предложения Ленина значительно ослабило его позицию, одновременно выдало Троцкому своеобразный картбланш на продолжение своей политики. Он почувствовал себя «на коне», и, хотя дал обещание Ленину подписать мир, если немцы предъявят ультиматум, по всему видно было, что вряд ли он станет выполнять свои обещания. До сих пор в истории советской дипломатии Троцкий был первым и пока единственным главой дипломатического ведомства, который пренебрег мнением главы правительства.

В Бресте 28 января (10 февраля) на последнем заседании политической комиссии Троцкий сделал свое знаменитое, но и по сей день в советской печати не воспроизведенное целиком заявление о прекращении состояния войны с Германией, демобилизации армии и отказа подписать мирный договор. Причем сделал это при обстоятельствах, которые отнюдь не требовали такой спешки и противоречили его же собственной позиции — тянуть как можно дольше с подписанием договора.

С внешней стороны переговоры как бы дублировали предыдущий этап: шли беседы, выясняли отношения по второстепенным вопросам (как освещать переговоры в печати, допускать ли к участию в них Польшу и др.— *Н. В.*). Центр же тяжести сместился «за спины» участников официальных бесед. Особенно лихорадочную деятельность развернула германская сторона.

26 января (8 февраля) в тайне от советской делегации она подписала сепаратный договор со свергнутым к тому времени, но представленным на переговорах правительством Украинской Рады. Вот где аукнулась ошибка, о которой говорилось выше, когда Троцкий согласился на представительство Рады. Договор давал Германии большое преимущество: устанавливая контроль над Украиной, она решала многие проблемы, в первую очередь продовольственную. Ставилось под сомнение и существование Советской России, которая таким образом осталась без львиной доли хлебных поступлений и других жизненно важных сырьевых ресурсов. В результате брестские переговоры утратили для Четверного союза экономическое содержание.

В день подписания договора с бывшей Радой Людендорф потребовал от Кюльмана сдержать данное им 23 января (5 февраля) обещание германскому руководству прекратить переговоры. Тот отказался. Под давлением фельдмаршала Гинденбурга вмешался кайзер. Он направил Кюльману распоряжение предъявить ультиматум, подтверждавший прежние условия держав Четверного союза: аннексия Польши, Литвы и Курляндии, оккупация прибалтийского побережья в Эстонии, Латвии и Моонзундских островов. Кайзер поставил перед статс-секретарем условие: предъявить ультиматум в течение 24 часов. Кюльман и на этот раз отказался, выдвинув смелое контррешение — если кайзер станет настаивать, то он подаст в отставку. Неизвестно, чем закончилась бы эта отнюдь не дипломатическая борьба, если бы в развитие событий не вмешался Троцкий.

Знал ли он о закулисных интригах и противоречиях в стане противной стороны? Трудно сказать наверняка. Во всяком случае, как считает ряд зарубежных историков, «вероятно, Троцкий почуял, что пахнет ультиматумом. Ультиматум пришлось бы принять, как было обещано Ленину, а от любимой исторической формулы отказаться» [18].

Троцкий заторопился. Можно было бы упустить редкую возможность, о которой мечталось долгие годы: испытать на практике свои теоретические доктрины, чтобы доказать не только себе, но и окружающим собственную гениальность. 10 февраля в 17 часов 58 минут, как только Кюльман открыл заседание политкомиссии, Троцкий взял слово и заговорил в несвойственной по прежним его выступлениям в данной аудитории тональности о солдате-пахаре, который должен вернуться к своей пашне, о солдате-рабочем, которого ждала его мастерская.

После чего огласил заявление: «Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения Правительств и народов воюющих с нами Союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Л. Троцкий.
А. Иоффе.
М. Покровский.
А. Биценко.
В. Карелин» [19].

Заявление произвело на присутствовавших, в том числе и на подписавшихся, эффект разорвавшейся бомбы. «Ничего подобного немцы не ждали,— вспоминал Иоффе.— Все молчали. Кюльман бормотал что-то маловразумительное. Искали выхода, но не находили. Наконец предложили созвать пленум. От этого Российская делегация отказалась. Л. Д. Троцкий уехал с частью делегации» [20].

Таков итог участия Троцкого в международных переговорах, имевших судьбоносное значение не только для внешнеполитической стратегии первого в мире государства трудящихся, но и советской власти вообще. Разберемся в этом итоге. Тем более что споры по этому вопросу не утихают до сих пор.

С позиции «Краткого курса истории ВКП(б)» Троцкий совершил «предательство» интересов партии и Советского государства, проявил личную непорядочность по отношению к Ленину и Сталину. «Несмотря на то что Ленин и Сталин от имени ЦК партии настаивали на подписании мира, Троцкий, будучи председателем советской делегации в Бресте, предательски нарушил прямые директивы большевистской партии,— говорилось в учебнике.— Он заявил об отказе Советской республики подписать мир на предложенных Германией условиях и в то же самое время сообщил немцам, что

Советская республика вести войну не будет и продолжает демобилизацию армии». И затем: «Это было чудовищно. Большего и не могли требовать немецкие империалисты от предателя интересов Советской страны» [21].

Такова логика теории «злого умысла» Троцкого. Ясно, что она не может быть принята хотя бы из-за отсутствия состава преступления. Дело в том, что Троцкий не нарушал директив ЦК по подписанию мира, поскольку их не было. Между ним и Лениным существовало джентльменское соглашение, которое к тому же противоречило решению ЦК, принявшему, как говорилось выше, формулу Троцкого (9 против 7). Об этом оба рассказали на VII экстренном съезде РКП(б) в марте 1918 г. «...Между нами было условлено,— говорил Ленин,— что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем» [22]. Как было показано, не было на переговорах и ультиматума. По крайней мере, его печатных следов мною не обнаружено. Значит, права версия Троцкого?

В «Моей жизни» он писал: «Из Бреста вся наша делегация вернулась в Москву под тем впечатлением, что немцы наступать не будут. Ленин был очень доволен достигнутым результатом.

— А не обманут ли они нас? — спрашивал он все же.

Мы разводили руками. Как будто не похоже.

— Ну что ж,— сказал Ленин.— Если так, тем лучше: и аппарансы соблюдены, и из войны вышли» [23].

Может, и был такой разговор между ними. Ряд фактов подтверждает такую оценку переговоров Лениным. Так, 11 февраля на заседании Петроградского Совета его председатель Зиновьев огласил текст заявления советской делегации о прекращении войны, который Троцкий передал по телеграфу, «под гром аплодисментов». Всеми голосами присутствовавших при одном против и 23 воздержавшихся была принята резолюция Зиновьева: «Петроградский Совет вполне одобряет заявление, сделанное русской мирной делегацией в Бресте 28 января (10 февраля) 1918 года».

12 февраля в «Правде» появилось сразу две публикации: заявление советской делегации и приказ Главковерха Крыленко о демобилизации армии.

О приказе следует сказать особо. Он появился в результате телеграммы Троцкого из Бреста на имя Крыленко. Как и в случае с заявлением делегации, предложение об издании такого приказа Троцкий направил от имени Совнаркома, но без его ведома. В тот же день, то есть 10 февраля, по распоряжению Центрального военно-революционного комитета действующей армии и флота (Цекодарфа) приказ был передан по радио с грифом «Всем, всем, всем!».

Понадобилось экстренное вмешательство Ленина. Через своего секретаря он направил распоряжение председателю Цекодарфа Флеровскому: «В. И. Ленин приказал телеграмму о мире и всеобщей демобилизации — отменить» [24]. Хотя это распоряжение несколько запоздало, тем не менее удалось блокировать осуществление безрассудной акции Троцкого — Крыленко.

Несмотря на эту осечку, Троцкий лично для себя достиг главно-

го — не просто оказался в центре всеобщего внимания, но и реально влиял на развитие событий. Впечатление от достигнутой им победы в Бресте еще более усилилось с прибытием в Петроград. 14 февраля он представил во ВЦИК отчет о работе делегации. По предложению Свердлова единогласно была принята резолюция, начинавшаяся со слов: «Заслушав и обсудив доклад мирной делегации, ЦИК вполне одобряет образ действий своих представителей в Бресте» [25].

Положительная оценка деятельности делегации была дана и на VII экстренном съезде РКП(б). После принятия резолюции Ленина «О войне и мире» Н. Крестинский поднял вопрос об отношении к тактике делегации в Бресте. В результате резких споров 25 голосами «за» и 12 «против» прошла резолюция Зиновьева: «Съезд приветствует брестскую советскую делегацию за ее громадную работу в деле разоблачения германских империалистов, в деле вовлечения рабочих всех стран в борьбу против империалистических правительств» [26].

Резолюция повторяла первую часть итоговой оценки работы делегации Лениным в заключительном слове на съезде: «Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание (переговоров.— *Н. В.*), была верна...» Но резолюция не учла второй, главнейшей части ленинской оценки: «...Неверной она (тактика.— *Н. В.*) стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучше Брестского мира мы получить не могли» [27].

Под знаком этой «неверности» Троцкий провел заключительную фазу внутрипартийной борьбы по Брестскому миру. С началом 18 февраля наступления немцев его позиция не подверглась особой коррекции. Он отстаивал прежнюю свою точку зрения, хотя под давлением обстоятельств вынужден был маневрировать, искать удобные предлоги, чтобы, не отступая от своего принципа и не высказываясь против возможности заключения мира, как можно дольше оттягивать сам факт подписания мирного договора. 23 февраля на заседании ЦК, когда Ленин прямо заявил, что политика революционной фразы окончена, и ребром поставил вопрос: или принять немедленно германские предложения грабительского мира, или нет,— Троцкий оказался в числе 4 воздержавшихся («за» было подано 7 голосов, «против» — 4) [28].

Формально выступая против революционной войны, своим «воздержанием» Троцкий вновь способствовал ослаблению позиций Ленина.

На заседании ЦК 24 февраля Троцкий вслед за «левыми коммунистами» выступил с заявлением о сложении с себя полномочий наркоминдела. Показательна формулировка отказа: «Тов. Троцкий находит, что он может вполне уйти, так как вся фактическая работа делается помимо него, так же как и внешнее руководство. Он не отказывается практически помочь, где надо, но не хочет больше нести ответственности» [29]. Уже не Троцкий и его сторонники, а Ленин и его единомышленники прочно завладели в ЦК инициати-

вой, сохраняя за собой право не только в принятии решений, но и в проведении их в жизнь.

Свой отказ Троцкий выразил в гораздо менее резкой форме, чем «левые коммунисты». Но у Ленина и других членов ЦК его поступок вызвал недоумение. «Тов. Ленин указывает, что это неприемлемо,— говорилось в протоколе заседания ЦК 24 февраля,— что смена политики — это кризис...» Но тут же, желая, видимо, снять нараставшую напряженность в отношениях с Троцким, примирительно добавил, что «полемизировать немного отнюдь не вредно». После чего внес предложение: «ЦК просит тов. Троцкого отложить свое заявление до следующего заседания ЦК, до вторника (поправка — до возвращения делегации из Бреста)». (Речь шла о третьей советской делегации, поехавшей наконец подписать мир с Германией.— *Н. В.*)

На это предложение Троцкий, несколько смягчившись, ответил, что слагает с себя звание комиссара, не опубликовывает этого, но не участвует в официальных учреждениях, т. е. в Совете Народных Комиссаров и в ЦИК.

Прошло всего несколько дней после отказа Троцкого от занимаемого поста, и он вместе с Лениным подписал извещение Совнаркома о заключении мирного договора, который был опубликован в «Известиях» 5 марта 1918 г. В нем сообщалось, что делегация подписала 3 марта мирный договор с Германией и ее союзницами. Правда, против фамилии Троцкого стояло «Народный Комиссар» без уточнения, по каким делам.

Троцкий публично признал заключение договора, значит, должен был и поступать соответствующим образом: агитировать за его прохождение на VII съезде РКП(б) и IV Чрезвычайном съезде Советов. Уже сам факт, что его и фамилия Ленина стояли рядом, снимал вопрос об имевшихся между ними разногласиях. Так выглядела фактическая сторона. Но вышло иначе.

В речи на открывшемся 6 марта VII съезде, а затем в заявлении, поясняющем его воздержание от голосования за Брестский мир, Троцкий отметил, что не считал решающим для судеб революции «то или другое отношение к этому вопросу». И тут же заключил: «По вопросу о том, где больше шансов: там или здесь,— я думаю, что больше шансов не на той стороне, на которой стоит тов. Ленин» [30].

Заявление Троцкого свидетельствовало о том, что имевшиеся между ним и Лениным разногласия носили отнюдь не второстепенный, легко преодолимый характер, а затрагивали весьма принципиальные позиции. В платформе Троцкого по Бресту отразилось одно из ключевых положений теории «перманентной революции»: необходимость продвижения или, выражаясь проще, экспорта революций в другие страны. Отсюда и то легкомыслие, с каким Троцкий отнесся к судьбам Советской России. Она для него не была самостоятельной революционной величиной. Ей в его стратегических планах отводилась роль своеобразного бикфордова шнура, от которого должно было зажечься пламя мировой или хотя бы европейской

революции. Поэтому Троцкого беспокоило не столько то, как отразится Брестский мир на положении страны и Европы, сколько какое воздействие, вернее, невоздействие он окажет на развитие революций в европейских странах.

Свою точку зрения Троцкий обосновал в речи на VII съезде партии: заключение мирного договора с любой капиталистической страной могло помешать развитию европейской революции. «Для революционного класса недопустимы сделки с империалистами,— вот где центр тяжести»,— говорил Троцкий. Если же Советское государство было не способно дать отпор притязаниям империалистов, то надо было бы признать, что «для революционного пролетариата Советская власть является слишком тяжелой ношей, что мы явились слишком рано и должны уйти в подполье».

Троцкий не считал, что уход оказался бы катастрофой для революционного движения в Европе. Он полагал, что «победа буржуазии над нами будет ударом, но нельзя его отождествлять с тем, что было после Парижской коммуны. Тогда французский пролетариат был авангардом революции, остальная же Европа не имела никаких революционных традиций, погрязла в политическом отношении в полуфеодальном варварстве, теперь — совершенно другое. Европейский пролетариат более, чем мы, созрел для социализма. Если бы даже нас раздавили, то нет все же никакого сомнения, что не может создаться такого исторического провала, какой был после Парижской коммуны» [31].

Это было продолжение спора с Лениным, который неоднократно сравнивал Октябрьскую революцию с Парижской коммуной, напоминал о трагической судьбе коммуны и предостерегал партию от возможного повторения ее печального конца. Стоит ли удивляться, что Ленин не согласился с Троцким, чей подход мало чем отличался от подхода «левых коммунистов», также строивших расчеты из несостоявшихся пока революций в других странах. «Да, мы увидим международную мировую революцию,— говорил Ленин,— но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка,— я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам?» [32]

В заключительном слове на съезде, касаясь обструкционистской позиции Троцкого в отношении допустимости соглашений с капиталистическими странами, Ленин подчеркнул: «Товарищ Троцкий говорит, что это будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверная точка зрения». И затем добавил: «Я абсолютно не могу принять предложение Троцкого (дать гарантии, что впредь Советское государство не станет подписывать мир с каким-либо капиталистическим государством.— *Н. В.*) — так вести политику нельзя...» [33]

Троцкий был чрезвычайно уязвлен критикой Ленина. Несколько раз брал слово для внесения поправок в ленинскую резолюцию «О войне и мире». Однако вернуть утраченную инициативу не смог. Полный обиды, Троцкий повторил свой отказ от должности нар-

коминдела. «Партийный съезд, высшее учреждение партии, косвенным путем отверг ту политику, которую я, в числе других, проводил в составе брест-литовской делегации, которая имела известный международный отклик...— заявил Троцкий.— Хотел этого или не хотел партийный съезд, но он это подтвердил своим последним голосованием (речь шла о принятии резолюции Зиновьева с оценкой работы делегации в Брест-Литовске.— *Н. В.*), и я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия» [34].

Ленин никак не отреагировал на заявление. За него это сделал Зиновьев, который постарался успокоить Троцкого, заверив его, что ЦК по-прежнему доверяет ему, несмотря на критику его позиции «ни войны, ни мира». Об этом свидетельствовали и результаты выборов в ЦК. Из 39 делегатов съезда, принявших участие в голосовании, 34 поддержали кандидатуру Троцкого. Такое же количество голосов было и у Ленина. Свердлов и Зиновьев получили по 33 голоса.

Так закончилась одна из острейших в истории партии дискуссий, а вместе с ней и карьера Троцкого как наркома по иностранным делам. Партия отвергла предложенную Троцким политику неопределенности, чреватую конфронтацией с могучим империалистическим соседом. Но она сохранила Троцкого как одного из руководителей. Проявленная в данном случае Лениным, большинством ЦК терпимость сыграла положительную роль не только в укреплении единства партийных рядов, но и в «воспитании» Троцкого.

Полгода спустя после VII съезда на объединенном заседании ВЦИК и рабочих организаций 3 октября 1918 г. Троцкий заявил: «Я считаю в этом авторитетном собрании своим долгом заявить, что в тот час, когда многие из нас, и я в том числе, сомневались, нужно ли, допустимо ли подписывать Брест-Литовский мир, не отразится ли это задерживающим образом на развитии мировой пролетарской революции, только тов. Ленин, против многих из нас, с упорством и несравненной прозорливостью утверждал, что нам нужно через это пройти, чтобы дотянуть до революции мирового пролетариата. И теперь, на фоне последних событий, мы должны признать, что правы были не мы. (Продолжительные овации.)» [35].

Это редчайший в политической биографии Троцкого случай, когда он не только признался в своей ошибке, но и раскаялся. Такого с ним не случалось ни до, ни после этого.

НАРКОМВОЕНМОР

14 марта 1918 г., в день открытия чрезвычайного съезда Советов, на котором ратифицировался Брестский договор, в «Известиях» появилось постановление Совнаркома о кадровых переменах в армии. Сообщалось о назначении Троцкого членом Высшего Военного Совета и исполняющим обязанности председателя Совета. Этим же постановлением его освободили от должности наркоминдела и на-

значили вместо Н. Подвойского народным комиссаром по военным делам. Постановление подписали Председатель Совнаркома Ленин, народные комиссары Карелин и Сталин.

6 апреля Троцкий стал одновременно наркомом по морским делам, сменив на этом посту П. Дыбенко. Назначение он расценил как политический акт в цепи мер мобилизации «всех необходимых сил, которые в настоящих тяжелых условиях могли бы сделать все, что возможно, для спасения и реорганизации наших морских сил» [1].

2 сентября в связи с превращением страны в военный лагерь решением ВЦИК был создан Революционный Военный Совет Республики (РВСР). По предложению Свердлова председателем РВСР был назначен Троцкий. Вот что по этому поводу зафиксировал протокол третьего заседания ВЦИК пятого созыва: «Позвольте предложить вам назначить председателем Революц. Военного Совета т. Троцкого,— заявил под аплодисменты членов ВЦИК Свердлов.— Других кандидатов не имеется... Принято единогласно» [2].

После ратификации Брестского мира IV съездом Советов ситуация в стране была весьма тревожной.

Неспокойно было в самой партии. «Левые коммунисты», приверженцы Троцкого и другие левацкие элементы под разными предлогами, прямо или косвенно, осуждали Брестский мир. По словам Дейчера, Троцкий хотя и принял новое назначение, но стоял ближе к тем, кто продолжал отрицать Брест.

Учитывая эти и другие факторы, Ленин и большинство ЦК считали, что, назначая Троцкого на пост наркомвоена, они тем самым признавали преодоленными «брестские» разногласия в партии, что РКП(б) готова сотрудничать со всеми, кто выступил бы в поддержку Советской власти. С другой стороны, этим назначением ЦК как бы предоставлял Троцкому возможность делом исправить его ошибочную линию по Бресту. Это, несомненно, оказало бы положительное воздействие и на тех, кто разделял троцкистскую точку зрения либо, подобно «левым коммунистам», был близок к ней.

Наркомвоенмор включился в пропаганду политики мира. На открывшемся в начале июля V съезде Советов он выступил с критикой саботажа левыми эсерами Брестского договора. Троцкий просил санкцию съезда для утверждения приказа по Красной Армии, по которому все, кто агитировал против мира, привлекались к суду чрезвычайного трибунала, а кто оказывал сопротивление властям и призывал к наступлению на Германию — расстреливались на месте [3].

Хотя лидер левых эсеров М. Спиридонова выступала против, прошла резолюция Троцкого. Приказ утвердили.

Протестуя против резолюции, левые эсеры еще до ее утверждения делегатами съезда покинули зал заседаний. Собственно, это положило начало прекращению политической коалиции левых эсеров и большевиков. Последовавшее 6 июля убийство германского посла Мирбаха подтвердило разрыв де-факто.

В ходе левоэсеровского мятежа Троцкий оказал Ленину решительную поддержку. 7 июля за своей подписью в «Известиях» он опубликовал приказ: «Убийство графа Мирбаха». В нем давалась политическая оценка этой акции как желание контрреволюционных элементов вовлечь Россию в войну с Германией, сорвать решение съезда Советов и попытаться ликвидировать Советскую власть. В приказе следственным органам военного комиссариата предписывалось принять меры против контрреволюционных заговорщиков и исполнителей покушения [4].

Вызванные из Подмосковья два батальона латышских стрелков окружили штаб повстанцев во главе с Поповым. Одновременно верные большевикам части отбили у эсеров Центральный телеграф. 8 июля «Известия» опубликовали официальное сообщение Троцкого о «ликвидации мятежа». На следующий день в докладе на V съезде он изложил фактическую канву событий.

Проявленные Троцким в ходе подавления левоэсеровского мятежа решительность и бескомпромиссность, готовность идти до конца в отстаивании завоеваний Октябрьской революции, быстрота, четкость в принятии необходимых мер оказали большое впечатление на Ленина, ЦК и партию в целом. С этого момента, можно сказать, от «брестских» разногласий между Лениным и Троцким почти не осталось следа. Характерны в этом отношении некоторые письменные распоряжения и записки Ленина Троцкому, которые подписывались «Ваш Ленин» [5].

Укреплению взаимного доверия в немалой степени способствовало включение Троцкого в широкую организаторскую работу по формированию частей регулярной Красной Армии.

П. Н. Милюков в одной из своих книг, написанных в эмиграции, «Россия на переломе. Большевистский период революции» (Париж, 1927) считал, что после Коммунистической партии и ВЧК Красная Армия была «третьей основной опорой Советской власти» [6].

Любопытна характеристика состава и функций Красной Армии, данная Милюковым. Она, «при всем старании сделать ее классовой, осталась национальной. Иной она быть не могла уже потому, что русская армия есть армия по преимуществу крестьянская, т. е. социально отличная от пролетариата. Можно было, если угодно, назвать ее «рабоче-крестьянской» армией и попытаться слить оба понятия в понятие «армии трудящихся». Но нельзя было изменить действительность при помощи советской терминологии». И далее: «Конечно, и в этой области (военной.— *Н. В.*) не обошлось без попыток приложить коммунистическую доктрину в чистом виде. Но и здесь доктрина сейчас же отступала на второй план, как только этого требовали интересы сохранения Советской власти. Под влиянием этих уступок история Красной Армии прошла через целых четыре периода, которые можно назвать периодами красногвардейских организаций, добровольческо-«социалистической» армии, регулярной армии по набору и демобилизованной смешанной кадрово-территориальной армии».

Пусть военные историки уточняют, в чем ошибался Милюков. Я же замечу, что он прав, подчеркивая значение Красной Армии в сохранении и укреплении Советской власти. Не ошибался профессор и при оценке роли Троцкого в ее создании. Он справедливо полагал, что Троцкий одним из первых в советском руководстве еще в ходе Брест-Литовских переговоров понял, что с разложившейся армией невозможно противостоять империалистам и уж тем более выйти «на помощь мировой революции». Поэтому Троцкий «подхватил созревшую уже идею создания настоящей регулярной армии... отвечающей всем техническим требованиям современной военной науки. И он принялся постепенно создавать такую армию на смену неудавшейся армии революционно-сознательных добровольцев» [7].

Я обратился к свидетельству кадетского историка отнюдь не для того, чтобы продемонстрировать свою осведомленность, а чтобы подчеркнуть общее неудовлетворительное состояние отечественной исторической науки, которая до сих пор не дала внятного ответа о деятельности Троцкого в сфере военного строительства, по руководству Реввоенсоветом республики. Неизученность темы до сих пор обусловливает чрезвычайную противоречивость и несходство ее оценок.

Сторонники одного подхода, акцентируя внимание на негативных аспектах деятельности Троцкого, на ошибках, которые он допускал, не признавали за ним никакого вклада в создание Красной Армии. Так считали, главным образом, пристрастные идеологи и практики белого движения, многие из них отвергали всякую способность к такой работе не только за Троцким, но и за Советской властью. Например, А. И. Деникин писал: «...Красная Армия строилась исключительно умом и опытом старых царских генералов. Участие в этой работе комиссаров Троцкого и Подвойского, товарищей Аралова, Антонова, Сталина и многих других было вначале чисто фиктивным. Они играли лишь роль надзирателей над работами арестантской артели и вместе с тем учились исподволь у своих «арестантов» их сложному и новому для себя искусству; одни оставались неучами, другие преуспевали — по крайней мере в такой степени, чтобы отличить меру явно целесообразную от грубой провокации. Одни дали разум, другие внесли волю» [8].

С конца 20-х годов эта точка зрения возобладала и в советской исторической литературе, применительно к Троцкому и тем, кто не попал в обойму сталинской милости.

Были сторонники и противоположного подхода. Они не брали в расчет никаких недочетов и провалов в работе наркомвоенмора, говорили о его деятельности исключительно в превосходной степени. Такую трактовку можно найти в одной из первых политических биографий Троцкого, написанной Г. Устиновым в 1920 г., в ряде публикаций того периода, в частности у К. Радека. Эта же точка зрения оказалась превалирующей в зарубежной советологической историографии.

Подобная взаимоисключаемость дает о себе знать и по сей день.

Она, например, проявилась в самых последних по времени публикациях военных историков М. А. Молодцыгина и А. Я. Пономарева [9].

Конечно, подходы могут быть разными, но следует давать оценки конкретно, в соответствии с каждым поступком действующего лица.

...Наркомвоенмору досталось незавидное наследство. Так, в начале 20-х годов в беседе с французским социалистом А. Моризе, своим горячим поклонником, Троцкий рассказывал, что старая армия рассеялась, люди разбрелись по домам. Военное снаряжение валялось на всех железнодорожных станциях. Малоопытные местные Советы телеграфировали Троцкому: «У нас имеется десять пушек... у нас — авиационный парк... Десять солдат... пять матросов... Это все!» Канцелярия Троцкого в Смольном напоминала ярмарку. Люди приходили туда со всех концов: «Дайте нам ботинок! Нет ли у вас полковника?» [10]

Троцкий не преувеличивал степень разрухи и хаоса, охвативших армию и страну. В его распоряжении была 150-тысячная добровольческая Красная Армия. Именно она испытала на себе силу германской военной машины в трагическую для Советской республики неделю вражеского наступления с 18 по 24 февраля 1918 г. Но с этой армией уже нельзя было решать стратегические задачи обороны страны.

1 марта 1918 г. в статье «На деловую почву», опубликованной в «Правде», Ленин писал: «Красная Армия — безусловно великолепный боевой материал, но материал сырой, необработанный. Для того, чтобы ее не сделать пушечным мясом для германских орудий, ее необходимо обучить, дисциплинировать» [11].

Но условия Брестского договора предписывали немедленную демобилизацию не только старой, царской армии, но и воинских частей, сформированных уже после Октября. Руководство ЦК РКП(б), Совнарком, Ленин принимали во внимание эти условия, поэтому на начальном этапе создания Красной Армии ориентировались на всеобщее воинское обучение и милиционную систему. Эти принципы были закреплены в решениях Совнаркома от 9 марта и IV съездом Советов. С их утверждения в жизнь и началась работа нового наркомвоенмора.

Следует сказать, что эта деятельность подробно, едва ли не по дням и часам, освещена ближайшими сотрудниками Троцкого по военному ведомству — Полонским, Блюмкиным, Вермелем, Рубиным, Никитиным, Венцовым в сборнике «Как вооружалась революция». Это три тома в пяти книгах, куда вошли речи и выступления Троцкого на съездах и пленумах ЦК РКП(б), съездах и заседаниях Советов разных уровней, его статьи в центральных партийных и советских органах печати, в газете поезда Троцкого «В пути», приказы, распоряжения и указания председателя Реввоенсовета Республики, другие материалы.

Знакомство с этим изданием не подтверждает, на мой взгляд, довольно распространенное мнение о том, что главным в деятель-

ности наркомвоенмора была агитация [12]. Несомненно, пропаганде и агитации, устной и печатной, Троцкий уделял первостепенное внимание во время гражданской войны. Но не менее широко использовались им методы административного воздействия, репрессий в отношении командного и солдатского составов при решении возникавших проблем.

В апреле — мае 1918 г. ВЦИК и Совнарком приняли ряд декретов и постановлений, которые коренным образом реорганизовывали Красную Армию. В основе их лежали подготовленные ведомством Троцкого документы. Главным среди них был утвержденный 22 апреля ВЦИКом Декрет об обязательном обучении военному искусству, по которому обучению подлежали трудящиеся от 18 до 40 лет, без отрыва от работы в течение 8 недель, без вознаграждения за время обучения. Прошедшие курс обучения военнообязанные в любое время могли быть призваны в армию. Действовала составленная Троцким «Социалистическая клятва» — первая в истории рабоче-крестьянской армии воинская присяга.

В исторической литературе достаточно копий сломано при выяснении отношения Троцкого к институту военных комиссаров. И это неудивительно. Военные комиссары, люди с большим опытом партийной работы, имевшие стаж дооктябрьской деятельности, острее других реагировали на бесцеремонность, выказываемую Троцким к зависимым от него лицам. И не просто реагировали, а по возможности давали отпор или, как принято выражаться, ставили на место.

Справедливости ради следовало бы прекратить разговоры о том, что Троцкий был противником самого института военных комиссаров. Наоборот. Он фактически один из первых, кто поддержал ленинскую идею распространения комиссаров по всей армии как представителей Советской власти и организаторов политической работы. Она легла в основу приказа наркомвоена от 6 апреля «О военных комиссарах, членах Военных Советов». При комиссарах Высшего Военного Совета учреждалось Бюро военных комиссаров. В июне 1918 г. на первом съезде военных комиссаров, отмечая важность этого поста в армии, Троцкий говорил: «Комиссар — политический деятель, революционер. Военный руководитель отвечает головой за всю свою деятельность, за исход военных операций и т. д. Если комиссар заметил, что со стороны военного руководителя угрожает опасность революции, комиссар имеет право беспощадно расправиться с контрреволюционером вплоть до расстрела» [13].

Немалый вклад внес Троцкий и в дело привлечения в Красную Армию бывших царских офицеров и военных специалистов (военспецов.— *Н. В.*). Хотя сомнительно, чтобы эта идея была подсказана Ленину Троцким. Еще во время мятежа Керенского — Краснова и при защите Петрограда от немецкого вторжения Ленин высказался за использование офицеров старой армии. Поэтому я не придерживаюсь вывода, что эта идея была подсказана Ленину Троцким. Считаю, что Троцкий начал проводить ее в жизнь именно с помощью Ленина. Без освящения авторитетом председателя Совнаркома

это дело ему не удалось бы двинуть вперед и преодолеть сопротивление «левых коммунистов», других партийных и государственных деятелей, которые относились с подозрительностью не только к офицерам, но и к использованию бывших буржуазных специалистов.

В конце марта 1918 г. появилось сообщение наркомвоена и Высшего Военного Совета о привлечении в армию военных специалистов под контролем военных комиссаров. Троцкий стремился следовать этому правилу, но бывали случаи, особенно на первых порах, когда он проявлял либерализм: принимал в армию военспецов, не изучив их прошлого и мотивов, которыми они руководствовались. За это Троцкий уже тогда заслужил немало упреков и критики в свой адрес. Например, в донесении одного из комиссаров М. Духвинского от 11 апреля 1918 г. говорилось: «Среди отрядов наблюдается всеобщее недовольство назначенным сверху командным составом из прежних генералов и офицеров, которые, ссылаясь на распоряжения Троцкого, держат себя по отношению к отрядникам, в особенности ко многим видным, заслуженным революционным деятелям — большевикам, крайне вызывающе, то и дело угрожают последним расстрелами. Отношения все больше обостряются, и если не будут приняты радикальные меры, то дело может повести к весьма печальным, нежелательным результатам» [14].

Немало сохранилось документов и весьма негативного отношения военспецов к самому Троцкому. Так, военный руководитель Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевич отмечал безразличие Троцкого к делам ВВС и военной работе, редкие посещения заседаний высшего органа армии, отсутствие интереса к изучению приказов и директив. «Я, являвшийся в первые месяцы организации Красной Армии ее военным руководителем, ни разу не получил от Троцкого хоть какого-нибудь указания о том, как сочетать энтузиазм широких народных масс с обязательным опытом минувшей войны, как и не обнаруживал у него даже подобия интереса к военному делу. В то же время любой из мелких как будто вопросов, хотя бы о том, куда и на какую работу назначить превратившегося в военспеца бывшего генерала, охотно и вдумчиво решался Владимиром Ильичем. Ленину, больше чем кому-либо, мы, старые военные специалисты, обязаны тем, что с первых дней революции разделили с народом его трудный и тернистый путь» [15].

Видимо, здесь проявилась та же, что и в Наркоминделе, «звездная болезнь» Троцкого, неумение и нежелание заниматься мелочами, стремление определять стратегию нередко за счет и в ущерб тактике. Фактически всю повседневную работу по наркомату за Троцкого выполнял его заместитель Э. М. Склянский. В делах военного ведомства он в пору гражданской войны играл одну из ключевых ролей.

Он был на 13 лет моложе Троцкого, что сразу же предопределило их взаимоотношения как умудренного опытом патрона и начинающего ученика. В РСДРП он вступил в 1913 г. в возрасте 21 года. Как врач оказался в действующей армии. Октябрьскую революцию встретил членом революционного комитета 5-й армии в

Двинске. Принимал участие в организации и налаживании руководства армией. Сопровождал Крыленко при поездке в Могилев, где тот сменил генерала Духонина. В 26 лет, по рекомендации Свердлова, стал членом Высшего Военного Совета и заместителем Троцкого.

Преданный Троцкому лично, Склянский был его полной противоположностью: тихий до застенчивости, «не высовывался», но всегда оказывался незаменим в ведении делопроизводства и всего, что касалось «бумаг». Троцкий был обязан ему созданием и сохранностью обширного военного архива. Рассказывают, что любую бумагу, исходившую от наркомвоенмора, Склянский немедленно копировал и подшивал к делу.

В 1924 г. он перешел из военного ведомства на хозяйственную работу. Жизнь его оборвалась трагически. Находясь в 1925 г. в США в служебной командировке, утонул в реке. В некрологе Троцкий высоко отозвался о незаменимом помощнике. А в мемуарах замечал, что никогда не пожалел о его назначении.

Трагичной оказалась судьба почти всех помощников Троцкого по Наркомату военных и морских дел: Бутова, Глазмана, Сермукса, Познанского, Нечаева, Блюмкина... В конце 20-х годов они исчезли с политической арены. Глазман покончил жизнь самоубийством, Блюмкин расстрелян, Сермукс и Познанский пропали без вести. А ведь в гражданскую они были наделены чрезвычайными полномочиями, от их воли зависела судьба тысяч людей.

Всем им было чуть больше двадцати. Они не только охраняли Троцкого в поездках по фронтам, но готовили справочные материалы, писали черновики статей, воззваний, листовок, докладов, речей, наконец книг, из которых потом составилось собрание сочинений Троцкого. На этом поприще особенно выделялся Ленцинер — главный редактор этого собрания и автор почти всех примечаний к томам. Все они, бесспорно, своим возвышением обязаны Троцкому. Но также бесспорно и другое — вряд ли без их помощи Троцкий мог бы стать таким, каким его знают сегодня. По крайней мере, не только он формировал свой аппарат, шлифовал его механизм, но и аппарат во многом смоделировал его самого. Если можно говорить о каком-то руководителе тех лет как о производном аппарата, то одним из первых надо назвать Троцкого.

Аппаратный стиль руководства, когда вопросы решались в целом, без отвлечения на частности, когда штатные помощники готовили эти вопросы, был в высшей мере свойствен наркомвоенмору. Он бравировал незнанием подробностей и мелких обстоятельств, любил решать с ходу, раз и навсегда. Стиль, возможно, и производил впечатление на командиров и бойцов. Но был ли он эффективен? Далеко не всегда. Троцкий нередко оказывался жертвой собственной поспешности и поверхностности.

Гигантомания, предрасположенность к псевдомасштабности проявились даже в подборе Троцким кабинета для работы. Он находился на улице Знаменка в здании бывшего Александровского военного училища, где в октябре 1917-го «белые» расстреливали

«красных». Кабинет занимал фасад здания. Пять колонн, расположенных амфитеатром, украшали одну из его стен. Над центральной колонной помещался пеликан — символ Христа, который раздирал свое чрево для утоления голода собственных детей. В углу около камина стоял громадных размеров письменный стол наркома. Такой картина представилась упомянутому выше французскому социалисту Моризе.

Моризе, побывав в этом кабинете, оставил и портрет хозяина: «У Троцкого лицо несколько мефистофелевское. Длинные, свешивающиеся волосы, небольшая борода, удлиняющая его лицо; умные глаза блестят бесстрашно и холодно. Две глубокие складки окружают его рот неприятным овалом. Но когда он смеется, глаза его становятся удивительно мягкими и появляющиеся ямочки на щеках скрывают злые складки его рта» [16]. Что и говорить, «демоническая» внешность.

Рассмотренные выше мероприятия, осуществлявшиеся при активном участии Троцкого, создали необходимые предпосылки для перехода Красной Армии от добровольческих начал к всеобщей мобилизации рабочих и крестьян. По докладу Троцкого 26 июня Совнарком утвердил обязательную воинскую повинность для трудящихся классов и слоев. Одновременно признавалась необходимость привлечения «буржуазных элементов к работе на оборону».

Завершающим этапом строительства новых вооруженных сил стала реорганизация системы управления войсками на принципах централизации и дисциплины. 19 августа после обсуждения предложенного Троцким проекта Совнарком принял декрет «Об объединении всех Вооруженных Сил республики в ведение Народного Комиссариата по военным делам». В сентябре, как уже говорилось, был создан Революционный Военный Совет Республики (РВСР). В него, наряду с Троцким (председателем), вошли видные партийные работники с военным опытом. РВСР предоставили всю полноту военной власти. Реввоенсоветы создавались во главе фронтов и армий в составе трех человек: командующий и два комиссара. 30 ноября 1918 г. решением ВЦИК был образован Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с Лениным. Совет обладал всеми правами в мобилизации сил и средств страны в интересах обороны.

Разветвленная система руководства военно-морским ведомством находилась под постоянным контролем Центрального Комитета партии.

Формирование Красной Армии осуществлялось при нараставшей военной угрозе Советской России. После победы Октября гражданская война не прекращалась. Страна оказалась в кольце фронтов, общая протяженность которых составила 8—11 тыс. километров. Превосходство объединенных сил противника было почти стократным. Характеризуя сложившуюся ситуацию, Троцкий в докладе, прочитанном в Колонном зале Дома союзов 24 февраля 1919 г., отмечал, что многообразие врагов создало целую окружность фронтов: на востоке — чехословаки, на севере — союзные десанты, на западе — немецкое наступление, на юге — Краснов, на Украине — Скоропадский.

Задача отражения превосходящих сил противника несколько облегчалась, поскольку не везде требовалась многочисленная армия. За счет этого появлялась возможность концентрировать силы там, где возникала наибольшая опасность.

...В боевые действия Троцкий вынужден был вступить уже в августе 1918 г. В результате спровоцированного державами Антанты наступления 40 тысячного чехословацкого корпуса Советскую власть свергли в ряде городов. В Омске образовалось Сибирское правительство, в Самаре — эсеро-меньшевистский Комуч. В Оренбурге появился атаман Дутов, на Дальнем Востоке — Семенов. 10 июля пал Симбирск, и мятежные чехословацкие части двинулись на Казань, которую захватили 6 августа. Открывался путь на Нижний Новгород и Москву. Ситуация сложилась чрезвычайная. 1 августа в письме членам Реввоенсовета Восточного фронта Ленин отметил: «Сейчас **вся** судьба революции стоит на *одной* карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара.

Все зависит от этого» [17].

Известие о захвате Казани застигло Троцкого в пути. 7 августа он выехал из Москвы на Восточный фронт в специально сформированном, как его окрестили позднее, «поезде Предреввоенсовета». Об этом поезде в гражданскую войну и долгое время спустя ходило немало легенд. Их созданию во многом способствовал и сам Троцкий. Как-то так получалось, что поезд появлялся в самые критические моменты военных действий, причем неожиданно как для врагов, так и для своих. Как правило, присутствие команды поезда и Троцкого способствовало немедленному выравниванию положения дел. Какими средствами это достигалось — вопрос другой.

Поезд состоял из вагонов, бронированных мешками с землей, был вооружен пушками и пулеметами. Позднее за ним стал следовать другой поезд, в котором находилось 300 кавалеристов, аэроплан, вагон-гараж для пяти автомобилей, телеграф, типография, библиотека и даже баня!

Склонность Троцкого к внешним эффектам и здесь дала о себе знать. Поездная команда была одета в кожу и имела отличительный знак: на левом рукаве, пониже плеча, выделялся крупный металлический значок, специально сделанный на монетном дворе. Знаки, как известно, носили представители специальных команд, наделенных особыми полномочиями.

По своим функциям поездная команда Троцкого мало чем отличалась от карательного отряда, наводившего ужас не столько на врагов (в боевых действиях эти мóлодцы почти не участвовали, разве что по какому-нибудь случаю, когда нападали непосредственно на сам поезд казаки и другие формирования белых), сколько на своих. «Каждый раз появление кожаной сотни в опасном месте производило неотразимое действие,— вспоминал Троцкий.— Чувствуя поезд в немногих километрах от линии огня, даже наиболее нервно настроенные части, и прежде всего их командный состав, тянулись изо всех сил» [18].

За всю гражданскую войну «поезд Предреввоенсовета» потерял убитыми и ранеными всего 15 человек. Во время войны поезд совершил 36 рейдов, покрыв расстояние в 97 629 верст. За «боевые заслуги» команда была награждена (как я считаю, по представлению Троцкого) орденом Красного Знамени.

Стремясь придать бóльшую значимость поезду, Троцкий писал о попытках «покушений» на него эсеров и других противников Советской власти. От подробных описаний таких «покушений» он воздерживался, но об одном случае рассказал. Двигаясь на юг, поезд потерпел на станции Горки крушение. Причиной стала неверно переведенная стрелка. Никто не пострадал, но даже по прошествии почти десяти лет чувствовалось, какой страх пришлось пережить Троцкому в ту ночь, когда, выбравшись из вагона на волю, он метался впотьмах с револьвером в руке, боясь признаться в охватившем его предчувствии беды...

Прибыв на Восточный фронт, Троцкий деловито и инициативно приступил к наведению порядка в раздерганных, фактически деморализованных неудачами и отступлением (скорее напоминавшим бегство перед превосходившими силами противника) красноармейских частях. Один за другим выходили знаменитые приказы наркомвоенмора. Ясностью и лаконичностью, умением четко поставить задачи и выразить отношение к происходящему приказы удивительно напоминали документы начинавшего военную карьеру Наполеона Бонапарта.

Писались приказы на специально отпечатанных бланках в половину листа обычной школьной тетради. Слева набраны слова «расписка в получении», справа, в верхнем углу — «кому, год, месяц и час». Ниже отводилось место для текста распоряжения. Приведем одно из них, оно написано его рукой и, видимо, наспех: «Приказ № 2. На основе приказа № 1 об объявлении ж. д. Москва — Казань на военном положении устанавливается с настоящего часа Военно-рев. трибунал в составе: представителя Комиссариата юстиции председателя трибунала т. Смидовича, представителя Воен. ком. т. Гусева, представителя Ком. путей сообщения т. (фамилия неразборчива). Народ. ком. по в. и м. д. Л. Троцкий (подпись)» [19].

Сохранилось немало и других свидетельств деятельности Троцкого в Свияжске, под Казанью, где расположилась ставка наркомвоенмора. В первую очередь — это телеграммы, которыми он обменивался с Лениным (они собраны в двухтомнике «Бумаги Троцкого»), воспоминания участников событий. Так, Лариса Рейснер посвятила Троцкому даже поэму «Свияжск». Она находилась в районе боевых действий вместе со своим тогдашним мужем Ф. Раскольниковым, которого Троцкий после гибели матроса Маркина назначил командующим волжской флотилией и членом Реввоенсовета.

Владимир Солоухин в очерке «Читая Ленина» замечает, что Рейснер принимала ванны из шампанского. Трудно сказать, в каких ваннах она купалась, но одно можно утверждать достоверно — жили они тогда с Троцким и приближенными к нему людьми в

комфорте, о чем с женской непосредственностью рассказала Рейснер в письмах родным в Москву: «Милые, пишу спешно, из сумасшедшего дома. Живы ли вы? Завтра шлю вам денег и муки. Радости, писать письма очень трудно. Днем работаю в штабе, ночью с Федей (Раскольниковым.— *Н. В.)* делаем безумные набеги миноносцев на их флотилию. Перетопили 3 парохода, две баржи под самым носом у их батарей. Научилась ездить верхом — целые дни не схожу с лошади. А в свободные часы на роскошной царской «Межени», где ванны, души, обеды, чистое белье, и стрельба звучит, как сквозь сон». И затем: «Отчего бы кому-нибудь из Вас не приехать в Свияжск на 2—3 дня?» [20]

Почти месяц Троцкий пробыл на Восточном фронте. Многое ему удалось поправить. Подробно его действиям той поры посвящен очерк «Свияжские дни» Гусева.Очерк писался во второй половине 1923 г. (опубликован в «Пролетарской революции», № 2 за 1924 г.), когда Троцкий находился в зените славы, не считаться с чем Гусев не мог, а он был зависимое от Троцкого лицо. Но определенное представление о характере и главное — результативности действий Троцкого его свидетельства дают.

«Приезд тов. Троцкого,— писал он,— внес решительный поворот в положение дел. В поезде тов. Троцкого на захолустную станцию Свияжск прибыли твердая воля к победе, инициатива и решительный нажим на все стороны армейской работы. С первых же дней и на загроможденной тыловыми обозами бесчисленных полков станции, где ютились политотдел и органы снабжения, и в расположенных впереди — верстах в 15 — частях армии почувствовали, что произошел какой-то крупный перелом.

Прежде всего это сказалось в области дисциплины. Жесткие методы тов. Троцкого для этой эпохи партизанщины, недисциплинированности и кустарнической самовлюбленности были прежде всего и наиболее всего целесообразны и необходимы. Уговором ничего нельзя было сделать, да и времени для этого не было. И в течение тех 25 дней, которые тов. Троцкий провел в Свияжске, была проделана огромная работа, которая превратила расстроенные и разложившиеся части 5-й армии (ее командующим Троцкий назначил И. Н. Смирнова.— *Н. В.)* в боеспособные и подготовила их к взятию Казани».

А вот как сам Троцкий изобразил происходившее в телеграмме Ленину от 13 августа: «Здесь идут упорные бои. Пока что убитые исчисляются десятками, раненые — сотнями. На нашей стороне некоторый перевес численности артиллерии. На стороне врага перевес организации и меткости стрельбы. Утверждение, будто наши части не хотят сражаться, ложно (видимо, опровергал чье-то мнение Троцкий.— *Н. В.)*. Там, где хороший или сносный командир и хорошие комиссары, солдаты сражаются. Присутствие рабочих-коммунистов весьма плодотворно. Среди них много беззаветно преданных и мужественных людей. Когда командующий хочет сказать, что такой-то пост занят надежным лицом, он говорит: там у меня коммунист. Предсказывать, что будет завтра, не берусь. Но не сомневаюсь в победе».

Еще через день в новой телеграмме Троцкий подтвердил, что войска хороши, дерутся добросовестно. Отдельные части, хотя и потеряли более половины состава, но сохранили боеспособность. Троцкий сообщил о создании авиационного отряда и высказал свои соображения по поводу гражданской войны в целом: «Нужно эту войну сделать популярной (!). Нужно, чтоб рабочие почувствовали, что это наша (!) война». Для этого следовало поставить на широкую ногу пропаганду и агитацию в пользу войны, изображать ее «передовиков», помещать о них в печати очерки, фотографии, отмечать прочими знаками отличия. Троцкий просил Ленина прислать корреспондентов, Демьяна Бедного и рисовальщика [21].

Из этой переписки рельефно предстает схема, гарантировавшая, по мнению Троцкого, успех: 1) наличие хорошего командира и комиссара; 2) крепкое партийное ядро в боевых частях; 3) умелая пропаганда и агитация «передового опыта» войны. Но этой схеме недостает самого главного, не упоминаемого Троцким пункта о репрессиях, без которого данный перечень будет не просто неполным, а явно искаженным. «Нельзя строить армию без репрессий...» [22] — писал Троцкий в «Моей жизни». И это было не только одним из наиболее знаменитых его крылатых выражений, но и важнейшим руководящим принципом действий.

Война есть война, тем более гражданская, которая всегда велась в гораздо более жестоких, бескомпромиссных формах, чем войны между государствами. В гражданской ставкой было не приобретение дополнительных территорий, установление контрибуции, достижение лучших условий жизни, а борьба за власть, возможность одних классов, социальных групп господствовать над другими, гражданская война — это наиболее ожесточенная, наиболее непримиримая война. Бои ведутся на полное физическое истребление противника, и они кончаются либо решительной победой, либо решительным поражением.

Спор о том, кто первый начал войну и в ходе ее применил массовый террор, лишен смысла. Еще задолго до 30 августа 1918 г.— убийства Урицкого и покушения на Ленина,— даты, от которой начали исчислять развертывание в стране массового террора, как «белым», так и «красным» была абсолютно ясна неизбежность применения силы для подавления противника. Об этом десятки раз писали.

Ленин придавал этому вопросу первостепенное значение. Считаю, что и в чрезвычайных условиях военного времени он все же исходил из вопроса целесообразности, масштаба репрессий и в отношении кого они применялись.

Возьмем знаменитое его распоряжение Пензенским губисполкому и губкому партии на имя Е. Бош от 9 августа 1918 г. о проведении беспощадного массового террора против кулаков, попов и белогвардейцев с требованием сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. С этого распоряжения, как считает Солженицын, началось создание ГУЛАГа.

Распоряжение действительно чрезвычайное, а если учесть и еще

две ленинские телеграммы тому же адресату от 12 и 14 августа, где мягкость при подавлении кулаков рассматривалась как «великое преступление против революции» [23], то шансов оправдать эти требования не остается. И все же попробуем разобраться в мотивах распоряжений, чем они были продиктованы?

Во-первых, Ленин помнил печальный опыт поражения Парижской коммуны. Он опасался, как бы Октябрьская революция не уподобилась Коммуне с ее беззубостью в отношении откровенных врагов. Его волновала не столько собственная судьба и судьба тех людей, кто участвовал в штурме Зимнего, сколько перспектива революционного процесса. Гибель Коммуны помимо гибели нескольких десятков тысяч коммунаров обернулась задержкой революционного развития как минимум на четверть столетия. Поражение Октября могло обернуться гораздо более несоизмеримыми жертвами и еще более длительной остановкой революции.

Во-вторых, это решение было принято в чрезвычайной обстановке, сложившейся в данном районе: влияние мятежа на соседние с Пензенской области в худшую сторону отразилось бы на состоянии красноармейских частей на Восточном фронте.

И в-третьих, Ленин ограничивал применение репрессий исключительно рамками явных противников Советской власти. Речь шла о борьбе за выживание.

Аналогично Лениным решались вопросы и с заложниками. 10 августа 1918 г. он телеграфировал наркому продовольствия А. Д. Цюрупе проект декрета, смысл которого сводился к тому, чтобы взять «в каждой хлебной волости 25—30 *заложников* из *богачей*, отвечающих *жизнью* за сбор и ссыпку **всех** излишков» [24]. В 50-м томе Полного собрания сочинений подобных документов даже с требованием расстрела можно найти немало. Но, откровенно говоря, фактов их исполнения известно немного. Отдавались эти распоряжения в горячке сиюминутных дел, под воздействием того или иного вопиющего факта. «Остывая», Ленин мог взять — и не раз брал — назад свои распоряжения.

Говорю все это не в оправдание Ленина. Любая арифметика в вопросах, затрагивающих судьбы людей, а тем более их жизни, имеет налет цинизма и вряд ли годится в качестве аргумента. Просто напоминаю, что не следует забывать конкретно-историческую обстановку, которая многими игнорировалась в то время, когда суждения выносились, что называется, по горячим следам, а уж тем более это надо брать в расчет сегодня. По прошествии десятилетий есть возможность разобраться, сопоставить факты, проанализировать причинно-следственные связи поступков конкретных лиц. Только при таком подходе можно понять наше трагическое прошлое.

И еще одно соображение. Сходясь в главном — в неизбежности террора в условиях гражданской войны (чем как раз, на мой взгляд, и объяснялась поддержка Лениным Троцкого), они по-разному понимали его суть. Беспокоившие Ленина «нюансы» (кого, как, насколько, куда) Троцкого не смущали. Если расстреливать, то без разбора, если в лагеря — сажать поголовно вне зависимости от

отношения к конкретным распоряжениям и действиям властей, если заложники — неважно кто: женщины, дети, старики. Главное, что они числились по «контрреволюционному ведомству».

4 июня 1918 г. Троцкий отдал распоряжение отрядам, сражавшимся против чехословацких мятежников: «Мною разрешено командующим фронтами принимать парламентариев от чехословацких эшелонов. Обязательным условием переговоров является полная сдача чехословаками оружия. Не сдающих добровольно оружия, согласно ранее отданному приказу, расстреливать на месте. Насильственно разоруженные эшелоны должны заключаться в концентрационные лагери» [25]. Ленин только подумал о концентрационных лагерях, а Троцкий уже применил их на деле. Не этой ли ретивостью он притягивал Ленина, получая от него благодарности и вызывая лютую зависть Сталина? В отношении террора Троцкий шел на шаг, кое-где на два впереди Ленина. Если здесь к кому-либо применим эпитет «первый», то, бесспорно, к Троцкому.

Его приказ по чехословацким мятежникам, составленный в резких, не терпевших снисхождения формулировках, не мог оставить равнодушным даже самого лояльно настроенного к Советской власти солдата. Надо же было понять, что не о бандитах шла речь, а о военнослужащих, находившихся в плену, но получивших возможность выезда на родину. И они вправе были рассчитывать на соответствовавшее положению военнослужащего отношение. Приказ Троцкого закрывал возможность для агитационно-политической работы в чехословацком корпусе и создавал прекрасную почву для развертывания антисоветской пропаганды.

А чего стоит обида Троцкого на Ленина, высказанная им в телеграмме 21 августа 1918 г.: «Предположение, будто я щажу Казань, неосновательно» [26]. Чтобы ни у Ленина, ни у кого другого не возникло сомнений в его недостаточной твердости, Троцкий в течение двух недель августа издал ряд распоряжений, которые и сегодня поражают бессмысленной жестокостью. «Предупреждение трудовому населению Казани. Необходимо временно выехать из города. После захвата Казани чехо-белогвардейскими бандами Казань стала гнездом контрреволюции. Это гнездо должно быть разорено. При дальнейшем сопротивлении контрреволюционные кварталы будут срыты до основания... Необходимо как можно скорее удалить из города детей» [27].

Вспомнил о детях? Не торопись, читатель, с выводами. 28 августа Троцкий шлет телеграмму Ленину: «Штаб Северной группы белогвардейцев сообщает, что он намерен на днях послать из Казани вверх по Волге на барже 15 000 человек беженцев (среди которых, логично предположить, были женщины и дети.— *Н. В.)* и мешочников и предлагает беспрепятственно пропустить их. Само собой разумеется, что ни о каком пропуске белогвардейской баржи не может быть и речи, о чем поставляются в известность все военные и гражданские советские власти» [28]. Сталин, топивший под Царицыном баржи с пленными белыми, действовал в унисон с наркомвоенмором. Кто же у кого учился и перенимал опыт?

24 августа Троцкий издает приказ: «Взятие Казани означает беспощадную расправу над врагами революции». Тут же в строку обещание утех войскам, гарантия безнаказанности за мародерство и грабежи в случае досрочного взятия города: «Взятие Казани означает для вас заслуженный отдых и награду для всех мужественных и твердых бойцов революции» [29]. Платить было чем. Троцкий вернул захваченные белыми 30 тыс. пудов золота, платины и других благородных металлов общей стоимостью в 110 миллионов рублей. Он обратился к Ленину за согласием на выплату из этой суммы премиальных отличившимся бойцам и командирам Красной Армии. Ленин ответил как всегда кратко, но предельно точно: «Не жалейте денег на премии» [30]. Им же были одобрены все меры Троцкого по подавлению Казани. В телеграмме 7 сентября на имя Троцкого он сообщал: «Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживавших их кулаков-кровопийцев будет образцово-беспощадное» [31].

Прочитал этот текст и подумал, нет ли в нем некоего оттенка иронии Ленина, понимавшего весь ужас действий Троцкого? Нет, никакой иронии не нашел. Все очень серьезно. И в подтверждение другая телеграмма в Свияжск 10 сентября: «По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце» [32].

При такой поддержке Троцкий действовал без оглядки на обстоятельства. Концентрационные лагеря в массовом порядке он применил еще до известного распоряжения Ленина по Пензенской губернии. В приказе от 8 августа Троцкий извещал: «Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва — Казань, тов. Каменщиков, распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления или приговариваться Военно-Революционным Трибуналом к другим карам» [33].

Никакой пощады Троцкий не давал даже тем, кто не принимал участия в боевых действиях на стороне противника, но занимался пособничеством ему. Во время чехословацкого мятежа была распространена листовка, в которой объяснялось, что никто не должен ссылаться на насилие завоевателей и оправдание изменнических действий против власти рабочих и крестьян. Все, кто во время «господства чехо-белогвардейцев» оказывал им содействие, подвергались расстрелу. И расстреливали...

Под Казанью Троцкий издал листовку «Помните об Ярославле!». «Буржуазно-офицерский мятеж в Ярославле подавлен советскими войсками беспощадно,— куражился Троцкий.— Сотни мятежников были перебиты или потоплены в Волге. Свыше 350 захваченных белогвардейцев были расстреляны после усмирения мятежа. Попытка буржуазии вернуть в рабство рабочих и крестьян обрушила на заговорщиков суровую кару. Помните об Ярославле, контрреволюционные бандиты Казани, Симбирска и Самары!» И

далее: «Темные, обманутые, одурманенные солдаты и чехо-словаки еще могут надеяться на помилование, если своевременно раскаются и сдадут оружие. Но буржуазные заговорщики, иностранные агенты-провокаторы, офицеры-белогвардейцы будут истреблены поголовно. Советская власть каленым железом отучит буржуазных авантюристов устраивать мятежи против рабочих и крестьян» [34].

По распоряжению Троцкого репрессиям подвергались не только офицеры-перебежчики из Красной Армии, но и члены их семей. В приказе, изданном 30 сентября от имени Председателя Реввоенсовета Республики, на члена Реввоенсовета Аралова возлагалась ответственность «по задержанию семейств перебежчиков и предателей» [35].

Негативное впечатление от репрессивной практики Троцкого и его помощников усиливалось наличием того самого «национального фактора», из-за которого Троцкий сразу же после победы Октября отказался от поста наркома внутренних дел. Об этом шла речь на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 18 апреля 1919 г. с участием Ленина, Крестинского, Сталина и Троцкого. Было рассмотрено заявление Троцкого о том, что «огромный процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи, что процент их на самом фронте сравнительно невелик и что по этому поводу среди красноармейцев ведется и находит некоторый отклик сильная шовинистическая агитация и что, по мнению т. Троцкого, необходимо перераспределение партийных сил в смысле более равномерного распределения работников всех национальностей между фронтом и тылом» [36].

Положение усугублялось еще и тем, что некоторые отряды Красной Армии с ведома, а нередко и с участием своих командиров, при полнейшем попустительстве Советской власти допускали действия, оскорбляющие нравы и обычаи, религиозные верования, национальное достоинство коренного населения. Особенно в этом отношении «не везло» православию, Православной церкви вообще. Обследовавшая в 1919 г. Харьковскую область после занятия ее деникинскими войсками «Особая комиссия» следующим образом характеризовала обстановку в ряде мест и районов: «Забравшись в храм под предводительством Дыбенко, красноармейцы вместе с приехавшими с ними любовницами ходили по храму в шапках, курили, ругали скверно-матерно Иисуса Христа и Матерь Божию, похитили антиминс, занавес от Царских врат, разорвав его на части, церковные одежды, подризники, платки для утирания губ причащающихся, опрокинули Престол, пронзили штыком икону Спасителя. После ухода бесчинствовавшего отряда в одном из притворов храма были обнаружены экскременты».

Запрет крестить, венчать и погребать без предварительного разрешения, массовые облавы, концентрационные лагеря, расстрелы вызывали большое раздражение населения области. «Сегодня расстрелял 85 человек. Как жить приятно и легко!.. Такими внутренними эмоциями своими делился с очередной партией обреченных

жертв знаменитый садист Саенко,— писал Деникин.— По ремеслу столяр, потом последовательно городовой, военный дезертир, милиционер и, наконец, почетный палач советского застенка...» [37]

Допускаю, чтобы вызвать неприязнь к Красной Армии, к большевикам вообще, писавшие сгущали краски. Но уверен, что такие факты были в избытке. Как раз наличие их объясняет поразивший белое движение антисемитизм, неразделимый с ненавистью к Советской власти. В 1919 г. волна еврейских погромов прокатилась на Украине, получив широкий отклик по всей стране, даже в тех ее частях, которые контролировались Советами.

Не случайно на указанном выше заседании Политбюро было принято решение: «Предложить тт. Троцкому и Смилге составить соответствующий доклад и сообщить этот доклад, как директиву ЦК, комиссиям, распределяющим силы между центральными и местными организациями и фронтом». Несколько позднее, 27 июля 1919 г., Совнарком обратился с призывом усилить борьбу против антисемитизма и погромов. В соответствии с этим призывом наркомвоенмор создал в комиссариате специальную секцию по «антипогромной пропаганде».

Не Сталин, а Троцкий первым начал расстреливать коммунистов, бросать их в концлагеря и тюрьмы. В августе 1918 г. Красную Армию и партию потрясло известие о расстреле двадцати бойцов, комиссара и командира Петроградского рабочего полка, прибывшего на Восточный фронт. Сформированный из людей, в основном впервые в жизни взявших в руки оружие и оказавшихся в районе боевых действий, он не представлял собой полноценную армейскую часть. При первой же стычке с неприятелем полк оставил позиции, отошел к Волге, погрузился на пароход и потребовал транспортировки домой. Действия эти, безусловно, заслуживали осуждения, но — и разбора.

Складывается впечатление, что Троцкий был начисто лишен элементарного сострадания к людям. Поражает, с какой бессмысленностью преследовал Троцкий командиров Красной Армии — выходцев из крестьян, например Миронова.

Он первым стал фабриковать политические процессы против своих противников. Уже в июне 1918 г. Троцкий выступил инициатором суда над капитаном 1 ранга А. М. Щастным. Председателем трибунала был Крыленко, обвинителем — Троцкий.

Щастный был известен тем, что по поручению Высшего Военного Совета в конце апреля 1918 г. под носом у немцев провел корабли Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт. Став командующим, он повел себя независимо от наркомвоенмора, посчитав того некомпетентным человеком в военно-морском деле. Это чрезвычайно уязвило самолюбие Троцкого. Тем более что Щастный не скрывал своего мнения о Троцком, открыто выражал беспокойство из-за неудовлетворительного состояния материальной части флота, низкой дисциплины и плохой выучки личного состава. Под Щастного стали «копать». Придирки следовали одна за другой. Ему ставили в вину то «попустительство неисполнительности своих под-

чиненных», то некомпетентное ведение переговоров с немцами об установлении демаркационной линии, то поддержку слухов о тайном сговоре Советской власти с немцами об уничтожении кораблей Балтийского флота и прочие несуразности.

Обстановка накалялась. Щастный возмутился, вступил с Троцким в открытый конфликт. Поводом послужили придирки Троцкого за якобы молчаливое несогласие с его распоряжением о создании на каждом корабле групп «моряков-ударников, которые, при всякой обстановке, будут готовы и способны уничтожить корабль, хотя бы пожертвовав своею собственной жизнью». Этот приказ Троцкий провел через голову Щастного.

Приказ обострил ситуацию на флоте, моряки открыто роптали. Щастный, по мнению Троцкого, вместо того чтобы пресечь этот ропот, заявил протест по поводу подготовительных мер к уничтожению Балтфлота. Тут же люди Троцкого приписали ему «сотрудничество» с иностранной разведкой. На квартире Щастного произвели обыск и нашли конспект политического реферата «с ярко выраженной контрреволюционной тенденцией». На самом деле суть реферата состояла в обосновании Щастным собственной точки зрения на происходившее, что и показал его допрос Троцким в Комиссариате по военным и морским делам.

Тогда спешно сфабриковали документ, якобы обнаруженный при обыске в бумагах Щастного. Некий М. Бауэр, подписавшийся за начальника отделения немецкой военной разведки, и его адъютант (!) М. Крейслер сообщали председателю Петроградской коммуны Г. Зиновьеву: «Разведывательным отделением получены точные указания на то, что группой кронштадтских матросов-анархистов решено передать часть Балтийского флота в распоряжение Красной гвардии финляндских революционеров для защиты Выборга и Бьёркё.

По нашим сведениям, Совет Петроградской коммуны одобрил это решение названной группы матросов. Считаем долгом указать, что этот акт будет признан нашим Верховным командованием достаточным поводом для оккупации Петрограда и требования полного разоружения Кронштадта и находящихся в военном порту кораблей» [38].

Фальшивка фигурировала в качестве главного аргумента обвинения Щастного: как же, знал о таких настроениях личного состава и не донес по инстанции! Ведь это провокация, попытка сорвать Брестский мир.

Несмотря на протесты моряков, Щастного арестовали и предали суду. Судили быстро, без лишних глаз. Приговорили, как положено, к расстрелу, поскольку он обвинялся в тяжком преступлении — в контрреволюционном саботаже распоряжений Советской власти.

Не в этом ли процессе прочитывается схема будущих московских политических процессов 30-х годов, против которых выступит Троцкий, квалифицировав их как провокационные? И в процессе против Щастного, и в последовавших через двадцать лет политических процессах можно выделить характерные черты: 1) обвинение в

антисоветской деятельности; 2) обвинение в составлении политического реферата (читай — манифеста); 3) использование подложных документов, уличающих в связях с «иностранной разведкой»; 4) отсутствие гласности судопроизводства и возможности реальной защиты; 5) приговор к расстрелу и его немедленное приведение в исполнение.

По такой же схеме пытались провести другого «контрреволюционера» — вожака трудового казачества, члена РКП(б) Миронова. Не все получилось, но результат тот же, хотя вынуждены были действовать из-за угла: Миронова застрелил часовой с вышки во время прогулки в Бутырской тюрьме.

Пристрастие Троцкого к шумным политическим процессам проявилось и в отношении арестованной еще Временным правительством, а летом 1918 г. находившейся в Екатеринбурге царской семьи. Непримиримый и безжалостный ко всем врагам Советской власти Троцкий вдруг проявил не свойственную ему сдержанность и не откликнулся на предложение об уничтожении царя и его домочадцев. Как передает биограф Троцкого И. Дейчер, Троцкий хотел устроить грандиозный суд-спектакль, как это было в случаях с английским королем Карлом I и французским — Людовиком XVI. Сам он хотел выступить «генеральным прокурором», продемонстрировать ораторское искусство и неотразимость «революционных аргументов» [39].

Таковы перипетии «тревожного лета» 1918-го в политической карьере наркомвоенмора. Для него лично она закончилась триумфом. 10 сентября была взята Казань. Ленин прислал телеграмму: «Приветствую с восторгом блестящую победу Красных Армий» [40].

К началу 1919 г. положение на фронтах стабилизировалось и наметился перелом в пользу Красной Армии. Начиная с августа 1918 г. за семь месяцев Красная Армия очистила территорию 130 уездов в 28 губерниях, заняла 166 городов и 164 тысячи негородских населенных пунктов, общей площадью 850 тысяч квадратных верст, с населением почти 40 миллионов человек [41].

Можно было подвести некоторый итог результатам деятельности и самого наркомвоенмора. Борьба за Казань и другие ключевые пункты военной кампании лета — осени 1918 г. ясно показала возможности Троцкого как главы военного ведомства. В полководцы он не годился. Разработка военных операций и руководство ими требовали специальной подготовки, умения и особого дара. Ни одним из этих качеств Троцкий не обладал или обладал не настолько, чтобы заявить о себе как о заметном военачальнике. Это подтверждалось всякий раз, когда он брал на себя функции военного стратега.

В «Моей жизни» он задавался вопросом: «Был ли я подготовлен для военной работы?» И отвечал: «Разумеется, нет. Мне не довелось даже служить в свое время в царской армии... Ближе я подошел к вопросам милитаризма во время балканской войны (1912 г.— *Н. В.)*, когда я несколько месяцев провел в Сербии, Болгарии и затем в Румынии. Но это был все же общеполитический, а не чисто

военный подход». Таким же «общеполитическим» был подход и других высших руководителей Советского государства, включая Ленина. Поэтому стоит ли удивляться «книжным», оторванным от российской реальности многочисленным военным (если бы только военным!) распоряжениям руководства. Лидеры государства и партии учились ценой гибели тысяч людей, которые в большинстве были неграмотными или полуграмотными крестьянами и не могли судить о дилетантизме наркомвоенмора, а вместе с ним и всего тогдашнего Политбюро. Похожая картина повторится позже, но уже с другим «вождем» в начале другой — отечественной, а не гражданской войны...

Думается, что сказанного вполне достаточно, чтобы судить о Троцком как о наркомвоенморе. Все, что было потом, в оставшиеся месяцы и дни гражданской, повторяло в разной мере его действия летом — осенью 1918-го.

Не все смотрели на ошибки и перегибы Троцкого снисходительно. Многие руководители партии и Красной Армии не прощали ему расстрелы, репрессии в отношении коммунистов. В этом смысле показательна позиция большинства делегатов VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 г. Троцкого на нем не было. Сославшись на необходимость личного присутствия при подавлении очередного крестьянского восстания в прифронтовых Самарской и Симбирской губерниях, известного под названием «чапанной войны», он отбыл на Восточный фронт. Но, думается, дело заключалось не в его присутствии при ликвидации восстания. Причина была иная. И она не была тайной для делегатов съезда: Троцкий знал о настроениях партийной массы и не хотел присутствовать при критике в свой адрес. Более того, он попытался несколько сгладить негативное впечатление от допускавшихся им перехлестов в руководстве военным ведомством. Троцкий направил съезду тезисы доклада «Наша политика в деле создания армии», составленные в обтекаемой форме, без свойственной ему задиристости.

Но и этот ход Троцкому не помог. Его сторонники, Сокольников и Розенгольц, не смогли тезисы вывести из-под резкой критики делегатов съезда. Участники военной секции съезда (материалы которой впервые опубликованы в девятом — одиннадцатом номерах за 1989 г. в журнале «Известия ЦК КПСС») двумя третями голосов (37 — против, 19 — за) отвергли их. Попытка Сокольникова прекратить после этого дальнейшее обсуждение на секции проблем военного строительства, уведя за собой сторонников Троцкого, не удалась. Большинство секции расценило это как «опасный прецедент антипартийности».

Выступавшие на военной секции обратили внимание на забюрократизированность руководства военным ведомством со стороны ЦК РКП(б) и в особенности Предреввоенсовета; отрыв аппарата комиссариата от масс; невладение ситуацией в боевых частях и на фронтах, что стоило Красной Армии больших жертв; просчетов в стратегии и тактике ведения боевых действий.

Член Сибирского бюро ЦК РКП(б) Ф. И. Голощекин заявил, что настоящее командование — кабинетное, решающее военные

задачи по карте, но не знающее, какими силами нужно это сделать.

На секции было вскрыто много фактов необоснованных репрессий, слабого контроля ЦК за деятельностью комиссариата в этой области. В своем выступлении Голощекин отмечал необоснованные потери 3-й армии, которая в течение пяти месяцев погубила 25 000 революционных пролетариев Урала. А. Ф. Мясников (Мясникян) высказался еще резче: он говорил, что были факты, когда военный комиссар арестовывал и расстреливал коммунистов без доказательства их вины.

Некоторые делегаты указывали на неправильное комплектование боевых подразделений. Они считали, что ответственным за это был не только Комиссариат по военным делам, но и непосредственно ЦК партии. Заместитель председателя Высшей военной инспекции С. С. Данилов отмечал: «В 3—5 дней сколачиваются маршевые роты и кидаются на фронт. Ясно, что они не могут быть даже в военном отношении сколько-нибудь сколочены. Красноармейцы и командный состав не знают друг друга. Крестьянские массы не могут получить даже элементарного политического воспитания». Называлось немало случаев назначения высшего командного состава якобы с ведома и при согласии ЦК, но фактически эти назначения делались единолично Свердловым и Троцким. Считалось, что «остальные члены ЦК им доверяли и санкционировали их действия».

Существенным аспектом в выступлениях делегатов съезда было выявление причин растущего недовольства политикой Предреввоенсовета, Комиссариата по военным делам и Советской власти в целом. Показательным в этом смысле можно назвать выступление председателя Орловского губкома РКП(б) А. С. Александрова. Он считал, что львиную долю вины за это несут самодуры-комиссары и председатели волостных совдепов, перекладывающие чрезвычайный налог с кулаков на среднее крестьянство. Это отражалось на армии в высшей степени отрицательно. Александров выслушивал жалобы, получал кипы писем, в которых курсанты и красноармейцы жаловались, что они служили в армии и в то же время облагались непомерным налогом. В результате в Орловской губернии, в Брянском, Пронском, Орловском уездах отмечались восстания местных гарнизонов.

По существу, на съезде из высшего руководства партии в защиту Троцкого выступил лишь Ленин. Но и он делал это с оговорками, скорее опосредованно, чем с присущей ему прямотой. Слишком очевиден оказался груз ошибок и нарушений в военном ведомстве, чтобы можно было хоть как-то их оправдать. Но и не выступить в защиту Троцкого Ленин не мог, потому что критика троцкистской политики Предреввоенсовета рикошетом била по ЦК партии и самому Ленину. Он, как было показано выше, деятельно поддерживал почти все начинания Троцкого. Именно под воздействием Ленина наиболее общие, теоретические рассуждения из тезисов доклада Троцкого частично оказались включенными в принятую съездом резолюцию по военному вопросу.

Но и этот шаг не смог затушевать главного. Всем стало предельно ясно, что использовавшиеся Троцким и его сторонниками методы руководства нуждались в значительной корректировке, если не полном отказе от них. Не случайно состоявшийся сразу же после съезда 25 марта пленум ЦК РКП(б), заслушав сообщение Зиновьева о работе военной секции, полностью одобрил принятые на ней решения. В частности, отмечалось, что единодушие было достигнуто благодаря тому, что пошли на своего рода уступку и приняли резолюции, которые было решено не оглашать на съезде. А именно: 1) О реорганизации Всеглавштаба; 2) О полевом штабе; 3) Об обязательном ежемесячном совещании т. Троцкого с партийными работниками. В резолюцию пленума записали: «...съезд во всем своем поведении по военному вопросу дал серьезное предостережение и что вследствие этого нельзя отнестись ко всем указаниям его недостаточно серьезно, и потому необходимо т. Ленину переговорить с т. Троцким» [42].

Троцкого чрезвычайно задели решения съезда и пленума ЦК. В конце марта 1919 г. в письме Центральному Комитету РКП(б) он попытался представить эти решения как не противоречащие политике военного ведомства, которая велась с одобрения ЦК, но недостаточно конкретные, чтобы ими можно было руководствоваться. Смысл критики в свой адрес Троцкий свел к личным проискам против него представителей, как он выразился, «обиженной и малостоящей публики», тех, кто был крайне недоволен «моим отношением к коммунистам, работающим в армии». После чего объявил доклад Зиновьева на мартовском пленуме ЦК (под руководством Зиновьева работала на съезде и сама военная секция.— *Н. В.)* «совершенно неправильным». «...Я знаю очень хорошо, как велико искушение заменить формальную дисциплину так называемой «товарищеской», т. е. домашней, но в то же время я слишком хорошо убедился в том, что такая замена означала бы полное разложение армии. Я думаю, что партийная связь коммунистов друг с другом в военной области претворяется в безусловную и безоговорочную формальную дисциплину». И затем: «Лозунг оппозиции: «ослабьте гайки». Я же стою на той точке зрения, что необходимо «подвинтить гайки» [43].

Не на этих ли принципах впоследствии другой любитель «формальной дисциплины» — Сталин — принялся перестраивать всю партию, выхолостив напрочь содержание принципа демократического централизма? Не случайно на самом съезде он, не называя фамилии Троцкого, солидаризировался с его стремлением «дополнять дисциплину железной формой».

В «Моей жизни» Троцкий назвал три эпизода, когда занимал самостоятельную стратегическую позицию и отстаивал ее. Это — борьба против Деникина, защита Петрограда и польская кампания. Троцкий не назвал еще один важный момент — разгром Колчака. Эти четыре эпизода как раз и были ключевыми во всей гражданской войне. В ходе них решалась судьба Советской власти. Попробуем понять, в чем же состояла суть самостоятельной позиции Троцкого и чем она могла обернуться для Красной Армии и страны.

Начну с последнего эпизода — с борьбы против Колчака. Весной 1919 г. в результате смелого маневра, осуществленного на южном фланге войск Колчака командующим Восточным фронтом С. С. Каменевым, противник был разбит и отброшен за реку Урал. Для закрепления позиций и развития успеха Каменев высказался за преследование колчаковских армий и дальше в Сибири. Однако Главковерх И. И. Вацетис воспротивился этому, считая, что следует прекратить военные действия, закрепиться на достигнутом и готовиться к дальнейшим боям. Принятие его решения означало бы утрату с таким трудом завоеванной стратегической инициативы, а колчаковцы получили бы возможность для перегруппировки сил, пополнения их за счет сибирского кулачества.

Троцкий поддержал Вацетиса и отстранил Каменева от командования фронтом. Против действий Троцкого выступили комиссары Восточного фронта Смилга и Лашевич, а также член Реввоенсовета Восточного фронта Гусев. Конфликт грозил разгореться, но вмешался Ленин. В телеграмме на имя Гусева, Лашевича и Юренева от 29 мая 1919 г. он сообщал: «По вашему настоянию назначен опять Каменев. Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы. О каждом трении Каменева со штабом своевременно телеграфируйте мне шифром» [44].

Выходит, Ленин неплохо разобрался в методах руководства Троцким военным ведомством и, поддерживая его, считал необходимым строго контролировать его действия.

Болезненный удар по амбициям и самолюбию Троцкого был нанесен в ходе летне-осенней кампании 1919 г. против Деникина. В это время на Украине сложилось весьма критическое положение. Фронт состоял из разрозненных формирований, во главе многих из них стояли явные и скрытые атаманы и «батьки». Как докладывал Ленину 24 апреля Главком Вацетис, «на бумаге украинская армия довольно многочисленна, но в ней нет организации». Оценка Троцким положения не расходилась с мнением Главкома. Чтобы поправить положение, Троцкий предложил ряд мер. В их числе беспощадная ликвидация партизанщины, самостийности и «хулиганской левизны», перенесение центра внимания на Донецкий бассейн. «Вместе с Григорьевым (одним из «батек», весьма влиятельных особенно среди крестьянства.— *Н. В.)* нужно ликвидировать остальных и отстранить их идеологов,— сообщалось в телеграмме,— подняв широкую агитацию в пользу дисциплины и порядка, дабы оставить в сознании рабочих масс Украины глубокую зарубку. Мне нужна совершенно точная и категорическая поддержка Цека в этом вопросе» [45].

Такая поддержка Троцкому была обещана.

Однако на Украине с ее сильным середняцким крестьянством, почти повсеместным недоверием к центру и таким, как Троцкий, руководителям его методы, рассчитанные на завинчивание гаек, принятие импульсивных решений и репрессии, не сработали. Дал осечку один из его центральных тезисов: «революционные войска — нервные войска, способные к быстрым метаморфозам» [46]. Быстрых

«метаморфоз» не получилось. Не удалось с ходу наладить работу штаба фронта. В частях наблюдались разболтанность и самоуспокоенность, недопонимание остроты ситуации и возможных тяжелых для Красной Армии последствий. К тому же не всегда продуманными решениями о реквизициях военное и советское руководство не смогло найти общий язык с середняцким крестьянством, недовольство которого продолжало нарастать не по дням, а по часам.

Во избежание дальнейшего обострения обстановки Совет Обороны отозвал Троцкого в Москву. «Это был для него самый худший период во всей войне,— писал И. Дейчер.— Только что Троцкий показал неспособность к овладению ситуацией на Восточном фронте, выступив против преследования Колчака. Теперь ему предстояло держать ответ по поводу своих действий на Украине» [47].

На состоявшемся 3 июля 1919 г. экстренном заседании ЦК РКП(б) принял ряд решений, усиливших руководство военным ведомством со стороны ЦК и Совета Обороны. Полевой штаб Реввоенсовета Республики перенесли из Серпухова в Москву. Ознакомившаяся с его работой комиссия ЦК доложила о неспособности штаба руководить масштабными военными операциями. Большие перемены затронули личный состав Реввоенсовета. Вместо Главкома Вацетиса был назначен С. Каменев, Реввоенсовет сократили с 8 членов до 6. Всех сторонников Троцкого — И. Смирнова, Розенгольца, Раскольникова заменили Смилгой, Гусевым, Рыковым и С. Каменевым. В Реввоенсовете с Троцким остался только Склянский.

Троцкий яростно сопротивлялся кадровым перемещениям, в особенности назначению на пост Главкома С. Каменева. Но тщетно. Почувствовав, что ему не удастся склонить на свою сторону Ленина, он сказался больным и на указанное заседание ЦК не явился. Ленину доложили о болезни Троцкого. По словам Данишевского, Ленин «выслушал это сообщение, чуть-чуть улыбнулся и подошел к телефону. Он сказал Троцкому, что ЦК его ждет, что вопрос должен быть решен сегодня. «Если вы серьезно больны, то ЦК может собраться у вас»,— заявил Владимир Ильич Троцкому. Ответ, очевидно, был кратким. Минут через 15—20 явился Троцкий, и заседание было продолжено» [48]. Он продолжал отстаивать прежнее командование, его мнение во внимание не приняли. Тогда он заявил о своей отставке с постов Предреввоенсовета и наркомвоенмора. Ситуация принимала острый и непредсказуемый характер. И здесь Ленин (в который раз) проявил государственную мудрость. Желая показать, что кадровые перемены не означают изменения его отношения к Троцкому лично, что он продолжал всецело доверять наркомвоенмору, Ленин передал Троцкому следующий бланк [49]:

РСФСР
Председатель Совета
Народных Комиссаров
Москва, Кремль

Копия
...июля 1919 г.

Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько

убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов (Ленин)

(Дело «секретная переписка канц. поезда
Пред. РВСР за 18—19 гг.», стр. 194-я).

5 июля, на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК рассматривалось заявление Троцкого об отставке. Участники заседания (Ленин, Каменев, Крестинский, Калинин, Серебряков, Сталин и Стасова) единогласно решили, что «принять отставки (так в стенограмме.— *Н. В.)* т. Троцкого и удовлетворить его ходатайство они абсолютно не в состоянии». Ему пообещали создать благоприятные условия для работы (на Южном фронте), предоставить «полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе...».

Явный компромисс был достигнут благодаря Ленину. Троцкий тут же «выздоровел» и выехал на юг. 11 июля из Воронежа по прямому проводу сообщил Склянскому для передачи в ЦК, что на совещании политработников 8-й армии обсуждалась политика военного ведомства. За сохранение прежнего курса голосовал сорок один человек, за изменение — два. 14 июля из Мармыжа опять идет телефонограмма Склянскому для ЦК: «Политработники 13 армии высказались в поддержку прежней политики военного ведомства, дальнейшего развития ее методов» [50].

Троцкий остается Троцким: доказать даже ценой неприкрытого давления на подчиненных, что прав он, а не другой, пусть этим «другим» и будет ЦК, командование Красной Армии.

По поводу участия Троцкого в обороне Петрограда осенью 1919 г. во всех советологических исследованиях настойчиво проводится мысль, что Ленин настаивал на сдаче Петрограда Юденичу и переброске освободившихся войск под Тулу на борьбу с Деникиным. Троцкий — наоборот — выступил за безоговорочную оборону города. В последнее время эту версию стали повторять троцкисты родного отечества [51]. Они ссылаются на телеграмму Ленина Троцкому от 17 октября, в которой говорилось, что на Совете Обороны 16 октября был «принят Ваш план» [52], то есть план Троцкого.

Документальных свидетельств о «капитулянтской» позиции Ленина и Политбюро ЦК пока обнаружить не удалось. Все опубликованные печатные материалы говорят как раз о непреклонности Ленина, требовавшего не сдавать Петроград. Так, в телеграмме Розенгольцу 1 августа 1919 г. он запрашивал: «Приняты ли все меры, чтобы удержать Питер во что бы то ни стало? Обещанные вам подкрепления подгоняем... Осуществите исключительное напряжение сил» [53]. Цитирую протокол заседания Политбюро ЦК от 15 октября, на которое, видимо, ссылался Троцкий, доказывая разночтения своей и ленинской позиций: «Петрограда не сдавать. Снять с

Беломорского фронта максимальное количество людей для обороны Петроградского района. Помочь Петрограду посылкой некоторого количества кавалерии» [54]. Для реализации этой установки решением Политбюро на Петроградский фронт был направлен Троцкий. В Петрограде 17 октября его ждала телеграмма, подписанная Лениным: «...Удержать Петроград во что бы то ни стало до прихода подкреплений, которые уже посланы». Троцкому поручалось принять все меры к тому, чтобы Балтийский флот «энергично» участвовал «в защите Петрограда и прикрытии операций сухопутных войск вплоть до поддержания боев на улицах Петрограда» [55].

Думается, так города не сдают. А вот Троцкий проявлял колебания, пока не получил эти распоряжения Ленина. Он считал, что даже временный захват Петрограда противником имел бы «крупнейшее моральное значение, и революционный пролетариат всего мира почувствовал бы падение Петрограда как тяжкий удар» [56]. И хотя Троцкий заметил, что «этого не будет», то есть сдачи города, тем не менее высказанное соображение — не мимолетная слабость. Оно вполне ложится в русло его концепции о Советской России, как «бикфордовом шнуре» мировой революции. Напомним, что подобные суждения высказывались им по поводу Октябрьской революции («благотворного воздействия» ее возможного поражения), Брестского мира (неподписание которого только бы «укрепило» решимость международного пролетариата).

Уверенности в удачном исходе у него не было и в октябре 1919-го. «Если отстоим Петроград...» — так начиналось сообщение Ленину, отправленное из Петрограда 17 октября. Днем ранее, в поездной газете «В пути» в статье «Петроград обороняется изнутри» Троцкий писал: «...Для нас в чисто военном отношении наиболее выгодным было бы дать юденичской банде прорваться в самые стены города, ибо Петроград не трудно превратить в великую западню для белогвардейских войск... Прорвавшись в этот гигантский город, белогвардейцы попадут в каменный лабиринт, где каждый дом будет для них либо загадкой, либо угрозой, либо смертельной опасностью. Откуда им ждать удара? Из окна? С чердака? Из подвала? Из-за угла? — Отовсюду! В нашем распоряжении пулеметы, винтовки, наганы, ручные гранаты... Мы можем оплести одни улицы колючей проволокой, оставить открытыми другие и превратить их в капканы. Для этого нужно только, чтобы несколько тысяч человек твердо решили не сдавать Петрограда» [57]. От подобного рода прожектов за версту несло дилетантством и полнейшим незнанием обстановки.

В пору могущества Троцкого был выпущен сборник «В борьбе за Петроград». К сожалению, в этом интересном издании есть немало статей, авторы которых явно преувеличивали роль наркомвоенмора на Петроградском фронте. Например, Лашевич, быстро перестроившийся и превратившийся из противника Троцкого в его сторонника, писал, что, если бы не тот, быть столице Октябрьской революции под Юденичем. А как же тогда расценить известные телеграм-

мы, которые Троцкий с Зиновьевым слали в Совет Обороны Ленину? «Положение ухудшается. Противник напирает на Царское, как сообщают, с танками. Можно предположить, что он стремится прямо к Колпину, минуя Тосно» [58].

Совет Обороны, Главное командование Красной Армии, партийные и советские органы Петрограда, действуя порою через голову Троцкого и вконец растерявшегося Зиновьева, взяли на себя оборону города. На заседании Реввоенсовета 15 октября по инициативе С. Каменева и начальника Штаба Красной Армии П. Лебедева приняли решение направить в Петроград дополнительные войсковые части, снаряжение, конницу. С 29 октября по 11 ноября численность оборонявшей город 7-й армии увеличилась с 37 до 43 тысяч штыков, с 2 до 13 тысяч сабель. Она имела 491 орудие, 927 пулеметов, 23 самолета, 11 бронемашин и 4 бронепоезда [59].

В телеграмме Троцкому 22 октября Ленин советовал применить жесткие меры для отпора Юденичу, покончить с которым, считал он, «*дьявольски* важно». Здесь же читаем: «...мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади них пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича» [60]. Ни в «Военной переписке» Ленина, ни в Полном собрании сочинений слов «плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади них пулеметы, расстрелять несколько сот» нет. Не обозначены отточия, показывающие пропуск слов. Выходит, их не было? Кто прав, составители ленинских сочинений или Троцкий? Полагаю, что Троцкий, чему есть ряд косвенных доказательств.

В «Правде» 18 октября появилась его статья «Перед переломом», в которой он, не дожидаясь указаний Ленина, акцентировал внимание на усилении репрессий: «Для победы нужно, чтобы единицы подчинились целому. Тех шкурников, которые с этим не хотят считаться, мы должны суровой силой заставить выполнять свой долг... Красный Петроград, лучшие работники 7-й армии, под давлением неудач, снова почувствовали все это со всей остротой и потребовали беспощадной расправы над всеми теми, кто нарушает единство действий, легковесно относится к воинскому долгу или не дает полного напряжения своих сил. Неряшливость, легкомыслие, леность, тем более предательство причиняют на войне смерть и гибель сотням и тысячам. Виновники подобных преступлений должны караться смертью». А через день, выступая в Петроградском Совете, Троцкий давал наставления: «...Нужно, чтобы наша Красная Армия, наши солдаты увидели белых и поняли, что их мало; надо, чтобы белые увидели красных и поняли, что их много. Как этого достигнуть? Очень просто — свести белых с красными. Как этого достигнуть? Вести красных вперед, толкать, если надо гнать вперед. Кто это может сделать? Питерские рабочие, мужественный комиссар». Взгляды Ленина и Троцкого по поводу наведения порядка в войсках, подъема их духа полностью совпадали. Так что и без лишних напоминаний Троцкий эти методы применял «образцово-показательно» под Казанью и в других горячих точках гражданской войны.

21 октября возглавляемая новым командующим Д. Н. Надежным 7-я армия при поддержке созданной по инициативе Главкома С. С. Каменева ударной группы под командованием С. Д. Харламова закрепилась на линии Пулкова и остановила наступление Юденича. Несмотря на подоспевшее подкрепление, Юденичу не удалось вернуть инициативу. В завязавшихся ожесточенных боях красные овладели Детским Селом и Павловском. Начался разгром Юденича.

В телеграмме на имя Троцкого и Зиновьева 1 ноября Ленин писал: «Вся военная и политическая обстановка требует быстро сосредоточить под Питером очень большие силы, чтобы раздавить Юденича до конца. Советую провести это с Главкомом или через Политбюро» [61].

Вряд ли Троцкому пришлась по душе заключительная фраза ленинской телеграммы. 3 ноября он издал приказ под весьма характерным заголовком «Мелким сошкам по рукам!», которым распорядился развивать наступление не только до полного изгнания, но и уничтожения Юденича, для чего можно было даже переходить финскую и эстонскую границы, т. е. преследования белых на территории сопредельных с РСФСР независимых государств.

Посчитав свою задачу выполненной, Троцкий отбыл в Москву. 7 ноября, в день 2-й годовщины Октября и своего сорокалетия, он выступил на заседании ВЦИКа с докладом об обороне Петрограда.

Вскоре Троцкий получил телеграмму от председателя Исполкома Коминтерна Зиновьева: «Отстоять красный Петроград... означало оказать мировому пролетариату, а стало быть, и Коммунистическому Интернационалу неоценимую услугу. Первое место в борьбе за Петроград принадлежит, разумеется, вам, дорогой товарищ Троцкий. От имени Исполкома Коминтерна я передаю вам знамена, которые прошу передать наиболее заслуженным частям руководимой вами славной Красной Армии».

И еще одно весьма лестное для Троцкого событие произошло 20 ноября. Председатель ВЦИК М. И. Калинин вручил ему орден Красного Знамени. Так было отмечено его сорокалетие.

В декабре 1919 г. Петроград был награжден орденом Красного Знамени. «При награждении отдельных лиц всегда могут быть ошибки, случайные привилегии,— писал по этому поводу Троцкий в газете «В пути».— Но при награждении Петрограда не было ни ошибки, ни пристрастия. Тут заслуги стоят ясно перед всей страной и перед всем миром». В этом Троцкий был бесспорно прав.

Начавшийся столь неудачно для него 1919 г. подходил к концу. Троцкий «находился на вершине политической и военной карьеры. Он руководил революцией, создал громадную армию и привел ее к победе, заслужил признание сторонников революции, злобное восхищение и непростительную ненависть ее врагов» [62],— так образно писал Дейчер. Когда читаешь эти строки, приходит мысль о том, что с этих славословий и наград «героя Петрограда», видимо, берет

начало создание культа личности Троцкого. И не его одного, а самого механизма культа. В политотделах армий, дивизий, полков, в кабинетах секретарей губкомов, укомов партии стали появляться рядом портреты Предреввоенсовета и Ленина, но лиха беда начало. В прессе нарастал поток хвалебных материалов в адрес Троцкого. Участились военные парады, на которых, по словам А. Мясникова, Троцкий, плохо сидя на коне, осматривал свои части [63]. Троцкому подражали. В первую очередь это относится к болезненно самолюбивому Зиновьеву, не лишенному тщеславия Рыкову, вельможному Каменеву. Исподлобья за всем этим будет наблюдать Сталин и ждать своего часа, чтобы, утвердившись в единоличном правлении, придать своим вождистским наклонностям государственный размах.

Теперь об участии Троцкого в польской кампании весной — летом 1920 г. Весной после отказа Польши от предложений Советского правительства заключить мир большевистскому руководству стало ясно, что столкновение неизбежно. Еще в конце января 1920 г. Троцкий сообщил в Петроград Зиновьеву (копия Ленину и Крестинскому): «Все последние данные говорят о близкой возможности наступления поляков по всему фронту». Месяц спустя Ленин сообщал Троцкому в Екатеринбург: «...Польша предъявит нам абсолютно невыполнимые, даже наглые условия... Надо дать лозунг подготовиться к войне с Польшей». Ответ Троцкого: «Я вполне согласен с вами, что необходимо повести открытую агитационно-организационную подготовку к войне с угрожающей нам Польшей... Я здесь отберу добровольцев, с которыми после съезда отправлюсь на запфронт» [64].

Тем не менее, когда 25 апреля возглавляемые маршалом Пилсудским польские войска перешли в наступление на Украину, достойного сопротивления им не оказали. Не в последнюю очередь произошло это из-за недооценки Главным командованием важности Западного фронта и легкомысленного отношения к польской войне. В результате за неделю Красной Армией были оставлены Могилев, Подольск, Бар, Жмеринка, Винница, Казатин, Бердичев, Радомысль, Малин, Коростень, Овруч. 6 мая поляки взяли Киев. Только к середине мая удалось остановить их продвижение, а в начале июня части Западного и Юго-Западного фронтов, возглавляемые Тухачевским и Егоровым, перешли в наступление и вернули утраченные позиции. 12 июня они вступили в Киев.

Поляки оставили после себя взорванными цепной мост через Днепр, водопровод, электростанцию, некоторые заводы и крупные городские здания. Замышлялся взрыв Владимирского собора. Но совершить злодейство захватчикам не дали.

После изгнания неприятеля вновь встал вопрос: продолжать наступление или, воспользовавшись поражением поляков, возобновить вопрос о мире. Нашлись и посредники. 11 июля министр иностранных дел Великобритании Керзон обратился к Советскому правительству с нотой о заключении перемирия.

Мнения разделились. Ленин между 12 и 13 июля в телеграммах

Сталину и Склянскому, оценивая ноту Керзона как «сплошное жульничество ради аннексии Крыма», требовал «*бешеного* ускорения наступления на Польшу» [65]. Троцкий 13 июля с Западного фронта направил телеграмму Чичерину для членов Политбюро, в которой склонялся принять ноту Керзона: «...Перемирие и мир с Польшей должны означать гарантию перемирия со странами, натравившими на нас Польшу и питавшими ее наступление» [66].

Ленина не устроила уступчивость Троцкого. Он потребовал созыва пленума ЦК, где 16 июля было принято решение отказаться от английского посредничества и продолжить наступление. 21 июля «Известия» опубликовали воззвание Совнаркома «Рабочим, крестьянам и всем честным гражданам Советской России и Советской Украины», подписанное Лениным, Троцким, Чичериным и наркомом юстиции Д. Курским, в котором публично отвергли ноту Керзона, расцененную как вмешательство во внутренние дела суверенной страны.

Наступление продолжалось. К середине августа Красная Армия вышла к Висле. Ее передовые отряды находились в 20 километрах от Варшавы. 14 августа Троцкий из Москвы направил в действующую армию приказ «Герои, на Варшаву!»: «Сейчас, как и в первый день войны, мы хотим мира. Но именно для этого нам необходимо отучить правительство польских банкротов играть с нами в прятки. Красные войска, вперед! Герои, на Варшаву!»

Настойчивость Ленина дала свои результаты. Хотя и с незначительными оговорками, позволившими соблюсти реноме, Троцкий включился в работу. Поклонник европейской революции, он, как и Ленин, после падения Советской Венгрии летом 1919 г. надеялся на оживление революционных событий, хотя открыто об этом не говорилось. Даже Комиссариат по военным делам дал следующее «Опровержение»: «В немецкой печати распространяются слухи о том, будто советское правительство не в состоянии остановить движение Красной Армии, действующей будто бы самостоятельно. Смысл и цель этих сообщений совершенно очевидны. Германская контрреволюция пытается запугать общественное мнение возможным наступлением Красной Армии — даже независимо от планов Москвы. Незачем говорить, что такие сообщения представляют собой злостную ложь» [67].

Взять Варшаву Красной Армии не удалось. 17 августа, выступая в Московском Совете с докладом «О Врангелевском фронте», Троцкий заметил, что на польском фронте произошла «временная заминка, временная задержка». Главком Каменев и Ленин продолжали питать надежды на развитие успеха, но положение оказалось серьезнее. Троцкий в этом разобрался быстрее и решение Политбюро о командировании его на Западный фронт посчитал нецелесообразным. «Я очень сомневаюсь, чтобы «молниеносная» поездка на Запфронт что-нибудь дала,— сообщал он в почто-телеграмме Ленину.— Вся беда в огромном пространстве, в отсутствии пути и связи».

19 августа Политбюро по докладам Троцкого и Сталина о военном положении на польском и врангелевском фронтах признало врангелевский фронт главным. Планам штурма Европы сбыться не удалось. 18 марта 1921 г. был подписан столь же постыдный, как и Брестский, мирный договор с Польшей.

Это не означало завершение гражданской войны. Еще предстояли битвы за Крым, Дальний Восток, другие области необъятной страны. Но для Троцкого лично польская кампания оказалась последней в его фронтовой работе. Собственно, уже с января 1920 г. силой обстоятельств он вынужден был переключаться на другую сферу деятельности — восстановление разрушенной вконец двумя (мировой и гражданской) войнами, послевоенным лихолетьем экономики страны.

У ИСТОКОВ МИЛИТАРИСТСКОГО СОЦИАЛИЗМА

О мирной работе Троцкого или как еще совсем недавно принято было говорить — о его деятельности на хозяйственном фронте у нас известно, пожалуй, меньше, чем о его руководстве Красной Армией. Но и то, что знали, представляло Троцкого почти как злоумышленника из одноименного рассказа А. П. Чехова, с той лишь разницей, что литературный персонаж отвинчивал гайки с железнодорожного полотна сугубо по неведению, плохо представляя себе последствия, а Троцкий, принимая те или иные решения и меры, поступал осознанно, якобы этим подталкивая страну к пропасти. Ясно, что такой, мягко говоря, одномерный подход никого — ни поклонников Троцкого, ни его противников — удовлетворить не может. Но в настоящее время мы располагаем материалом, который вполне позволяет дать взвешенные оценки его деятельности в народном хозяйстве страны.

Вопросам хозяйственного строительства Троцкий специально посвятил 15-й том собрания своих сочинений. Он составлен под руководством В. Б. Эльцина и довольно полно отражает деятельность Троцкого, круг его интересов и представлений об экономике переходного периода.

В заметке «От автора», предваряющей том, Троцкий счел нужным пояснить: «Настоящая книга заключает в себе статьи и речи эпохи военного коммунизма. Эпоха эта отошла в прошлое не как случайность, не как ошибка, а как необходимый этап в развитии революции. Правильно понять тогдашнюю постановку хозяйственных и иных вопросов можно, только поняв эпоху военного коммунизма в ее исторической закономерности и в ее исторической ограниченности» [1].

Из заметки вытекало, что уже в 1926 г. (дата заметки.— *Н. В.*) Троцкий отдавал отчет в исторической ограниченности «военного коммунизма», предполагал возможность критического

анализа деятельности партии пятилетней давности, а значит, и собственной. Но дальше этой заявки ни в 1926-м, ни позднее Троцкий так и не пошел. Не удалось обнаружить в его публикациях хотя бы намека на самокритику. В «Моей жизни», затем в «Сталинской школе фальсификаций» он десятки страниц посвятил не просто защите, а апологии своей деятельности в период «военного коммунизма».

По существу, Троцкий не смог преодолеть рецидивы военно-коммунистической идеологии и практики, которые в разной степени и разной форме господствовали до самого конца его жизни. Троцкий дорожил формами и методами работы, теоретическими посылами и установками, которые им были сделаны в результате анализа и обобщения политики «военного коммунизма», она представляла собой, как он считал, специфический, обусловленный конкретными местом и временем этап в развитии страны.

Давая обобщенную политическую оценку этому периоду и одновременно определяя причины побед в гражданской войне, Ленин в Отчетном докладе ЦК IX съезду РКП(б) в 1920 г. отметил: «Если подумать о том, что же лежало в конце концов в самой глубокой основе того, что такое историческое чудо произошло, что слабая, обессиленная, отсталая страна победила сильнейшие страны мира, то мы видим, что это — централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование» [2].

Эти «три кита» «военного коммунизма» легли в основу политики партии в начале перехода к мирному строительству. Экономическое и социальное положение Советской республики в 1920 г. было тяжелейшим. По сравнению с довоенным временем продукция крупной промышленности сократилась в 7 раз. Чугуна выплавлялось 3 процента от довоенной выработки. Производство угля уменьшилось в 3 раза, нефти — в 2,5, хлопчатобумажных тканей — в 20 раз. Почти остановился транспорт. Не хватало продовольствия. Продукция сельского хозяйства составляла 65 процентов довоенного уровня. Численность рабочего класса упала вдвое.

Обострилась ситуация в партии. Вновь разгорелись дискуссии о том, что и как делать. Отвечая на этот острейший вопрос переживаемого момента, Ленин разъяснял: «Мы должны, не ослабляя нашей военной готовности, во что бы то ни стало перевести Советскую республику на новые рельсы хозяйственного строительства. В ближайшие недели, быть может в ближайшие месяцы, эта задача должна быть исполнена». Ленин определил и те первоочередные меры, без решения которых трудно было рассчитывать на подъем народного хозяйства: покончить с разрухой транспорта, увеличить запасы хлеба, обеспечить города и промышленность топливом. Лишь после этого повести широкое промышленное строительство, осуществив электрификацию России [3].

На реализацию текущих и перспективных задач и была направлена деятельность Троцкого в начале 20-х годов. В его архиве есть относящаяся к январю 1920 г. запись: «Главное: твердо помнить, что каждый шаг практической работы важнее всех организационных

перестроек и переименований». Эти слова в известной мере могут служить эпиграфом к хозяйственной работе Троцкого в тот период, да и не только его одного.

12 января 1920 г. на заседании фракции ВЦСПС Троцкий выступил с докладом «Хозяйственное положение республики и основные задачи восстановления промышленности». Развивая ленинские положения по данному вопросу, Троцкий следующим образом конкретизировал основные направления работы. В центре внимания поставить вопросы производства, подъема промышленности, и прежде всего — ремонта транспорта. «Как мы бросили клич: «Пролетарий, на коня!» (в период гражданской войны.— *Н. В.*), так теперь нужен клич: «Пролетарий, к станку, пролетарий, к производству»,— говорил Троцкий. Наркомпроду следовало создать продовольственную базу. Особое внимание уделить учету квалифицированной рабочей силы. Трудовую книжку гражданина соединить с книжкой, определяющей отношение к воинской повинности,— со служебной книжкой красноармейца. На хозяйственной работе использовать военные части, которые освобождались от боевых задач. Наконец, в печати не должно появляться оптимистических статей, ибо кругом разруха, страна идет под уклон [4].

Программа предельно четкая и ясная. Не вдаваясь в подробности, замечу, что главный упор в ней сделан на командно-административные методы: Ни о какой самодеятельности, тем более творческом потенциале трудящихся даже не упоминалось. Или точнее будет сказать, самодеятельность и творчество исполнителей программы должны были реализоваться строго в ее рамках и методами, предложенными Троцким.

Говорю об этом опять-таки не в упрек одному Троцкому. Так или почти так, как он, думали практически все члены ЦК РКП(б), включая и Ленина. Отмечаю данный факт только затем, чтобы опровергнуть более поздние утверждения самого Троцкого. Он писал, что стал проводить «военные методы» в народном хозяйстве лишь с конца февраля, когда в ЦК не прошло его предложение о замене продразверстки продналогом, которое якобы предваряло ленинскую новую экономическую политику (нэп). Как видим, и до февраля Троцкий был убежденным «военным коммунистом». Строго говоря, его предложения по своему содержанию вряд ли могли стать прологом новой экономической политики. Троцкий выступил за ослабление нажима на зажиточную часть крестьянства, более осторожное к нему отношение при одновременном усилении административного нажима и перенесении методов «военного коммунизма» в область коллективизации сельского хозяйства: принудительная разверстка по запашке и обработке земли.

Как последовательный «военный коммунист», Троцкий быстро выдвинулся на первые роли в проведении намеченного курса. Решением Совнаркома от 27 января 1919 г. он назначен председателем межведомственной комиссии по вопросам трудовой повинности. О ее значении в восстановлении хозяйства говорил сам состав комис-

сии. В нее входили: наркомтруда, наркомвнудел, председатель ВСНХ, наркомпрод, наркомзем, наркомпути, председатель ВЦСПС и наркомвоенмор. По сути дела, это был первый опыт создания межотраслевого органа, который наделялся широкими полномочиями. Определяя задачи комиссии, Троцкий, наряду с учетом, распределением и воспроизводством трудовых ресурсов, выделил функцию систематизации, обобщения и распространения передового опыта хозяйствования.

Особое место в работе комиссии и лично Троцкого заняли вопросы комплектования трудовых армий из военных подразделений, прекративших боевые действия, но не демобилизованных из-за сложной международной и внутренней обстановки. По этому поводу существует немалая путаница, которая идет от более поздних внутрипартийных баталий и стремления противников Троцкого обвинить его в «бонапартистских замашках» еще при активной политической деятельности Ленина.

В том, что создание трудовых армий — объективная потребность, продиктованная необходимостью сохранить Красную Армию, убеждает двусторонний процесс их формирования: в центре и на местах. 1 января 1920 г. Троцкий обратился с письмом к генералу М. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой принять на себя руководство работой военного аппарата по проведению всеобщей трудовой повинности. 15 января в телефонограмме начальнику Всероглавштаба Троцкий ставил цель четко: «Так как задачей дальнейшего военного строительства в Советской Республике является сближение армии с трудом, то необходимо настойчиво и деятельно проводить это начало решительно во всех областях военной организации. Применение местных гарнизонов для выполнения хозяйственных работ должно иметь строго систематический характер...»

А в промежутке между этими двумя документами — 10 января — на имя Ленина и Троцкого была послана телеграмма от командующего и члена Реввоенсовета 3-й армии, дислоцировавшейся на Урале, М. Матиясевича и П. Гаевского. В телеграмме обосновывалась просьба о преобразовании 3-й армии в 1-ю Революционную Армию Труда РСФСР. Возможно, кто-то из окружения Троцкого подсказал желательность такого шага. Зная умение наркомвоенмора организовать «стихийную инициативу» масс, вряд ли следует отмести такую возможность. Как бы там ни было, Ленин мгновенно откликнулся на просьбу уральцев. 12 января он шлет ответную телеграмму: «Вполне одобряю ваши предложения. Приветствую почин, вношу вопрос в Совнарком. Начинайте действовать...» [5] Ясно, что, независимо от чьей-то инициативы, вопрос о создании трудовых армий, что называется, висел в воздухе.

Уже 16 января в «Правде» был опубликован указ Совета Труда и Обороны о преобразовании 3-й Рабоче-Крестьянской Армии в 1-ю Революционную Армию Труда. В течение месяца появляется еще ряд указов, в частности о переброске 7-й армии на разработки торфа, 2-й — на транспорт и т. д.

С учетом тогдашней обстановки не вызывают особых нареканий

принципы, которыми Троцкий, военное ведомство руководствовались при превращении военных армий в трудовые. Во-первых, сохранялся в целостности аппарат армии, она не раздергивалась по частям. Во-вторых, ставились ясные и простые задачи, как-то: рубка и подвоз дров, добыча торфа, извлечение хлеба по продразверстке, очистка путей от снега и т. п. В-третьих, трудармии подпадали под юрисдикцию организаций, куда направлялись: на фабрики, заводы. Иначе говоря, армия могла вторгаться в область промышленности лишь настолько, насколько ее в этом качестве использовал губсовнархоз, районный представитель ВСНХ или сам ВСНХ. В-четвертых, уравнивалось продовольственное положение красноармейцев с рабочими. Наконец, в-пятых, военные формирования работали в тесном контакте с местными партийными и профсоюзными органами, другими политическими организациями советского характера.

Если бы Троцкий и его сторонники смогли удержаться на этой «принципиальной высоте», вряд ли кто-либо осудил их действия тогда, в 20-е, и тем более сегодня — в 90-е годы. Увы, не удержались. И повинны не указанные принципы формирования трудармии, порочной была сама идея создания подобной армии, которая не в состоянии обеспечить производительный труд при подневольной, палочной его организации. Совершенно очевидно, что одно дело действовать по команде и принуждению в боевых условиях, перед лицом врага, и другое — в таком режиме работать в мирное время.

Не помогли как всегда жесткие приказы Троцкого, регламентировавшие деятельность трудармейцев чуть ли не по часам. Вот как, например, выглядел один из пунктов «Приказа-памятки по 3-й Красной Армии — 1-й Революционной Армии Труда», изданного Троцким и опубликованного в «Правде» 16 января 1920 г.: «Работу начинайте и оканчивайте, где возможно, под звуки социалистических гимнов и песен (речь шла о рубке дров в лесу в мороз! — *Н. В.*), ибо ваша работа — не рабский труд, а высокое служение социалистическому отечеству».

Очень скоро выяснилось, что подавляющее большинство трудармейцев не пожелали признать свой труд «нерабским» и, несмотря на «звуки социалистических гимнов и песен», всячески уклонялись от работы. Резко возросло число «трудовых дезертиров». Реакция Троцкого была незамедлительна — приказ: «Дезертиры фронта труда караются как дезертиры Красной Армии». Категория «трудового дезертирства» расписывалась по восьми формам: от неявки по трудовой мобилизации до намеренной невыработки нормы. Учреждалась комиссия по борьбе с дезертирством с широкими полномочиями: выговор, перевод в штрафные роты, арест на неопределенный срок.

И эти устрашающие меры не дали результата, в чем Троцкий смог убедиться, познакомившись с опытом работы 1-й Уральской трудармии. При числе рабочих 3500 на работу выходило не более 2000. И эта цифра была завышенной. В действительности

трудовая армия выставляла на работу 20—25 процентов личного состава. Отмечалась низкая производительность труда. Но это не помешало Троцкому следующим образом сформулировать свои впечатления: «Так как Советское государство организует труд в интересах самих трудящихся, то принудительность не идет против личной заинтересованности, а наоборот, целиком совпадает с нею» [6].

Манера прятать беспомощность за высокопарные слова девальвировала идейные и нравственные ценности социализма, дезориентировала партийное руководство. К весне 20-го года очевидной стала несостоятельность трудармий как формы организации трудовых отношений. Вместо того чтобы отказаться от скомпрометировавшей себя идеи трудармейства и попытаться убедить других руководителей, Троцкий поступил наоборот: продолжил защиту написанных им по поручению ЦК к IX партсъезду тезисов «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд».

Суть предложенной Троцким программы наиболее ярко сформулирована им в тезисе 22: «Милитаризация хозяйства означает в конкретных условиях Советской России, что вопросы хозяйства (интенсивность труда, бережливое отношение к машинам и инструменту, добросовестность в расходовании материала и пр. и пр.) должны быть в сознании трудящихся и в практике государственных учреждений приравнены к боевым вопросам» [7].

Пропаганде этого несостоятельного тезиса было посвящено несколько статей в «Правде» за февраль — март. Приведу некоторые примеры. И. Ходоровский: «Мирное» положение означает перемену фронта, но не уничтожение его. Мы победили в войне потому, что держались ударных приемов работы». Б. Зуль: «С железных дорог должно начаться победоносное наступление мощных централизованных трудовых армий рабочих с твердой дисциплиной и непоколебимой волей творчества коммунистического хозяйства». Передовая, видимо написанная главным редактором «Правды» Бухариным, под названием «Милитаризация труда и рабочий класс»: «Теперешняя милитаризация есть не что иное, как доведенная до наибольших пределов самоорганизация пролетариата и организация им крестьянства» [8].

Так вполне оправданная в условиях частичной демобилизации Красной Армии установка на использование ее подразделений в хозяйственных целях была доведена до абсурда усилиями Троцкого и его сторонников. Как писал весьма информированный меньшевистский «Социалистический Вестник», издававшийся в Берлине, «РКП прибегла под давлением Троцкого к прямому перенесению методов военной диктатуры в область индустрии. Были созданы трудармии, были милитаризованы фабрики, заводы, а затем и транспорт» [9].

О работе транспорта под руководством Троцкого следует сказать отдельно. Предложение Ленина возглавить Комиссариат путей сообщения при сохранении поста наркомвоенмора застало Троц-

кого на Урале. Поразмыслив, Троцкий через Склянского по прямому проводу ответил: «Политбюро знает, что я совершенно не знаком с административным аппаратом Наркомпуть. На первоначальное ознакомление уйдет несколько недель, как раз время отсутствия Красина, болезни Ломоносова, недружелюбия Маркова (все трое работали тогда в Наркомпути.— *Н. В.*). Это создает крайне трудное положение. Смысл предложения Политбюро, очевидно, тот, чтобы на время междуцарствия не ослабевал административный нажим. Я не возражаю, но считал бы целесообразным, чтобы в соответственном постановлении был отмечен временный характер назначения» [10]. Просьбу Троцкого удовлетворили. В появившемся в «Известиях» от 23 марта постановлении ВЦИК Троцкого назначили временно исполняющим обязанности наркомпути.

В приказе № 1042, изданном 22 мая Главным управлением путей сообщения, был представлен план работ по возрождению транспорта. В стране насчитывалось 16 тыс. паровозов, из которых 9600 были «больными». В приказе ставилась задача: «В течение 4,5 года организовать ремонт паровозов таким образом, чтобы к 1 января 1925 г. число «больных» машин сократилось до 3200». Общее число паровозов предполагалось оставить неизменным.

Несмотря на более поздние попытки противников Троцкого принизить значение приказа, он сыграл большую роль в налаживании работы транспорта, в восстановлении народного хозяйства страны, организации планового начала. Прав был Троцкий, когда на VIII съезде Советов 22 декабря 1920 г. заявил: «Приказом № 1042 в общем и целом оживилась вся страна».

На съезде высокую оценку приказу дал Ленин. «...Мы имеем дело с настоящим планом, на много лет разработанным,— говорил он.— Приказ № 1042 был рассчитан на пять лет, и в пять лет мы наш транспорт восстановить можем, число больных паровозов уменьшить можем, и, пожалуй, как самое трудное, я хотел бы подчеркнуть... что мы этот срок уже сократили... Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построишь, и давайте на местах налегать на их выполнение» [11]. Ленин расценил приказ № 1042 как один из примеров перспективного планирования не только в данной отрасли, но и в масштабах всего народного хозяйства. Приказ был дополнен рядом других распоряжений, затронувших работу металлургии, топливной промышленности, ряда важнейших отраслей машиностроения.

По данным ремонта паровозов, рассчитанным так, что одна единица капитального ремонта приравнивалась к трем единицам среднего ремонта, показатели были такими: в январе 258 единиц среднего ремонта, в феврале — 396, марте — 529, апреле — 633, мае — 789, июле — 847, августе — 1042, сентябре — 1074. С наступлением осенней распутицы и зимних холодов произошло некоторое снижение примерно до 800—900 единиц в месяц. Но взятые темпы работы существенно не поколебались. Начиная с июня фактические задания перевыполнялись в следующей динамике: июнь — 7%, июль — 30, август — 31, сентябрь — 35, октябрь

33, ноябрь — 25%. При увеличении числа ремонтных мастерских на 25—28% капитальный и средний ремонт паровозов в общем возрос на 317%, т. е. почти в четыре с лишним раза больше, чем в начале 1920 г. Увеличился также и выпуск вагонов с января по октябрь на 757%, или в 8,5 раза.

Достигнутые результаты — следствие не только удачного планирования и умелого распределения наличных материальных и людских ресурсов. Сказался энтузиазм рабочих масс, сознание работы на себя. Большое значение имели субботники, определенную роль сыграла своевременная постановка агитации и пропаганды трудовых достижений, распространение передового опыта.

Таким результатам в немалой степени способствовала учрежденная приказом Троцкого от 28 мая газета «Гудок». Та самая, где в 20-е годы начинали свою деятельность известные писатели М. Булгаков, В. Катаев, И. Ильф, Е. Петров, Ю. Олеша и другие. Конечно, не только благодаря их мастерству газета снискала уважение читателей. Она опиралась на разветвленный штат рабочих корреспондентов, письма читателей. Отвечая на вопрос «Чем должен быть «Гудок»?», Троцкий писал: «Гудок» — не просто газета для чтения, а инструмент, рабочее орудие для улучшения транспорта.

Всякий сознательный, честный работник транспорта должен пользоваться «Гудком» в интересах улучшения транспорта во всех отношениях.

Тот железнодорожник или водник, который знает упущения и умалчивает о них, не сообщает в газету,— плохой железнодорожник, плохой водник, плохой гражданин трудовой республики... Всякий работник транспорта обязан содействовать тому, чтобы «Гудок» отражал жизнь транспорта в его сильных и в его слабых сторонах» [12].

Эти принципы в работе массового издания далеко выходили за рамки узковедомственного подхода. В них отражались коренные перемены в постановке дела печати в Советской республике вообще: из средства информации она становилась участником пропаганды, а в ряде случаев и организации трудовых свершений масс.

Не зря Ленин отмечал вклад Троцкого в развертывание разъяснительной кампании по укреплению трудовой дисциплины, наведению порядка на производстве, повышению производительности труда, поощрению энтузиазма трудящихся. «Что есть хорошего у Троцкого?.. Несомненно хорошим и полезным является *производственная пропаганда*... — писал Ленин в январе 1921 г.— При выступлениях, ораторских и литераторских, как участник и работник Всероссийского бюро производственной пропаганды, тов. Троцкий несомненно принес бы (и несомненно принесет) немалую пользу делу» [13].

При организации работы транспорта не обошлось без принуждения. В гораздо больших, чем в трудармиях, масштабах развернули борьбу за трудовую дисциплину, против прогульщиков, «дезертиров», других уклонявшихся от исполнения трудовой повинности элементов. В написанной Троцким инструкции «Как бороться с прогулами» администрации вменялось в обязанность печатать и

рассылать списки «дезертиров». «Если мы этим не вернем дезертиров, то по крайней мере ошельмуем, запугаем тех, которые склонны к этому, собираются дезертировать. Кроме того, необходимо приучить к сознанию того, что трудовая повинность означает необходимость оставаться на трудовом посту, пока этого требуют обстоятельства»,— говорилось в этом документе.

Создавались ревтрибуналы. «Их роль определяется не только наказанием за вину, но также и агитацией путем репрессий»,— инструктировал Троцкий. С целью поднятия эффективности принудительной практики, создания атмосферы страха за нарушение трудовой дисциплины он потребовал провести «громкий процесс одного-двух врачей, которые дают незаконные свидетельства, которые дают фиктивные командировки; нужно привлечь одного-двух рабочих, которые прибегают к услугам таких врачей, к уловкам, к плутням для прогулов». Широко разрекламированные средствами устной и печатной агитации и пропаганды такие процессы, по мнению Троцкого, сыграли бы «большую воспитательную роль».

Чтобы неповадно было дезертировать, Троцкий издал приказ «О борьбе с трудовым дезертирством», где говорилось: «...Добровольное возвращение дезертира не освобождает его от наказания».

Аналогичные, более суровые меры воздействия предусматривались по отношению к служащим. Ярким примером апологии насилия был отданный в конце 1920 г. по Цектрану — Центральному комитету объединенного профессионального союза железнодорожного и водного транспорта — приказ с регламентацией мер наказания: личный выговор, выговор с отдачей в приказе, строгий выговор, арест в административном порядке на 15—30 суток, отдача на принудительные работы сроком от 1 до 6 месяцев [14].

Даже проведение субботников, этих, по выражению Ленина, зачатков коммунистического труда, на которых главным мерилом служила трудовая добровольность и бесплатность, Троцкий регламентировал, превратив в обязаловку. В разосланной 15 апреля во все подразделения наркомпути телефонограмме с целью создания «большой трудовой волны» предусматривалось проведение инструктивных совещаний, выделение ответственных за организацию «стихийного порыва масс» и прочие меры. Телефонограмма завершилась требованием классического бюрократизма: «О предпринятых шагах прошу сообщить в трехдневный срок». Вот откуда берет свое начало наше неистребимое желание к заорганизованности, созданию штабов по проведению субботников и т. д.

Принудительные методы не могли не подхлестнуть нерадивых, не укрепить внешнюю сторону дисциплины труда, производства. Но они же, ограничивая самостоятельность трудящихся, в том числе и сознательных рабочих, не нуждавшихся во внешнем воздействии, низводили человека до безмолвной и бесправной частички хозяйственного механизма, до мало что значившего винтика в государственной машине. С помощью таких методов решались некоторые производственные задачи. Однако не они были главным источником выполнения высоких заданий по восстановлению транспорта.

Это прекрасно понимал Троцкий. На VIII съезде Советов, подводя предварительные итоги реализации приказа № 1042, он резонно заметил: «Вы знаете, что этот приказ и его выполнение были поставлены как бы под стеклянный колпак, так что за работой каждой мастерской имела возможность следить вся страна. Были сотни тысяч собраний, конференций, совещаний и т. д.— я не говорю уже о статьях, воззваниях, в которых идея приказа популяризировалась и таким путем вводилась в сознание мыслящего и честного железнодорожника. Если бы нам не удалась эта агитация и пропаганда, если бы нам не удалось задеть за живое каждого честного железнодорожника,— никогда никакие усилия, никакой трибунал, никакая военная дисциплина не могли бы добиться того, чтобы был поднят средний ремонт в 4 раза и чтобы понизился процент больных паровозов».

Показательно, что там, где главным рычагом реализации плановых заданий становилась реальная забота об улучшении условий труда и быта рабочих, делался акцент на методы убеждения, сознательного привлечения их к решению производственных задач, результат достигался с меньшими издержками. Так было осенью 1920 г. в Донбассе. Прибывшая сюда во главе с Троцким полномочная комиссия Совнаркома по делам Донецкого бассейна сумела так поставить дело, что в кратчайшие сроки повысилась ежемесячная добыча угля почти вдвое — с 25 до 50 миллионов пудов [15].

Произошло это не только за счет улучшенного обеспечения шахтеров продовольствием, спецодеждой и обувью, регулярной выдачи зарплаты, перевода из Харькова в Донбасс ряда управленческих структур, но и в результате предложенной трудящимся, пусть скромной, элементарной, социальной программы развития отрасли и района в целом.

В разработанном Троцким проекте «Меры по охране труда рабочих Донбасса» помимо производственных задач ставились вопросы медицинского обслуживания, организации надзора за санитарно-гигиеническим состоянием шахт. Троцкий потребовал от Наркомздрава выделения на эти цели не менее 30 врачей. Документ предусматривал запрет на использование женщин и подростков до 16 лет на подземных работах; незамедлительное распределение несовершеннолетних детей по школам с государственным обеспечением (питание, обмундирование, все необходимое для учебы). Наконец, содержался пункт ремонтно-строительной программы жилища шахтеров, отвечающий санитарно-гигиеническим нормам. Ленин дал высокую оценку работы комиссии Троцкого.

Принятые под руководством Троцкого меры способствовали снятию напряженности на наиболее ответственных участках производства, обеспечению топливом, другим стратегически важным сырьем и материалами народного хозяйства страны. На VIII съезде Советов Ленин охарактеризовал Троцкого (наряду с Рыковым) как одного из влиятельных и наиболее авторитетных руководителей [16].

Для Троцкого был характерен продуманный стиль работы: точная оценка масштабов конкретного явления; быстрота принятия

решения, по возможности с учетом ближайшей перспективы; планирование и организация наличных средств и ресурсов; грамотная пропаганда производственных достижений; распространение передового опыта. Одновременно хозяйственная деятельность Троцкого опиралась на администрирование и милитаризацию труда, на принуждение и устрашение; на «перетряхивание» и «завинчивание гаек» как средства руководства не только хозяйственными органами, но и партией, общественными организациями.

Вот эта вторая сторона его деятельности, которую можно рассматривать как ранний вариант командно-административной системы, обусловливалась не только обстоятельствами царившей в стране разрухи, дезорганизации экономических и государственных структур, что требовало укрепления централизации, принципа единоначалия, других элементов, обеспечивающих авторитет власти. Решающее значение в приверженности Троцкого к командно-административной системе имела доктринальная сторона: зависимость его деятельности от теории «перманентной революции».

Троцкий продолжал в разных сочетаниях варьировать идею о том, что европейский пролетариат более чем российский созрел для социализма, поэтому главная задача Советской власти — продержаться до победы революций в этих странах. Продержаться можно, только опираясь на административные рычаги, на силу пролетарского государства. Иначе, считал Троцкий, не совладать с мелкобуржуазной стихией. Абсолютизация им вполне оправданных в условиях разрухи и всеобщей неразберихи административных методов вылилась в конструирование модели так называемого милитаристского социализма (в его худшей разновидности казарменного типа), представлявшей значительный шаг назад, к позициям утопического реакционного социализма.

В основе троцкистской модели лежала идея милиционной системы. Суть ее сводилась к зачислению населения данного района в полки, бригады, дивизии по месту жительства и работы, что дало бы возможность всем проходить курс военного обучения на производстве и в сельском хозяйстве, не отрываясь от работы. Система военизированных поселений без особого труда позволяла решать проблему руководящих хозяйственных кадров. Военные руководители одновременно исполняли бы функции хозяйственные, и наоборот. В перспективе Троцкий рассчитывал в главных промышленных районах расположить офицерские курсы, чтобы каждый слушатель мог стать офицером и руководителем промышленности данного района.

Государство получило бы возможность распоряжаться рабочей силой по своему усмотрению: часть ее можно перебрасывать из округа в округ, наиболее нужные «элементы» — по всей стране. «Милитаризация труда не есть выдумка отдельных политиков или выдумка нашего военного ведомства,— рассуждал Троцкий.— Милитаризация труда в том основном смысле, какой я указал, является неизбежным основным методом организации рабочих сил, их принудительной группировкой в соответствии с потребностями стро-

ящегося социализма в переходную эпоху от царства капитала к коммунистическому государству... Если эта принудительно-организованная и распределяемая рабочая сила непроизводительна, то ставьте на социализме крест».

Если Троцкий не считался с рабочим классом, то тем более ему было не до крестьянства, которому отводилась незавидная роль эксплуатируемого класса, а сельскому хозяйству как отрасли — функция полуколонии, главное назначение которой состояло бы в поставках продовольствия городу и сырья промышленности. «Мобилизовать крестьян,— разъяснял Троцкий,— значит их милитаризовать». «Пока у нас недостаток хлеба, крестьянин должен будет давать советскому хозяйству натуральный налог в виде хлеба под страхом беспощадной расправы,— писал Троцкий.— Крестьянин через год привыкнет к этому и будет давать хлеб» [17]. На случай крестьянского сопротивления он советовал иметь «сотню-две тысяч» солдат — нечто вроде карательного корпуса для выбивания из деревни налога и создания продовольственных баз.

При военно-бюрократической организации общества не могло быть и речи о рыночных, товарно-денежных отношениях. Троцкий был одним из немногих руководителей, кто говорил об этом открыто: «Социалистическая организация хозяйства начинается с ликвидации рынка, а стало быть, и с упразднения его регулятора, т. е. «свободной» игры законов спроса и предложения. Необходимый результат — соответствие производства потребностям общества — должен достигаться *единством хозяйственного плана*, который, в принципе, охватывает все отрасли производства» [18]. Такое категоричное насаждение плана и отрицание рынка проводили в хозяйственном строительстве и последующие поколения советских руководителей, которые стремились охватить планом все — от отрасли до последней парикмахерской.

Военно-казарменные принципы организации труда выдвигались Троцким в качестве регулятора не только хозяйственных, но и социальных отношений. В основе предлагавшихся им здесь методов лежало административно-принудительное нивелирование социальной структуры общества, уравнительность в распределении и фактически полное бесправие личности перед государством.

Первым шагом на пути претворения в жизнь своих замыслов Троцкий считал переход в масштабах страны к общественному питанию, чтобы все советские работники «от председателя ЦИК до самого молодого рабочего» в принудительном порядке питались в общественных столовых при заводах и учреждениях. «Это будет не только мерой экономии индивидуальных усилий, из которых 80 процентов тратится на добывание пайка,— считал Троцкий,— но будет также величайшей школой трудового общественного воспитания» [19]. Такая мера сведет на нет прогулы, поскольку за общим столом общественное мнение будет проявляться в гораздо больших масштабах, чем когда каждый питается самостоятельно. Прогульщика можно проучить лишением горячего пайка. Опять-таки — весьма «эффективно»!

Понимая, что вряд ли осчастливишь народ введением общественного питания, Троцкий предлагал применить к тем, кто будет возражать против общего котла, репрессии. Ведь, вопреки разговорам, что слишком добр рабочий, чтобы заставить штыком мужика пойти в бой, заставили мужика идти на битву. «То же самое будет в промышленности» [20],— уверял сомневающихся в оправданности своих методов Троцкий.

Следующая мера охватывала более широкую сферу, чем просто удовлетворение потребностей человека: быт и ориентацию социального поведения личности. На культивирование аскетизма, самопожертвования, по мнению Троцкого, должна быть направлена вся деятельность партии и Советского государства.

«Нужно ввести нравы, близкие к спартанским,— убеждал Троцкий.— ...Нужно создать культ физического труда, чтобы каждый понимал, что сейчас революция вовлечена в область строительства. Нужно создать переворот в психологии».

Достичь этого можно было только тотальной милитаризацией, проникающей во все поры общественной жизни. В такой государственной системе Троцкий не видел места для профсоюзов, поэтому предложил положить конец их вмешательству в хозяйство. Точно так же следовало поступить с партией, милитаризовав ее, как милитаризовали промышленность. Следовало провести всеобщую трудовую повинность до конца, не пугаясь чрезвычайных мер.

Над всем обществом, точно маяк, освещающий ему путь в светлое будущее, располагалось государство. «...Путь к социализму лежит через высшее напряжение сил и методов государства,— считал Троцкий.— И мы с вами проходим как раз через этот период. Как лампа, прежде чем потухнуть, вспыхивает ярким пламенем, так и государство, прежде чем исчезнуть, принимает форму диктатуры пролетариата, т. е. самого беспощадного государства, которое повелительно охватывает жизнь со всех сторон» [21].

Этот тезис, будем откровенны, без ссылки на источник, в разной форме и разных смысловых сочетаниях фигурировал в послеленинской «теории отмирания государства». Т. е. перед тем как «отмереть», оно должно значительно усилить свои функции. Такова не просто инерция мышления (выдавать желаемое за действительное), но и проявление социальных ориентиров тех, кто меньше всего был заинтересован в отмирании государственности и передаче ее функций самоуправляющемуся обществу.

В сфере политических отношений идеи милитаризации оформились в требование обюрокрачивания государственного и общественного строя. Троцкий превозносил достоинства бюрократии, отмечал ее важную историческую роль в формировании советского общества. «Расцвет главкократии,— писал он,— явился необходимым этапом в развитии социалистического хозяйства... Мы создали и создаем не нечто случайное и вредное, а нечто необходимое, именно — административно-хозяйственную советскую бюрократию, без которой не может существовать государство, доколе оно остается государством, т. е. в нынешнюю переходную эпоху к коммунизму» [22].

Наличие негативных явлений в работе государственных органов — волокиты, формализма, заорганизованности и прочих родимых пятен классического бюрократизма — Троцкий объяснял не просто усвоением ими «наследия прошлого», а главным образом недостаточностью централизации хозяйственной и политической сфер. «Период Смольного (октябрь 1917— март 1918 г.— *Н. В.*) характеризовался импровизацией и самоуправством во всех областях,— рассуждал Троцкий.— Кремлевский период (т. е. период «военного коммунизма».— *Н. В.*) поднял знамя правильной организации и советской законности. Но советская законность — с трестированной и национализированной промышленностью, с продовольственной разверсткой и пайком по карточке, с ремонтом паровозов по приказу № 1042 и пр. и пр. — означает *всестороннее и глубоко проникающее регламентирование хозяйственной жизни*» [23].

Непомерное преувеличение командных методов при фактическом отсутствии учета насущных жизненных интересов и потребностей масс,— таковы отличительные признаки троцкизма этого периода. Затея Троцкого с милитаризацией страны напрочь отрицала идею служения социализма интересам человека, противоречила элементарному здравому смыслу.

Строительство фундамента социализма на основе уравниловки, за счет применения исключительно методов насилия и внеэкономического принуждения — это возврат к прошлому. В модели милитаристского социализма игнорировалась идея социалистического общества как системы общественных отношений, опирающихся на высокоразвитые производительные силы и новейшие достижения науки и техники. Выходило, что троцкистская модель не признавала за социализмом такой политической организации общества, которая не подавляла бы социальную активность и творческую энергию масс, а выявляла их и всемерно развивала.

Прав американский историк Д. Архер, который писал: «Решение, найденное Троцким, заключалось в милитаризации труда под лозунгом «Кто не работает, тот не ест». Если нация хотела выжить, рабочие должны быть призваны в заводские цеха, на шахты и в другие существенные сферы производства. Успех Троцкого как командующего в военное время придал ему уверенности в том, что проблемы мирного времени могли бы быть преодолены использованием той же военной тактики и дисциплины. Он рассматривал себя как великого теоретика, который достиг вершин военного дела и который сейчас должен воздействовать на гигантский процесс экономического возрождения» [24].

Следует признать, что не Ленин, а другие деятели партии первыми выступили с критикой милитаризованного социализма. В ходе предсъездовской дискуссии (накануне IX съезда.— *Н. В.*) эти установки подверглись резкой критике в партийной печати, на страницах газеты «Экономическая жизнь». В выступлениях Д. Б. Рязанова, В. П. Ногина, В. П. Милютина, В. М. Смирнова был осужден «военный характер» троцкистской платформы, обращено внимание на сугубо технократический, вне учета социальных и

иных предпосылок, подход к вопросам перехода от «военного коммунизма» к строительству социалистического общества.

В статье А. И. Рыкова «О тезисах Троцкого» («Экономическая жизнь», 30 декабря 1919 г.) утверждалось: «Постановка вопроса о применении трудовой повинности Троцким ошибочна, так как нельзя думать, что в Советской России можно решить производственные вопросы путем замены машин рабочей силой... В общем по поводу тезисов Троцкого нужно сказать, что главная их черта заключается в том, что вопросы экономической жизни они рассматривают как вопросы формально-организационные... Хотя эта сторона имеет сейчас значение, но центр тяжести лежит в вопросах материально-технических». Рыков отверг идею Троцкого о приспособлении милиционных округов к округам хозяйства.

Критики Троцкого отмечали чрезмерную военизированность платформы, отсутствие в ней места для профсоюзов, фабзавкомов, Наркомтруда и других государственных структур. В статье «Трудовая повинность и милитаризация» В. Смирнов писал: «Отрицательные стороны должны быть оценены съездом самым внимательным образом... Как партия и как власть, опирающаяся на широкие круги рабочих и крестьян, мы не могли и не хотели сделать из мобилизованных масс слепое орудие, отправляемую на убой «серую скотину». Мы должны были сделать из нее сознательных борцов за дело социальной революции» [25].

Напомним, что не без помощи Ленина троцкистские установки проводились в жизнь. Еще 12 января 1920 г., будучи вместе с Троцким на заседании фракции РКП(б) в ВЦСПС, он в весьма решительных выражениях осудил тех, кто поднял против троцкистских тезисов полемику. Текст выступления Ленина на этом заседании до сих пор не опубликован. Отдельные выдержки есть в примечаниях к 15-му тому собрания сочинений Троцкого и в его книге «Сталинская школа фальсификаций». Они подобраны в выгодном для Троцкого свете. Судить о содержании речи Ленина в целом, его аргументации мы не можем. Видимо, она действительно была «протроцкистская», так как «Ленин получил два голоса за себя, а все остальные шестьдесят — семьдесят товарищей были против него» [26].

Под воздействием критики Троцкого Ленин постепенно изменил свою точку зрения. 3 марта в замечаниях на тезисы Троцкого к IX съезду, получивших новое название «Очередные задачи хозяйственного строительства», он в довольно сдержанных выражениях высказался за удаление из них ряда неверных формулировок и введение новых, более точно раскрывавших суть партийной политики в социалистическом строительстве. Эти замечания впервые опубликованы в 1934 г. в книге «Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 г.». Накануне съезда тезисы Троцкого подверг критике и ЦК РКП(б), переработав их с учетом замечаний Ленина.

На съезде по докладу Троцкого о хозяйственном строительстве выступили Н. Осинский и А. Рыков. Любопытную точку зрения высказал Осинский: «То, что происходит сейчас на съезде, есть

столкновение нескольких культур, ибо наше строительство породило различные культуры (то, что Осинский называл «культурой», Ленин определял «школой хозяйствования».— *Н. В.*). Мы создали военно-советскую культуру, гражданскую советскую культуру, и, наконец, профессиональное движение создало свою сферу культуры. Каждая из этих форм нашего движения имеет свой подход к вещам, создала свои навыки. Тов. Троцкий ставил вопрос с точки зрения человека, вышедшего из сферы военной культуры; мы подходим к нему с точки зрения гражданской сферы...» [27]

Как военный человек, говорил Осинский, Троцкий так поставил вопрос, что каждый трудящийся должен считать себя солдатом. Опасная позиция, поскольку под флагом милитаризации всего легче насаждать бюрократическое единоначалие. Это не значит, что Осинский отвергал милитаризацию. Он допускал ее лишь в ограниченных сферах хозяйственной деятельности. Полная же милитаризация, считал Осинский и был прав, неизбежно обернулась бы ограничением гражданских и политических прав трудящихся, превращением их в крепостных, прикрепленных к предприятию, ведомству или району. Трудящийся — рабочий, крестьянин, служащий — переставал быть гражданином, оставаясь только работником, общественная ценность его определялась бы исключительно тем, отремонтирует он вместе с членами конкретного трудового коллектива 100 или 1000 паровозов или нет. Если нет, значит такой работник не просто «безразличен» к судьбе Советской республики, но «губит» ее. Поэтому трудящиеся должны прекратить всякие политические разговоры и превратиться только в технических работников. «...Поменьше думай, побольше работай. Вот как ставится вопрос в милитаризованном предприятии» [28],— подводил итог критике троцкистской платформы Осинский.

Далеко не все были согласны с ней. На съезде оказалось немало и тех, кто защищал линию Троцкого. Например, Бухарин. Не соглашаясь с Осинским, он навесил на его критику «производственного крепостничества» ярлык «меньшевистской». После чего принялся поучать Осинского и согласных с ним делегатов съезда: «Товарищи, возражающие против этого (т. е. «крепостного» положения трудящихся.— *Н. В.*), не видят, что милитаризация есть не что иное, как самоорганизация рабочего класса и организация рабочим классом других, близко к нему стоящих классов. Этой вещи они совершенно не видят! Для нас милитаризация не есть самоудушение, а для нас она есть самоорганизация, и именно поэтому мы ее и отстаиваем, а не почему-либо другому!»

В результате малопродуктивной полемики, в которой сторонники официальной линии ЦК (принявшего за основу переработанные тезисы Троцкого) не столько прислушивались к несогласной с ними стороне, сколько разоблачали ее, была принята военно-коммунистическая по своему духу и направленности резолюция «Об очередных задачах хозяйственного строительства». Не подтвердились ожидания ряда делегатов, например В. Милютина. Принятые документы не позволили, как он рассчитывал, сделать дальнейший шаг в хозяйственном строительстве.

Прорыва к качественно новым идеям, новому концептуальному осмыслению возникших в партии и стране проблем на съезде не произошло. К осени 1920 г. указанная выше резолюция, как и подавляющее большинство других документов IX съезда оказались «вне игры». В истории партии съезд остался малозаметным, был что называется проходным. Ни Ленин, ни другие руководители, определявшие политику партии и государства, не прочувствовали ситуацию.

Сказалась инерция мышления, обусловленная громадным грузом трудностей, решение которых привычными всем способами казалось и наиболее подходящим. Не исключено, что на Ленина повлиял и такой факт: в 1918—1919 гг. рабочие потребляющих губерний получали 7 пудов хлеба, а крестьяне производящих губерний — 17 пудов (до войны 16). Поэтому, по мнению Ленина, во взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством нечего было менять в пользу крестьянства. Оно и так находилось в предпочтительном положении. «...Мы скажем, что массы будут голодать до тех пор, пока не победит Красная Армия,— говорилось в докладе Ленина на съезде.— Нужно было, чтобы авангард рабочего класса принес эту жертву» [29]. Но если авангард рабочего класса готов был на новые жертвы, то крестьянство, кое-как мирившееся с разверсткой в гражданскую войну, в мирных условиях не собиралось больше терпеть. Понимание этой коренной перемены в социальном мироощущении крестьянства или подавляющего большинства населения страны придет к Ленину позднее. Наконец, уже тогда впервые дали о себе знать признаки будущей «теории осажденной крепости», т. е. боязни военной угрозы извне. Не из этого ли чувства страха перед агрессивностью сопредельных с Советской Россией капиталистических государств, многие из которых и не считали нужным скрывать своей враждебности, выросла идея «польского похода» в августе 1920-го?

Как бы там ни было, а введение нэпа на год раньше позволило бы осуществить переход к новой модели хозяйствования при гораздо более благоприятной экономической и политической конъюнктуре. Не ввели. В результате этот переход вынуждены были совершать в условиях разразившегося тяжелейшего кризиса и как его следствия — острейшей внутрипартийной борьбы, вылившейся в дискуссию о профсоюзах.

Инициатором дискуссии выступил Троцкий. Вызревавшее в течение года недовольство милитаристским социализмом прорвалось на заседании коммунистической фракции V Всероссийской конференции профсоюзов (2—6 ноября). Его участники потребовали незамедлительно перейти к демократическим методам руководства союзами, к выборности руководящих органов вместо их назначения и кооптации, регулярному проведению собраний, отчетности. Троцкий, заявив о необходимости «завинчивать гайки военного коммунизма», осудил выдвинутые требования, бросив, по выражению Ленина, крылатое словечко о «перетряхивании профсоюзов» [30]. Видимо, как и на заседании фракции ВЦСПС 12 января 1920 г., он

рассчитывал на поддержку Ленина. Ленин на этот раз выступил с противоположной оценкой его позиции. Сделал он это на пленуме ЦК 9 ноября, куда были перенесены разногласия с заседания фракции профконференции.

Ленин поддержал председателя ВЦСПС М. Томского и других профсоюзных лидеров, выступивших против предложенного Троцким проекта тезисов «Профсоюзы и их дальнейшая роль». Большинством в один голос (8 против 7) пленум отверг тезисы и принял резолюцию Ленина (10 голосами против 4 — Троцкого, Рыкова, Крестинского и Андреева, при 1 воздержавшемся — Преображенском). В ней отстаивались «здоровые формы милитаризации труда» и осуждалось «вырождение централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм, самодурство, казенщину» и т. д. Цектрану указывалось «принять более деятельное участие в общей работе ВЦСПС, входя в его состав на одинаковых с другими союзными объединениями правах» [31].

На пленуме избрали комиссию ЦК по обсуждению вопросов профессионального движения и выработки общих для всех профсоюзов методов работы. В нее включили Троцкого, Зиновьева, Рудзутака, Рыкова, Томского, позднее к ним присоединились Шляпников, Лутовинов, Лозовский и Андреев. Троцкий отказался участвовать в работе комиссии. Его примеру последовали Шляпников и Лутовинов — лидеры «рабочей оппозиции». В этом шаге Троцкого Ленин усмотрел «преувеличение первоначальной ошибки... ведущее в дальнейшем к фракционности. Без этого шага ошибка т. Троцкого (предложение неправильных тезисов) — самая небольшая, такая, которую случалось делать всем цекистам без всякого изъятия» [32].

Резолюцию ноябрьского пленума ЦК не приняло троцкистское большинство Цектрана. С этим не согласились водники, а также часть Цектрана, которая их поддержала. Они требовали изменения форм работы отраслевого профсоюза, реорганизации его руководящих органов, упразднения Главполитпути и Главвода. На Всероссийском совещании цектранистов (начало декабря) возник острый конфликт. Не получив поддержки, водники покинули совещание. Конфликт после предварительного рассмотрения профсоюзной комиссией ЦК был вынесен на пленум ЦК 7 декабря. Ленин и его сторонники остались в меньшинстве. Приняли резолюцию «буферной группы» (во главе с Бухариным), пытавшейся примирить сторонников Ленина и Троцкого, но фактически поддерживавшей троцкистов.

Дискуссия набирала силу. Получивший поддержку части членов ЦК Троцкий развил инициативу. 24 декабря на собрании профсоюзных активистов и делегатов VIII съезда Советов он выступил с докладом «О задачах профессиональных союзов в производстве». На следующий день вышла его брошюра-платформа «Роль и задачи профсоюзов». Формально Троцкий имел право на опубликование платформы, поскольку ЦК на пленуме 24 декабря принял решение о свободе внутрипартийной дискуссии. Но, как писал Ленин, «с точки зрения революционной целесообразности, это было уже гро-

мадным преувеличением ошибки, *созданием фракции* на ошибочной платформе» [33].

30 декабря в Большом театре на соединенном заседании коммунистической фракции делегатов VIII съезда Советов, фракций ВЦСПС и МГСПС «сошлись в поединке» представители двух противоборствующих групп: ленинской платформы и троцкистской. С докладами от этих групп выступили Зиновьев и Троцкий. С содокладами — Бухарин, Шляпников, Ногин и Рязанов. Большую речь «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого» произнес Ленин.

Гвоздем дискуссии Ленин назвал тезисы Рудзутака («платформа десяти».— *Н. В.*). Ни Троцкий, ни Бухарин, ни кто-либо другой против них не смог противопоставить ничего существенного. Суть тезисов сводилась к четырем пунктам: 1) обычный демократизм, без всяких преувеличений и отказа ЦК «назначать», но если потребуется, то призвать к порядку зарвавшегося «назначенца»; 2) производственная пропаганда; 3)натурпремии; 4) дисциплинарные товарищеские суды [34].

Ленин сформулировал главный пункт разногласий с Троцким. Споры о месте, роли и функциях профсоюзов оказались поводом к более глубоким противоречиям: «...По вопросу о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой. В этом вся суть» [35]. Ленин хотя и не использовал термин «троцкизм» (он лишь однажды в ходе дискуссии применил по отношению к стороннику Троцкого «видному цектранисту» Бумажному название «троцкист»), но подверг резкой критике ошибочные идеологические установки троцкистов: «...В тезисах Троцкого и Бухарина есть целый ряд теоретических ошибок,— говорил Ленин.— Ряд принципиальных неверностей. Политически *весь подход к делу* (выделено мной.— *Н. В.*) есть сплошная бестактность. «Тезисы» т. Троцкого — политически вредная вещь. Его политика, в сумме, есть политика бюрократического дергания профсоюзов. И наш партийный съезд (X съезд.— *Н. В.*), я уверен, эту политику осудит и отвергнет» [36].

Лидеры оппозиции, продолжая отстаивать свои платформы, перенесли дискуссию в первичные партийные организации Москвы, Петрограда, Украины, Урала, Сибири. Ленин тут же отреагировал: «Есть объективная логика фракционной борьбы, которая даже лучших людей, если они настаивают на занятой ими неправильной позиции, неизбежно приводит к положению, ничем фактически не отличающемуся от беспринципной демагогии. Этому учит вся история фракционных войн...» [37]

12 января 1921 г. на пленуме ЦК 8 голосами против 7 (Троцкий, Бухарин, Крестинский, Дзержинский, Серебряков, Преображенский и Андреев) было принято решение о полной свободе дискуссий для всех организаций и выборов на съезд по платформам. В печати одна за другой появляются платформы: «десяти», «рабочей оппозиции», «демократических централистов», «буфера», Троцкого и других.

Борьба «внизу» шла с переменным успехом. В Петрограде она

сразу приобрела антитроцкистский характер. 3 января 1921 г. на общегородском собрании после доклада Зиновьева и содоклада Бухарина почти единогласно было принято обращение «Ко всем организациям РКП(б)». В нем отмечалось, что коренное разногласие состояло в том, что Троцкий и его группа пытались «перетряхивать» профсоюзы сверху и фактически вплотную подошли к их уничтожению. В случае победы троцкистов такой подход обернулся бы расколом и разрывом РКП(б) с профдвижением, что и привело бы к губительным результатам. Ленинская статья «Кризис партии», обращение питерцев сыграли немаловажную роль в переломе настроений в пользу «платформы десяти». Но перелом этот произошел не сразу.

Обращение опротестовал Московский комитет РКП(б), стоявший на «буферной» платформе. «Правда» 13 января опубликовала принятую на заседании МК резолюцию, в которой не опровергалось обращение, но осуждалась тенденция превращения Петроградской организации в особый центр по подготовке партийного съезда.

С критикой обращения выступил Троцкий. 15 января «Правда» поместила его «Ответ петроградским товарищам». Данная в обращении характеристика разногласий между позициями Троцкого и «платформой десяти» квалифицировалась как несостоятельная, а трактовка положения в профдвижении и его взаимоотношений с РКП(б) в корне неправильной.

Критика практического воздействия на настроения партийной массы не возымела. Во второй половине января стало ясно, что подавляющее большинство партийцев предпочло «платформу десяти» или, как тогда говорили, «десятку». «Переход от борьбы фракций, образуемых сверху, к вмешательству организаций снизу,— отметил Ленин,— большой шаг вперед к оздоровлению» [38].

19 января в Петрограде на собрании коммунистов-моряков Балтийского флота из 3500 его участников 90% высказалось за «десятку». И это при том, что в подготовке собрания активное участие принял сторонник троцкистской платформы, командующий Балтфлотом Ф. Раскольников, а на собрании с докладом выступил Троцкий. В Петроградской организации из 30 940 участвовавших в собраниях коммунистов более 29 тыс. поддержали «платформу десяти». Сторонники других платформ вместе собрали 4% голосов.

27 января на общем собрании Иваново-Вознесенской организации «платформу десяти» приняли 900 голосами против 27. После такого итога голосования выступавшие с содокладами от троцкистско-бухаринской платформы Ю. Ларин и от своей — В. Ногин присоединились к «десятке». Московская губернская конференция поддержала «платформу десяти» 217 голосами, за платформу Троцкого—Бухарина проголосовало 52 человека, за «рабочую оппозицию» — 45, за группу «демократического централизма» — 13. Аналогичные результаты были и по другим партийным организациям страны.

В Екатеринбургском губернском комитете РКП(б) и Уральском бюро ЦК РКП(б) большинство выступило за платформу Троцкого—Бухарина. Прибывший на Урал Троцкий с помощью своих

сторонников среди партийного и военного руководства развернул активную деятельность. Дискуссию вели с нарушением внутрипартийной демократии. До партийных масс доводились, главным образом, выступления Троцкого и Бухарина. Что же касалось ленинских статей «Кризис партии», «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого», «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», материалов ЦК, включая «платформу десяти», знакомство с ними рядовых членов партии было затруднено. Они не пропагандировались и не распространялись.

И все же, несмотря на протроцкистскую агитацию партийных верхов региона, большинство Екатеринбургской партийной организации высказалось в поддержку «десятки». 9 февраля на общегородской партийной конференции за «платформу десяти» проголосовало 160 делегатов, за платформу Троцкого—Бухарина — 37, за «рабочую оппозицию» — 8. Ситуация повторилась и на V Екатеринбургской губернской конференции. С докладами выступили: Троцкий, от «десятки» — Тунтул, от «рабочей оппозиции» — Шур. Результаты голосования оказались соответственно: 34, 159 и 14 голосов.

На X съезд оказались избранными: от «десятки» — 17 делегатов, от платформы Троцкого—Бухарина — 4, «рабочей оппозиции» — 1. В губком РКП(б) прошли исключительно сторонники Ленина [39].

X съезд РКП(б) состоялся в марте 1921 г. В отчетном докладе, выступлениях по другим вопросам, особенно о профсоюзах, Ленин подвел итоги дискуссии, при этом он прибегал к довольно резким выражениям («...в истории партии мы таких шатаний забывать не должны»,— говорил он в частности). В отношении Троцкого и его наиболее близких сторонников он на удивление оказался весьма сдержан. По поводу допущенных троцкистами ошибок Ленин употребил не свойственные ему слова: «Троцкий особенно вежливо полемизировал со мной... и называл меня архиосторожным», «...напротив, мне придется говорить о моем неосторожном друге...», «...тов. Троцкий смеется теперь». Видный цектранист А. Гольцман, который в свое время доказывал необходимость «беспощадной палочной дисциплины по отношению к рабочим массам, которые тянут назад», требовал «применять тюрьмы, ссылку, каторгу по отношению к людям, которые не способны понять наши тенденции», теперь Ленину напомнил «собой нечто милое» [40].

Что это, ирония, мастером которой, несомненно, был Ленин? Желание таким способом еще больнее ударить по самолюбию оппонентов? Не исключено, что и это имело место. Но главное не в этом. Думается, используя двусмысленные определения, намеки, Ленин желал разрядить атмосферу съезда, накаленную не только личным соперничеством боровшихся сторон, но и разразившимся к тому времени социально-экономическим кризисом, вылившимся в кронштадтский мятеж. Это с одной стороны. А с другой — он, судя по всему, исподволь готовил аудиторию к восприятию действительно новаторской, изменявшей установившийся в партии взгляд на строительство социализма новой экономической политики.

Чрезвычайно показательна тактика смены политических акцентов в деятельности партии, а вслед за ней — отношения к ее лидерам. Ни Троцкий, ни представители других платформ не смогли по достоинству оценить ленинского шага навстречу к ним. Троцкий весьма грубо «чехвостил» «платформу десяти». Назвал ее несостоятельной, бесформенной, компрометирующей партию. Не пожелал Троцкий разделить ответственность за развязанную дискуссию. Он обвинил Ленина в проведении методики «двух комнат» (когда сторонники разных платформ для выработки решений расходились по разным комнатам). «...Я тут утверждаю, что у нас в этом отношении перед партией, несомненно, меньше грехов, чем у противной стороны: мы делали все, что могли, чтобы оздоровить эту дискуссию,— говорил Троцкий под аплодисменты ряда делегатов съезда.— И если Ленин говорит, что с той и с другой стороны был грех, то я отвечаю: не одинаковый».

О наличии троцкистских кадров в партии, дестабилизировавших обстановку, создававших атмосферу озлобления, говорили многие. Например, Шляпников: «Троцкистов там (на одном из предсъездовских собраний.— *Н. В.*) было совсем мало... были ленинцы». Обращаясь к сторонникам Троцкого, Зиновьев неоднократно заявлял: «Товарищи-троцкисты» [41]. Именно так — через дефис. Выходит, когда Ленин назвал Бумажного троцкистом, он использовал не случайно подвернувшееся слово, а дал характеристику определенной позиции.

К слову сказать, ни на предсъездовской дискуссии, ни в ходе самого съезда, ни после его завершения Троцкий и не подумал возмутиться этим термином, как он стал делать это, начиная с 1924 г.

Несмотря на бурные дебаты на съезде, Ленину и его сторонникам удалось предотвратить размежевание по платформам. Многим партийцам стала ясна опасность фракционности. Не зря острый на язык Д. Б. Рязанов заметил: «...Недостаток съезда — его платформенность» [42]. И, хотя все главные закоперщики этой «платформенности» были избраны в ЦК, для них эти выборы могли послужить предметным уроком того, что единством партийных рядов не шутят.

Из 479 делегатов, принявших участие в выборах ЦК, только за Ленина проголосовали все 479 человек. Троцкий получил 452 голоса, пропустив вперед 8 человек, в том числе таких малоизвестных до съезда, активно защищавших «платформу десяти», как Я. Э. Рудзутак, Н. П. Комаров и В. М. Молотов. В состав ЦК не избрали работавших до того секретарями ЦК сторонников троцкистской платформы Н. Н. Крестинского, Е. А. Преображенского и Л. П. Серебрякова. Вместо них были выбраны В. М. Молотов, В. М. Михайлов и Е. М. Ярославский. С этого момента Троцкий лишился реальной возможности влиять на деятельность секретариата ЦК.

В ЦК не избрали активного проводника троцкистской политики в Сибири И. Н. Смирнова. Зато в него вошли К. Е. Ворошилов — еще по Царицынскому фронту противник Троцкого, Г. К. Орд-

жоникидзе, также неоднократно критиковавший деятельность председателя Реввоенсовета, и М. В. Фрунзе — наиболее влиятельный оппонент Троцкого в дискуссиях по военной доктрине Советской Республики.

Не в пользу Троцкого изменился и состав Политбюро. В него из кандидатов в члены Политбюро был введен Зиновьев. Как сказал о нем Троцкий: «яркий представитель тезисов «десяти».

Существенная подвижка троцкистских кадров произошла на местах. Например, из Уральского бюро ЦК РКП(б) вывели С. Мрачковского. В Сибири освободили от должностей руководителей И. Смирнова, Н. Яковлёву, К. Данишевского и других. То же самое происходило повсеместно.

Так что не при Сталине, а при Ленине начался процесс вымывания троцкистов из руководящих органов партии. «Ленин опасался... что в результате дискуссии, длившейся два месяца, сложатся устойчивые группировки в партии, которые отравят отношения и затруднят работу,— писал Троцкий.— Но я еще во время съезда ликвидировал какие бы то ни было совещания с единомышленниками по профессиональному вопросу».

Да, действительно по «профессиональному вопросу» в ходе X съезда троцкистами не использовалась тактика «двух комнат». Возможно, сказалась чрезвычайная занятость Троцкого, вынужденного отвлекаться на подавление кронштадтского мятежа. Но скорее всего из-за того, что «ликвидировать» свою группировку ему «помог» Ленин. Уже через несколько недель после X съезда, убедившись в том, что для временных группировок «не оставалось никакой принципиальной базы» [43], Троцкий вынужден был смириться с организационным распадом троцкистской фракции.

В октябре 1923 г., возвращаясь к дискуссии о профсоюзах, он заметил: «...Я больше всего опасался, чтоб не создалось впечатления, что Троцкий создает фракцию. А одно время у Владимира Ильича было такое опасение. После X съезда В.[ладимир] И.[льич] был настороже. Когда я это почувствовал, я явился к нему специально для того, чтобы сказать, что ничего подобного нет. У нас был с ним длинный разговор, и мне кажется, что я его убедил, что никаких группировок и фракций я не создаю и что у меня этого и в мыслях нет... Я его не обманул» [44].

Свидетелей этого разговора не было. Насколько он реален, трудно сказать. Тем более что и сам Троцкий чувствовал, что ему могут не поверить, раз счел нужным специально подчеркнуть свою честность в заключительных словах процитированной фразы. Но ясно одно: рассуждения Троцкого недвусмысленно свидетельствовали о фиаско его планов совершить в руководстве передвижку власти в свою пользу. Нанесенный по троцкистским кадрам удар лишил их оперативного простора, значительно сузил политические возможности. От этого удара им так и не удалось оправиться. Не исключено, что в этом коренится одна из причин последующего поражения организационно оформившейся в середине 20-х годов троцкистской оппозиции.

Троцкий продолжал себя вести так, будто ничего серьезного не произошло, хотя чрезвычайно переживал неудачу. Но ни тогда, ни позднее он не согласился с ленинской критикой своей позиции. Или точнее — согласился, придерживаясь принципа «обе хуже»: и его и «платформа десяти». Это уже, как говорится, мудрость задним числом, до которой был охоч Троцкий, когда брался за объяснение своих ошибок. Она, естественно, может прояснить отдельные аспекты его деятельности. Но вряд ли способна оправдать те или иные ее негативные стороны.

«...Я НЕ ГОЖУСЬ ДЛЯ ПОРУЧЕНИЙ»

Так, почти афористически, Троцкий определил характер своих взаимоотношений с Лениным и другими членами Политбюро. «Ленину нужны были послушные практические помощники,— писал он.— Для такой роли я не годился». Трудно сказать, чего в этом афоризме больше — самомнения или желания выделить себя из общей шеренги. Возможно, присутствовало и то и другое. Во всяком случае, когда в середине 20-х годов разразилась схватка за лидерство, противники Троцкого располагали немалыми фактами, подтверждавшими его претензии на особое место в руководстве.

Дискуссия о профсоюзах, хотя и не привела к расколу между Лениным и Троцким, тем не менее значительно осложнила или, по выражению Троцкого, «омрачила» их взаимоотношения. От прежней расположенности не осталось и следа. В эти месяцы трудно даже представить, чтобы кто-то из них мог в личной переписке употребить местоимение «ваш», как это делалось обоими летом 1918 г.— «Ваш Ленин», «Ваш Троцкий». Сократился вообще объем их переписки. Адресаты в отдельных случаях обменивались записочками, но в них не касались сколько-нибудь крупных политических вопросов. «Мы оба были слишком революционеры и слишком политики, чтоб уметь или желать отделить личное от общего»,— констатировал Троцкий.

Настороженность усилилась и в связи с неоднозначной оценкой ими Кронштадтского мятежа. На первом же заседании Политбюро, где обсуждался этот вопрос, Троцкий бросил знаменитую фразу о кукушке, которая «прокуковала конец Советской власти». Насколько серьезно было это заявление, говорит то, что впоследствии оппоненты Троцкого к нему возвращались не раз. Как следовало из письма Троцкого «Всем членам и кандидатам ЦК» от 20 января 1923 г., указанная фраза в редакции Сталина приобрела вполне однозначный смысл: «...тов. Троцкий, кажется, полтора или год тому назад (даты в таких спорных ситуациях, как правило, назывались «на глазок».— *Н. В.*) уверял нас в Политбюро, что дни Советской власти сочтены — кукушка уже прокуковала» [1].

В этих словах увидели признак пессимизма в оценках перспектив социалистического строительства в Советской России. Это вызвало у Троцкого сильное возмущение и ответные обвинения Сталина в

беспринципности. И хотя, вспоминая эти слова Троцкого, Сталин, безусловно, преследовал личные мотивы — скомпрометировать своего противника,— все же сама фраза «о кукушке» носила далеко не безобидный характер. С этим вынужден был согласиться и сам Троцкий. «Совершенно очевидно,— писал он,— что если первый раз тов. Сталин обратился к прошлому по соображениям политическим и вынудил меня внести поправки, то второй раз он делает это уже по соображениям педагогическим: с целью показать, что обращение к прошлому может довести серьезного человека до кукушки». Далее Троцкий замечал, что он год или полтора года назад в ответ на «безответственный оптимизм» товарищей говорил: «...Если будем так хозяйничать, то и кукушке не дадим времени прокуковать. Если это оценивалось кем-либо как «пессимизм», то я неизменно отвечал: да, я не оптимист в нашей бесхозяйственности, ибо это оптимизм за счет ряда интересов нашей революции» [2].

Троцкий «съехал тут в сторону», пытаясь подменить проблему защиты Советской власти в 1921 г. проблемой безхозяйственности, которой хватало и в 1921-м и во все последующие годы. Прием не из лучших. Пожалуй, уместнее было бы напомнить в 1923 г. о том, что сомнения в устойчивости положения Советской власти высказывались в кронштадтские дни не одним только Троцким. В докладе на X съезде партии Ленин прямо заявил: «...Советская власть в силу экономического положения колеблется» [3]. И связал эти колебания именно с кронштадтским мятежом. Позднее он высказался еще определеннее: «Экономика весны 1921 превратилась в политику: «Кронштадт» [4]. Это из плана его брошюры «О продовольственном налоге», написанной в марте—апреле 1921 г., т. е. после того, как события несколько отстоялись, но в разгар Кронштадта, полагаю, что Ленину и другим членам Политбюро вряд ли пришлись по вкусу столь откровенно брошенные Троцким слова. Тем более что всем был памятен Брестский мир, когда Троцкий убеждал партию в том, что падение Советской Республики не приведет к таким катастрофическим последствиям, к каким привело падение Парижской коммуны.

Не исключено, что из-за субъективных и в общем-то привходящих обстоятельств партийные руководители высшего звена сперва «проглядели» Кронштадт, а затем, как бы спохватившись, дали весьма превратную оценку самому мятежу и приняли чрезвычайные меры по его подавлению.

3 марта в центральных газетах было опубликовано правительственное сообщение «Мятеж бывшего генерала Козловского и корабля «Петропавловск». В нем сообщалось о волнениях в Кронштадтской крепости 28 февраля, принятии моряками «черносотенно-эсеровской резолюции», «выходе на сцену» группы бывшего генерала Козловского с тремя офицерами, которые выступили в роли мятежников. Говорилось об аресте комиссара Балтфлота Н. Кузьмина и председателя Кронштадтского Совета С. Васильева, других должностных лиц. Из сообщения явствовало, что главной причиной волнений послужила подрывная деятельность внутренней и внешней контр-

революции, в частности эсеров, за спиной которых стояли французская контрреволюция и бывший царский генерал. Под сообщением, как и многими другими правительственными распоряжениями той поры, стояли подписи: «Председатель Совета Труда и Обороны *В. Ульянов (Ленин)*. Председатель Реввоенсовета Республики *Л. Троцкий*». Это было официальным сообщением о Кронштадтском мятеже.

Из биохроники жизни Ленина неясна степень его причастности к указанному сообщению. Его текста нет в Полном собрании сочинений. Значит ли это, что Ленин оказался просто «подписчиком» сообщения? Вполне вероятно. Косвенное, но весьма существенное подтверждение тому — воспроизводство текста сообщения в работе «Как вооружалась революция» (том 3, книга 1), а затем в собрании сочинений Троцкого (т. 17, ч. 2).

Первым о Кронштадте сообщил в Москву Зиновьев. Он же стал первым его комментатором. Полагаю, что не без участия Зиновьева в правительственном сообщении главной причиной мятежа назывались происки внешней контрреволюции. Надо сказать, что Зиновьев и его петроградские сторонники были буквально одержимы шпиономанией. Повсюду в Петрограде и окрестностях им чудились козни врагов Советской власти. Редактировавшаяся шурином Зиновьева С. М. Закс-Гладневым «Петроградская правда» неоднократно призывала ловить шпионов и не поддаваться на их провокации.

Впоследствии официальная версия о Кронштадте углублялась и расширялась. Ленин обосновал ее рядом экономических, социальных и политических предпосылок, соответствовавших реалиям Советской России. Тем не менее версия об «иностранном происхождении» Кронштадта осталась доминирующей в учебниках и тех редких публикациях о мятеже, которые увидели свет в нашей стране. Разумеется, никто не смел даже намекать на ее первоисточник — Зиновьева.

«Кронштадтская» или читай: зиновьевско-троцкистская модель создания образа врага, объясняющая возникновение социальных конфликтов исключительно происками реакции и контрреволюции, победить которые можно только насилием, широко использовалась потом не только сталинской, но и другими правящими группировками.

5 марта специальным поездом в сопровождении Главкома Каменева, начальника штаба Лебедева и командующего Западным фронтом Тухачевского в Петроград прибыл Троцкий. Состав столь представительной группы высшего командования объяснялся не только чрезвычайной ситуацией.

В Кронштадте власть оказалась в руках Революционного комитета под председательством писаря линкора «Петропавловск» С. Петриченко. Программа комитета была не столько антисоветской, сколько популистской, направленной на устранение многочисленных политических, экономических и социальных перегибов в деятельности местных и военных властей. Мятежники потребовали упразднения скомпрометировавшего себя никудышной работой по-

литотдела и его руководителя, троцкиста Э. Батиса, отрядов особого назначения, выполнявших карательную роль, снятия заградительных отрядов вокруг крепости, восстановления свободной торговли. Даже политические требования в начале восстания не носили антикоммунистического характера, конечно, если не усматривать «антикоммунизма» в требовании освобождения политических заключенных, легализации социалистических и анархистской партий, свободного переизбрания местных Советов.

Из-за ошибок и грубых просчетов местных властей в массах падал престиж партийного руководства, происходила дискредитация Советской власти. Так в передаче известной американской анархистки Эммы Гольдман на одном из митингов в Петрограде рабочий (подчеркнем, что именно рабочий.— *Н. В.*) заявил: «Всего лишь три года назад Ленина, Троцкого, Зиновьева, да и всех вас называли изменниками и немецкими шпионами. Мы, рабочие и матросы, спасли вас от правительства Керенского. Именно мы поставили вас у власти. Вы забыли об этом? Теперь вы идете на нас с мечом. Помните, вы играете с огнем, когда, полностью забыв прошлое, повторяете ошибки и преступления Временного правительства. Берегитесь, чтобы такая же судьба не постигла и вас!» [5].

Дело принимало крутой оборот. Общее число мятежников составляло примерно 15 тысяч человек. Стратегическое положение крепости, наличие у восставших тяжелой артиллерии, пулеметов, бомбометов делало их положение не безнадежным. Но даже при таком раскладе можно было предотвратить трагический исход. Тем более что рядовой состав мятежников был готов решить конфликт мирным путем. Однако ни Петроградский Совет, ни Петроградский комитет обороны не проявили должной политической трезвости и желания разрешить проблему с помощью переговоров. 2 марта Петроградский комитет обороны получил из Москвы приказ о подавлении восставших военной силой. 4 марта Петросовет объявил мятеж контрреволюционным и потребовал его немедленной капитуляции [6]. Это только подлило масла в огонь.

Теперь, чтобы овладеть крепостью, нужно было развертывать решительные боевые действия, что и собиралась сделать прибывшая из Москвы группа. Общее руководство было возложено на Тухачевского. По рекомендации Троцкого, весной 1921 г. он примет участие в военных действиях против «антоновщины» — крестьянского восстания в Тамбовской губернии. Вообще надо сказать, что в 1920—1921 гг. из-за повсеместных антиправительственных выступлений крестьянства многие советские военачальники — С. Каменев, М. Фрунзе, С. Буденный, И. Якир, И. Федько, И. Тюленев, И. Уборевич и другие — оказались в весьма двусмысленном положении, напоминавшем положение полководцев императрицы Екатерины II, которые вынуждены были употреблять свои военные знания и опыт для разгрома крестьянской армии Е. Пугачева. Прямо скажем, незавидное положение.

Помимо государственного, был у Троцкого и личный интерес в подавлении Кронштадтского мятежа. Может, поэтому он и не пытался

найти иные, кроме военных, методы его ликвидации. Потерпев поражение в дискуссии о профсоюзах, Троцкий надеялся путем быстрой и успешной победы над кронштадтцами поднять свой пошатнувшийся авторитет. Поэтому Троцкий спешил. Ведь до открытия X съезда оставалось всего три дня...

Через час после прибытия в Питер он отдал «Последнее предупреждение к гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов». Воспроизведем его дословно, оно стоит того: «Рабоче-Крестьянское правительство постановило: вернуть незамедлительно Кронштадт и мятежные суда в распоряжение Советской Республики.

Посему приказываю:

всем, поднявшим руки против социалистического отечества, немедленно сложить оружие. Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей. Арестованных комиссаров и других представителей власти немедленно освободить.

Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на *милость* (выделено мной.— *Н. В.*) Советской Республики.

Одновременно мною отдается распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников вооруженной рукой.

Ответственность за бедствия, которые при этом обрушатся на мирное население, ляжет целиком на головы белогвардейских мятежников.

Настоящее предупреждение является последним.

5 марта 1921 г. 14 час.

Петроград» [7].

Военным, конечно, виднее, но мне кажется, что в таком буквально рубящем с плеча тоне, не оставляющем другой стороне никакого выбора, редко кто из военачальников обращался даже к вражеской армии. А ведь не забудем — и это не дежурный сентиментализм,— перед армией Троцкого — Тухачевского были свои, пусть и «несознательные», представители той самой «военно-морской» и трудящейся массы, ради которой совершалась революция. Спрашивается, кто же из восставших смог бы принять троцкистские требования, не поступившись при этом элементарным человеческим достоинством?

Ультиматум, отпечатанный в виде листовки, доставили в Кронштадт. Комментируя это событие, «Правда» под выразительным заголовком «В Кронштадте мертво» писала: «Вчера около трех часов дня наши аэропланы разбрасывали над Кронштадтом опубликованное уже нами воззвание-ультиматум за подписью тов. Троцкого. Аэроплан летал на высоте 500 метров. По донесению летчиков, в городе тихо; на улицах народа нет».

Там же читатели извещались о том, что «для создания единства в управлении всеми вооруженными силами, мобилизованными в связи с Кронштадтским мятежом, все части и отряды сведены в одну армию, командование которой возложено на т. Тухачевского. Армия названа номером славной Питерской армии, доблестно защищавшей красный Питер от банд Юденича» (речь шла о 7-й армии.— *Н. В.*).

Подготовка штурма крепости велась по всем правилам военной науки. 7 марта в 18 часов дислоцировавшиеся в Сестрорецке и на Лисьем Носу артиллерийские части открыли огонь по Кронштадту. В средствах массовой информации сразу стали создавать миф о «бескровной» операции, в ходе которой «никто не погиб и ничто не пострадало». Совсем по-другому начало боевых действий оценили кронштадтские «Известия». 8 марта они сообщали: «Стоя по колени в крови рабочих, маршал Троцкий первый открыл огонь по революционному Кронштадту, восставшему против самодержавия коммунистов, чтобы восстановить настоящую власть Советов». Конечно, нельзя не сделать скидку на излишнюю эмоциональность тона газеты, но ее информация представляется более близкой к действительности.

8 марта в дело были брошены красноармейские части численностью в 25 тыс. человек. Они наступали по открытому ледяному полю, без всякого прикрытия. Штурм провалился. Восставшие отбили наступление, нанеся немалые потери красноармейцам. Среди наступавших были перебежчики. И это при том, что основной контингент шедших на приступ крепости состоял из воспитанников школы красных курсантов. Этот факт говорит о том, что в данной кампании боевой дух армии был не на высоком уровне. Его пришлось поднимать введением в боевые действия делегатов X съезда (около 300 чел.) и свежих подкреплений. Численность штурмовавших увеличили вдвое — до 50 тыс.

16 марта артиллерийским обстрелом Кронштадта начался второй штурм. Утром 17 марта пало несколько мятежных фортов. 18 марта в 8 часов утра, как сообщалось в «Правде», «Петропавловск» и «Севастополь» сдались. В 11 часов утра ревком мятежников и генерал Козловский бежали. В 12 часов дня были освобождены арестованные коммунисты. Уличный бой продолжался несколько часов. К четырем часам дня весь Кронштадт был в руках Тухачевского, за исключением района гавани. Комендантом крепости назначили героя 1917-го П. Дыбенко.

Во время второго штурма Кронштадта Троцкий дал интервью представителям иностранной печати. К тезису о происках внешней контрреволюции он добавил несколько новых, в частности об изменении качества личного состава крепости, появлении среди моряков лиц, враждебно настроенных к Советской власти, пассивности гарнизона. Троцкий отметил, что ликвидация мятежа затянулась потому, что «при проводимых мерах» приходилось не только оберегать от излишних жертв армейские части, но и щадить мирное население и не участвовавший в мятеже гарнизон Кронштадта. Потери штурмовавших крепость, по его мнению, были ничтожны[8].

По разным источникам известно, что правительственные войска потеряли 700 человек убитыми и 2500 ранеными. Мятежники — 600 человек убитыми и около 1000 ранеными. В плен попало 2500 человек [9]. Большая группа матросов (примерно 6—8 тыс.) во главе с Петриченко ушла в Финляндию. Там они находились в лагерях. Впоследствии многие вернулись на родину. В 1927 г. Петриченко

через консульство СССР в Риге передал письмо М. И. Калинину с просьбой о реабилитации. В Финляндии он помогал советской разведке. Последняя информация от него поступила в январе 1941 г...

В интервью Троцкого есть и еще одно положение: «До тех пор, пока Россия окружена буржуазными странами, в которых имеются могущественные клики, не останавливающиеся ни перед чем для нанесения ударов рабочей республике,— события, подобные Кронштадтскому мятежу, совершенно неизбежны и повторятся, вероятно, не раз и в будущем» [10].

На первый взгляд этот постулат перекликался с речью Ленина при открытии X съезда партии о необходимости бдительности перед лицом многочисленных внешних и внутренних врагов, которые в любой момент готовы воспользоваться слабостью РКП(б), чтобы отстранить ее от власти [11]. Но именно на первый взгляд. Потому что в отличие от Троцкого Ленин не выводил непосредственной связи антикоммунистических выступлений с наличием антисоветского окружения. Казалось бы, мелочь, но такая, от которой во многом зависела сущностная оценка Кронштадта и его возможных негативных последствий для будущего страны.

3 апреля в Петрограде на Дворцовой площади Троцкий принимал парад в честь героев Кронштадта. Его самолюбие было удовлетворено: в числе 300 красноармейцев он был награжден орденом Красного Знамени. Для Троцкого это второй орден, случай по тем временам не столь уж частый. Слаб был на почести председатель Реввоенсовета. Любил награждать, одаривать всякими ценными подарками особо отличившихся, но и радовался, как ребенок, когда внимания удостаивался сам. Отсюда, наверное, и те несуразно помпезные слова, которыми Троцкий приветствовал участников парада: «Небывалым героизмом, неслыханным в военной истории подвигом (!) наши курсанты и вдохновляемые ими красноармейские части взяли штурмом первоклассную морскую крепость. Без единого выстрела (!) по льду двигались, погибали, побеждали и победили верные революции сыны рабоче-крестьянской России. Их не забудут трудящиеся России и всего мира. Я верю, что никогда никаких пятнышек не падет на это знамя. И в часы трудные, когда мелькнет в душе усталое сомнение, вы вспомните Кронштадт и это знамя и бодро пойдете вперед к победе» [12].

Сегодня не очень-то помнят. А если и вспоминают, то невольно задумываются — зачем? Ведь «геройство» проявляли против своих и «подвиги» совершали против таких же матросов и солдат. Кто-то может подумать: времена меняются, меняемся и мы вместе с ними. Нет. Не годится здесь древний принцип извинения заблуждавшихся. Не извинять, а помнить, чтобы не повторять — такой подход, как мне думается, более приемлем в оценке братоубийственной гражданской войны.

Кронштадтский мятеж, вопреки распространенному мнению, не был тем побудительным толчком, давшим ход новой экономической политике. Еще задолго до него Ленин вынашивал план нэпа. 30

ноября 1920 г. он написал для Совнаркома проект постановления, в котором ставилась задача в течение недели «подготовить и провести единовременно как отмену денежных налогов, так и превращение продразверстки в натуральный налог» [13].

В течение следующих месяцев Ленина буквально осаждали крестьянские ходоки, чьи по-народному выразительные, но конкретные наказы собраны в 35-м томе Ленинского сборника. Суть их, как мне представляется, метко выразил костромской крестьянин на встрече Ленина с беспартийными крестьянами 22 декабря 1920 г.: «Заинтересовать надо крестьянина. Иначе не выйдет. Я дрова пилю из-под палки. Но сельское хозяйство из-под палки вести нельзя».

8 февраля 1921 г. на заседании Политбюро во время обсуждения вопроса о посевной кампании и положения крестьянства Ленин набросал «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян». Вот он-то, а не отвергнутый год назад ЦК РКП(б) проект Троцкого, и был первым документом, определившим новую экономическую политику в отношении союза рабочего класса с крестьянством, основы перехода от военного коммунизма к нэпу. Набросок включал четыре тезиса. 1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом. 2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с разверсткой 1920 г. 3. Одобрить принцип сообразования размера налога со старательностью земледельца. 4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога [14]. Из этих пунктов видно, что, кроме сугубо терминологического сходства некоторых выражений, проект Ленина мало в чем был похож на проект Троцкого февраля 1920-го.

Были и попытки практического претворения намеченных мер перехода к нэпу. 14 февраля 1921 г., когда делегация мятежной Тамбовской губернии встретилась с Лениным, он не стал возражать, чтобы в губернии сняли досрочно продразверстку.

Так что сделанный Лениным 15 марта 1921 г. на X съезде доклад о замене продразверстки натуральным налогом как бы подводил итог его поискам пути выхода страны из кризиса и повышения эффективности общественного производства.

Как реагировал на это Троцкий? Коротко говоря — никак. В 1927 г. в очередном письме в Истпарт он возмущался сталинскими фальсификаторами, которые пытались «изобразить дело так, будто я был против нэпа». Нет, против нэпа на его начальном этапе Троцкий ничего не говорил. И в этом он прав. Не прав Троцкий в другом, когда в этом же письме писал: «Переход к нэпу... вполне соответствовал всем выводам из моего собственного хозяйственного и административного опыта. Таково действительное содержание так называемой дискуссии о профсоюзах» [15].

Каким было это содержание, мы уже видели. В ходе дискуссии Троцкий яростно защищал политику «военного коммунизма». Не случайно после принятия нэпа он долгое время ничего внятного по поводу этой политики не говорил и не писал. Троцкий отмолчался

на состоявшейся в мае 1921 г. X партконференции, экстренный созыв которой всего лишь через два месяца после X съезда был продиктован необходимостью дополнительного обсуждения главного вопроса момента — о продналоге. Казалось бы, самое время и место сказать слово в поддержку ленинской позиции. Не сказал. Может, потому, что, как заметил на конференции Радек, «тов. Троцкий в продолжение последних двух месяцев посвящал все свои силы разработке вопросов экономического положения в Европе» [16].

Если я не ошибаюсь, публично о нэпе он стал упоминать лишь с осени 1921 г. В посланном им в Киев 2 сентября «Привете Украинскому Правобережью!» говорилось: «Замена продовольственной разверстки налогом означает огромный поворот в жизни деревни. При разверстке крестьянину оставалось лишь строго необходимое, а все, что сверх того, отходило к государству. При налоге крестьянин отдает государству только строго определенную часть своего урожая; все остальное остается в распоряжении хозяина и его семьи. Введение продовольственного налога было целиком продиктовано интересами и нуждами крестьянского хозяйства» [17]. На таком, если можно выразиться, ликбезовском уровне, Троцкий и в дальнейшем говорил о нэпе. Хотя были и исключения. Одно из них — доклад, сделанный 25 октября 1921 г. командному и политическому составу Московского военного округа в театре Зимина.

В выступлении им были проанализированы внешние и внутренние условия, в каких оказалась Советская республика после окончания гражданской войны. Страна вошла в новую эпоху, которой, как считал Троцкий, присущи два отличительных признака: вовне страны — замедление темпа развития мировой революции, а внутри — крутой переход от хлебной монополии и разверстки к продналогу и свободному рынку.

В такой постановке вопроса явственно ощущалась перекличка с ленинским подходом о двух условиях успеха социалистической революции: ее своевременной поддержки в одной или нескольких передовых странах и соглашении между осуществляющим диктатуру (или держащим в своих руках государственную власть) пролетариатом и большинством крестьянского населения [18].

Конечно, были и различия. Троцкий хотя и понимал, что борьба между буржуазией и рабочим классом во всех странах будет длительной и ожесточенной, с периодами обострения и успокоения, подъемом и спадом, но не заметил внутренней противоречивости ситуации, которую Ленин пусть и не сразу, но с введением нэпа уловил. Первое условие успеха социалистической революции — победа революций в одной или нескольких передовых странах,— которое прямо не зависело от Советской республики, отодвигалось на второй план. А на передний все более властно выдвигалось второе: налаживание нормальных взаимоотношений с крестьянством. Тут концентрировалось внимание, поскольку реализация этой предпосылки целиком зависела от собственной деятельности Советской власти. Из недооценки Троцким диалектики развития событий (кстати, эта недооценка была характерна не для него

одного в тогдашнем руководстве) вытекала двусмысленная позиция в отношении к нэпу.

Советское государство, рассуждал Троцкий, открыло ворота мелкой торговле и концессиям, перешло к изъятию из своих рук и передаче буржуазии значительной части не только мелкой, но и средней промышленности, ограничивая свои задачи организацией крупнейшей промышленности. Государство сохраняет в руках то, что имеет важнейшее значение и в военном деле и в хозяйстве,— железные дороги и транспорт. Оставляя за собой контроль над хозяйством в целом, оно будет вовлекать в состав государства (т. е. в социалистические хозяйства) предприятия частные и получастные — по мере того, как будет укреплять свой «крупнопромышленный плацдарм».

На данном же этапе как хозяин и промышленник государство стало концентрировать свою деятельность на более узком плацдарме, чем в период «военного коммунизма». Противники Советской власти истолковали такой поворот как капитуляцию и даже крах коммунистической перспективы. Это, успокаивал Троцкий, конечно, не так. Но и радоваться особенно нечего. «Было бы, разумеется, недостойным рабоче-крестьянской власти изображать это, как победу,— резюмировал Троцкий.— Это есть отступление. Само же по себе это не есть ни поражение, ни победа».

Знакомый мотив. В троцкистской формуле нэпа «ни поражение, ни победа» проявился рецидив брестской позиции Троцкого — «ни войны, ни мира». Для него нэп — это политика лавирования между крестьянством и буржуазией. Пока нэп давал положительный результат, Троцкий был его сторонником. Как только нэп начинал «барахлить», требуя дальнейшей корректировки курса в зависимости от изменявшихся конкретно-исторических условий, Троцкий норовил «схватиться за пистолет», требовал надеть на нэп «намордник» диктатуры пролетариата. «...Мы, пролетарская партия, решаем, до каких пределов идти на соглашение с буржуазией: до сих пор, вот до этой черты, соглашение, а дальше — не прогневайтесь! — пулемет. Вот в чем разница (с трактовкой реформистами нэпа как «уступки» капитализму.— *Н. В.*). Пулемет у нас в руках, армия у нас в руках». И затем: «Мы идем на разные соглашения: с беспартийными рабочими у нас одно соглашение, с крестьянами — другое, с мелким торговцем — третье, с крупным торговцем, с концессионером у нас опять-таки особое соглашение — все разные соглашения, разные сделки, точно отмеренные. А ключ у кого в руках? У нас. Кто решает, до какого предела соглашение? Партия! Вот в чем суть» [19]. Это из заключительной речи Троцкого на 2-й конференции комячеек высших военно-учебных заведений 10 декабря 1921 г.

Примерно то же говорил он и в докладе на IX съезде Советов: «Фронтов нет — опасность есть». «...Наша новая хозяйственная политика означает ли плюс или минус, шаг вперед или шаг назад, движение к коммунизму или отступление?» — спрашивал Троцкий. И отвечал. Плюс или шаг вперед в том смысле, что 1921 год, год

Кронштадта, Тамбова, «бандитских движений» в Сибири, на Кавказе, в Закавказье, на Украине заканчивался на более или менее мирной ноте. Минус или шаг назад «по сравнению с идеей всепланового всесоциалистического строительства, во всех концах и областях, на каждом квадратном вершке нашей территории» [20].

Строго говоря, Троцкий продолжал видеть в военно-коммунистическом устройстве общества, все сферы которого пронизывало бы государство диктатуры пролетариата, эталон общественного устройства. Критерий социалистичности, как мы говорим сегодня, для него сводился к двум показателям: степени обобществленности производства и всеобщему планированию и беспрекословному политическому господству пролетарского государства в лице его правящей партии. Поэтому он только соглашался терпеть нэп как временное, но неизбежное зло. Как только обстоятельства изменятся в лучшую для пролетариата сторону, так следовало переходить к реализации идеи «всепланового всесоциалистического строительства, во всех концах и областях, на каждом квадратном вершке... территории».

Подобный подход к нэпу был характерен для Троцкого в течение 1922—1923 гг. 21 января 1922 г. Троцкий писал Ленину: «Вчера я делал доклад на конференции молодежи (Московская общегородская конференция рабочей молодежи.— *Н. В.*). Выступал молоденький меньшевик Гурвич, кажется, племянник Дана. Для меня совершенно выяснилось, что политически, агитационно вопрос стоит ныне так: означает ли перемена новой политики возвращение наше от социализма к капитализму или же использование капиталистических форм и методов для социалистического строительства. Я разъяснил молодежи вопрос, разумеется, во втором смысле. Гурвич утверждал, что мы вернулись к капитализму и что Ленин это открыто признал, говоря о государственном капитализме». И затем Троцкий добавлял: «Этот довод (о государственном капитализме) несомненно производит известное впечатление. Думаю, что вам необходимо воспользоваться первым благоприятным поводом, чтобы разъяснить, в каком смысле, в каких пределах применим термин государственный капитализм в отношении к хозяйству рабочего государства, ставящего себе социалистические цели и использующего для этого товарное обращение и методы капиталистической калькуляции» [21].

В тот же день Ленин ответил Троцкому короткой, но выразительной запиской. Он заметил, что меньшевики усиливают «свою самую злостную агитацию» и что следует дать им немедленный отпор. По существу же затронутого вопроса, писал Ленин, «я думаю, что согласен с Вами. У меня теперь появляется желание написать статейку на темы, близкие к затронутым Вами» [22].

13 ноября 1922 г. Троцкий выступил на IV конгрессе Коминтерна с докладом «Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции». Он докладывал сразу же за Лениным, и это было воспринято совершенно определенно. Ленин только что выздоровел и приступил к исполнению своих обязанностей. Многими фигура Троцкого оценивалась чрезвычайно высо-

ко. В нем кое-кто усматривал естественного преемника и продолжателя «дела Ленина». Уже в самом этом факте, пока не произносимом вслух, но подразумеваемом как нечто само собой разумеющееся, зрели зерна будущего раскола в партийной верхушке и ожесточенной борьбы за власть.

В докладе Троцкий обстоятельно рассмотрел социально-экономические и политические предпосылки победы Красной Армии в гражданской войне, назвав решимость и беспощадность универсальными средствами успеха в борьбе двух классов — рабочего и буржуазии, считал, что именно эти средства могут позаимствовать другие компартии в схватке с классовым противником. «...Такая беспощадность,— учил Троцкий,— и есть высшая революционная гуманность уже потому, что, обеспечивая успех, она сокращает тяжелый путь кризиса» [23].

Затем он назвал объективные слагаемые, на что опиралась Советская власть: 1) государственная власть; 2) важнейшие производительные силы страны: транспорт, добывающая промышленность, подавляющее большинство предприятий обрабатывающей промышленности и другие; 3) земля, находившаяся в собственности государства; 4) монополия внешней торговли.

Конечно, «противник» располагал свободой торговли и, следовательно, накапливал капитал, проникал в промышленность, брал в аренду предприятия и получал с них доход. Но эта возможность, говорил Троцкий, была ограничена тем, что Советская власть не пускала капитал в святая святых экономики: отрасли, обеспечивавшие ей командные высоты в народном хозяйстве. «Главные козыри явно на нашей стороне — за исключением одного, очень существенного: за спиною частного капитала, действующего в России, стоит мировой капитал,— подчеркивал Троцкий.— Мы все еще живем в капиталистическом окружении. Поэтому можно и должно поставить вопрос, не будет ли зарождающийся социализм, хозяйничающий еще капиталистическими средствами, закуплен мировым капиталом?»

Троцкий считал, что этого не произойдет, потому что власть находилась в руках рабочего класса. Внешняя торговля монополизирована. И хотя мировой капитализм пытается пробить брешь в этой монополии, но и это ему не удастся. «...Никакой капитуляции перед капитализмом с нашей стороны нет и не будет» [24],— завершил свой доклад Троцкий под долго не смолкавшие аплодисменты.

Несомненно, доклад Троцкого — вершина в его политической карьере в послевоенный период. Выше, с точки зрения теоретического осмысления нэпа, он больше не поднялся.

Не случайно чрезвычайно сдержанный на похвалы, Ленин дал высокую оценку докладу. Буквально по горячим следам он в письме русской колонии в Северной Америке писал: «Тех, кому вопрос о нашей новой экономической политике, единственно правильной политике, представляется недостаточно ясным,— я отсылаю к речам тов. Троцкого и моей на IV конгрессе Коммунистического Интернационала, посвященным этому вопросу» [25].

Правда, в более узком кругу реакция Ленина на доклад Троцкого была сдержаннее. 25 ноября Ленин по телефону продиктовал для Троцкого записку, копии которой разослал Зиновьеву, Бухарину, Радеку, Сталину и Каменеву, т. е. всем, кто был причастен к разработке стратегии и тактики Коминтерна. В ней Ленин, повторив свою высокую оценку тезисов Троцкого, заметил, что «небольшая часть пунктов мне показалась спорной» [26].

Ленин не назвал, какая именно часть и почему. И думается, сделал он это не только из деликатности, но потому, что не хотел лишний раз задеть самолюбие болезненно реагировавшего на всякую критику Троцкого. Нет, видимо, уже тогда Ленин не мог не видеть, с какой ревностью другие руководители следили за его отношениями с Троцким. Потому он и послал копии этой записочки указанным лицам и не сказал, в чем ему тезисы Троцкого показались спорными, чтобы не дать повода к неуместной полемике. Ведь, как мы говорим сегодня, в принципе Ленин был согласен с Троцким. Или точнее будет сказать — согласен в главном: в принятии нэпа как формы мирной классовой борьбы. Наверняка, если судить по ленинскому «завещанию», написанному спустя месяц после доклада Троцкого, Ленина не устроила в нем воинственность автора к перспективам нэпа, стремление покончить с ним при первой возможности, чтобы вернуться к «нормальному» социалистическому, т. е. внерыночному, под диктатом государства строительству. Но это из области предположений. Таким образом, оберегая самолюбие Троцкого и беспокоясь о единстве Политбюро, Ленин лишил нас возможности знать в точности суть его расхождений с Троцким по нэпу.

Не прояснил ситуации и сам Троцкий. В подготовительных материалах его воспоминаний о Ленине, относящихся к 1927 г. и хранящихся в бывшем Центральном партархиве, мною обнаружена машинописная запись: «Письмо Ленина перед IV конгрессом по поводу моих тезисов о нэпе (Троцкий перепутал даты, наверное, потому что телефонограмма Ленина была послана ему, когда работа конгресса еще не закончилась.— *Н. В.*). Рассказать, в чем были разногласия» [27].

От Троцкого так и не узнали, в чем состояли эти разногласия. Более того, вся процитированная выше фраза им была несколько раз перечеркнута синим карандашом. Видимо, в 1927 г. Троцкий еще меньше, чем Ленин в 1922 г., был заинтересован в обнародовании их расхождений по такому ключевому вопросу, каким был вопрос о судьбах нэпа в СССР.

Занятая Троцким позиция осенью — зимой 1921 — зимой — весной 1922 г. резко и в лучшую сторону изменила к нему отношение Ленина. Значительно возрос поток ленинских писем, записок, распоряжений, просьб и обращений к Троцкому. Вот, например, одно из них впервые увидело свет в апрельских номерах 1990 года, двух печатных органов — «Известия ЦК КПСС» и «Наш современник». Речь шла о ленинском письме членам Политбюро ЦК от 19 марта 1922 г. о так называемом «шуйском происшествии».

В связи с небывалым голодом, поразившим районы Поволжья, люди умирали тысячами, во многих местах отмечались случаи каннибальства — возникла чрезвычайная ситуация. Страна мобилизовала все ресурсы для облегчения участи голодающих. Возник вопрос об участии в этой всенародной помощи церкви. Но в печати развязывается ожесточенная антицерковная пропаганда. Например, в «Известиях» под рубрикой «Борьба с голодом» появилось несколько статей, рассказывавших о богатстве церкви, «черствости» ее иерархов, в том числе и самого патриарха Тихона, которого некий «Н» назвал «былым помещиком-крепостником», и что «авторитет Тихона, как и всего духовенства, пал, в церкви должна произойти тоже революция...». В других номерах газеты пропагандировался «опыт» Петра I и Екатерины II, австрийского императора Иосифа по изъятию церковных ценностей. Отметим, что в основном пропаганда велась против православной церкви. И это несмотря на то, что отношение ее руководства к голодному бедствию никак нельзя было назвать равнодушным.

Патриарх Тихон разъяснял прессе, что верующие по его призыву начали добровольный сбор средств в помощь голодающим, в том числе и из церковных фондов (подвески, кольца, браслеты, предметы церковной утвари, не применявшейся для богослужения, старый серебряный лом). «...Я усматриваю, что в среде прихожан,— говорил Тихон,— имеется отчетливое сознание необходимости пожертвовать в пользу голодающих и что они добровольно и щедрой рукой готовы отдать из церковного имущества то, что есть там ценного и не имеющего значения для совершения богослужения». Патриарх предупреждал, что слухи о богатствах церкви чрезмерно преувеличены, многое из церковного имущества имеет историческое значение. «Я надеюсь, что комиссия при Помголе (помощь голодающим.— *Н. В.*) для ликвидации пожертвованного церковного имущества отнесется с должной осторожностью к самой ликвидации» [28].

Не отнеслась. Пресса фактически заняла провокационную позицию, подстрекавшую трудящихся на «инициативу снизу». «Известия» рассказывали, что в России имеется 4 лавры, 800 богатейших монастырей, более 60 тысяч соборных и других храмов. И если все принадлежавшие им ценности обменять на хлеб, то Поволжье и другие голодающие округа могли бы продержаться в течение двух лет. На эти же ценности можно было бы открыть 1500 агрономических школ, закупить 3000 тракторов и других сельхозмашин или же такое количество сухоустойчивых семян, что хватило бы для засева всей России на 10 засушливых лет [29].

Трудящиеся не торопились следовать инструкциям «Известий» и других советских органов печати. Скорее наоборот. После того как власти на основании декрета ВЦИКа от 23 февраля начали изъятие церковных ценностей, народ встретил их действия в штыки. В «Известиях» с тревогой сообщалось: «Изъятие церковных ценностей всколыхнуло провинциальную массу. Собрания верующих коллективов, посвященные этому вопросу, необычайно многолюдны. Собираются по несколько тысяч человек, среди них много женщин и

детей. В некоторых местах настроение повышенное, местами — фанатическое. Как будто речь идет о самом главном и как будто затронуты самые тонкие струны массовой психологии» [30].

Простые люди, не обремененные государственным мышлением, оказались ближе к истине, чем вожди революции. Они понимали, что, как ни тяжко народу, какие бы чрезвычайные события ни происходили, есть вещи, которые нужнее хлеба и сильнее смерти — это святость и вера, порушить которые не дано никому. Именно этими высокими помыслами руководствовалась «толпа», которая 13 марта не позволила комиссии Шуйского исполкома, взявшей до этого ценности трех небольших церквей, забрать их из головного городского собора. В ход пустили войска. Было убито четыре человека, десять ранено. Лишь после этого верующие сами отдали 3,5 пуда серебра, а затем власти реквизировали 10 пудов серебра и драгоценные камни головного собора.

Происшествие в Шуе Ленин поставил в один ряд с подготовлявшимся «сопротивлением черносотенного духовенства» изъятию ценностей в других местах республики, в частности в Петрограде. И заключил, что в стране зреет «заговор» духовенства. Он внес на Политбюро предложение «дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий» [31].

Поручить руководство этим «сражением» Ленин предложил Калинину, но фактическим организатором всей операции предполагался Троцкий, который был уполномоченным Совнаркома по учету и сосредоточению церковных ценностей. Надо сказать, что Троцкий обладал «солидным опытом» в таких делах: вместе с Х. Раковским он изымал богатства Киево-Печерской лавры, а позже во главе другой комиссии — ценные реликвии московских храмов.

Троцкий постоянно будировал в Политбюро вопрос об ускорении изъятия церковных ценностей из православных храмов. 11 марта 1922 г. на имя членов Политбюро Ленина, Молотова, Каменева и Сталина Троцкий пишет записку с просьбой передать руководство по изъятию ценностей из московских церквей специально созданной в Москве «секретной ударной комиссии в составе: председатель — т. Сапронов (в середине 20-х возглавит «платформу-15».— *Н. В.*), члены: т. Уншлихт (заместитель — т. Медведь), Самойлова-Землячка и Галкин». По мнению Троцкого, эта комиссия должна была в секретном порядке подготовить политическую, организационную и техническую стороны дела. «Фактическое изъятие должно начаться еще в марте месяце и затем закончиться в кратчайший срок,— торопил Троцкий членов Политбюро.— ...Повторяю, комиссия эта совершенно секретная. Формально изъятие в Москве будет идти непосредственно от ЦК Помгола, где т. Сапронов будет иметь свои приемные часы» [32].

Не исключено, что эта переписка и массированная антицерковная кампания в прессе во многом подготовили Ленина, по крайней мере психологически, к написанию указанного выше письма в По-

литбюро. В нем он предлагал послать в Шую энергичного и распорядительного члена ВЦИК или представителя другого центрального органа власти, предварительно проинструктировав его одному из членов Политбюро (скорее всего Троцким.— *Н. В.*). Этому посланцу поручалось арестовать в Шуе не менее нескольких десятков представителей местного духовенства, мещанства и буржуазии по подозрению в сопротивлении декрету ВЦИКа об изъятии церковных ценностей. Посланный в Шую человек должен был доложить о результатах поездки на заседании Политбюро. После чего оно даст устную директиву судебным властям о быстром проведении процесса против «шуйских мятежников» с возможным подключением «черносотенцев» из Москвы и других духовных центров. «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше,— инструктировал Ленин.— Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [33]. Вот такое письмо.

Ленинский план был беспрекословно принят. На заседании Политбюро 20 марта организовали комиссию, которая на следующий день отправилась в Шую. На этом же заседании в составе Сталина, Каменева, Троцкого и Молотова Политбюро приняло с некоторыми поправками предложенный Троцким проект директив по изъятию церковных ценностей. Изъятие проводилось как широкомасштабная военная операция. К участию в ней привлекались работники ГПУ, Наркомата юстиции, ревтрибуналов, воинских частей и подразделений. Это был настоящий не спровоцированный никаким «белым движением» массовый террор против священнослужителей и православных верующих, и он не ограничивался просто приобретением денег на закупку хлеба, а имел далеко идущую цель — подрыв авторитета и влияния православной церкви. Так что Сталину и Кагановичу было у кого учиться, когда они с конца 20-х годов приступили к планомерному разрушению православных храмов.

8 мая 1922 г. в Москве состоялся суд над арестованными в Шуе. Он приговорил 11 священников, благочинных и граждан к расстрелу, четверых — к 5 годам, тринадцать человек — к 3, десять — к 1 году заключения. Рассмотрев жалобу осужденных о смягчении их участи, Президиум ВЦИКа заменил шестерым высшую меру лишением свободы на 5 лет. 11 мая вторично в Политбюро с просьбой о помиловании всех осужденных обратился председатель Моссовета Л. Каменев. Политбюро поручило Троцкому рассмотреть эту просьбу. Через три дня он представил заключение об отсутствии данных для смягчения приговора пяти священникам.

Ленин и позже прибегал к услугам Троцкого, когда следовало напомнить православной церкви о существовании Советской власти. Не исключено, что с их ведома была продолжена травля патриарха Тихона. Косвенным свидетельством этого может служить почтотелеграмма Троцкого от 2 июня 1922 г. в Секретариат ЦК РКП(б) Сталину, а также Рыкову, Цюрупе и представителю Наркоминдел

Карахану. В ней Троцкий предлагал немедленно ответить «на протест английских попов» — девяти человек во главе с архиепископом Кентерберийским и Йоркским Джоном Смитом — против «преследования русской церкви в лице патриарха Тихона» [34].

В послании Троцкий не столько информировал указанных лиц и излагал поручение им Ленина, сколько торопился снять с себя ответственность за преследование Тихона. «Вопреки словам протеста, никакого нападения на церковь нет,— писал Троцкий,— а есть предъявление обвинения отдельным представителям церкви, в том числе и бывшему ее патриарху, в организации сопротивления мероприятиям Советской власти, которые производились в целях спасения жизни десятков миллионов человеческих существ, в том числе и детей». Далее Троцкий разъяснял, что «только немногочисленные элементы церкви, наиболее привилегированные и развращенные связью с царистской знатью и с капиталом, составляют группу бывшего патриарха Тихона».

В объяснениях Троцкого каждое слово имело значение. Упорно проводя мысль о социальном происхождении Тихона, он мобилизовывал против него «эксплуатировавшееся» им в прошлом трудящееся большинство. С другой стороны, называя Тихона «бывшим патриархом», Троцкий давал понять, с кем будет сотрудничать Советская власть — не с «бывшими», а с нынешними церковными «обновленцами» в лице Введенского и других, которые выступили за более активное и открытое сотрудничество с властями. «Общественное мнение России примет к сведению, что протестующие английские церковные иерархи солидаризируются не с голодающими трудящимися массами России и даже не с большинством духовенства,— наставлял членов Политбюро и Секретариата ЦК Троцкий,— а с ничтожными по численности иерархами церкви, шедшими всегда рука об руку с царями, бюрократией, дворянством, а ныне выступившими в прямую борьбу с властью рабочих и крестьян».

Кто-то даже и сегодня, говоря о тех трагических днях 1922-го, может подумать: ну что ж, борьба есть борьба, тут не до миндальничания. И будет неправ. Потому что в случае с изъятием церковных ценностей и ролью патриарха Тихона все было не столь однозначно негативно, как это следовало из писем Ленина и Троцкого. По крайней мере заключительные строки из почто-телеграммы Троцкого о том, что «протест князей различных церквей Великобритании» был продиктован «узкокастовой солидарностью, целиком направленной против действительных интересов народа и элементарных требований человечности», выглядят абсурдными, даже принимая во внимание ультраклассовую оценку тех событий. Если протест верующих против варварского изъятия имущества церковных храмов назвать «антисоветским», то как же тогда православные могли реализовывать декларированное Конституцией РСФСР 1918 г. право на свободу совести, вероисповедания и отправления культов? В случае с изъятием церковных ценностей мы сталкиваемся с непродуманными мерами советских властей. Да, голод, да, ситуация архисложная. Тут не о чем спорить. Но никто и ничто не давало

право властям «терять голову». Тем и отличается авторитет власти от безавторитетности ее исполнителей...

Эпизод об изъятии церковных ценностей, до 1990 г. старательно замалчивавшийся отечественной исторической наукой, говорит о том, что, как и в годы гражданской войны, Троцкий вновь теснее всего сошелся с Лениным на почве репрессивной практики против явных и подозреваемых противников Советской власти. Его девизом вполне мог бы быть развивавшийся им в различных вариантах тезис: «...У угнетенных трудящихся масс возмущение (угнетателями.— *Н. В.*) есть, но инстинкта и закаленной воли к власти, к истреблению врага нет, а есть способность слишком легко удовлетворяться достигнутыми результатами». Следовательно, он считал: «Трудовой человек «добр», это его несчастье. Доброта в борьбе есть величайшее преступление, которое приводит к лишним жертвам, ибо недоделанная борьба требует новой борьбы; как недорубленный лес вырастает вновь, так и недобитый враг вновь оживает и вновь требует борьбы. Беспощадность и непреклонность в борьбе есть высшая гуманность» [35].

Исходя из этой теории, Троцкий безоговорочно поддерживал самые решительные меры, предлагаемые Лениным или кем-либо из тогдашнего состава Политбюро. Его мало беспокоили последствия. Складывается впечатление, что для него важен был сам процесс избиения. «Революционер — человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть...» [36]

Трудно сказать, знаком ли был Троцкий с определением «революционного характера» из «Катехизиса революционера» Сергея Нечаева. Но то, что своей деятельностью он почти адекватно претворял в жизнь именно этот «идеал», не вызывает сомнений.

Троцкий безоговорочно поддержал начавшийся в мае политический процесс над бывшей партией эсеров. Его инициатором выступил Ленин. В знаменитом письме наркомюсту Д. И. Курскому от 20 февраля 1922 г. с передачей его копий членам Политбюро Ленин поставил в вину наркому и наркомату неприспособленность к нэпу. Он потребовал от руководства советской юстиции усиления «репрессии против политических врагов Совввласти и агентов буржуазии (*в особенности* меньшевиков и эсеров)», обязательной постановки «ряда *образцовых* (по быстроте и силе репрессии; по *разъяснению* народным массам, через суд и через печать, значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове (бывшем тогда столицей Советской Украины.— *Н. В.*) и нескольких других важнейших центрах» [37].

Троцкий был не просто в курсе дела, но и одним из тех, кто участвовал в идеологическом обеспечении ленинских предложений. 10 апреля 1922 г. в письме членам Политбюро (копия Ленину.— *Н. В.*) Троцкий писал: «Присоединяю еще такое предложение: обвинительный акт по делу эсеров должен иметь характер закончен-

ного политического произведения, с характеристикой всей деятельности партии. Он должен быть проредактирован Луначарским, Крыленко и Курским со всей тщательностью». Предложение Троцкого было принято. В работе над окончательным текстом обвинительного акта вместо Курского участвовал уже М. Покровский.

Обвинительный акт появился в «Правде» 2 и 3 июня, а 24 июня была опубликована статья Троцкого «Иллюзии и действительность». В ней он вел спор с «внеклассовой оценкой действий Советской власти процесса над эсерами зарубежной и доморощенной буржуазно-соглашательской агитацией». Троцкий опровергал их тезис о том, что судит-де эсеров оторвавшаяся от народа коммунистическая олигархия. Суду предшествовало волеизъявление пролетариата: 20 июня на крупнейших заводах столицы состоялись митинги и собрания, участники которых заклеймили подсудимых. «Если бы возможен был суд национальной совести,— набожно вздыхали кадето-октябристские лидеры — за границей и те, что у нас дома неожиданно выползли погреться под нэповским солнцем,— тогда мы все приветствовали бы такой суд... Пролетарий сказал и показал, что это его суд» [38].

Вместе с Лениным Троцкий принял активное участие в разработке теоретических основ позиции советской стороны и практической подготовке состоявшейся в апреле — мае 1922 г. Генуэзской конференции. Эпизод политической биографии наркомвоенмора для многих пока малоизвестный.

В январе 1922 г. рассматривался вопрос о главе советской делегации: предлагалась кандидатура Ленина. 7 января из Лондона от полпреда Л. Красина поступила телеграмма на имя Г. Чичерина: «Приезд Ленина в Италию считаю недопустимым ввиду савинковцев, врангелевцев и фашистов. Более приемлемым был бы Лондон. Тут можно обставить надежно, как приезд, например, в сопровождении Красина, так и проживание. Если не поедет Ленин, предлагать ли приезд Троцкого? Италия, конечно, тоже исключается» [39].

Ознакомившись с депешей, Ленин пишет Троцкому и Молотову для Политбюро записку: «О поездке тт. Ленина, Троцкого в Италию (по телеграмме Красина). Думаю, что указанная Красиным причина в числе других причин исключает возможность поездки в какую-либо страну как для меня, так и для Троцкого и Зиновьева» [40].

Записка свидетельствовала о ненависти, какую в отношении названных советских руководителей испытывали непримиримо настроенные круги эмиграции и зарубежной реакции. Но она и недвусмысленно определяла степень политической близости Ленина и Троцкого, давала представление о своеобразной табели о рангах в руководстве. Записка содержала ответ и на более поздние интерпретации внешнеполитических взглядов Троцкого в период Генуи. Из нее следует, что он в принципе не отрицал возможность сотрудничества с капиталистическими странами.

Ленин и в дальнейшем не раз вместе с Троцким отстаивали общую линию в спорных вопросах экономического и социального

развития страны. Весной 1922 г. в Политбюро развернулась жесткая борьба за сохранение монополии внешней торговли. Бухарин, Пятаков и Сокольников выступили против нее. За ослабление монополии высказалась «тройка» — Зиновьев, Каменев и Сталин. Ленину стоило немалых усилий убедить «тройку» и других членов ЦК занять более твердую и определенную позицию. В этом не последнюю роль сыграло обращение Ленина к Троцкому с просьбой защитить его взгляды на монополию внешней торговли. В письме Сталину для членов ЦК РКП(б) Ленин сообщал: «...Троцкий защитит мои взгляды нисколько не хуже, чем я...» [41]

Известна и еще одна просьба Ленина к Троцкому о так называемом «грузинском деле». Суть его свелась к резкой критике Лениным предложения Сталина, поддержанного Орджоникидзе и Дзержинским, о вступлении Грузии в РСФСР на правах автономии. Ленин считал, что вхождение союзных республик в СССР должно осуществляться на основе их равноправного объединения. Ленин предложил не автономию, а федерацию как принцип устройства многонационального Советского государства.

5 марта 1923 г. через секретаря М. Володичеву он направил Троцкому письмо с просьбой взять на себя защиту грузинского дела в ЦК партии: «Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия» [42].

На этот раз Троцкий, сославшись на болезнь, ответил отказом. 16 апреля он разослал всем членам ЦК РКП(б) письмо, в котором сообщил, что Ленин обратился к нему с просьбой защитить грузинское дело, что он согласен с ним по национальному вопросу и внес в тезисы Сталина об автономизации поправки. Он отметил, что поскольку в данной ситуации затрагиваются интересы минимум трех членов ЦК, то просит у ЦК дальнейших указаний: оглашать критику Лениным проекта Сталина или нет. Троцкий предупредил адресатов, что их несогласие им будет сочтено за молчаливое желание скрыть позицию Ленина [43].

Позже Троцкий попытался изобразить просьбы Ленина как своего рода стремление к созданию с ним антисталинского блока. Учитывая характер Ленина как человека и тем более партийца, полагаю, что утверждение Троцкого — явное преувеличение благосклонного к нему отношения Ленина. Владимир Ильич не скрывал и всегда находил возможность дать понять другим руководителям, что он думал относительно тех или иных их поступков. Если считал их ошибочными, то говорил об этом открыто, «во весь голос», а не за спинами, как получалось по Троцкому. Его намеки на совместный с Лениным «блок» не делали ему чести, не говоря уже о том, что бросали тень на Ленина.

Беспредметными выглядели претензии Троцкого на роль преемника Ленина. Ссылаясь на «Письмо к съезду», в котором он был

назван самым способным человеком в настоящем ЦК [44], на предложения Ленина дважды в течение 1922 г. занять пост зампреда Совнаркома, Троцкий писал в «Моей жизни»: «Бесспорная цель завещания («Письма к съезду».— *Н. В.*): облегчить мне руководящую работу». Пусть тут никого не смущает осторожность формулировки, мол, он имел в виду не преемственность, а облегчение работы. В данном случае терминологические уловки мало кого введут в заблуждение. Троцкий однозначно считал себя наследником не только и, может быть, не столько самого поста Ленина в Совнаркоме, сколько его реального места и роли в государстве и партии.

Между тем по логике «Письма к съезду» ни в ком из шести упомянутых в нем лиц (Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и Пятаков) Ленин не видел равноценной себе замены. Отсюда его ставка на укрепление коллективных начал в руководстве партией и государством, требование расширить состав ЦК за счет рабочих от станка, введение института контроля за высшим партийным руководством, в особенности за генсеком, и другие меры.

Совсем иными, чем утверждал Троцкий, причинами было продиктовано ленинское предложение занять ему пост зампреда Совнаркома. Главная из них — не дать Троцкому вновь сцепиться со Сталиным, как это уже имело место осенью 1918 г. на Царицынском фронте, затем заочно весной 1919-го на VIII съезде РКП (б) по «военной оппозиции». Ленин хотел развести их дальше друг от друга: один в качестве генсека сосредоточился бы на работе в партии, а другой — на хозяйственной работе. Тем более что Ленин не мог не видеть, как Троцкий тяготился черновой повседневной работой, которая от него требовалась при переводе армии на мирные рельсы. Кстати, это не только мои соображения. Об этом можно прочитать в воспоминаниях М. И. Ульяновой.

Она же привела и один весьма красноречивый эпизод, который многого стоит. На одном из заседаний Политбюро Троцкий назвал Ленина «хулиганом». «В. И. побледнел, как мел, но сдержался. «Кажется, кое у кого тут нервы пошаливают», что-то вроде этого сказал он на эту грубость Троцкого, по словам товарищей, которые передавали мне об этом случае». После чего Ульянова добавила: «Симпатии к Троцкому и помимо того он не чувствовал — слишком много у этого человека было черт, которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним. Но он был большим работником, способным человеком, и В. И., для которого, повторяю, дело было на первом плане, старался сохранить его для этого дела, сделать возможным дальнейшую совместную работу с ним» [45].

У Троцкого, как и у некоторых других руководителей партии, со вступлением в РСДРП (б) не исчезли черты мелкобуржуазного революционера. После победы Октября он не отказался ни от одного из ключевых положений теории «перманентной революции», переиздал все главные дооктябрьские работы, в которых излагались основы идеологии и практики троцкизма, содержалась полемика с Лениным по проблемам теории революции. В середине 30-х годов в

«Записных книжках» Троцкий отмечал: «Ленину случалось ошибаться не только в мелких, но и в больших вопросах. Но он своевременно поправлялся и использовал ошибки противника». Перечислив ошибки Ленина, Троцкий заметил: «...Автор этих строк был прав в вопросе об общем прогнозе характера русской революции» [46].

Ценное признание, которое делалось не для публикации. Оно показывает, что в послеоктябрьский период при бесспорном факте политического сотрудничества Троцкого с Лениным он был глубоко убежден в правоте не ленинской, а своей позиции по ключевым вопросам революционной теории и практики.

Понимал ли это Ленин? Безусловно. Так, например, в 1927 г. Зиновьев, уже перешедший на сторону Троцкого и возглавлявший вместе с ним троцкистско-зиновьевский блок, в неопубликованных заметках «Об оппозиционном блоке» отмечал: «Знал ли Ленин... что у него расхождения с Троцким (1921 г.— *Н. В.*) по вопросу о теории перманентной революции? Конечно, знал». И далее: «Он (в 1922 г.— *Н. В.*) требовал совместной работы с т. Троцким, несмотря на прежние разногласия. Он говорил о том, что не следует ставить т. Троцкому лично в вину его прежний небольшевизм; он называл т. Троцкого одним из выдающихся вождей современного ЦК и т. д.» [47].

Эти строки отразили сложность и противоречивость ситуации, сложившейся в руководстве партии в тот период. Вопреки изложенному на страницах журнала «Коммунист» мнению (со ссылкой на того же Зиновьева.— *Н. В.*), что термин «троцкизм» был выдуман в 20-е годы в целях политической дискредитации Троцкого [48], замечу, что его нечего было выдумывать, так как ни сам термин, ни выражаемое им внутрипартийное политическое течение никуда и не исчезали, а продолжали существовать, несмотря на взаимоисключающие высказывания и суждения таких руководителей, как Зиновьев, и тех, кто им вторит в наши дни.

Соотношение между пролетарской и мелкобуржуазной революционностью всегда подвижно. Между ними нет жестких границ. Поэтому чрезвычайно важно своевременно учитывать диалектику этого соотношения, с тем чтобы по возможности снимать возникающие противоречия и тем более не доводить их до антагонизма. В этом Ленин видел одно из важнейших проявлений искусства партийного руководства. В этом же состоит один из многих уроков, который вытекает из анализа отношения Ленина к Троцкому, троцкизму как внутрипартийному политическому течению, существовавшему на протяжении большей части истории партии до и после победы Октября, но не во всякий период этой истории — в организационно оформленном виде.

Значит ли это, что Троцкий не имел никакого отношения к марксизму и что правы оказались авторы «Краткого курса истории ВКП(б)» с их теорией «злого умысла»? Троцкий якобы вступил в партию с единственной целью — вести подрывную работу, чтобы развалить ее изнутри. Если бы это было так, то не было бы ни

сближения Троцкого с большевиками после возвращения в Россию в 1917 г., ни тем более его повторного вступления в РСДРП(б), ни его совместной работы с Лениным и другими руководителями партии и Советского государства.

Ленин по достоинству ценил Троцкого, когда тот строго и точно осуществлял директивы партии, когда наряду с другими ее руководителями, опираясь на коллективный опыт партии, на всю массовую партийную организацию, выполнял служебные обязанности, порученные ему задания Центрального Комитета. Так было в период подготовки и осуществления Октябрьского вооруженного восстания, в годы гражданской войны и перехода к мирному строительству. Вместе с тем, учитывая склонность Троцкого к организации блоков, использованию в своих целях «околопартийного нечта», Ленин давал решительный отпор его попыткам создать свои кадры, опираясь на которые он стремился командовать в партии, выступать против ленинских установок в строительстве нового общества. Так было в борьбе за заключение Брестского мира, в дискуссии о профсоюзах, при решении ряда конкретных проблем партийного, военного и хозяйственного строительства.

Ленин, хотя и не любил ставить в вину деятелям партии их прошлые ошибки, не раз возвращался к анализу дискуссий с Троцким. Двойственность в политической позиции Троцкого была подчеркнута Лениным в его «Письме к съезду». Выделяя его выдающиеся способности, Ленин подчеркивал и «увлечения» Троцкого администрированием, которые оборачивались грубыми ошибками и просчетами в политике. Именно поэтому Владимир Ильич считал нужным напомнить партии о небольшевизме Троцкого. То, что Ленин имел в виду не только личность Троцкого,— это бесспорно. В небольшевизме Троцкого он усматривал позицию не отдельного партийного лидера, а целого социального слоя, определенных настроений в партии, выразителем которых время от времени оказывался Троцкий.

В партии Троцкий в наиболее концентрированном виде отражал настроения тех ее членов, которые пытались опереться на догматически трактуемые ими традиции классического марксизма XIX в. Они весьма превратно оценивали качественные перемены, которые происходили в расстановке классовых сил как на мировой арене, так и в отдельных странах, прежде всего в самой Советской России. Догматизм, подмена диалектики формальной логикой, неумение считаться с обстоятельствами — все это нашло концептуальное выражение и закрепление в троцкистской теории «перманентной революции».

Отмеченные недостатки и погрешности в равной мере можно адресовать и противникам Троцкого, в первую очередь Сталину и Зиновьеву. В том-то и состояла одна из трагических страниц в истории большевистской партии, что ни один из соратников Ленина не смог по достоинству оценить его «нэповскую метаморфозу». А то, что каждый из этих соратников воспринял от Ленина и попытался придать ему собственную трактовку, было мало похоже на оригинал.

Пример Троцкого и троцкизма свидетельствует, что дело не в чьем-то «злом умысле», а в неверных оценках новых условий, характера и содержания переживаемой эпохи. Из этого вытекает еще один исторический урок: идеи, верные в условиях данной эпохи, если их перенести в другое время, в иные конкретно-исторические рамки, не произведя при этом необходимой корректировки в соответствии с духом самих этих идей, способны обретать смысл, прямо противоположный своему первоначальному содержанию. Это обстоятельство во многом предопределило не только судьбу Троцкого, но и характер развернувшейся в 1923—1927 гг. внутрипартийной борьбы.

СХВАТКА

17 апреля 1923 г., с некоторым опозданием, открылся XII съезд РКП(б). И тому была весьма веская причина — болезнь Ленина. Надеялись, что ему удастся поправиться и принять участие в работе съезда. Но в начале марта с Лениным произошел «удар», который окончательно вывел его из строя. Съезд оказался первым после Октября, который прошел без участия Ленина. Его отсутствие сразу внесло дополнительные сложности и остро сказалось не столько в его работе, сколько в тех событиях, которые предшествовали открытию и продолжались после его окончания.

С политическим отчетом ЦК выступил Зиновьев. С организационным — Сталин. Но, как мне представляется, ключевым вопросом съезда был доклад о промышленности. С ним 20 апреля, на восьмом, вечернем заседании выступил встреченный продолжительными аплодисментами Троцкий. Доклад выслушали с громадным интересом. И не только потому, что он был необычен по форме. Слушатели могли наглядно представить состояние дел, обратившись к многочисленным таблицам, графикам, схемам. От доклада ждали ответа на вопрос, который очень беспокоил партию и на предыдущем, XI съезде: о работе промышленности в условиях нэпа.

Троцкий на сто процентов извлек преимущества из положения докладчика. Он построил выступление так, чтобы даже рядовому партийцу, не посвященному в тонкости взаимоотношений в руководящем ядре партии, стало ясно: на трибуне — преемник Ленина. «Первое и основное «поручение», которое было, так сказать, дано нэпу нашей партией, состоит в том, чтобы подтолкнуть вверх производительные силы страны, — говорил Троцкий.— Вторая задача, которую мы разрешаем впервые в истории, состоит в том, чтобы эти поднимающиеся или долженствующие подняться производительные силы направлять по возможности в русло рабочего государства на социалистический путь» [1].

Разве это могло не понравиться присутствующим, если явственно перекликалось с последней публичной речью Ленина на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г., закончившейся призывом превратить Россию нэповскую в Россию социалистическую? Но

сходство позиций с ленинской речью, радуя рядовой состав съезда, не могло не насторожить его президиум. Тем более что приводимые Троцким показатели промышленного роста невольно связывались с его личным вкладом, а, скажем, не с деятельностью председателя ВСНХ Рыкова или ответственного за хозяйственную работу в Политбюро Каменева, о которых в докладе даже не упоминалось.

Троцкий дал скрупулезный анализ развития промышленности в сравнении с 1913 и 1921 гг. Пожалуй, он первым за точку отсчета взял цифру «1913», которая со временем приобретет едва ли не мистический характер, став той «печкой», от которой советские руководители разных поколений начинали «танцевать» всякий раз, когда требовалось обосновать экономические успехи СССР и преимущества социализма перед капитализмом... Троцкий назвал некоторые цифры за минувший календарный 1921 г.: промышленность, крупная и средняя вместе, возросла на 43%, но объем промышленного производства в целом едва достиг трети объема 1913 г. Значит, была тенденция к росту, чего за все пятилетие Советской власти не отмечалось. Но из этого прироста, из этой прибавки кто получил пока что большую долю, спрашивал Троцкий, рабочее государство или частный капитал? Ответ давал уклончивый: «Нэп есть признанная нами законодательным порядком арена борьбы между нами и частным капиталом. Мы эту арену воссоздали и на ней борьбу ведем всерьез и надолго...»

Троцкий охарактеризовал эту борьбу, наметил направления, методы и формы дальнейших действий по наращиванию усилий в создании материально-технической базы социалистического сектора хозяйства. Особое внимание он уделил смычке между государственной промышленностью и, как он выразился, крестьянским рынком, необходимости их сближения. Возможно, Троцким был введен в оборот сам термин «ножницы цен». Он изобразил на одной из таблиц в виде ножниц две ломаные кривые, одна — показывала стремительный рост цен на промышленные товары, а другая — столь же стремительное падение цен на сельскохозяйственную продукцию.

Устранить «ножницы» Троцкий предложил за счет увеличения экспорта зерна и интенсификации промышленного производства. Более правильная, научная организация труда на фабриках и заводах, более правильное использование рабочей силы. Докладчик признал наличие в стране безработицы. Предложил жесткие меры борьбы за повышение эффективности производства: упразднение лишних пристроек и надстроек в системе управления, беспощадное сокращение штатов; ликвидация лишних представительств и т. д.

Эти две центральные идеи доклада — отношения с крестьянством и развитие промышленности — станут главными во всей экономической политике партии, по крайней мере в 20-е годы. Способы их реализации будут разные, но концептуальный подход сохранится.

Единственный, как мне представляется, тактический просчет, который допустил Троцкий в глубокоэшелонированной и маневрен-

ной, незаметной со стороны борьбе за лидерство — вот где опять сказалась его натура, неумение до конца выдержать заданный самим же и выгодный для него тон выступления,— это осторожная — чуть-чуть, слегка — критика Зиновьева. Он, по мнению Троцкого, допустил в отчете неточную формулировку «по вопросу о победах наших над нэпом», которая могла привести к недоразумениям.

В чем суть? Зиновьев в отчете ЦК тоже весьма мягко даже не покритиковал, а просто выразил удивление — так же особенность политического стиля конкретного деятеля! — почему Предсовнаркома Украины Раковский в одном из выступлений посчитал, что, подняв сахарную промышленность в республике, «мы тем самым одержали лучшую победу над нэпом». В словах Раковского Зиновьев усмотрел присущий, по его словам, «всем нам» недостаток, заключавшийся в том, что нэп смешивали с нэпманом. А это не совсем так. Поэтому будет лучше, если условиться говорить вместо сокращенного «нэп» полное его название — «новая экономическая политика». Он считал, что так звучало серьезнее и лучше.

Не эти терминологические тонкости задели Троцкого. Ему не понравилось, что Зиновьев, пусть и эзоповым языком, но пожурил Раковского для того, чтобы лишний раз напомнить о плодотворности нэпа в смычке с крестьянством и методов, которые до сих пор применялись. Возражая Зиновьеву, Троцкий заявил: «Я думаю, формулировка тов. Раковского более правильна и теоретически, и политически. Тов. Раковский сказал оппозиционерам (речь шла о представителях «рабочей оппозиции»; кстати, когда касалось не его самого, а кого-то другого, Троцкий не стеснялся вешать ярлык «оппозиционер».— *Н. В.*): «Вы боитесь нэпа, стихии рынка, но когда мы имеем успех в сахарной промышленности, производим больше сахара и лучшего качества и выгодно продаем его, то этот успех на почве нэпа есть в то же время удар по нэпу». И затем Троцкий продолжил: «Новая экономическая политика нами установлена всерьез и надолго, но *не навсегда* (выделено мной.— *Н. В.*). «Новую» политику мы завели для того, чтобы на ее основе и в значительной мере ее же методами победить ее. Как? Умело пользуясь действием законов рынка, опираясь на эти законы, вводя в их игру аппарат нашего государственного производства, систематически расширяя плановое начало». Закончил свою мысль Троцкий совсем неожиданно: «В конечном счете это плановое начало мы распространим на весь рынок, тем самым поглотив и уничтожив его. Другими словами, наши успехи на основе новой экономической политики автоматически приближают ее ликвидацию, ее замену *новейшей* экономической политикой, которая будет социалистической политикой».

Заявление Троцкого о готовившейся замене нэпа новейшей экономической политикой, в основе которой лежало бы плановое начало и ликвидация рынка, то есть вся с таким трудом налаженная система хозяйствования, не на шутку встревожило руководство партии. Особенно в контексте со следующим положением доклада:

«Стихией нэпа мы не овладели, и мы не знаем, что несет она нам через год, два или пять лет» [2].

Вот вам и проповедник нэпа! Позиция Троцкого не оставляла сомнений в его непримиримости к нэпу. Вот лишь некоторые выдержки из его выступлений. В статье «Мысли о партии»: «...во всем мире еще идет борьба. И она в любой момент может перекинуться на нашу территорию, или *наша прямая помощь* (выделено мной.— *Н. В.*) может потребоваться» [3]. Из статьи «Малое и большое»: «Вся наша нынешняя хозяйственно-культурная работа есть не что иное, как приведение себя в некоторый порядок меж двух боев и походов. Главные бои впереди, и, может быть, не так уж далеко» [4]. Из книги «Литература и революция»: «Пришел нэп. Пришел и уйдет... Нэп есть излучина революционной траектории... кратковременная остановка на станции, которая служит для того, чтобы набрать воды и поднять пары» [5].

Троцкий был последовательным в отстаивании своих взглядов на нэп. Поэтому считать его позицию в этом вопросе равнозначной позиции Ленина, как это делают некоторые историки, например И. Пантин и Е. Плимак, по меньшей мере опрометчиво [6]. То, что не заметили эти исследователи — противоречивость заявлений Троцкого о нэпе,— обнаружили руководители партии. Отсюда становятся понятными, на первый взгляд, нудные из-за частых переносов, бесконечных препирательств и взаимных подозрений, состоявшиеся накануне открытия XII съезда дебаты по тезисам Троцкого о промышленности.

Они обсуждались на пяти заседаниях Политбюро в феврале, марте и апреле и на двух пленумах ЦК в феврале и марте 1923 г. В обсуждавшемся тексте Троцкого нет словосочетания «диктатура промышленности». И это сегодня кое-кто склонен расценить в его пользу, как доказательство отсутствия в его позиции какой бы то ни было «диктатуры». В таком подходе упускается из виду сам характер троцкистских тезисов, которые в отношении крестьянства были именно диктаторскими без всяких кавычек. Покажу это на примере.

В первом разделе тезисов «Общая роль промышленности в социалистическом строительстве» утверждалось: «Взаимоотношение, какое существует у нас между рабочим классом и крестьянством, опирается, в последнем счете, на взаимоотношение между промышленностью и сельским хозяйством». Отмечая первостепенное значение развития сельского хозяйства для подъема страны, автор считал — и это весьма существенно,— что подавляющая масса сельскохозяйственных продуктов длительное время будет производиться мелкими товаропроизводителями. Это, естественно, затруднит участие в этом производстве государства. По отношению к сельскому хозяйству его деятельность в течение долгого периода будет «иметь преимущественно вспомогательный, хозяйственно-педагогический характер». Стало быть, сельское хозяйство останется более или менее независимым от государственного воздействия. Поэтому-то от крестьянства и можно было ждать какого угодно «подвоха».

Иное дело — промышленность. Свое руководящее положение рабочий класс в конечном счете способен обеспечить не столько

через государственные и партийные органы, армию, сколько через промышленность, которая служит естественным резервуаром сохранения и воспроизводства самого пролетариата. «Партия, профессиональные союзы, союзы молодежи, наши школы и проч. имеют своей задачей воспитание и подготовку новых поколений рабочего класса,— утверждалось в тезисах.— Но вся эта работа оказалась бы построенной на песке, если бы не имела под собой растущей промышленной базы. *Только развитие промышленности создает незыблемую основу пролетарской диктатуры*» [7] (выделено мной.— *Н. В.*).

В тезисах ставка делалась не на совместное, а на раздельное развитие промышленности и сельского хозяйства, но предпочтение отдавалось промышленности. Именно так расценили сказанное Троцким другие руководители. Входивший в комиссию по окончательной доработке тезисов Ф. Дзержинский отметил: «Я опасаюсь, что при настоящем положении Советской России идея диктатуры промышленности над сельским хозяйством с надеждой на базу для промышленности на иностранный капитал — чревата огромными политическими опасностями» [8].

Тезисы Троцкого, не во всем совпадая с предложениями «левых» экономистов, все же были близки к ним. Например, к теории первоначального социалистического накопления Е. Преображенского, в соответствии с которой крестьянство должно было в принудительном порядке отдавать часть своих накоплений на развитие тяжелой промышленности.

Троцкий с присущей ему болезненной реакцией на критику не проявлял должной тактичности к своим оппонентам. Он отвечал крайне резко, не стесняясь в выборе выражений. Например, одну безобидную поправку Каменева о необходимости более внимательного отношения к нуждам сельского хозяйства Троцкий оценил как «провокационную». Позднее он в этом усмотрел даже попытку противников обвинить его в недооценке крестьянства.

Повторялась ситуация кануна дискуссии о профсоюзах, когда, допустив ошибку, Троцкий, вместо того чтобы преодолеть ее, стал настаивать на ней, что не могло не обернуться новым обострением внутрипартийных разногласий. Чем непримиримее оказывался Троцкий в защите своей позиции, тем яростнее становились его выпады против других руководителей. Троцкий не собирал вокруг себя партийцев, а расталкивал их, делая противниками даже тех, кто, в общем-то, относился лояльно к нему лично. На роль организатора он не годился. Допускавшиеся один за другим тактические промахи показывали его неприспособленность к осадной внутрипартийной борьбе. Он был и остался метеором: мог ярко блеснуть словом, жестом, позой, ко всеобщему восхищению высказать дельное предложение и — тут же погаснуть.

Не исключено, что на скоропалительности поступков Троцкого, отсутствии у него «второго дыхания», необходимого в изматывавшей физические и духовные силы борьбе за лидерство, сказались последствия недуга. С весны 1920 г., признавался Троцкий, «я начал серьезно лечиться» [9], естественно, не уточняя от чего.

В истории партии болезнь ее руководителей на определенных этапах играла чрезвычайно важную роль. Болезнь нередко становилась реальной участницей конкретной ситуации, во многом способствовала ее формированию, влияла на выбор средств и способов решения возникавших проблем и противоречий в руководящем ядре. Достаточно вспомнить болезнь Ленина с декабря 1921 г. по октябрь 1922 г., когда была ограничена его дееспособность, и затем с декабря 1922 г., когда он вынужден был постепенно отойти от дел. Именно в этот период началось дистанцирование от Ленина группы руководящих деятелей во главе со Сталиным и Зиновьевым.

Только один пример. В марте 1923 г. Каменев готовился к отъезду на партийную конференцию в Тбилиси. Троцкий, который, как и Ленин, в этот момент болел, пригласил Каменева к себе на кремлевскую квартиру. Они договорились о характере выступления Каменева, в частности по «грузинскому инциденту». Каменев обещал поддержать Ленина. По пути в Тбилиси он из телеграммы Сталина узнал о резком ухудшении здоровья Ленина. Его реакция была мгновенной — на конференции выступил с противоположных, чем обещал Троцкому, позиций.

Болезнь, несомненно, помешала Троцкому раскрыть весь свой потенциал, особенно на начальном этапе дискуссий в 1923—1924 гг., когда не только формировались позиции боровшихся в Политбюро и ЦК групп, но и определялось отношение к ним всей партии и трудящихся масс.

В декабре 1923 г. накануне XIII партконференции, намеченной на январь, внутрипартийная дискуссия достигла апогея. Каждый человек, способный вести публичные дебаты, был наперечет. Что же происходит с Троцким?

8 января 1924 г. в «Правде» появился бюллетень о состоянии его здоровья. Бюллетень был датирован 31 декабря и подписан кремлевскими врачами Ф. Гетье, О. Ферстером и наркомздравом Н. Семашко: «Л. Д. Троцкий 5 ноября текущего года заболел инфлюэнцией с катаральными явлениями со стороны верхних дыхательных путей; последние вскоре прошли, однако лихорадочное состояние, не превышающее 38°, длится до настоящего времени. При объективном исследовании констатируется похудание, побледнение, уменьшение работоспособности, понижение аппетита; при исследовании внутренних органов отмечается увеличение бронхиальных желез, вызванное указанной инфекцией».

Следовало такое предписание: «Ввиду затяжного течения болезни, могущей принять более резкую форму при местных климатических условиях, мы считаем необходимым предоставить больному немедленно отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей для специального климатического лечения на срок не менее двух месяцев».

Так вот забавляли в те времена читающую публику. Отчего столь жестко говорю об этом? Да потому что уверен — медицинское освидетельствование и публикацию бюллетеня Троцкий скорее всего сам организовал. Причем, как всегда, сделал это неряшливо —

ну, некогда человеку было думать о всяких мелочах! Указанная в бюллетене дата начала заболевания — 5 ноября — не стыковалась с собственными заявлениями Троцкого о невозможности из-за болезни присутствовать на пленуме ЦК 25 октября, однако же прибывшего на пленум 26 октября и даже выступившего с большой речью.

Это разночтение дат тут же уловил наблюдательный Сталин. 17 января на третьем, вечернем заседании XIII партконференции в речи о партстроительстве в своей типичной манере, задав вопрос, за кого стоит Троцкий — за оппозицию или ЦК, Сталин заметил: «Дискуссия ведется не для уверток, а для того, чтобы прямо и честно выложить всю правду перед партией, так, как умеет это делать Ильич, так, как обязан это сделать каждый большевик».

Сталин знал, как ставить вопросы: раз Троцкий честно не сказал, за кого он стоял в дискуссии, значит, подразумевалось, что он, во-первых, не следовал примеру Ленина и, во-вторых, не был настоящим большевиком. В доказательство своего силлогизма Сталин использовал следующий знаменательный из-за темы нашего разговора аргумент: «Говорят, что т. Троцкий серьезно болен. Допустим, что он серьезно болен (значит, сам Сталин в это не верил.— *Н. В.*). Но за время своей болезни он написал три статьи и четыре новые главы сегодня вышедшей его брошюры («Новый курс».— *Н. В.*). Разве не ясно, что т. Троцкий имеет полную возможность написать в удовлетворение запрашивающих его организаций две строчки о том, что он — за оппозицию или против оппозиции? Нужно ли доказывать, что это игнорирование воли ряда организаций не могло не обострить внутрипартийную борьбу?» [10]

Умел будущий «вождь народов» использовать любую оплошность соперника и извлекать из нее то, что ему было нужно. Нельзя сказать с уверенностью, знал ли Сталин об истинных причинах недомогания Троцкого. Скорее всего догадывался, что дело не в люмбаго и не в инфлюэнции, а в другом диагнозе, тщательно скрываемом Троцким и его лечащим врачом Гетье. Косвенным подтверждением тому может служить отношение Троцкого к не менее существенному, чем итоги внутрипартийной дискуссии, событию — смерти Ленина.

Троцкий узнал об этом 22 января, т. е. на следующий день после смерти Ильича. Его помощник Сермукс доставил ему в спецвагон, стоявший на станции в Тбилиси, телеграмму-«молнию». Троцкий тут же продиктовал статью «Об умершем», которая вскоре появилась в журнале «Молодая гвардия». В ней были и такие строки: «...мы все, великой милостью истории, родились современниками Ленина, работали рядом с ним, учились у него. Наша партия есть ленинизм в действии, наша партия есть коллективный вождь трудящихся. В каждом из нас живет частица Ленина — то, что составляет лучшую часть каждого из нас» [11].

Хорошие, нужные слова, сказанные к месту и вовремя. Но разве не понятно, что в таких критических ситуациях всякое дело, пусть даже самое незначительное, гораздо важнее любых, пусть и возвышенных слов? Обстоятельства властно требовали присутствия

Троцкого в Москве, на Красной площади. Однако он не поехал на похороны.

Позднее Троцкий обвинил Сталина в том, что тот дезинформировал его, назвал дату похорон на день раньше. Из-за этого Троцкий не выехал в Москву, поскольку не успевал к намеченному сроку.

Все это говорилось и писалось задним числом, поэтому попытка оправдаться немного стоила. Допустим, что Троцкий не смог прибыть точно к назначенному времени похорон, а приехал бы днем позже. Разве кто-нибудь осудил его за это? Кстати, никто ведь не осудил Рыкова, болевшего инфлюэнцией и не принявшего личного участия в похоронах Ленина. Пусть Троцкий не проводил бы Ленина в последний путь, но он принял бы участие в выработке решений по преодолению сложившейся чрезвычайной обстановки. Вспомним, как он, получив от Свердлова телеграмму в сентябре 1918 г. о покушении Каплан на Ленина, бросил все на Восточном фронте, где положение сложилось весьма критическое, и выехал в Москву. Троцкий прекрасно отдавал себе отчет в том, кем был Ленин для партии и Советского государства. Но в 1918-м Ленина только ранили, а в 1924-м — он умер. Поэтому ситуация была еще более острой. Как же можно так легкомысленно отнестись к ней, доверившись пусть и генсеку Сталину, но бывшему все-таки одним из руководителей, к числу которых относился и сам Троцкий?

Непростительная ошибка. Это если рассуждать, не зная состояния Троцкого. В том-то и дело, что он, может быть, и смог бы доехать до Москвы, но участвовать в работе партийных и государственных органов, не говоря уже о публичных мероприятиях, он был неспособен именно физически. «В Сухуме (куда Троцкий проследовал по предписанию врачей.— *Н. В.*) я лежал долгими днями на балконе лицом к морю...— писал Троцкий.— Я перебирал в уме этапы своей жизни, встречи с Лениным, расхождения, полемику, сближение, совместную работу... Вместе с дыханием моря я всем существом своим ассимилировал уверенность в своей исторической правоте против эпигонов...» (он имел в виду Сталина, Зиновьева и других.— *Н. В.*). Спрашивается, кого эти напыщенные «наполеонизмы» могли убедить тогда, когда они писались, а тем более сегодня, когда известна цена, в которую они обошлись Троцкому, не поехавшему на похороны Ленина?

Да, недугом Троцкого беззастенчиво пользовались его противники. Ну а сам он поступал иначе, хотя бы в отношении того же Ленина? Разве принимал во внимание состояние здоровья Ленина, во всем и безраздельно поддерживал или, точнее, проводил ленинскую линию? Нет, конечно.

Так же как у Сталина, Зиновьева, Каменева, т. е. «тройки», у Троцкого были свои осведомители, сообщавшие о тех секретных политических решениях, которые принимались Лениным в надежде на то, что о них узнает вся партия в положенный срок. Такую информацию Троцкому исправно поставляла Л. Фотиева. Она же, как известно, «обслуживала» и Сталина. Каменева и Зиновьева

информировала М. Гляссер. Затем каждый из них ставил в известность свои кадры.

О состоянии болезни Ленина Троцкого держал в курсе лечивший его Ф. А. Гетье. Он имел доступ к Ленину даже тогда, когда тот не допускал к себе других врачей. Благодаря Гетье, с которым Троцкий состоял в личной дружбе, «мы,— писал он,— всегда имели наиболее добросовестные и продуманные отзывы о состоянии Владимира Ильича, дополнявшие и исправлявшие безличные официальные бюллетени». «Не раз я допрашивал Гетье о том, сохранит ли, в случае выздоровления, ленинский интеллект свою силу? — писал Троцкий.— Гетье отвечал примерно так: увеличится утомляемость, не будет прежней чистоты работы, но виртуоз останется виртуозом». По мере обострения болезни Ленина, при посредничестве Гетье Троцкому становилось все очевиднее, что ленинский интеллект может и не сохраниться. Как прогнозы Гетье отражались на политическом поведении Троцкого? Самым непосредственным образом. Происшедший с Лениным в марте третий «удар» подтолкнул Троцкого к решительным действиям.

Не исключено, что при непосредственном участии Троцкого или с его ведома после опубликования 12 марта правительственного сообщения об обострении болезни Ленина по Москве поползли слухи о том, что именно Троцкий окажется преемником Ленина. Впоследствии Троцкий немало потратил слов, чтобы опровергнуть свои претензии на «заместительство» Ленина, доказать свою безучастность к борьбе за первенство в партии и государстве. Разумеется, это не более чем слова. Вот лишь некоторые доказательства.

14 марта в специальном номере «Правды», приуроченном к 25-летию I съезда РСДРП, вместе со статьями руководителей партии и государства была опубликована и статья Радека «Лев Троцкий — организатор победы», в ней Троцкий восхвалялся как руководитель Красной Армии и Советского государства. До тех пор, пожалуй, никто еще не позволял себе так писать о нем. Радек писал о Троцком исключительно в превосходной степени, не иначе как о «великом умственном авторитете», «великом представителе русской революции». Превозносились его «гениальное понимание» военных вопросов, «организаторский гений» и проч. Статья изобиловала выражениями вроде «партия и с ней ее вождь Л. Д. Троцкий», «стальная фигура Троцкого», «знаменосец вооруженного трудового народа» и т. п. Заканчивалась она таким панегириком Троцкому: «Он был всем в одном лице», его «труд и дело... будут предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира».

Статья не могла не вызвать настороженности и озабоченности других руководителей. Их тревога, в особенности членов «тройки», по поводу откровенно заявленной претензии выдвинуть Троцкого на роль лидера партии и государства, усиливалась и еще одним важным обстоятельством. Как выяснилось, содержание «Письма к съезду» с характеристиками личных качеств и политической позиции шести видных деятелей партии, которое Ленин требовал хранить в

тайне, через Фотиеву стало известно не только «тройке», но и Троцкому, а от него — его сторонникам, о чем свидетельствовала статья Радека. Ее автор вряд ли решился бы на такие славословия Троцкому, не будучи знаком с ленинской оценкой Троцкого, как самого способного человека в том ЦК. Для утверждения этого мнения и была написана статья Радека, которая не имела ни малейшего отношения к теме юбилейного номера «Правды».

Дальше. В № 1—2 (январь — апрель) 1923 г. журнала «Сибирские огни» появляются воспоминания Е. Ярославского о первой сибирской ссылке Троцкого. Выяснилось, что и Ярославский тогда находился где-то рядом с Троцким. Во время работы над воспоминаниями он обращался к Троцкому за некоторыми разъяснениями. Тот 25 августа прислал ему письмо с рассказом о своем пребывании в Усть-Куте. Письмо также опубликовано в журнале «Каторга и ссылка» (№ 5, 1923 г.— *Н. В.*).

Воспоминания были выдержаны в том же духе, что и статья Радека. Гений Троцкого, считал автор, вырос и развился за годы пролетарской революции. Но и в раннюю пору деятельности Троцкого в нем проявились яркий талант и глубочайшее дарование. Те минутные заблуждения и искания, которые уводили на некоторое время в сторону от магистрального пути революции, только придали значение и важность его последующей революционной деятельности. «Вероятно, многие видели довольно распространенный снимок юноши Троцкого, когда его отправляли в первую ссылку в Сибирь; эта буйная шевелюра, эти характерные губы и высокий лоб... Перед нами был глубочайше преданный революции человек, выросший для роли трибуна, с остро отточенным и гибким, как сталь, языком, разящим противников, и пером, пригоршнями художественных перлов рассыпающих богатство мысли»,— пел соловьем Ярославский.

По-моему, так не писали даже о Сталине в пору расцвета его культа личности. А о Троцком, как видим, писали. И не только Радек с Ярославским. Не устоял и нарком просвещения Луначарский. С той лишь разницей, что, как ровесник Троцкого, был несколько сдержаннее. Троцкий человек колючий, повелительный, считал Луначарский. Только по отношению к Ленину после слияния («межрайонцев» с РСДРП(б).— *Н. В.*) он всегда проявлял трогательную и нежную уступчивость и со скромностью, характерной для подлинно великих людей, признавал его приоритет. «Не надо думать, однако, что второй великий вождь русской революции во всем уступает своему коллеге; есть стороны, в которых Троцкий бесспорно превосходит его: он более блестящ, он более ярок, он более подвижен» [12].

Даже сам Троцкий постеснялся потом включить эти слова в отзывы о нем, помещенные в «Сталинской школе фальсификаций». Ему, привыкшему к славословиям и почестям в годы своего всесилия, было неловко читать несколько лет спустя подобные дифирамбы. Процитировав эти высказывания в «Сталинской школе...», которая вышла в 1932 г., когда указанные лица наговорили много вздорного о Троцком, он заметил: «Что это за люди, которые умеют и так и этак, выполняя социальный, то бишь секретарский, заказ!» [13]

Да, в начале 1930-х эти люди выполняли «секретарский», то есть сталинский, заказ, обливая грязью Троцкого. А чей заказ они же выполняли в 1923 г.? Почему сам Троцкий и другие любители истины об этом предпочитали помалкивать? Наверное, потому что ими в ту пору делалась ставка на Троцкого.

В доказательство приведу письмо А. А. Иоффе Зиновьеву, написанное 23 января 1924 г. Оно нигде не публиковалось. Его оригинал находится в фонде Зиновьева в Центральном партархиве. Это тем более существенно, поскольку писалось оно не для публики и напоминает скорее инструкцию, как Зиновьеву надлежало поступить.

Только что оправившись от острейшего сердечного приступа, Иоффе спешил вразумить своего эмоционального товарища. «Дорогой Гр[игорий] Евсеевич...— писал он,— как ни тягостно это субъективно, но вопрос о Предсовнаркома встает с чрезвычайной неотложностью и важностью. Я полагаю, что было бы весьма рискованным и неудачным пытаться заменить Ленина одним лицом, и это потому необходимо теперь создать не председателя Совнаркома, а президиум. Хотя по-прежнему все важные вопросы будут решаться не в Совнаркоме, а в Политбюро — это необходимо для народа и для заграницы прежде всего, чтобы сразу же дать понять, что Ленина и не пытаются заменить. Единственной возможной комбинацией такого президиума была бы: Троцкий, Зиновьев, Каменев. Она имеет только тот минус, что все три евреи, но она единственно возможная... Если бы эта комбинация не удалась (а это было бы печально, то Троцкого в случае отказа от этой комбинации следовало бы обязать согласиться), то пришлось бы вернуться к идее единоличного Предсовнаркома и тогда первым кандидатом должен был бы быть Троцкий, вторым — Вы и третьим — Каменев. Иных кандидатов быть не может. С ком[мунистическим] приветом. Ваш Иоффе» [14].

Такое вот письмо. Вряд ли Иоффе решился бы написать его Зиновьеву, если бы выражал только свои личные взгляды на данный вопрос. Скорее всего до Зиновьева доводилось решение более авторитетной группы лиц, к которым, возможно, принадлежал Иоффе. Становятся понятными мотивы отказа Троцкого еще живому Ленину быть его замом в Совнаркоме, как и отказ в 1923 г. уже Политбюро перейти на работу в Совнарком. Как видно из письма Иоффе, операция замышлялась гораздо масштабнее. Причем ее инициаторы практически не сомневались в успехе задуманного, раз Иоффе писал такие письма Зиновьеву, который неделей раньше, сперва на пленуме ЦК, а затем на XIII партконференции, критиковал Троцкого и троцкизм и приложил руку к резолюции, осудившей троцкистскую оппозицию как «мелкобуржуазный уклон» в РКП(б).

Культ личности Троцкого начал формироваться почти одновременно с культом Ленина, осенью 1918 г. Правда, Ленин как мог сдерживал этот негативный процесс. Троцкий же, наоборот, всячески поощрял. В 1922 г. по распоряжению Троцкого Политуправление Красной Армии разослало партийным, советским, профессиональ-

ным и военным учреждениям на обсуждение проект политического Устава Красной Армии и Флота.

В проекте в § 41 излагалась политическая биография Троцкого. Причем в ней исключались эпизоды из его жизни, которые в невыгодном свете изображали его дооктябрьское прошлое. Подчищались и те грехи Троцкого, которые он успел наделать уже в послеоктябрьский период. Смысл параграфа сводился к тому, чтобы подтвердить его заключительные слова: «Тов. Троцкий — вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии, тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской Республики».

Не знаю, как людям военным, а мне не приходилось читать что-либо подобное в уставах армий других стран.

В 1923 г. город Гатчина, неподалеку от которого в октябре 1917 г. был отражен натиск Керенского (операция, в которой участвовал и Троцкий.— *Н. В.*), а затем здесь же был принят главный удар осенью 1919 г. в борьбе против войск Юденича, переименован в Троцк. Это случилось прежде, чем Петроград стал Ленинградом, Екатеринбург — Свердловском, Елисаветград — Зиновьевском, Царицын — Сталинградом, Тверь — Калинином, Пермь — Молотовом и так далее.

В начале 1920-х книжный рынок страны буквально наводняли опусы вроде брошюры Г. Устинова «Трибун революции (Л. Д. Троцкий)». В ней можно было прочесть: «Троцкий... лицо русской революции. Бледное, белое, матовое лицо. Троцкий — экстракт революции... ее душа. В то время как Ленин — ее кормчий, ее рулевой. Ее разум». Или такое: «О Троцком много ходит рассказов, и все они характеризуют его как человека, обладающего какой-то сверхъестественной волей».

Все-таки Троцкому изменял вкус, когда дело касалось пропаганды достоинств его личности. Всегда сказывался перебор. Это сумел учесть другой, сменивший его вождь — Сталин. Пропаганда его «достоинств» велась без излишеств стиля и экстравагантности.

Совершенно беспрецедентная по своей широте в истории партийных съездов кампания славословий вождей развернулась на XII съезде. Похоже, они соревновались между собой по части изобретательности мер, призванных раскрыть их выдающиеся способности и заслуги перед партией и Советским государством. Дошло до того, что одно из заседаний съезда — тринадцатое — специально посвятили чтению приветствий и всевозможных здравиц по адресу партийного руководства. Славословили имя Ленина, в подавляющем большинстве — Троцкого и затем по нисходящей — Зиновьева, Каменева, Бухарина, Сталина. Подобная последовательность свидетельствовала о том, что Троцкий или, точнее, его окружение быстрее сориентировалось в обстановке, приняв надлежащие меры по обеспечению «стихийного» волеизъявления трудящихся масс. Причем до того это окружение переусердствовало, что не обошлось без явных курьезов.

В президиум съезда поступила выписка из протокола торжественного заседания коммунистов и беспартийных Глуховской ма-

нуфактуры из Богородска (посвященного дню рождения Ленина). Заседали с 8 часов вечера до 2 часов ночи. И в присутствии 1200 человек приняли решение о назначении Троцкого почетным рабочим-прядильщиком. Расценочно-конфликтная комиссия постановила: «Зачислить т. Троцкого почетным прядильщиком Глуховской ф-ки с 23 апреля с. г. (1923 г.— *Н. В.*) и назначить тарифную ставку по седьмому разряду, руководствуясь тарифом союза текстильщиков.

Председатель Квасман. Секретарь Казас» [15].

Неизвестно, получал ли Троцкий назначенный ему оклад. Этот «опыт» потом найдет свое безбрежное применение и в 30-е и в последующие 40—80-е годы, когда вожди партии будут почетными шахтерами, металлургами, комбайнерами. Но не забудем даты, когда зародился этот бесценный «опыт», и имени его родоначальника. Если и не поучительно, то по крайней мере забавно.

Помимо литературной, партийной, военной была еще одна сфера, работавшая на создание образа вождя Троцкого,— изобразительная. В начале 20-х годов выставочные залы Москвы, Петрограда и других художественных центров страны начали заполняться его скульптурами, портретами — в рост и в пояс, в шинели и без, во френче и сапогах, в стиле ретро и модерн, фресками, фотографиями, плакатами и всем, что только могло нести изобразительную нагрузку. Часть из этих изображений, разумеется, самую что ни на есть ничтожную, мы поместили в этой книге. Но и она дает представление о характере образа «второго вождя»: величаво-решительном, мудро-задумчивом, когда речь шла о ратных подвигах и задушевно-доброжелательном в кругу своей семьи и близких.

В создании образа Троцкого — «героя революции и гражданской войны», «любящего отца семейства» участвовали английская художница Клер Шеридан, отечественные умельцы, ставшие не без помощи Троцкого «придворными» специалистами: кубо-футурист Юрий Анненков и реалист Натан Альтман, плакатист Давид Моор и фотограф Моисей Наппельбаум, которые позднее прославляли других вождей. Кстати, Наппельбаум, безбедно проживший до 1958 г., сделал головокружительную карьеру от копировальщика фотоателье в Минске до учредителя «первой государственной фотографии» (она и сейчас существует в одном из подъездов ГУМа на Красной площади), где фотографировались люди, составлявшие «элиту общественной и духовной жизни страны».

В 1923 г. одновременно с изданием Собрания сочинений Ленина под редакцией Каменева начинается издание Собрания сочинений и Троцкого. В Собрание предполагалось включить 23 тома в 27 книгах, на семь томов меньше, чем ленинское, но на один том больше, чем Собрание сочинений Зиновьева, и на восемь — Каменева. Правда, реализовать задуманное сполна не удалось. До конца 1927 г., когда издание было прекращено, успели выпустить 14 томов в 17 книгах, т. е. чуть больше половины намеченного.

Наконец, напомним, что 27 января 1924 г., в день похорон Ленина, стоявший на Неве миноносец «Троцкий» подобно крейсеру «Аврора» дал пушечный залп в честь вождя мирового пролетариата.

Так что о памяти Троцкого, даже в его отсутствие, заботились не меньше, чем о памяти Ленина.

Неизвестно, чем при жизни Ленина обреченный на вторые роли вождь больше дорожил: образом, созданным его сторонниками, или действительной карьерой партийного и государственного руководителя. Если все перечисленные факты не свидетельствуют о стремлении Троцкого стать *первым,* то что бы они означали?

По крайней мере на том этапе у «тройки» были все основания видеть главную опасность своему лидирующему положению именно в лице Троцкого. При этом меньше всего они были заинтересованы в борьбе с ним на платформе ленинского «Письма к съезду». Троцкий оказался единственным из членов Политбюро и Президиума ЦК, кто на предложение Зиновьева о публикации ленинского «завещания» высказался «за», «если нет каких-либо формальных причин, препятствующих этому». Все остальные — Каменев, Зиновьев, Сталин, Томский, Бухарин, Рудзутак, Молотов, Куйбышев, Сольц выступили против придания гласности ленинских документов[16].

Однако Троцкий не проявил настойчивости в огласке «завещания». Промолчал он по этому важнейшему вопросу на XII, а затем и на XIII съездах партии. На последнем ленинские документы рассматривались не на пленарных заседаниях, а по делегациям, что фактически и стало одной из причин игнорирования указания Ленина.

Троцкий с Крупской оказали Сталину еще одну неоценимую услугу. На страницах журнала «Большевик» они опровергли распространявшиеся в зарубежной печати сообщения о том, что ЦК скрыл от партии ленинское «завещание». Причем Троцкий выглядел здесь своеобразным политическим Хлестаковым, запутавшимся в собственных словах. Дело в том, что утечка информации за границу, о чем прекрасно было осведомлено Политбюро, оказалась делом рук Троцкого, действовавшего через М. Истмена. В газете «Нью-Йорк таймс» 18 октября 1926 г. появился английский перевод «завещания», довольно точно передававший его содержание. В сентябре 1925 г., вопреки фактам, Троцкий писал: «Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключает возможность такого «завещания»... Под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка»[17].

Сам Троцкий тоже имел причины в борьбе за лидерство не опираться на «Письмо к съезду». Соперники наверняка вытащили бы на свет не только его «небольшевизм», но ряд явно непродуманных заявлений в письмах в ЦК, относящихся к февралю — марту 1923 г. Например, возражения против содержащегося в «Письме» требования расширить состав ЦК до 50 и более человек. В письме от 13 февраля Троцкий утверждал, что если это произойдет, то ЦК

лишится необходимой оформленности и устойчивости. Взамен он предложил создать Совет партии, в который бы вошли все члены ЦК и кандидаты, члены ЦКК и десятка два особо избранных членов Совета. Ясно, что все эти предложения преследовали цель укрепить руководящий партийный орган своими сторонниками или, на худой конец, несколько потеснить позиции «тройки».

На это была и соответственная реакция. 15 февраля 1923 г. Бюро Секретариата ЦК разослало указанное письмо Троцкого всем членам Политбюро. Оно было рассмотрено на февральском Пленуме ЦК и отвергнуто. Это, естественно, не устроило Троцкого. 6 марта он вновь внес в Политбюро предложение уже не против расширения состава ЦК, а о его сокращении. Из членов Политбюро Троцкого поддержал лишь Рыков[18]. Не прошли призывы Троцкого к Политбюро и Оргбюро ЦК отказаться «от секретарского дерганья и господствующей системы работы».

8 и 24 октября 1923 г. Троцкий направил в ЦК свои знаменитые письма. В промежутке между этими датами, 15 октября, появилась не менее знаменитая «платформа-46», получившая редакторский глянец в кремлевской квартире Троцкого. Поэтому у партийных верхов были все основания рассматривать эти документы в связке. Сперва бюро МК и Президиум ЦКК с некоторыми оговорками, а затем без всяких оговорок определили эти материалы как «платформы для дискуссии вне пределов ЦК и ЦКК»[19].

Одним из тех, кто подписал решение Президиума ЦКК, был Ярославский, который, как помнит читатель, каких-нибудь полгода назад восторгался революционным гением Троцкого. Действительно, беспринципность таких, как Ярославский, фигур стала одной из немаловажных причин драматической ситуации, в какой оказалась в конце 20 — начале 30-х годов правящая партия. Следует сказать, что, если участвовавших во внутрипартийной борьбе той поры лиц оценивать по общепринятым человеческим меркам, мы ничего не поймем ни в причинно-следственных связях, породивших эту борьбу, ни в ее важнейшем компоненте — личностном. Эта борьба стала специфическим общественным, общепартийным феноменом, действующим лицом которого был весьма своеобразный человеческий материал. Не всякая генерация способна на такую борьбу, да и не во всякий период истории партии она была бы возможна.

Бесспорно, сильной стороной платформы оппозиции была критика деятельности Политбюро и ЦК партии, критика беспощадная, личностная и потому несшая в себе мощный заряд разрушения всего, что с таким трудом, ценой напряженной работы, начатой еще при Ленине, удалось достичь. Хотя для полноты картины хотелось бы уточнить: ни Троцкий, ни близкие ему по духу авторы «платформы-46» не сказали ничего такого, чего бы не знали и на что не обращали внимание другие руководители. Например, Дзержинский на одном из многочисленных собраний откровенно заявил, что «мертвенность партии, мертвенность внутренней ее жизни, господство назначенства вместо выборности становятся политической опасностью и парализуют нашу партию в деле политического руковод-

ства рабочим классом»[20]. То, что письмо Троцкого и «платформа-46» не публиковались открыто в печати, происходило не по причине какого-то сверхъестественного положения дел, а из-за личных нападок на группу руководителей — Сталина, Куйбышева, Ворошилова и других, которые через несколько лет стали «непререкаемыми».

Что еще важно иметь в виду. В отличие от Троцкого и его единомышленников, такие критики, как Дзержинский, не просто «сеяли смуту», но делали все от них зависящее, чтобы ликвидировать почву для этой смуты. Избыток слов и явный дефицит дела, причем не из-за того, что кто-то мешал, а потому, что просто не знали, что и как надо было сделать,— такова оборотная сторона платформы оппозиции. Весь запал Троцкого свелся к требованию произвести перегруппировку партийных сил[21]. Не густо. Фактически он выдвинул тот же, что и в дискуссии о профсоюзах, но в несколько видоизмененной форме метод «изменения к лучшему» путем перетряхивания партийных органов, а значит, и кадров. Стоило ли ради этого огород городить? Предлагая массам такие методы, вряд ли можно вдохновить их на энергичные действия. Тем более под руководством тех самых сил, которые Троцкий предлагал «перегруппировать» или «перетряхнуть», что одно и то же.

Собственно говоря, отмеченная выше двуликость — сильный, критический потенциал и почти полное отсутствие методов реализации этих критических замечаний — была свойственна платформам всех последующих оппозиций. Поэтому, с одной стороны, каждая новая оппозиция не могла не привлекать к себе взоры недовольных, а с другой — не раздражать своей недосказанностью, половинчатостью, недодуманностью, если угодно, непрактичностью. Вот эта изначальная нереализуемость заявок, помноженная на громадную амбициозность их авторов, нередко оборачивалась обыкновенным сведением счетов, лишала эти платформы политической перспективы.

Надо ли удивляться, что большинству Политбюро и ЦК не составило особого труда погасить «вспышкопускательство» Троцкого и его единомышленников. Состоявшийся 25—27 октября Пленум ЦК РКП(б), на который пригласили представителей от десяти крупнейших в стране партийных организаций и большую группу подписавших «платформу-46», принял следующее решение:

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
1. О внутрипартийном положении в связи с письмами Троцкого.	1. Принята резолюция об ошибочности выступления т. Троцкого и о правильности линии Политбюро, Оргбюро и Секретариата большинством 101 против 2 при 10-ти воздержавшихся[22].

На Пленуме Троцкий выступил с большой речью, записанной Бажановым. Ее рукопись, как и рукопись выступления Сталина, хранящиеся в Центральном партархиве, пожалуй, и все, что осталось от этого Пленума, поскольку стенограммы других выступлений не велось. Впервые речь Троцкого опубликована в журнале «Воп-

росы истории КПСС» (1990. № 5). Он фактически дословно повторил свои контраргументы против большинства ПБ и ЦК, содержавшиеся в его письмах от 8 и 24 октября. Никаких новых предложений им внесено не было. По всему ощущалось, что, обвиняя большинство ПБ и ЦК в зажиме демократии, Троцкий меньше всего был расположен действительно к исправлению сложившегося нетерпимого положения. Иначе он вряд ли бы «обиделся» на выступавших до него М. Фрунзе, Г. Петровского и других участников Пленума, которые поставили ему в упрек чрезмерные пристрастия к «демократизму». «Создалось такое положение, что Троцкий выступает, и, между прочим, выступает за «демократизм», — возмущался он.— Вы, товарищи, прекрасно знаете, что я никогда не был «демократом»[23].

Упрекая большинство ПБ и ЦК в свертывании внутрипартийной демократии, Троцкий заботился отнюдь не о всей партии. Его прежде всего беспокоило собственное положение, и он готов был ограничиться признанием за большинством ПБ и ЦК такого же права на выражение своих взглядов и участия в принятии ключевых политических решений, каким располагала «тройка». И здесь Троцкий руководствовался вовсе не общепартийным, а сугубо личным интересом. «Так даже кандидат в «диктаторы» Троцкий,— как остроумно заметил Ф. Дан,— попал неожиданно в сторонники «демократии»! [24] «Стоит ли удивляться тому, что на первом этапе дискуссия носила локальный, что называется, аппаратный характер. Эту ее черту выделил и сам Троцкий, когда в очередном письме в ЦК, выражая несогласие с решением октябрьского Пленума, назвал его «высшим выражением аппаратно-бюрократического курса»[25].

Казалось бы, инцидент исчерпан. Мозговая атака на большинство ПБ и ЦК не удалась. Но, как выяснилось, большинству рано было бить в литавры. В пылу спора из поля зрения обеих сторон «выпали» партийные массы, ради которых и велись эти споры. Пока шла верхушечная возня, развернулось брожение в низах. Рядовых партийцев явно не устроили, мягко говоря, лаконичные решения октябрьского Пленума ЦК. Их справедливо беспокоили продолжавшийся экономический кризис, ухудшение политической ситуации в стране и в самой партии.

Да и как могло быть иначе, если партии по-прежнему, несмотря на нэп, приходилось вести трудную, изнуряющую нравственно и физически работу, оставаясь в удручающем одиночестве, точно островок в безбрежном море мелкобуржуазной стихии. Это состояние тревоги и недоумения — «зачем, до каких пор?» — весьма образно выразил Каменев в одном из бесчисленных выступлений перед партактивом. «Когда я перейду к экономической части нашей политики,— говорил он 7 января 1924 г.,— вы увидите, что я не напрасно пугаю, что мы находимся в положении военного лагеря внутри страны, которая еще не пришла к мирному состоянию, несмотря на внешнее замирение». И затем: «Мы сейчас перешли от сопоставления штыков и пулеметов к сопо-

ставлению рубля и денег, но война еще не прекратилась. Тот не коммунист, кто не понимает, что мы сейчас другими средствами, но воюем и самая ожесточенная классовая борьба у нас есть»[26].

Пугающие своей безысходностью слова! Быть воюющей партией в собственной стране, думать о штыках и пулеметах, живя среди своего народа. А тут еще внутренние раздоры и распри. Так недолго потерять положение правящей партии, лишиться власти, за которую отданы миллионы жизней русских, украинских, белорусских, узбекских, казахских и десятков других народов и народностей многонациональной страны, причем жизней лучших, наиболее честных ее представителей. Вот почему, не желая накалять взрывоопасную обстановку, напоминавшую Кронштадт, большинство ПБ и ЦК решило достичь с оппозицией компромисса.

Выполняя постановление октябрьского Пленума ЦК о выработке резолюции по внутрипартийным вопросам, которая получила название «О партстроительстве», ПБ привлекло к этому делу и Троцкого. При этом было проявлено небывалое великодушие: учитывая, что Троцкий продолжал болеть, два заседания ПБ, где обсуждались поправки к проекту резолюции, провели в его квартире. Спорили по вопросу: допустимо ли так трактовать понятие «внутрипартийная демократия», чтобы иметь возможность создания в партии группировок. Вот что свидетельствовал Сталин: «Мы с Каменевым решительно ставили вопрос о запрещении группировок. Троцкий ультимативно протестовал против запрещения группировок, сказав, что он не может голосовать за резолюцию при таком положении вещей. Мы тогда ограничились ссылкой на резолюцию X съезда («О единстве партии».—*Н. В.*), которую тогда Троцкий, по-видимому, не читал, и где говорится не только о запрещении фракций, но и о запрещении группировок»[27].

Решение было принято к обоюдному удовлетворению, поскольку каждая из сторон усмотрела в нем победу именно ее точки зрения. 5 декабря Политбюро единогласно приняло подготовленную Сталиным, Каменевым и Троцким резолюцию «О партстроительстве» (с некоторыми поправками была принята XIII партконференцией). 6 декабря в «Правде» появились статьи Троцкого и Сталина, а 7-го — указанная резолюция. Казалось, можно было облегченно вздохнуть — пронесло. Но не тут-то было.

8 декабря Троцкий обратился с письмом к готовившемуся в Москве совещанию секретарей бюро ячеек РКП(б), в котором разъяснил мотивы невозможности своего присутствия на нем. В день открытия совещания, 11 декабря, это письмо появилось в «Правде». По форме оно представляло как бы комментарий к принятой резолюции. Но в том-то и дело, что это был именно комментарий, излагавший, по его мнению, единственно верную трактовку резолюции. Публикация в «Правде» называлась «Новый курс». Тем самым Троцкий демонстративно подчеркнул отличие нового, то есть его, курса от старого, то есть курса большинства ПБ и ЦК. Это было квалифицировано большинством как удар ниже пояса.

В тот же день, Зиновьев и выступил на том собрании бюро ячеек и активных работников Московской организации, где дал отпор претензии Троцкого на единоличное толкование политики ПБ и ЦК.

14 декабря за подписью Сталина ЦК РКП(б) выступил с обращением к парторганизациям страны «О проведении дискуссии». В нем ЦК признал своевременным углублением расширение рабочей демократии в области внутрипартийного строительства, отметил, что суть этих изменений изложена в упомянутой выше резолюции и подробно освещена в докладах членов ЦК. Тем самым давалось понять, что трактовка резолюции по партстроительству Троцким была не единственной. В обращении говорилось, что о ходе дискуссии в Москве члены партии регулярно информируются через «Правду». ЦК призвал все парторганизации развернуть обсуждение резолюции по партстроительству, чтобы «захватить всю массу партии во всех уголках СССР, не доводя, однако, дела до образования группировок, запрещенных X съездом партии. Губкомы должны не только не тормозить, но всячески способствовать организованному проведению дискуссий в своих губерниях, вовлекая все ячейки в это обсуждение»[28]. 15 декабря в «Правде» с антитроцкистской статьей «О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого» выступил Сталин. 28 декабря в «Правде» появляется первая, хотя и не подписанная, из пяти статей Бухарина, под общим заголовком «Долой фракционность!». Так партия оказалась втянутой в жесточайшую по накалу страстей и ставок дискуссию.

В 1923 г. троцкистский лозунг о «новом курсе» также стал поводом для молодежных выступлений. 10 декабря «Правда» рассказала о собрании крупной ячейки высших технических курсов Наркомата путей сообщения. На нем присутствовало около четырехсот человек — студенты и рабфаковцы. В выступлениях участников собрания утверждалось, что государство уже сдало свои главные позиции частному капиталу и Госплан ведет политику капитуляции перед нэпманом. Так стоило ли идти на новую экономическую политику при таких результатах? Относительно внутрипартийного положения высказывались следующим образом: «У нас в партии 40 000 членов партии с молотками и 400 000 — с портфелями», «ЦК загнал партию в подполье и держит ее там два года». После чего делался вывод: «Наше дело постановлять, а дело ЦК исполнять и поменьше рассуждать»[29].

Настроения нигилизма и «партзакидательства» охватили многие учебные заведения. Вслед за вузами началось брожение в руководящих органах комсомола. В ответ на статью девяти членов ЦК РКСМ (Правда. 1924. 1 января), подписанную П. Смородиным, в которой Троцкий упрекался в том, что «притянул вопрос о молодежи за волосы», восемь членов ЦК комсомола выступили с заявлением, защищавшим Троцкого от нападок «старой гвардии».

Произошла вспышка протеста молодых сотрудников в редакции «Правды». Сочувствовавший оппозиции редактор отдела партийной жизни двадцатитрехлетний Константинов, член партии с июля

1917 г., по настоянию Зиновьева был смещен со своего поста. Пришедший на это место бывший его заместитель двадцатилетний Вигилянский, член партии с 1919 г., также не устроил редакцию. Решили привлечь в отдел сотрудника секретариата Сталина Назаретяна. Вигилянский выступил против этого назначения. «В результате этого конфликта,— сообщалось в резолюции ЦКК,— после 7-часового разговора с т. Бухариным т. Вигилянский взял 2-дневный отпуск для размышления и больше в редакцию на работу не явился».

Встревожил большинство ПБ и ЦК ход дискуссии в Красной Армии. Здесь оппозиция имела поддержку в лице начальника Политуправления (ПУРа) В. Антонова-Овсеенко, его зама И. Н. Смирнова, командующего Московским военным округом Н. И. Муралова. Состоявшийся 12—13 января Пленум ЦКК счел ошибочными попытки ПУРа организовать совещания партработников армии без ведома ЦК; рассылку ПУРом циркуляра от 24 декабря 1923 г. о применении принципов внутрипартийной демократии без согласования с ЦК; вынесение рядом военных ячеек недоверия еще не состоявшейся XIII партконференции [30]. На этой конференции приводились факты, из которых следовало, что Антонов-Овсеенко «недвусмысленно бросает угрозы ЦК, когда цитирует частное письмо, где говорится, что «среди военных коммунистов уже есть разговоры о том, что надо поддержать всем как один т. Троцкого». «Вся армия должна выступить как один в этом направлении». Обращаясь в ЦК, Антонов-Овсеенко требовал осудить «бесшабашные и безыдейные нападки на того... кто в глазах самых широких масс является вождем, организатором и вдохновителем побед революции»[31]. Дело дошло до того, что начальник ПУРа издал приказ по Красной Армии, в котором призвал всех коммунистов голосовать за платформу Троцкого. Не исключено, что в результате этих действий третья часть партийных ячеек Московского военного округа оказалась оппозиционно настроенной к большинству ПБ и ЦК[32].

Вообще надо сказать, что именно в Москве дискуссия достигла особой остроты. Здесь было создано фракционное бюро во главе с бывшим секретарем ЦК Л. Серебряковым. В него вошли Е. Преображенский, Т. Сапронов — лидер «демократического централизма» и другие оппозиционеры. Тем самым произошло оформление оппозиции. Ее деятельность стала гораздо более скоординированной. Оппозиционеры распространяли письма Троцкого, «платформу-46», другие документы, запрещенные ПБ и ЦК, регулярно посещали и выступали со своими взглядами на партийных собраниях.

В ряде случаев верх брали лидеры оппозиции. Например, в Бауманском районе после доклада Каменева предложенную им резолюцию поддержало всего шесть человек, остальные были против[33]. На собрании в Свердловском университете Зиновьев «мог убедиться совершенно неожиданно в росте оппозиции против старого курса». Вузовские ячейки Москвы в подавляющем большинстве голосовали за линию оппозиции, тогда как рабочий класс — наоборот: из 346 рабочих ячеек лишь 67 поддержали оппозицию.

В целом по Москве, согласно подсчетам Сапронова, оппозиция собрала на районных собраниях 36%, на губернской партконферен-

ции — 18% голосов. Выше 30—40, а кое-где по районам, как, например, в Краснопресненском, 50-процентной отметки акции оппозиции не поднимались. Это самый высокий результат, который получила оппозиция по стране. Хотя не исключено, что не поднимались не из-за того, что за них не голосовало больше коммунистов, а по причине системы подсчета голосов, который, как правило, осуществлялся представителями большинства, точнее, партия информировалась о результатах голосования именно этим большинством. А тут не всегда все было благополучно. Уже в 1923 г. в ряде мест — Юзовка, Иваново-Вознесенск — принималась резолюция оппозиции, но сообщения об этом в печати не было.

Помимо Москвы и указанных двух городов, оппозиция имела неплохие показатели в Рязани, Пензе, Калуге, Симбирске, Челябинске [34]. Такое положение Ярославский почему-то связывал с засильем в этих местах «крестьянского фактора». Вот уж к кому оппозиция не имела никакого отношения, так это к крестьянству. Скорее всего ее поддержка в этих местах объяснялась тем, что крестьянство особенно было недовольно экономической политикой РКП(б), ножницами цен. Потому что вряд ли можно представить, что, голосуя за оппозицию, члены партии из крестьян выражали солидарность с ее антинэповской линией.

Факт остается фактом: в 1923 г. впервые в истории партии отмечались случаи подтасовок результатов голосования, искажения информации, дезориентации и другие неблаговидные приемы. Это суждение основано не только на мнении упомянутого Сапронова. На состоявшемся 14—15 января 1924 г. Пленуме ЦК РКП(б) Радек прямо заявил: «...Назаретян вел информацию партии недопустимым образом: я даже не говорю о подлогах, не они для меня были самым важным, а инструкция, данная им, чтобы разделить партию на рабочую и нерабочую часть» [35]. Ни Назаретян, ни Сталин, ни кто-либо другой из большинства ЦК даже не пытались оспорить заявление Радека. Значит, оно соответствовало действительности. Относительно использования ГПУ в этой дискуссии прямых фактов мною не обнаружено, хотя не исключаю, что и они могли быть.

В свою очередь, представители большинства также приводили немало свидетельств, мягко говоря, внеуставных приемов, использованных оппозицией, особенно там, где она брала верх. В Хамовническом районе Москвы представители оппозиции назначили на ключевые посты своих — секретаря РК и заведующего Агитпропом, стали проводить отбор и чистку среди членов райкома, вплоть до увольнения с работы стоявших на платформе ЦК [36].

Обоюдная нечистоплотность подрывала авторитет не столько боровшихся сторон, сколько партии. Значительно снижался теоретический уровень дискуссии, ее роль в поиске эффективных путей выхода из кризиса. Об этом заявляли участники и организаторы дискуссий. Каменев в докладе на XI Московской губпартконференции, состоявшейся 10—12 января, с сожалением констатировал: «Таким образом, дискуссии в смысле сопоставления линий по вопросам внутрипартийной демократии у нас не получилось» [37].

Каждая сторона не столько стремилась к прояснению разногласий, определению сути спорных вопросов, сколько к обвинению другой стороны. Отсюда навешивание ярлыков, приписывание оппонентам того, чего не было, как, например, обвинения оппозиции в меньшевизме, личные выпады, нередко переходившие в оскорбления. «...Я привык разговаривать в ЦК, когда имеется определенная товарищеская обстановка,— жаловался на январском (1924 г.) Пленуме ЦК Г. Пятаков.— Сегодня разговаривать в ЦК, когда с первых же речей многих из нас, отчасти и меня, изображают меньшевиками, причем не в обстановке старого спора большевиков с меньшевиками, а в нынешней обстановке, когда «меньшевик» равнозначно «белогвардеец», являющийся противником рабоче-крестьянской власти,— в такой обстановочке разговаривать по существу нет абсолютно никакой возможности. Поэтому не хочу выступать ни на пленуме, ни на конференции» (речь шла о XIII партконференции.— *Н. В.*) [38]. Это далеко не единичный случай, когда партийцы с дореволюционным стажем, прошедшие не одну дискуссию в партии, уподоблялись малым детям, становясь в позу обиженных, и тем самым самоустранялись от разговора по существу.

Эти и другие отрицательные стороны дискуссии тиражировались и на состоявшейся 16—18 января XIII партконференции. Ее планировалось провести в августе 1923 г. Но по просьбе местных партийных организаций, а мне представляется, скорее из-за аппаратных игр сроки проведения конференции были перенесены. Заодно по образу и подобию октябрьского (1923 г.) Пленума ЦК приняли решение расширить число участников конференции с совещательными голосами от местных парторганизаций [39].

Конференция прошла под диктовку большинства ПБ и ЦК. Попытки Сапронова, Преображенского, Пятакова, Осинского, Радека и других оппозиционеров привлечь внимание к своей платформе практически оказались безрезультатными. При принятии резолюций из 128 делегатов с решающим голосом поправки Пятакова к резолюции по экономическому строительству поддержали лишь три делегата при одном воздержавшемся. Резолюция о партстроительстве принята единогласно, а резолюция «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» — всеми против 4, проголосовавших за резолюцию Преображенского.

Эта резолюция заслуживает более подробного разговора. Она долгое время воспринималась некритически. Справедливость содержащихся в ней формулировок и определений не ставилась под сомнение. И это несмотря на то, что она принималась в пылу полемики, в разгар захлестнувших руководство партии эмоций и личных амбиций. Резолюция состояла из четырех частей. Три из них — 1,3 и 4-я — «Возникновение дискуссии», «Положительные результаты дискуссии» и «Практические выводы» — с известными оговорками можно принять и сегодня. А вот со второй — ключевой во всей резолюции частью — «Идейная сущность оппозиции» надо разобраться.

В этой части перечислялись разногласия между большинством и

меньшинством по шести пунктам. Оппозиции ставилось в вину: огульная критика партаппарата и призыв к его ломке; противопоставление партийного молодняка основным кадрам партии и ее ЦК; тезис о перерождении основных партийных кадров; скатывание на антинэповскую линию в сфере экономики и хозяйственного строительства; нарушение внутрипартийной дисциплины; игнорирование резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии», образование фракций и группировок.

Фактически эти шесть пунктов дублировали выдвинутые в докладе Сталина на конференции о партстроительстве шесть основных ошибок Троцкого. Опираясь на эти действительно имевшие место факты, как их ни называй — ошибками или пунктами разногласий,— в резолюции формулировались три основных прегрешения оппозиции: 1) попытка ревизии большевизма и «прямой отход от ленинизма»; 2) «явно выраженный мелкобуржуазный уклон»; 3) истолкование принципов внутрипартийной демократии «в смысле ослабления диктатуры пролетариата и расширения политических прав новой буржуазии» [40].

Серьезные претензии. Но, во-первых, следовало бы вначале определиться с понятием «ленинизм», чтобы ставить оппозиции в упрек прямой отход от него. Его стали использовать для определения той или иной суммы теоретических взглядов и метода революционного действия лишь со второй половины 1923 г. Причем в числе толкователей «ленинизма» одним из первых выступил Троцкий в брошюре «Новый курс». Он отнюдь не отрицал «ленинизм», наоборот — клялся в своей верности ему. Во-вторых, что понимать под мелкобуржуазным уклоном? Критику большинства ПБ и ЦК за допущенные ошибки? Почему эта критика не имела права на существование при том, что в Уставе партии она не только не запрещалась, но вменялась в обязанность каждому коммунисту? Или отчего оппозиция получила ярлык «мелкобуржуазного», а не «молодежного» уклона, так как в центре ее платформы оказалась критика партии «с позиций молодежного крыла»? Точно так же вряд ли можно было обвинить оппозицию в мелкобуржуазности по причине критики ею нэпа. Из-за приверженности партии нэпу стрелялись не нэпманы, а главным образом пролетарии с дореволюционным стажем, усматривавшие в нэпе измену революции. Сами лидеры большинства не очень-то жаловали нэп. Каменев в докладе на партконференции Хамовнического района 7 января 1924 г., формулируя представления большинства по основным вопросам экономической политики партии, недалеко ушел от Троцкого: «Если мы будем строить нашу промышленность так, что она будет каждый год давать больше угля, больше чугуна, железа, и в то же время мы будем ее базировать на мужике, тогда мужик за нами пойдет и мы раздавим частный капитал. Это — серьезная черная, изо дня в день ведущаяся работа наступления на нэп» [41].

Наконец, в-третьих, относительно внутрипартийной демократии и «подрыва» диктатуры пролетариата. После XIII партконферен-

ции характер или, точнее, тип внутрипартийных отношений в основном остался таким, как и до дискуссии, если не стал еще менее демократичным. Большинство не собиралось претворять в жизнь демократические требования, откуда бы они ни исходили — от него самого или от оппозиционного меньшинства.

Главным итогом прошедших после XIII конференции четырех месяцев подготовки к XIII съезду стал поворот не в сторону партийной демократии, а в обратную. В ходе развернувшейся в партии чистки около 40 тыс. ее членов были исключены, в ряде организаций эта цифра доходила до 40% состава. «...ЦКК сделалась внутри партии тем же, чем ГПУ является для прочего населения: органом беспощадного террора» [42],— констатировал весьма осведомленный в делах РКП(б) издававшийся в Берлине «Социалистический вестник».

На этом этапе в чистке партии участвовали органы ГПУ. Арестам подверглись не только подозревавшиеся в симпатиях меньшевизму и эсерам, «рабочей группе» и «рабочей правде» (только в Ленинграде число арестованных превысило 600 человек, из которых 75% были студентами и 15%— рабочими), но и за принадлежность к оппозиции. Насколько серьезной оказалась ситуация, говорит хотя бы такой факт: «Правда» вынуждена была давать опровержение по поводу появившихся в зарубежной прессе сообщений об аресте Троцкого. Были случаи, когда члены партии кончали самоубийством из-за развившейся в них мании преследования. Так покончил с собой лидер бывшей «рабочей оппозиции» Лутовинов. Близко знавшие его люди рассказывали, что он пугался шагов за дверью, в коридоре, вскакивал, хватался за револьвер. Говорили, что однажды Лутовинов даже начал отстреливаться от воображаемых преследователей. Кто-то скажет — больной человек. И может быть, окажется прав. Но не надо забывать, что болезнь эта развилась на политической почве.

Еще одно соображение. Крупская рассказала о том, что накануне острейшего приступа болезни, приведшего к летальному исходу, Ленин познакомился с содержанием резолюций XIII партконференции. После чего впал в весьма возбужденное состояние. Не исключено, что, как и в марте 1923 г., когда он случайно узнал об оскорблении Крупской Сталиным, содержание резолюций XIII конференции стало если не первоисточником, то мощным толчком к резкому ухудшению его здоровья.

Что же взволновало Ленина? Обвинение оппозиции, со многими лидерами которой он сотрудничал самым тесным образом и ничего контрреволюционного в их позиции не замечал? Трудно сказать. Ясно одно — крепкими выражениями, вроде «прямой отход от ленинизма», «мелкобуржуазный уклон», «пособничество новой буржуазии», судя хотя бы по резолюциям X партсъезда, Ленина вряд ли можно было вывести из равновесия даже при его болезненном состоянии. Тогда что?

Как человека, способного предвидеть политическую перспективу, его, по всей видимости, потрясло сознание того, что кризис партии стал отражением кризиса всей рожденной за годы «военного

коммунизма» советской системы. Как накануне Кронштадта, он увидел невозможность сохранения прежних военно-коммунистических отношений в сфере экономики, народного хозяйства в целом. Будь Ленин здоров, он, анализируя ситуацию осени 1923— зимы 1924 г., неминуемо пришел бы к выводу о замене политической системы или механизма осуществления власти.

Контуры генеральной ломки и последующей реконструкции этой системы Ленин наметил в «Письме к съезду». Но только контуры и только наметил. Концепция новой политической системы лишь формировалась в его сознании. Как нередко бывает в таких случаях, не хватило двух-трех лет полноценной жизни. Ленин шел к осознанию того, что сегодня стало ясно: экономический плюрализм немыслим без плюрализма политического и идеологического. Весь вопрос в том, как, кому, какими методами регулировать и по возможности направлять этот процесс. Дискуссия, закончившаяся в январе 1924 г. победой большинства Политбюро и ЦК, укрепила власть этого большинства и руководившей им «тройки». К несчастью, «тройка» воспользовалась плодами победы отнюдь не во благо всей партии.

ЗАТИШЬЕ

1924—1925 гг.— это двухлетие в деятельности Троцкого уж очень односторонне изображалось не только отечественной, но и зарубежной историографией. Внимание исследователей полностью концентрировалось на продолжении борьбы Троцкого против «тройки». Такой подход вольно или невольно отражал точку зрения большинства ЦК и Политбюро на характер внутрипартийных отношений, как на бесконечную цепь сменявших друг друга кампаний против оппозиции. «Подойдем ко второй дискуссии (первая — дискуссия о профсоюзах.— *Н. В.*), к дискуссии 1923—1924 гг.,— говорил в одном из выступлений в начале 1926 г. Молотов.— Эта дискуссия состоит из двух частей — осень 1923 г. и осень 1924 г. Вторая, в сущности, заканчивала первую и подводила итоги в борьбе против тогдашнего мелкобуржуазного уклона, во главе которого стоял т. Троцкий. Итоги этой дискуссии имели также громаднейшее значение для нашей партии. Эти итоги мы до сих пор помним» [1].

Так поставленный вопрос значительно огрублял развитие событий, примитивизировал историю партии. В этой трактовке исчезла другая сторона внутрипартийных взаимоотношений — схожесть подходов в решении отдельных аспектов политики, замалчиваемость временных соглашений, в которые обе стороны по тактическим соображениям вступали. Вспомним, что в октябре — декабре 1923 г., «несмотря на фракционное выступление т. Троцкого,— как было записано в резолюции «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии»,— большинство Политбюро сочло необходимым добиваться соглашения с ним» [2].

Вот этот согласительный элемент как в 1924-м, так и особенно в 1925 г. явно недооценивался до сих пор. И зря. Он свидетельствовал, что борьба усиливалась не только между Троцким и «тройкой», но и в самой «тройке» между Сталиным и Зиновьевым — Каменевым. Троцкий занимал пассивную позицию к борьбе внутри «тройки», хотя его присутствие в Политбюро и ЦК оказывало заметное влияние на ее характер.

Сталин это оценил гораздо быстрее, чем Зиновьев и Каменев. Именно он предложил в резолюцию XIII партконференции внести ни к чему не обязывающие его лично слова о готовности большинства ПБ и ЦК добиваться соглашения с Троцким. Этим генсек не только давал Троцкому надежду на возможность восстановления пошатнувшихся позиций, но делал его если не соучастником своего противостояния с Зиновьевым и Каменевым (это было бы невозможно, слишком далеко зашли все «борцы»), то уж во всяком случае в этом противоборстве снейтрализовал его по отношению к себе. Сталин достиг того, чего не смог добиться Зиновьев летом 1923 г. в ходе так называемого «пещерного совещания» в Кисловодске: столкнул Троцкого с Зиновьевым и Каменевым. На XIII съезде партии Сталин предоставил возможность тщеславному Зиновьеву выступить с критикой позиции Троцкого в дискуссии 1923 г. и его брошюры «Новый курс».

Съезду предшествовала перегруппировка сил в руководстве. Освободившееся место председателя Совнаркома занял А. Рыков, который одновременно выполнял обязанности председателя Совнаркома РСФСР. Пост председателя ВСНХ он уступил Ф. Дзержинскому. Совет Труда и Обороны возглавил Каменев, а в Госплане Г. Кржижановского заменил А. Цюрупа. Эти назначения решением ЦИКа были утверждены 2 февраля 1924 г.

В самой партии по инициативе Зиновьева объявили ленинский призыв, т. е. прием в члены РКП(б) в основном «рабочих от станка». Одновременно на мартовском (1924 г.) Пленуме ЦК РКП(б), в нарушение Устава партии, приняли решение о предоставлении всем кандидатам в члены РКП(б) (главным образом это касалось ленинского призыва) права решающего голоса при выборе делегатов на XIII съезд. Предполагалось потеснить позиции интеллигенции и служащих, потому что они, как считало большинство Политбюро и ЦК, оказались недостаточно стойкими в борьбе против оппозиции.

На 1 мая в партию приняли 128 тыс. человек, общая ее численность возросла до 600 тыс. членов. В течение мая ленинский призыв составил 240 тыс. человек. В результате только за первое полугодие 1924 г. численность партии возросла вдвое.

Видел ли все это Троцкий? Несомненно. Однако его возможности что-либо противопоставить грубейшим нарушениям воли покойного Ленина, которые он выразил в трех знаменитых письмах Молотову «Об условиях приема новых членов в партию» (март 1922 г.— *Н. В.*), где речь шла о необходимости ужесточения мер приема, в том числе и из рабочих, практически равнялись нулю. Вернувшись весной 1924 г. из Сухуми в Москву, он уже не заваливал, как год

назад, письмами ЦК, не писал будоражащих партию и общественность статей. Похоже, Троцкий внешне смирился с тем, что его оттерли на второй план. О том, что творилось в его душе, можно только догадываться.

Осенью 1924 г. на прилавках книжных магазинов появился выпущенный Госиздатом тиражом 30 тыс. экземпляров сборник статей и выступлений Троцкого «Вопросы культурной работы». Книга дает некоторое представление о том, чем занимался Троцкий в канун и сразу же после XIII съезда.

Это главным образом культпросветработа. Троцкий выступал с докладами и речами на съездах работников военной печати, на конференции Сокольнического райкома, посвященной выпуску районных курсов рабкоров, на торжественном заседании в Институте имени Карла Либкнехта, I Всесоюзном съезде библиотекарей, на совещании клубных работников и т. д. Выступал, как всегда, с блеском, образно и содержательно. Встречи эти проходили под бурные аплодисменты. Тем более что вопросы он затрагивал самые разные: от воспитания личности и организации быта до гигиены и половых отношений, от постановки дела военной печати, клубной и библиотечной работы до оценок социализма, ленинизма, государственного устройства СССР.

Троцкому принадлежит следующее рассуждение, которое вряд ли кто оспорит и сегодня: «...ленинизм не есть совокупность истин, которые требуют внешнего поклонения, а есть метод мышления, который требует постоянного применения на опыте». Ему же принадлежит афоризм, которому мог бы позавидовать сам Сталин: «...наша страна есть государственно-организованный ленинизм. Государственно-организованный — стало быть, располагающий властью». Или: «Культура есть совокупность знанья и уменья — всего знанья и всего уменья, накопленного человечеством за всю свою предшествующую историю. Знание для умения! Знание всего того, что нас окружает, для того, чтобы уметь изменить то, что нас окружает,— изменить в интересах человека». Мудрено, зато революционно! Или вот такое суждение: «Что такое социализм? Социализм, как историческое движение, имеет своей задачей перестроить материальный и духовный быт людей на основах солидарности». Или вот такая революционная инвектива: «Надо всегда иметь перед глазами такую мысль: рабочий, который не читает газет, еще не сын своего класса и не сын своего времени...» [3]

Все лето 1924 г. Троцкий демонстративно не затрагивал вопросы, по которым у него остались разногласия с «тройкой». Он отказался от приглашения президиума V конгресса Коминтерна (июнь) принять участие в дискуссии по имевшимся в РКП(б) разногласиям. В конце месяца он, по обыкновению, отбыл на отдых в Кисловодск. Там написал статью «Уроки Октября», которая вместо предисловия открывала 3-й том собрания его сочинений, посвященный событиям 1917 г.

Опубликованию статьи предшествовал выход в свет книги вос-

поминаний Троцкого «О Ленине», посвященной главным образом его личным взаимоотношениям с Лениным. Книга была встречена с легкой неприязнью рядом руководителей, в частности Зиновьевым, за вольную трактовку некоторых исторических эпизодов и особенно за прямой намек на особую близость Троцкого к Ленину. С появлением же «Уроков Октября», воспоминания Троцкого вместе с «Новым курсом» получили иное звучание и соответственно иной прием. Стало ясно, что дело не в отдельной статье или очередной книжке воспоминаний о Ленине, с которыми тогда выступал чуть ли не каждый второй партийный лидер. Вопрос ставился значительно шире. Речь шла уже не просто о литературных произведениях (отчего и дискуссия получила название «литературной»), а о политической кампании, покушавшейся на авторитет руководящего ядра. Поэтому то, чего, скажем, в «Уроках Октября» не было, находили в воспоминаниях и в «Новом курсе». И наоборот: воспоминания «О Ленине» и «Новый курс» дополнялись «Уроками Октября». В таком единстве публикации Троцкого действительно приобрели весьма колкий и далеко не безопасный для руководства характер. Особенно это касалось Зиновьева и Каменева.

Оспаривая выдвинутые против него обвинения в меньшевизме, Троцкий заявил, что в вопросе о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую Ленин оказался весьма близок к теории «перманентной революции». Тогда как Зиновьев и Каменев в канун Октябрьского вооруженного восстания вообще сошли с революционных позиций, оказавшись в роли штрейкбрехеров. При этом Троцкий дал понять, что раз они «сдрейфили» в самый ответственный момент, то «сдрейфят» и в 1924-м, не менее ответственном.

Троцкий не случайно направил удар по Зиновьеву и Каменеву. Их он считал главными виновниками своего поражения в дискуссии 1923 г. и жаждал реванша. Выходило, что он неплохо разобрался в том, кто и кем был в «тройке» и кого следовало «валить» в первую очередь. Хотел того Троцкий или нет, но «Уроками Октября» он помог Сталину, дискредитируя его бывших союзников. Если Сталин бил по настоящим просчетам Зиновьева и Каменева, то Троцкий показал историческую подоснову этой позиции.

Любопытно, на что рассчитывал Троцкий или, вернее, кого хотел перехитрить, Сталина, Зиновьева и Каменева? Как вскоре выяснилось, «Уроки Октября» заставили встрепенуться членов триумвирата и выступить против «обидчика» единым фронтом.

Это облегчалось тем, что у многих не только руководящих, но и рядовых членов партии, особенно вступивших в годы гражданской войны и после нее, вызвал неприязнь использованный Троцким прием в отношении Зиновьева и Каменева. За семь послеоктябрьских лет в РКП(б) никто не вспоминал об их «штрейкбрехерской» позиции.

Нападками на Зиновьева и Каменева, за которыми при умелой подаче большинством Политбюро и ЦК легко прочитывались неуважение и презрение к партии, ее единству, Троцкий фактически вынудил своих оппонентов обратиться к его дооктябрьскому про-

шлому, к ленинским оценкам троцкизма как российской разновидности каутскианства — центризма.

Вопрос о взаимоотношении ленинизма и троцкизма возникал и в предыдущих послеоктябрьских дискуссиях, но как бы вскользь. Сам Ленин, считавший, что никакого ленинизма не было, сдерживал тех, кто хотел этому вопросу придать остроту. После смерти Ленина его поставили масштабно и так, чтобы ни у кого не осталось сомнений в несостоятельности позиции Троцкого, которая выражалась в формуле: «Ленинизм или троцкизм»? На эту тему выступил Каменев 18 ноября 1924 г. на собрании московского партактива, 19-го — на фракции РКП(б) в ВЦСПС, 21-го — на совещании военных работников. В ВЦСПС с ним вместе выступил и Сталин. В названии статьи Зиновьева, появившейся одновременно в «Правде» и «Известиях» 30 ноября, слово «ленинизм» было заменено на «большевизм».

Вышел сборник статей «Ленинизм или троцкизм». В него, помимо статей указанных трех авторов, вошли материалы Н. Бухарина, Г. Сокольникова и С. Гусева, «Уроки Октября» Троцкого, а также его письма к Н. Чхеидзе (1913 г.), М. Урицкому (1915 г.), М. Ольминскому (1921 г.) и в ЦК партии (январь 1925 г.). Так что недостатка в информации не было.

Любопытный факт: в Центральном партархиве хранится записка составителю сборника — Зиновьеву:

«С [овершенно] секретно.

Тов. Зиновьеву.

Посылается для ознакомления статья тов. Троцкого с примечаниями «От редакции».

Ив. Товстуха» [4].

Даты на записке нет. Но похоже, что речь шла о конце сентября — начале октября 1924 г. Зачем говорю об этой записке? Ее наличие убеждает в прекрасно поставленной «тройкой» или, точнее будет сказать, секретариатом Сталина (Товстуха был в нем ключевой фигурой) системы осведомительства и соответственно скоординированности действий. Одним из результатов этой записки и явилось издание сборника «Ленинизм или троцкизм».

Его авторы, в особенности «тройка», считали, что при жизни Ленина Троцкий не выступил бы со статьей «Уроки Октября», как, впрочем, с воспоминаниями «О Ленине» и «Новым курсом». И, во-вторых, главная задача, которую он поставил перед собой в данной дискуссии, состояла в том, чтобы подменить ленинизм троцкизмом. «Пока т. Ленин держал перо в руках, тов. Троцкий не решался на прямое нападение,— констатировал Зиновьев.— Теперь т. Троцкий, по-видимому, решил, что «настал момент». Раньше чем нанести «решающий удар» по всем правилам стратегии, необходимо произвести артиллерийскую подготовку. Роль дымовой завесы должно сыграть нападение на так называемое «правое крыло» большевизма, в частности на октябрьскую ошибку пишущего эти строки».

Если Зиновьев, а вслед за ним и Каменев занимались толкованием содержания «исторического» троцкизма, то Сталин в наиболее концентрированном виде изложил понимание «нового» троцкизма. Начал он с определения троцкизма вообще. По его мнению, троцкизму присущи особенности, ставившие его в непримиримое отношение к ленинизму. Это, во-первых, теория «перманентной революции», не учитывавшая крестьянство в качестве революционной силы, «перепрыгивавшая» через крестьянское движение. Во-вторых, недоверие к большевистской партийности — ее «монолитности». И, в-третьих, недоверие к большевистским лидерам, т. е. к Ленину.

В доказательство своих слов Сталин не без блеска использовал найденное в архивах охранки директором Истпарта М. С. Ольминским письмо Троцкого к Н. Чхеидзе от 1 апреля 1913 г. В письме Троцкий чрезвычайно резко отзывался о Ленине, называл его профессиональным эксплуататором всякой отсталости в российском рабочем движении, а все здание ленинизма построенным «на лжи и фальсификации», что несло в себе «ядовитое начало собственного разложения» [5]. Каково это было услышать осенью 1924-го? Сам же Троцкий писал в «Моей жизни»: «Не имея понятия о вчерашнем дне партии, массы прочитали враждебные отзывы Троцкого о Ленине. Они были оглушены» [6].

Развивая сформулированные положения, Сталин отмечал, что «новый» троцкизм не был простым повторением «старого». «...Он довольно-таки общипан и потрепан, он несравненно мягче по духу и умереннее по форме, чем старый троцкизм,— писал Сталин,— но он, несомненно, сохраняет, по сути дела, все особенности старого троцкизма». Генсек, оперируя фактами из послеоктябрьской истории, показал совпадение их позиций. «Новый троцкизм не решается выступать против ленинизма, как воинствующая сила,— делал вывод Сталин,— он предпочитает орудовать под общим флагом ленинизма, подвизаясь под лозунгом истолкования, улучшения ленинизма. Это потому, что он слаб. Нельзя считать случайностью тот факт, что выступление «нового» троцкизма совпало с моментом ухода Ленина. При Ленине он не решился бы на этот рискованный шаг» [7]. В этих рассуждениях уже явственно проступают контуры будущей теории «злого умысла» Троцкого, законченное выражение которой дано в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Ну а если разобраться по существу сказанного Сталиным?

То, что при Ленине Троцкий вряд ли бы зашел так далеко, противопоставляя себя большинству Политбюро и ЦК,— это несомненно. Но так же несомненно и другое: а что Троцкому было делать, если он считал ошибочным проводимый большинством курс? Конечно, лучше было бы договориться по принципиальным вопросам за столом переговоров, как это не раз делали при Ленине. Но в данном случае разговора не получилось. Из этой невосприимчивости друг друга Сталин сформулировал еще две особенности троцкизма: тяга к групповщине и фракционности и недоверие к руководству РКП(б). Опять-таки эти качества вряд ли можно было ставить в вину только троцкизму. Разве Сталин не комплектовал

свою группу, которая от того, что называлась большинством, не переставала отстаивать свою платформу и подчиняться своей групповой или, как было принято говорить по тем временам, общепартийной дисциплине? А что такое «новая оппозиция» 1925 г. Зиновьева и Каменева, как не внутрипартийная группировка? Точно так же все они проявляли недоверие к лидерам большевизма или, выражаясь проще, друг к другу и к Троцкому, как тот, в свою очередь, выражал недоверие к ним.

Единственно, что остается незыблемым в понятии троцкизма, составляющим именно его специфику как идейно-политического течения в РСДРП, затем в РКП(б) и ВКП(б), а в настоящее время в международном рабочем движении,— это теория «перманентной революции». Этого не отрицал и сам Троцкий, хотя и не любил особенно распространяться на сей счет.

Противники Троцкого обвинили его в отступлении от ленинизма, причем отступлении, совершаемом весьма коварным способом — клянясь в верности Ленину. Об атмосфере подозрительности и недоверия друг к другу может дать представление хотя бы вот этот отрывок из письма Зиновьева той поры, подписанный «Лёвка»: «...неужели кто-нибудь серьезно думает, что Троцкий в один прекрасный день выйдет на трибуну и скажет: «Да, я был неправ, я хотел ленинизм заменить троцкизмом»? (Это после 20 лет квалифицированной, выдержанной идеологически антиленинской работы)» [8]. Замечу, что это писал человек, превосходно знавший Троцкого.

Не только в «Уроках Октября» и особенно «Новом курсе», у Троцкого можно найти немало свидетельств, как на словах, произнося дифирамбы Ленину, на деле он так интерпретировал его взгляды и деятельность, что Ленин переставал походить на себя, а напоминал совсем другого человека...— самого Троцкого. В «Новом курсе», мельком упомянув о способности Ленина (действительно выдающейся способности) к теоретическим обобщениям политики «крутых поворотов» — любимое Троцким словоупотребление,— он писал: «Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутье, которое в области общественной то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде» [9]. В «Уроках Октября» он хотя и не употребил слово «чутье», но ясно дал понять, что накануне Октября именно благодаря этому чутью Ленин сумел перейти на позиции теории «перманентной революции». Тем он, согласно Троцкому, был славен и велик.

Троцкий в разных вариантах развивал тезис о том, что «ленинизм есть подлинная свобода от формальных предрассудков, от морализующего доктринерства, от всех вообще видов духовного консерватизма, пытающегося связывать волю к революционному действию» [10]. Тоже справедливо, если, конечно, не отрывать революционное действие от революционной теории, как это сделал Троцкий. И вполне сознательно. Потому что Ленин-теоретик ему не был нужен. В теории они ни до, ни после Октября так и не сошлись.

А вот в политике — да. Поэтому Троцкий с присущей ему настырностью хотел ленинизм свести к сугубо революционной практике, вне всякой связи с революционной теорией. Интерпретируя в нужном ему духе Ленина, он расчищал путь для проявления собственной «свободы от формальных предрассудков» в теории, а потом и в практике.

Не исключено, что в противовес Троцкому его критики ударились в другую крайность — к чрезмерному акценту на теоретической деятельности Ленина, выделению в ленинизме системы взглядов как законченного учения. Эта канонизация (Зиновьев, например, писал, что «ленинизм — евангелие того мирового пролетариата, которому история предназначила быть могильщиком буржуазного общества» [11]) в основном верных при жизни Ленина идей застопорила их творческое развитие, привела к догматизации революционной теории, нарушив главное требование Ленина о том, чтобы теория отражала и обобщала практику.

В результате Зиновьев и пошедший за ним Сталин лишили ленинизм собственной истории. Под их пером он, точно Минерва из головы Юпитера, предстал сразу в готовом виде, опираясь только на марксизм как на единственно верную доктрину. Не зря Зиновьев и Сталин твердили, что ленинизм — это марксизм XX в. Выходило, что Ленин, кроме марксизма, не опирался на достижения общественных наук, в том числе на представителей немарксистской социалистической и буржуазной мысли.

Такое огрубленное, недиалектическое обращение с ленинским наследием давало прекрасный повод его критикам для отрицания ленинизма как научной доктрины и метода исследования действительности. Так, Н. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «Тип культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно. Всякая рафинированность мысли и духовной жизни его отталкивала. Он много читал, много учился, но у него не было обширных знаний, не было большой умственной культуры. Он приобретал знания для определенной цели, для борьбы и действия... Он боролся за целостность и последовательность в борьбе, она невозможна без целостного, догматического вероисповедания, без ортодоксии» [12].

Похоже, автор знакомился с ленинскими трудами по работам Троцкого, Зиновьева и Сталина. Думается, что этой «тройке», боровшейся за лидерство, меньше всего нужен был подлинный смысл ленинского наследия. Они стремились, особенно Зиновьев и Сталин, уложить ленинизм в строго очерченные идейно-политические рамки, выход за которые расценивался как ревизия ленинизма, покушение на его устои.

Драма Ленина в том, что из его идей выхолостили «душу живу», превратив в икону. Такова, правда весьма запоздалая, оценка итогов «литературной дискуссии».

В строгом смысле, ее дискуссией трудно назвать. Это было целенаправленное, спланированное избиение отступника — кампания, в которой закоперщики соревновались по части того, как позабористее «обложить» смутьяна.

...На общем собрании Петроградского района стороннику Зиновьева, одному из руководителей Ленинградского губкома, Г. Евдокимову, пришла масса записок. Были среди них и такие: «Почему до сих пор, несмотря на многие ошибки тов. Троцкого, ему все еще доверяют и он занимает такой ответственный пост?» Неизвестно, что ответил Евдокимов. Я предложу свой вариант ответа. Участники же этого собрания оказались единодушны: в партии Троцкому делать нечего. «...Предлагаю тов. Троцкому вести работу по одному руслу,— судя по всему, в президиум писал моряк,— или сняться с якоря». Коммунист Сафронов, указавший номер своего партбилета, был еще категоричнее: «Если ты чужак (т. е. Троцкий.— *Н. В.*), то тебе в рядах нашей партии нет места» [13].

«Долбеж» Троцкого в средствах массовой информации, на партсобраниях и партактивах разных уровней и рангов достиг цели. В глазах партийной массы о нем прочно сформировалось представление как о «чужаке» в партии. Поэтому все, что бы им ни делалось ради примирения, воспринималось однозначно — «выкручивается».

Есть такое понятие: если бы религии не было, то ее надо было бы выдумать. Оно очень кстати в случае с Троцким. Если бы не появились его «Уроки Октября», то «тройке» их надо было бы выдумать. Трудно представить лучший повод, чтобы канализировать недовольство партийных масс политикой большинства ЦК на Троцкого, переложить большую часть ответственности за собственные просчеты на него.

Троцкий, фактически обрекший себя на самоизоляцию, вскоре заболел. Врачи рекомендовали «выехать для лечения в мягкий климат». Все, казалось бы, повторялось. Но повторялось несколько по-другому. Сообщение о болезни Троцкого появилось не в «Правде», а в «Экономической газете» (10 декабря 1924 г.). Знавшие «кухню» Кремля сторонники Троцкого отметили, что этот факт ничего хорошего не сулит.

Троцкий воздержался от выезда на лечение, предпочел ждать решения своей участи в Москве. Ждать пришлось недолго. В январе состоялся Пленум ЦК, на котором три местные партийные организации выступили с осуждением «Уроков Октября» и предложили снять Троцкого с поста председателя Реввоенсовета, но оставить в ЦК.

Троцкий, по обыкновению, обратился к Пленуму с кратким письмом. Он оправдывался в своем «антиленинизме», убеждал участников Пленума, что далек в мыслях ликвидировать ленинизм и тем более подменять его троцкизмом. Его цель — сохранить единство партии. Потому и не желал углублять полемику и обострять дискуссионные вопросы после XIII съезда. Троцкого задели обвинения в посягательстве на «особое положение» в партии, нарушение партийной дисциплины, отказ от работы, поручаемой ему ЦК. Он писал, что готов выполнять любую работу по поручению ЦК на любом посту и вне всякого поста и, само собой разумеется, в условиях любого партийного контроля. Сталин потом весьма ловко поймает его на этом жесте, определив на работу в ВСНХ. Закончил

же свое письмо тем, что готов оставить пост председателя Реввоенсовета и дать любые объяснения, если они потребуются Пленуму [14].

И это письмо, как уже было с другими письмами, участники Пленума восприняли не так, как надеялся Троцкий. Не последняя причина тому, по моему убеждению, высокомерие, небрежность по отношению к другим, которая ощущалась даже и в «покаянном письме». И даже в нем Троцкий за собой не признал ни одной ошибки. Участники Пленума так и не смогли определить, на чьей стороне правда.

Единственный, кто на Пленуме вступился за Троцкого, был его верный Санчо Панса — Х. Раковский, и раньше не раз выручавший друга. Он открыто выразил несогласие с резолюцией, в которой, кстати, имелась такая формулировка: «По существу дела современный троцкизм есть фальсификация коммунизма в духе приближения к европейским образцам псевдомарксизма, т. е. в конце концов в духе «европейской» социал-демократии» [15]. Так писал о троцкизме автор резолюции Зиновьев. От обвинения Троцкого в меньшевизме председатель Исполкома Коминтерна перешел к обвинению его в социал-демократизме, что по тем временам означало предел идейного падения.

Выразив свое отношение к Троцкому в такой зубодробильной резолюции, Пленум все же оставил его в Политбюро и ЦК. Решение не просто политически непоследовательное, но и противоречащее здравому смыслу. Наиболее точно это выразил Раковский: «...мы выдаем себя, если мы Троцкого оставляем в Политбюро, оставляем в ЦК, то, значит, это потому, что все мы глубоко убеждены в том, что Троцкий — большевик» [16].

Надо знать атмосферу тех лет, чтобы представить себе, какой переполох и возмущение вызвали эти слова на Пленуме. Секретарь МК Н. Угланов категорически заявил: «...т. Троцкий чужой человек для большевистской партии». А. Шпагин напомнил, что еще на XIII съезде им как членом Уральско-Сибирской делегации предлагалось исключить Троцкого из состава Политбюро. И далее он заметил: «...т. Троцкий создал такие взаимоотношения, которые, по моему мнению, не могли быть далее терпимыми. Нужно констатировать сейчас факт откола его от нашей партии». Не менее категоричным был представитель Украины Г. Петровский: «Троцкий не понимает дыхания нашей партии... представляет какой-то злой дух (не отсюда ли потом появился «демон революции»? — *Н. В.*) в нашей партии за последнее время. Партия дальше оскорблений не может выносить, мы не можем держать в своей партии сверхчеловека. У нас т. Ленин подчинялся дисциплине. То, что раньше было позволено т. Троцкому, то теперь мы не позволим» [17].

Больше других неистовствовал недавний «друг» Троцкого Ярославский. Он говорил: «...Троцкий становится центром сочувственного внимания всех небольшевистских элементов...» [18] Вот где Троцкому аукнулась собственная ортодоксальность, когда в марте 1921 г. он занес всех участников Кронштадтского мятежа в разряд контрреволюционеров, находившихся на службе мирового империализма. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь.

Используя ситуацию, Ленинградская парторганизация во главе с Зиновьевым поддержала ранее выдвинутое Каменевым предложение об исключении Троцкого не только из Политбюро и ЦК, но и из партии. С ними солидаризировались некоторые парторганизации, например Донбасская.

Однако предложение принято не было. На XIV съезде ВКП (б), объясняя, почему с этим предложением не согласились, Сталин сказал: «Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего,— что же у нас останется в партии?» [19] Очень понравились делегатам слова Сталина. Не раз они прерывали его возгласами: «Правильно!» Все видели в Сталине не «кровопийцу», а борца за сохранение единства рядов партии. Умел будущий «вождь народов» пустить пыль в глаза.

О намерении Сталина в борьбе против Зиновьева и Каменева привлечь на свою сторону общего противника «тройки» Троцкого говорят и такие факты. На состоявшейся после январского Пленума ЦК Московской партконференции с резкой критикой линии Троцкого выступил секретарь Рогожско-Симоновского райкома партии Захаров. Он не согласился с либеральной формулировкой январского пленума, ограничившегося отстранением Троцкого с поста председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора (вместо Троцкого, по предложению Сталина, назначили на этот пост М. Фрунзе). Выступление Захарова стоило ему занимаемой должности. За тот же «проступок» сняли с должности заворготделом ЦК РЛКСМ Файвиловича. Суммируя эти факты, Зиновьев два года спустя записывал: «Эти два факта являются несомненным началом» [20]. Речь шла о начале атаки Сталина против группы Зиновьева — Каменева.

Заигрывая с Троцким, Сталин сумел на время нейтрализовать его, побудив Зиновьева и Каменева на весьма опрометчивый шаг — вступить в борьбу против Сталина в крайне неблагоприятных для них общепартийных условиях — фактической изоляции от большинства Политбюро, ЦК и партии в целом.

В конце апреля 1925 г. в Москве пронесся слух о встрече Сталина и Троцкого. И хотя оба тщательно скрывали ее от общественности, о встрече как о бесспорном факте рассказал Д. Рязанов бывшему меньшевику Валентинову (Вольскому), работавшему в ВСНХ.

В начале мая появилось сообщение о том, что Троцкий назначен членом президиума ВСНХ, начальником Электротехнического управления, председателем Научно-технического отдела ВСНХ и председателем Главного концессионного комитета. То, чего от Троцкого не смог добиться Ленин, предлагая ему место своего зама в Совнаркоме, сумел Сталин. Завидная целеустремленность! Тем более что назначения Троцкого многими истолковывались однозначно — как шаг на пути его дальнейшего продвижения. Об этом, например, писал «Социалистический вестник». 20 июня 1925 г. в

корреспонденции из Москвы утверждалось: «...назначение Троцкого являлось лишь ступенькой к замещению Дзержинского», бывшего в ту пору председателем ВСНХ.

Меньшевистский орган делал ставку на разжигание внутрипартийных разногласий, в частности между Троцким и Дзержинским, с одной стороны, Троцким, Сталиным и Дзержинским — с другой. Ведь и тогда уже не представляли секрета весьма неодобрительные отзывы Троцкого о работе Дзержинского, который сменил его на посту наркома путей сообщения. Знали и крайне ироничные оценки Троцким Дзержинского в качестве председателя ВСНХ. Короче, Сталин понимал, кого с кем следовало стравить, и использовал этот прием великолепно. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что, несмотря на неудачи, Троцкий не растерял присущего ему авторитета государственного и партийного деятеля «высшей пробы». В этой связи любопытен один эпизод.

Происходило очередное заседание президиума ВСНХ под председательством Дзержинского. В нем принимали участие Пятаков, Юлин, Межлаук, Ломов, Манцев, Долгов. В зал вошел Троцкий. Его появление произвело эффект, напоминавший шок. Все обратили на него взгляды. Дзержинский же, приподнявшись с председательского кресла, попросил Троцкого пройти в президиум. Уже тогда многие члены президиума ВСНХ пропускали заседания. Как только пронесся слух о присутствии Троцкого, зал оказался буквально переполненным. «Потом смеялись: полный сбор, как на Шаляпина,— писал Валентинов.— Ожидали, что Троцкий что-то скажет, но ожидания оказались тщетными; со скрещенными на груди руками он просидел все заседание, не произнеся ни слова. Это было его первое и, кажется, последнее появление на заседаниях президиума ВСНХ. Больше на них он не приходил» [21].

Троцкий в «Моей жизни» нелестным образом отозвался о новых назначениях, истолковав их как очередные «происки» Сталина против него. Но тут же заметил: «Я сделал тем не менее добросовестную попытку сработаться на новых основах. Приступив к работе в трех незнакомых мне учреждениях, я ушел в нее с головой». Так оно и было на самом деле.

Он развил бурную деятельность, стал работать с энергией и задором, которые за долгие месяцы неудач начали было угасать. Выходит, Ленин не ошибся, когда прочил его в свои заместители. Очевидно и другое. Вряд ли Троцкий так активно взялся бы за дело, если бы у него не было определенной договоренности со Сталиным. Не обошлось без нее. Предложенный Троцкому участок работы был не из второстепенных.

Первое выступление Троцкого в новом качестве состоялось 31 мая на торжественном открытии Теплотехнического института имени Гриневецкого и Корша. Помещение было забито до отказа студенческой молодежью. Присутствовали представители дипломатического корпуса, обеспокоенные почти полугодовым отсутствием сведений о Троцком.

Свою речь он посвятил, как теперь принято говорить, научно-

техническому прогрессу, разработке передовых технологий, соединению науки с производством. Выступление неоднократно прерывалось аплодисментами восторженного студенчества. Закончил он его известным четверостишием из Ф. Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

После чего Троцкий заметил, что нынешним поколениям, живущим в Советской России, якобы не свойственны высокие мысли и чувства прежних поколений, выраженных поэтом. Мол, Россия не является уже страной каких-то чудес, которые невозможно охватить разумом. В ней нет ничего мистического, чего нельзя измерить если не аршином, так метром...

Троцкий посещал многочисленные совещания по развитию научно-технической работы, заседания ученых советов, присутствовал при опытах в лабораториях, штудировал учебники по химии и гидравлике и, как он выражался, чувствовал себя наполовину администратором, наполовину студентом, отдыхая от политики.

Он поддержал идею строительства Днепрогэса, за что год спустя на апрельском (1926 г.) Пленуме ЦК Сталин подвергнет его критике: «Как бы нам не попасть в положение того мужика, который, накопив лишнюю копейку, вместо того чтобы починить плуг или обновить хозяйство, купил граммофон и... прогорел...» [22] Теперь всем известно, что Днепрогэс «обязан гению» Сталина.

Интересно напомнить, что Троцкому, а не Н. Хрущеву принадлежит идея «химизации» народного хозяйства. Этому вопросу он посвятил специальную брошюру «Задачи Доброхима» — добровольного общества химизации. Причем, как и во многих других случаях, Троцкий настолько увлекался тем, чем был занят в настоящий момент, что не мог избежать свойственных не ему одному крайностей и перегибов. Например, в указанной брошюре он предложил осуществить «химизацию общественного мнения трудящихся масс», т. е. превратить всех в себе подобных — одержимых химией. Вспомним Хрущева, пытавшегося сделать всех сторонниками его «кукурузной» политики.

Во времена Хрущева все мы помним лозунг: «Догоним и перегоним Америку!» И здесь пальма первенства принадлежала Троцкому. В ноябре 1925 г. в речи на торжественном заседании Кисловодского горсовета по случаю 8-й годовщины Октябрьской революции Троцкий бросал в зал слова: «Даешь американский уровень! — вот лозунг новой эпохи... в которую мы ныне вступаем» [23]. Известна и такая его формулировка: «Американская техника с Советской властью — социализм, даже коммунизм». «Техника Америки, соединенная с советским общественным режимом, дала бы не только социализм — дала бы коммунизм или, во всяком случае, очень приблизила бы такие условия жизни, когда каждый работал бы по силе возможности, а получал бы по потребности»,— разъяснял он. И затем, чтоб не осталось сомнений, какой социализм и коммунизм

Троцкий хотел бы построить в СССР: «Принцип конвейера, распространенный на хозяйство в целом и превращающий его в один гигантский производственный организм, есть принцип социалистической техники (прямо хрестоматийный пример военно-коммунистического варианта командно-административной системы.— *Н. В.*). Важнейшей составной частью ее является электрификация, которая представляет собою наиболее совершенную форму энергетического конвейера, так как правильная плановая подача движущей, греющей и освещающей силы доводится электрификацией до высшей точности» [24].

Думается, редкий тогдашний руководитель не позавидовал бы Троцкому, который наряду с ликвидацией безграмотности в области науки и техники как бы походя, ненавязчиво занимался еще и пропагандой коммунистических и социалистических «идеалов».

В то время уголки политграмоты, витрины книжных магазинов, обложки коммунистической периодики, кино- и фоторепортажи вплоть до спичечных и папиросных коробков пестрели призывами вроде: «Не обманывать потребителя!», «Нам нужен социалистический товаровед», «Без индустриализации, без машинизации сельского хозяйства мы социализма не построим», «Деревня проснулась. Деревня хочет лучшего», «Новые поколения будут идти вперед и вперед!», «Наши успехи нужны и мировому пролетариату!», «Надо строить самим новое по-новому», «Борьба за качество — борьба за культурность». Их авторство тоже принадлежало Троцкому.

К этому же периоду относится подготовка Троцким одной из важнейших для оценки его взглядов брошюры «К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития)». Уже в 1925—1926 гг. брошюра выдержала несколько изданий, была переведена на иностранные языки и опубликована в Англии и Германии.

Брошюра представляла собой доработанный вариант доклада Троцкого в Кисловодском горсовете. С первых же страниц он подверг резкой критике буржуазных и социал-демократических противников Советской власти за то, что они в социалистическом строительстве в СССР усмотрели разорение страны и движение вспять, т. е. к капитализму. Не без мастерства Троцкий сумел опровергнуть подобные подходы.

Опираясь на контрольные цифры развития народного хозяйства страны за 1925—1926 гг., в которых Троцкому слышалась «великолепная историческая музыка растущего социализма», он писал о достигнутых успехах в промышленности и науке. К 1925 г. довоенный уровень 1913 г. был достигнут почти на 75%. При этом, согласно расчетам специалистов, намечалась тенденция к ускорению промышленного развития.

Троцкий буквально «купался» в цифрах роста объемов государственного сектора во всех ведущих отраслях народного хозяйства. Он так упивался статистикой, что даже предложил день публикации Госпланом контрольных цифр — 20 августа 1925 г.— отметить в советском календаре.

Его состояние можно было понять. Ведь вместе с увеличением показателей промышленного роста подтверждались и те теоретические прогнозы, которые были им сформулированы еще в докладе о промышленности на XII съезде партии. А именно — в геометрической прогрессии увеличивался уровень обобществления не только средств производства, но и «нематериальных, духовных компонентов народного хозяйства». Отмечая почти стопроцентный уровень обобществленности транспорта, внешней торговли, тяжелой и средней промышленности, Троцкий с восторгом писал: «Научно-техническая мысль у нас в принципе обобществлена» [25].

Он предложил вариант сложнейшей проблемы: взаимоотношения капиталистической и советской систем хозяйства. Троцкий считал, что, поскольку на 1925 г. в промышленно развитых капиталистических странах развитие производительных сил и производственных отношений, качество продукции, ее конкурентоспособность значительно превосходили аналогичные показатели в СССР, значит, маяком для советского народного хозяйства остается капитализм, т. е. его достижения. Побеждает тот режим, отмечал Троцкий, который обеспечивает человечеству более высокий уровень хозяйства. В этом состоит один из основных законов развития цивилизации. «При езде в телеге отмеряют версты на глаз или по слухам; автомобиль идет с автоматическим счетчиком,— писал Троцкий.— Наша промышленность должна будет в дальнейшем продвигаться с международным счетчиком, на показаниях которого мы будем основывать не только важнейшие хозяйственные мероприятия, но и многие наши политические решения».

Может быть, кому-то такой подход и покажется слишком категоричным. Но если говорить по большому счету, то ведь и Ленин десятки раз напоминал, что социализм только тогда превзойдет капитализм, когда докажет свою способность обеспечить более высокую производительность труда и лучшую эффективность хозяйствования. Все это очевидно. Как очевидно и другое — спорность предложенного Троцким выхода из положения главным образом через импорт техники и технологии за счет экспорта сырья. «...Вряд ли нам будет хозяйственно выгодно в ближайшие годы производить машинное оборудование у себя больше, чем, скажем, на две пятых или, в лучшем случае, наполовину» [26]. Эту идею подхватит нарком-фин Г. Сокольников, придав ей еще более жесткую форму, за что и будет подвергнут обоснованной критике.

Конечно, предложенная точка зрения — крайность. Тем более если учесть, что «капитаны капиталистической экономики» не горели желанием сотрудничать с Советским государством, продавать передовую технику и технологию, но и просто торговать. Так что Троцкий исходил скорее из идеала: нормальной конкуренции в развитии межгосударственных экономических отношений.

Насколько он восторгался развитием советской промышленности, настолько удручало его положение в сельском хозяйстве. Беспокойство вызывала раздробленность многомиллионного крестьянского хозяйства, его мелкотоварность и практическая государствен-

ная неуправляемость им. Троцкий чрезмерно абсолютизировал частнокапиталистические стороны мелкотоварного производства, видел в нем лишь источник воспроизводства эксплуататорских отношений, не желая замечать и другую сторону — труд самого мелкого собственника, создание им материальных ценностей, оказание услуг населению, которые само государство было не в состоянии обеспечить. Развитие мелкотоварного сектора шло в соревновании этих двух сторон, которые при правильной политике государства, пусть не без трений, взаимно уравновешивали друг друга. И государству следовало не разрушать этот сектор, а искать пути его включения в народнохозяйственные связи.

Троцкий же государственную промышленность и крестьянский сектор рассматривал как два антагониста. В соответствии с таким подходом он выдвинул в качестве ключевой для переходного периода проблему темпов экономического развития. Троцкий считал, что следовало добиться такого соотношения между промышленностью и сельским хозяйством, при котором темпы промышленного развития в несколько раз превосходили бы темпы развития сельского хозяйства.

В брошюре Троцкий лишь наметил перевес темпов в сторону развития государственной промышленности. Несколько позднее в докладе на VI Московском губернском съезде текстильщиков в январе 1926 г. он дал более законченную формулировку своей темы, фактически предопределив дискуссию о темпах, сроках и способах индустриализации: «Степень нашей устойчивости и нашего могущества, напор на нас капиталистических врагов и сила нашего им отпора; гарантия октябрьских завоеваний и их социалистического развития (здесь прямой намек на «анархическое» крестьянство.— *Н. В.*) — все это будет в ближайшие годы определяться прежде всего темпом нашего промышленного развития, т. е. успешностью курса на индивидуализацию страны»[27].

За месяцы работы в ВСНХ Троцкому удалось почти восстановить свои пошатнувшиеся позиции. Сделал он это не только за счет своей активности, но и ценой значительных принципиальных уступок. Одна из них — уже упоминавшееся его письмо в журнал «Большевик» по поводу публикаций Истменом на Западе материалов о ленинском «завещании». Вынужден в очередной раз обратиться к воспоминаниям Валентинова, т. к. других объективных свидетельств мне пока обнаружить не удалось. Вот что писал этот бывший меньшевик о письме Троцкого.

Однажды Валентинов стал свидетелем разговора, происшедшего в кабинете некоего Савельева, вернувшегося из Лейпцига, где он учился в университете, и заведующего отделом ВСНХ, «красного» профессора Краваля. «Вынимая из своего портфеля какую-то книгу (лишь потом я узнал, что это за вещь) и издали показывая ее Кравалю, Савельев спросил:

— А об этом что скажете, Иван Адамович?

Краваль тявкнул:

— Сталин правильно об этом сказал: Троцкий «на брюхе подполз к партии».

Савельев в восторге от фразы:

— Хе-хе-хе! Действительно, на брюхе подполз!

Краваль тем же отрывчатым, командующим тоном:

— Ну да, приполз на брюхе, а низ оставил открытым, чтобы плеткой по нем били. Напрасно старается, высоко уже не подымется. Все ограничится полным собранием сочинений (Троцкого.— *Н. В.*).

Ничего не понимая в этом разговоре партийных авгуров, кроме того, что речь идет о Троцком, я вышел из кабинета Савельева и пошел в ВСНХ. Встретился там с одним весьма симпатичным троцкистом Б., с которым я часто перекидывался словечком. В самых туманных словах передав, что слышал в кабинете Савельева, я спросил — что за статью написал Троцкий, где она помещена?

— Да это не статья, а письмо в редакцию на днях вышедшего номера «Большевика». Разве вы его не видели? Это ужас, просто ужас! Непонятно, зачем Лев Давидович это сделал. Ведь таким письмом он голову на плаху положил. Он сам себя омерзил...

— Да в чем дело? Что такое Троцкий написал?

— Ничего вам не скажу. Прочитайте, может быть, догадаетесь, почему такую вещь Троцкий не должен бы писать» [28].

Вряд ли Валентинов сгустил краски. К Троцкому он относился лояльно. Воспоминания писал в эмиграции. Скорее всего эпизод передан в точности...

Троцкий ожил. На заседаниях Политбюро, пленумах ЦК в его голосе зазвучали былые резкие нотки. Выступая в октябре 1925 г. на Пленуме ЦК по вопросам внешней торговли, он привычно поучал, требовал к исполнению, взывал к ответственности других. Без стеснения прерывал выступавших, засыпал вопросами, вставлял реплики. Троцкий входил в свою роль...

Он был активен и на декабрьском (1925 г.) Пленуме ЦК. Об этом пленуме у нас до сих пор предпочитают помалкивать. На нем решался вопрос о переименовании РКП (б) в ВКП (б). Что тут секретного? Да ничего, если не считать единства, которое проявили Сталин, Троцкий, Зиновьев и Каменев на почве неприятия идеи о Российской компартии. «Мы вопрос об образовании отдельной Российской партии не ставим,— говорил Сталин.— Почему? Потому что практически нет необходимости выделяться. Москва — центр. ЦК руководит всеми организациями, и нечего особую организацию выдвигать» [29]. Сталин, правда, обронил с присущей ему тягой к перестраховке фразу о том, что, возможно, в будущем и придется вернуться к этому вопросу и рассмотреть возможность создания Российской партии.

Троцкий же не допускал и мысли ни о чем подобном. Поддержанный Бухариным, он заявил, что сохранение прежнего названия — РКП, не говоря уже о придании ей статуса компартии одной из союзных республик, нанесло бы громадный ущерб «для нас по международной линии в борьбе с империалистическими предрас-

судками». Воссоздание Российской партии Троцкий квалифицировал как величайшую опасность еще и потому, что это могло бы привести к «федералистскому раздроблению партии» и оживлению национальных или «великодержавных» настроений. Снять эти вопросы помогла бы, по его выражению, «революционная раскачка». Вопрос об «опасности возникновения РКП...— заявил Троцкий,— разрешится не переименованием, а общим ходом мирового революционного движения и нашего экономического и культурного развития» [30].

Год 1925-й завершился XIV съездом партии. Его вписали в историю как «съезд индустриализации». Такая оценка мне представляется чрезмерно завышенной. Принятые на съезде решения по индустриализации носили общий, декларативный характер. Произошло это не в последнюю очередь из-за разразившейся на съезде ожесточенной борьбы с лидерами «новой оппозиции» Зиновьевым и Каменевым. Назначенному докладчиком по итогам развития промышленности и индустриализации страны Каменеву из-за фракционных разногласий с большинством съезда выступить не дали.

Троцкий на съезде присутствовал, но в дискуссиях не участвовал. Он занял нейтральную или, как он любил выражаться, нефракционную позицию.

В конце декабря на пленуме ЦК при обсуждении вопроса о замене редактора «Ленинградской правды» зиновьевца Закс-Гладнева на сторонника большинства Скворцова-Степанова, видимо, вспомнив свои недавние выступления в защиту внутрипартийной демократии, Троцкий вмешался в спор и поддержал «новую оппозицию». По его мнению — и, видимо, тут он прав,— такой заменой «будет нарушена самая партийная демократия, если без согласования с губкомом» [31]. Речь шла о необходимости учета мнения членов Ленинградского губкома. Участниками пленума речь Троцкого была оценена однозначно — блокируется с «новой оппозицией».

После XIV съезда он активно пропагандировал резолюцию по индустриализации, вставляя из нее выдержки в свои по-прежнему многочисленные речи и доклады, разъясняя, что «эта программа не на год, а на годы» [32]. Вот почему для многих его уход в конце января из ВСНХ стал полнейшей неожиданностью. Троцкий остался в Концессионном комитете. Ранее, летом 1925 г., он сложил с себя обязанности руководителя Научно-технического отдела ВСНХ, передав функции «вдовствующему брату», как тогда в шутку называли Вениамина Свердлова — родного брата Якова Михайловича.

ВСНХ Троцкий покинул при далеко не ясных обстоятельствах. В «Моей жизни» он во всем обвинил «сталинский аппарат», который заподозрил его в том, что он «создал себе новый плацдарм» [33]. По-моему, Троцкий здесь наводил тень на плетень. XIV съезд завершился сокрушительным поражением Зиновьева и Каменева, что при всех прочих обстоятельствах не могло не вызвать у Троцкого внутреннего удовлетворения — наконец-то были повержены те, кто громче и ядовитее других бил по нему в дискуссиях 1923—1924 гг.

Сам этот факт оказался на руку не только Сталину, но и бывшему в течение года его «союзником» Троцкому. Он опять остался в членах Политбюро, хотя к тому времени это уже, может быть, ничего не значило. Но тогда зачем Троцкому нужно было пропагандировать решения XIV съезда, если он был не согласен с большинством Политбюро и лично Сталиным? По инерции? Троцкий, как и Сталин, ничего не делал «по инерции» или «зря», как, скажем, Бухарин или более сдержанный Рыков. Тогда в чем же мотивы ухода?

Поскольку они неизвестны, приходится принять версию самого Троцкого о закулисной борьбе против него «сталинского аппарата». Вероятность этого по крайней мере подтверждается заявлением тринадцати деятелей партии, в числе которых была и Крупская, составивших ядро будущей объединенной левой оппозиции, в адрес июльского (1926 г.) Пленума ЦК и ЦКК. Хотя в нем речь шла о том, что интриги против Троцкого начались через полтора-два месяца после XIV съезда, а из ВСНХ он ушел в конце января. По всей видимости, авторы письма правы и в другом вопросе. Они связали нападки на Троцкого с началом нового этапа в осуществлении давно намеченного и систематически проводимого плана, цель которого — замена ленинского состава Политбюро на новых членов, которые способны «составить надлежащую опору для руководящей роли тов. Сталина» [34].

Вот где сказались положения ленинского «Письма к съезду», в котором устойчивость ЦК и всей партии была во многом поставлена в зависимость от взаимоотношений ее «двух выдающихся вождей». Так субъективный фактор сыграл роль объективных обстоятельств, предопределив развитие, как минимум, внутрипартийных отношений, а как максимум — всей страны.

Состоявшийся в апреле 1926 г. Пленум ЦК ВКП (б) стал первым после полуторагодичного «перемирия», на котором Троцкий в буквальном смысле слова, закусив удила, точно в омут головой, пошел против группировки Сталина.

ПОРАЖЕНИЕ

Уже первый после XIV съезда организационный пленум ЦК ВКП (б) (январь 1926 г.) начался, как принято говорить, с выяснения отношений. «Мое имя значится в предложенном списке членов Политбюро, и, разумеется, более высокого поста не может быть для члена партии,— говорил на пленуме выступавший в числе первых Троцкий.— На съезде, я слышал, Политбюро решило, пленум решил, но я не знаю, что это за решения. Решал, очевидно, какой-то другой пленум, в который я не вхожу. Решение принимается в другом «неофициальном Политбюро, неофициальном пленуме». Выступать против решения, если не согласен, значит вносить дезорганизацию, молчать, когда не согласен, партийная совесть не позволяет. Положение безвыходное». Аналогичная ситуация, по мнению

Троцкого, сложилась с его участием в работе Исполкома Коминтерна. На вопрос Г. Петровского: «Почему вы там не работаете?» — Троцкий ответил: «Меня туда ни разу не вызывали, ко мне никогда не обращались, это все решалось вне Политбюро».

Троцкому возразил Ярославский: «...я не помню ни одного случая, чтобы т. Троцкий по поводу этих решений (Исполкома и Политбюро.— *Н. В.*) высказывался, что он не согласен, или потребовал обсуждения вопроса, или сделал заявление, на каком основании принято то или иное решение» [1]. Возмущенный этой репликой, Троцкий тут же заявил, точно выстрелил: «...объяснение т. Ярославского является воплощением самого настоящего архибюрократизма, связанного с иезуитизмом». Что в словах Ярославского было бюрократического и тем более иезуитского, Троцкий не объяснил, ибо дальше стал жаловаться, что прежний режим в партии «вытекал из борьбы против Троцкого и имел своей целью политическую изоляцию Троцкого» [2].

Большинством голосовавших при одном воздержавшемся Троцкого избрали в Политбюро. По поводу его реплик нелишне заметить следующее. С началом дискуссий в 1923 г. стенограммы пленумов ЦК, конференций и съездов партии стали напоминать чемоданы с двойным дном: обычно выступавшие выставляли наружу то, что им хотелось показать. Сокровенное припрятывалось поглубже. Поэтому при первом знакомстве с текстом стенограмм нередко становишься в тупик: не сразу поймешь, отчего, скажем, так раздражался Троцкий или кто-либо другой. Похоже, они-то знали истинную подоплеку, до которой нам надо доискиваться. Так и с обвинением в «иезуитизме», которое прозвучало не где-нибудь в аудитории Коммунистической академии, а на пленуме ЦК.

Или, например, еще одно обвинение в адрес Троцкого. «Я знаю,— говорил он,— что обо мне стали распространяться, будто я не читаю решений ЦК, а читаю какие-то французские романы... Все решения, которые мне доступны, я читаю... Я не знаю, например, что было *отчуждение между ЦК и верхушкой Ленинградской организации* (выделено мной.— *Н. В.*)... потому и не запомнил решения о питерце в Секретариат» (речь шла о выдвижении секретарем ЦК ВКП(б) бывшего в то время первым секретарем Ленинградского губкома Г. Евдокимова.— *Н. В.*) [3].

Троцкий здесь не просто лукавил, но откровенно напускал словесного тумана. Принимая действительное, а не формальное участие в работе Политбюро, не заметить назревшие чуть ли не в течение года разногласия с Зиновьевым и Каменевым попросту было нельзя. К тому же после XIV съезда эти разногласия стали достоянием всей партии, а не только ее верхушки.

Еще при жизни Ленина, особенно во время его болезни, Троцкий нередко являлся на заседания Политбюро с очередным романом. Вот что по этому поводу заметил на том же январском (1926 г.) Пленуме ЦК Г. Петровский: «...в свое время Владимир Ильич жаловался на заседаниях Политбюро, что мало кто работает. Вот тов. Троцкий,— говорил Ильич,— сидит и английские книжки

читает, мало работает». Троцкий тут же перебил Петровского: «Значит, на этот раз фигурируют английские книжки, а не французские — по крайней мере разнообразие».

Дело, конечно, не в этом, может быть даже и остроумном, уточнении, речь шла о несерьезном отношении человека к своим партийным обязанностям, о пренебрежении к окружающим. Троцкому это действительно было присуще.

Резкое столкновение позиций произошло на апрельском (1926 г.) Пленуме ЦК, называемом «пленумом индустриализации». Выступавший на нем с докладом «О хозяйственном положении и хозяйственной политике» Рыков сделал то, чего не было сделано на XIV съезде: провел сравнительный анализ индустриализации в промышленно развитых капиталистических странах и в СССР, указал источники финансирования, возможные сроки и темпы роста промышленности и сельского хозяйства. Осуществление индустриализации путем внешних займов или при помощи захватов и грабежей других стран, как это обычно происходило при капитализме, для СССР было невозможно. Приходилось опираться на собственные силы. Положение несколько облегчалось тем, что в стране не стало непроизводительных классов, были аннулированы долги другим государствам, промышленность, транспорт, кредитная система, словом, ключевые высоты в экономике оказались в руках государства.

Рыков считал недопустимым грабеж крестьянских хозяйств для создания нужных промышленности финансовых и иных средств в тех масштабах, какие практиковались до Октябрьской революции и в годы военного коммунизма. Он обосновал реальные темпы хозяйственного развития страны. Увеличение промышленной продукции, по расчетам специалистов, должно было составить в 1926 г. 30—40%, в 1927 г.— около 23, в 1927—1928 гг.— 18,8, в 1928—1929 гг.— 15,5, в 1929—1930 гг.— 14,7%. Рост сельскохозяйственного производства за пятилетие планировался в размере 20% [4]. Рыков не выступил вообще против ввоза готовых изделий из-за рубежа. Он предложил сбалансировать импортно-экспортные отношения.

Троцкий резко раскритиковал доклад Рыкова, повторив доводы, приводимые им при обсуждении вопроса на Политбюро, внес в резолюцию поправки, с которыми на девять десятых согласился Сталин. Трудно сказать, что это были за поправки, т. к. они не были приняты.

Троцкий назвал предложенный Рыковым темп «черепашьим шагом» к социализму. «Наша установка в вопросе промышленности была преуменьшенной, минималистской или, если позвольте употребить грубоватое слово, но в нашей партии привычное, *хвостистской*,— говорил Троцкий.— Установка наша в вопросах развития промышленности была преуменьшена...» [5]

Не понравился Троцкому и взвешенный подход к планированию и реализации взаимоотношений с капиталистическими странами. Страна к тому времени исчерпала возможности старой техники и нуждалась в новой. Индустриализация, развитие сельского хозяйства требовали импорта зарубежной техники. Троцкий же видел

только одну сторону, преувеличивая зависимость страны от капитализма.

Особое раздражение у Троцкого вызвали темпы роста народного хозяйства. «Нам нужен возможно быстрый темп, международно обусловленный. Иначе не выйдет»,— заявил он. И затем добавил: «Мы должны стремиться обеспечить максимальный темп». Троцкий не назвал своих цифр роста. Не предложил конкретных путей обеспечения максимальных темпов. Он был далек от решения этого вопроса экономическими средствами, явно увлекался ужесточением мер контроля за производством. «Мы находимся в период первоначального социалистического накопления,— заявил он,— что предполагает *высшее напряжение сил и средств для индустриализации* (выделено мной.— *Н. В.*). Как молодая буржуазия в соответствующий период первоначального накопления жилы из себя тянула, пуритански урезывая себя во всем, так и мы должны действовать» [6].

Для точности скажем, что не вся буржуазия «тянула из себя жилы». Она предпочитала тянуть их из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся, используя меры экономического и внеэкономического принуждения. Сравнение Троцким положения советского рабочего класса с положением буржуазии на ранней стадии капиталистического развития сделано не для красного словца. Он был убежден, что по мере продвижения к социализму рабочий класс все острее будет ощущать одиночество. Вот почему, чтобы не погибнуть в море мелкобуржуазной стихии, ему следовало держать себя в черном теле и по возможности посадить на голодный паек классового антагониста — мелкую буржуазию в лице главным образом трудового крестьянства.

Троцкий недалеко ушел от трактовки закона первоначального социалистического накопления, развивавшегося с начала 20-х годов Преображенским. Закон этот гласит: «Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазно-крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на *отчуждение* (выделено мной.— *Н. В.*) части прибавочного продукта дающих форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т. е. меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности».

Из этого терминологически мудреного определения следовал весьма ясный политический вывод: «...с момента своей победы рабочий класс из объекта эксплуатации превращается также и в субъекта ее. Он не может относиться к своей собственной рабочей силе, здоровью, труду и его условиям так же, как относился к ним капиталист. В этом заключается определенная преграда для темпа социалистического накопления, преграда, которой не знала капиталистическая промышленность в первый период ее развития» [7].

По отношению к самому себе рабочий класс, придя к власти и

взяв в руки средства производства, не хочет относиться так же беспощадно и наплевательски, как к нему относилась буржуазия. Это естественно. А по отношению к другим классам, тому же крестьянству? Тезис Преображенского: из объекта эксплуатации рабочий класс превратился в ее субъекта. И здесь он оказался солидарен с Троцким.

Близость позиций двух лидеров объединенной оппозиции еще более явственна при рассмотрении подхода Троцкого к проблемам развития деревни. Предложенная им на апрельском Пленуме программа носила ярко выраженный антикрестьянский характер. «Я утверждаю: крестьянину было бы выгоднее, если бы его платежеспособный спрос был меньше (!), т. е. если бы известное количество его ресурсов находилось в руках государства, а государство могло бы его уменьшенный платежеспособный спрос покрыть полнее, с меньшими розничными накидками» [8].

Вот где действительно: «Грабь награбленное!» — прямая установка на новое перераспределение крестьянского имущества в пользу государства. Не это ли пока смутное представление (Троцкий его только нащупывал) было в начале 30-х годов реализовано Сталиным в ходе коллективизации сельского хозяйства? Очень похоже. Троцкий предложил, а Сталин осуществил перераспределение имущества крестьян так, что их платежеспособный спрос действительно удовлетворил государство, сократившись настолько, что им было уже не до требований промтоваров, техники, предметов потребления и средств производства, которые раздавались со стороны крестьянства на протяжении всех 20-х годов.

Троцкий высказал еще один не менее странный «прогноз»: год, два, три хороших урожаев приведут к избытку сельскохозяйственных продуктов, который промышленность будет не в силах реализовать. Увеличится товарная интервенция, и возрастут частные накопления. Это создаст реальную угрозу завоеваниям Октября. «...Хороший урожай в условиях роста диспропорции,— говорил Троцкий,— будет означать плюс для капитализма за счет социализма... Если такие плюсы, при нашей пассивности, накоплялись в течение 2—3—4-х лет, то количество могло бы и вовсе перейти в качество» [9].

Низкий урожай — плохо, а высокий — еще хуже! Более чем странная логика!

Не далеко от Троцкого оказались и рассуждения Каменева с Зиновьевым. Каменев усомнился в данных ЦСУ, по которым в деревне насчитывалось около 3% кулаков, 97% — середняков и бедняков. Он вывел свои «точные цифры»: бедняцкая группа (посев до 2 десятин) — 27,6%, середняцкая (от 2 до 8 десятин) — 57,4% и зажиточная (свыше 8 десятин), или, по его терминологии, кулаки,— 14,9% [10]. Этой статистикой Каменев будет оперировать год спустя. Пока же он брал под сомнение цифру кулаков в 3% и считал ее значительно большей. Исходя из своих расчетов, Каменев предложил в контртезисах к тезисам Рыкова освободить от налога 40% крестьян, а это примерно 300 млн рублей ежегодно, и переложить уплату миллионов на кулачество. Так в деревне возобладает проле-

тарская политика. Он считал, что надо повысить зарплату рабочим и служащим, ускорить темпы промышленного роста [11].

Вклад в теорию индустриализации будущей объединенной оппозиции внес и Зиновьев. «...Нынешнее обеспечение смычки с крестьянством лежит на других (чем в докладе Рыкова.— *Н. В.*) путях: нужно индустриализировать самую смычку... Двинуть дело индустриализации». Как это сделать и где взять ресурсы для того, чтобы «двинуть», Зиновьев не объяснил. Осенью 1926 г. в выступлении на московском заводе «Авиаприбор» он предложит свой вариант ускорения: «На полмиллиарда сократить расходы за счет бюрократизма. Взять за ребра кулака, нэпмана — получим еще полмиллиарда. Один миллиард выиграем, поделим между промышленностью и зарплатой. Вот в двух словах наша хозяйственная программа» [12].

Все проблемы Зиновьев стремился решить за счет перераспределения или, проще, изъятия в пользу государства части крестьянского и нэпмановского имущества.

Он первый публично заявлял о близости его позиции со взглядами Каменева и Троцкого. Остался лишь ряд разногласий, но по ключевым проблемам, таким, как индустриализация, отношение к крестьянству, оценка внутрипартийного режима, осуждение «репрессий» против бывших членов «новой оппозиции», их взгляды не только не противоречат друг другу, но фактически совпадают [13]. Это была заявка на оформление объединенной левой оппозиции.

Суть выступления ее лидеров свелась к обвинению большинства Политбюро и ЦК в проведении политики отставания темпов развития промышленности от темпов развития народного хозяйства в целом. Большинство и оппозиция по-разному трактовали проблемы темпов развития, сущность индустриализации. Большинство понимало под быстрыми темпами индустриализации такие темпы, которые обеспечивали бы неразрывный союз пролетариата с основной массой крестьянства, не отрывали бы индустриализацию страны от сельскохозяйственной базы и обеспечивали более быстрый рост тяжелой индустрии, подтягивая отстающие отрасли легкой промышленности. Оппозиция же считала необходимым проведение политики, получившей название сверхиндустриализации. Ее основными элементами были: усиление обложения налогами середняцкого крестьянства (в трактовке оппозиции это выглядело как снижение налогов на 50% с бедняков); повышение цен на товары широкого потребления; изъятие оборотных средств из кооперации.

Надо ли говорить, что политика налогового режима на середняка, высоких цен на промтовары не способствовала упрочению союза рабочего класса с трудовым крестьянством. Повышение цен на промтовары привело бы к автоматическому росту цен на продукты сельского хозяйства и понижению платежеспособности рубля. Наконец, изъятие значительной части оборотных средств из кооперации вело к усилению позиций частного капитала в торговле. В экономической программе объединенной левой оппозиции большинство ЦК столкнулось с тем, что всегда характеризовало троцкизм:

проповедью леворадикальных установок, которые в случае их реализации могли привести к прямо противоположным утверждавшимся в них целям: капитуляции перед капиталистическими элементами.

Проведенная лидерами объединенной оппозиции «амнистия» друг друга, несомненно, облегчила их кающиеся сердца и укрепила потребность в разжигании против большинства ЦК «бузы». На первом этапе деятельность оппозиции достигла кульминации в июне 1926 г. Погожим воскресным днем в одном из подмосковных лесов преданные Зиновьеву лица под руководством секретаря Краснопресненского района партии Беленького и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Лашевича провели собрание-маевку. Все было как в старые дооктябрьские времена: массовость, красные стяги, пьянящие лозунги, призывные речи: «К ответу!», «Долой!» и проч.

Сталин не на шутку встревожился. Поручил своим верным рыцарям в ЦКК Ярославскому и Сольцу провести немедленное расследование, дать событию надлежащую оценку, что и было сделано. Лашевича и Беленького изгнали с партийных постов, лишив причитавшихся им по должности привилегий, к тому же пригрозили исключением из партии. К кое-кому из рядовых участников маевки также применили меры партийного воздействия: объявили выговоры, поставили на вид, предупредили. В ходе расследования выявили — как будто это было неясно и без расследования,— что за кулисами стоял Зиновьев, хотя он, как и полагалось «подпольщику», наотрез отказался признать свою причастность к организации маевки.

Принятые ЦКК меры одобрил июльский (1926 г.) Пленум ЦК. Зиновьева вывели из состава Политбюро, Лашевича — из кандидатов в члены ЦК. Пленум призвал партийные организации пресекать действия фракционеров и не отступать от резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии».

После пленума Троцкий, не изменивший и на сей раз привычке, отбыл в Кисловодск. Отдых его оказался весьма активным. Он выступал с многочисленными лекциями. Видимо, эта сверхактивность послужила поводом для критики, которую он получил от одного лица, неплохо владевшего ситуацией. «Не находите ли вы не совсем тактичным ваше «хождение по массам» (по санаториям) в связи с последними событиями в Цека? — укорял его автор записки, не пожелавший назваться.— Кажется, другие члены П/бюро этого не делают! Член КПБУ, п.б.294557, и другие» [14].

Не единственное письмо. Многие интересовались его взглядами по разным вопросам. Троцкий отвечал, направляя (для сведения?) копии ответов в Политбюро, чаще всего Бухарину. Вероятно, потому, что задаваемые вопросы носили теоретический характер, а Бухарин по тем временам числился одним из главных теоретиков партии.

В Москву Троцкий вернулся в конце сентября, как и положено, отдохнувшим, помолодевшим, чувствуя новый прилив сил. Обстоятельства как будто складывались для оппозиции благоприятно.

Хозяйственные трудности, в том числе и из-за просчетов составленного при участии Каменева еще в 1925 г. экспортно-импортного плана, не только не шли на убыль, но продолжали нарастать. Это будоражило рабочий класс, накаляло и без того горячую обстановку. Количество групп оппозиции, а в них — число членов значительно увеличилось. В Москве только по одному Рогожско-Симоновскому району было зарегистрировано (не сообщалось кем) около 200 человек в оппозиции. Эти люди оказались спаянными фракционной дисциплиной. Они собирались на нелегальные собрания по 3—5 человек, платили членские взносы отдельно от тех, что взимались с них официально в ячейках, где они состояли на партучете.

На октябрьском (1926 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК стали известны факты инструктажей для рядовых оппозиционеров. Один из инструктируемых, Боярский, при разборе его персонального дела в Замоскворецкой РКК сообщил: «Вот как они меня наставляли держать себя на ячейке. Когда нужно голосовать — не голосуй ни за, ни против, если будет необходимо, тогда *голосуй за*, не выступай ни по какому вопросу против, дабы не навлечь на себя тень какого-либо подозрения, что ты в оппозиции. Если ты провалишься, то отвечай только сам, не бойся, *скоро мы ударим бой* (выделено мной.— *Н. В.*) и всех исключенных восстановим в их стажах» [15].

Если такие признания отражали реальное положение дел, а не были подсказаны самой ЦКК (от таких ее работников, как Ярославский, Сольц, Янсон, всего можно было ожидать), то они с весьма нелестной стороны характеризовали методы внутрипартийной борьбы, использованные как верхушкой объединенной оппозиции, так и большинства. Ведь, по сути, оппозиция действовала провокационно, подбивая людей на выступления и предпочитая стоять в сторонке, чтобы создать видимость стихийного волеизъявления масс. В случае неудачи она снимала с себя всякую ответственность за выступления. Не более прилично вело себя и большинство. Судя по показаниям Боярского, оппозиция если и не знала в точности о возможности использования органов ГПУ в борьбе против нее (кто, кроме этих органов, мог бы зарегистрировать количество оппозиционеров в том же Рогожско-Симоновском районе?), то подозревала о такой возможности. Особенно после дела Лашевича, в котором участвовали агенты ГПУ.

С возвращением Троцкого в Москву в дело включились главные силы объединенной оппозиции. Последовали одно за другим выступления ее лидеров на партийных собраниях в Москве и Ленинграде. Фактически это была попытка явочным порядком навязать партии новую общепартийную дискуссию. Лидеры оппозиции бросили вызов решениям июльского Пленума ЦК, потребовавшего на данном этапе воздержаться от дискуссий широкого плана, чтобы не дергать людей и не отвлекать их от дела.

Из постановления комиссии ЦКК: «а) 30/IX — 26 г. т. Троцкий по телефонному вызову неизвестного т. Троцкому человека явился в ячейку службы тяги Рязанско-Уральской ж. д. Замрайкома, где

происходило собрание под председательством исключенного МКК бывшего секретаря ячейки Ткачева...

Зная от самих членов партии, оставшихся на этом собрании, что председательствует исключенный из партии, т. Троцкий приступил к обсуждению правильности действий райкома и МКК в отсутствие представителей последних, действуя, таким образом, через голову местной организации и не будучи уполномоченным на это ЦК партии» [16].

Конечно, плохо, что собрание проходило «в отсутствие», что Троцкий не был уполномочен ЦК участвовать в нем. Но, если быть реалистом, кто бы уполномочил его на это, даже если бы он и очень захотел? А вот откуда или, точнее, от кого ЦКК стали известны такие подробности, как, например, та, что Троцкий получил вызов на собрание по телефону? Это, как говорится, вопрос. Не был же он настолько наивным, чтобы пуститься в путь по приглашению «неизвестного человека»?

Резонно предположить, что Троцкий поехал на подготовленное собрание, организованное известными ему людьми. Троцкий не любил быть побежденным, значит, нужна была предварительная работа с теми, кого он был призван «распропагандировать». Да и к внешним «приличиям» он был небезразличен, напоминая в этом Ивана Карамазова из известного романа Ф. Достоевского. Тот, как известно, очень обиделся на черта не за то, что проиграл ему идейный спор, а потому, что черт явился в стоптанных домашних туфлях и потертых на коленях брюках, без люциферовского блеска, шума, крика и посвиста.

На собрании, о котором шла речь, сторонники оппозиции приняли резолюцию в поддержку своей платформы. Согласно Извещению ЦК ВКП(б) о внутрипартийном положении от 16 октября они, как и в дискуссии 1923 г., получили перевес и в ряде других, главным образом вузовских ячеек Московской парторганизации (каких конкретно, не говорилось). Иная картина была в промышленных организациях. Даже на заводе «Авиаприбор», где в собрании участвовали Троцкий, Зиновьев, Пятаков и другие, склонить рабочих на свою сторону им не удалось.

Не увенчался успехом наезд Зиновьева в Ленинград. Давая 19 октября показания на комиссии ЦКК, он заявил: «Конечно, моя поездка в Ленинград была *поездкой войны*. Мы считали, что *дискуссия назрела*, что дискуссия неизбежна... Четверг был единственным днем, когда перед ленинградскими ячейками можно было что-нибудь сказать» (оказывается, не такие простаки были лидеры оппозиции, если учитывали даже день недели для своих выступлений.— *Н. В.*). И далее: «Я приехал, сговорившись с группой товарищей (уверен, что так же «сговаривался» и Троцкий, прежде чем куда-то ехать.— *Н. В.*), старых ленинградцев, с тем чтобы, *если в Москве не окажется ни малейших шансов, что дело идет в нашу пользу, выступить в Ленинграде.* За 5 минут до того, как я приехал на Путиловский завод, я еще не знал, буду ли я там выступать или нет, но, поговорив по телефону и узнав, что *дело в Москве не двигается с места*, что в Москве нет никаких

серьезных шансов на успех, я решил, что единственная возможность нашего успеха заключается в выступлении перед ленинградскими товарищами. *То, что это выступление было нарушением партийной дисциплины,— я это признаю*» [17].

Оппозиционеры знали, на что идут, чем это для них чревато лично, какими негативными последствиями для положения дел в партии может обернуться. Словом, ни для кого никаких секретов здесь не было, потому что была новая попытка перекроить в свою пользу соотношение сил в партийных верхах. Все та же аппаратная возня, в которой Троцкий и другие столь ожесточенно обвиняли правящую фракцию Сталина.

Стоит ли удивляться, что партийные массы не изъявили полагавшейся им, по расчетам оппозиционеров, «революционной готовности» поддержать их в борьбе за эту перекройку. Судя по всему, массы устали не только от повседневных тягот быта, работы, но и от бесконечных дискуссий, дерганий по пустякам. Не надо думать, что, когда речь заходит о действительно принципиальных, а не сиюминутных вопросах, массы «по неграмотности» не в состоянии разобраться в их сути. Перефразируя известное положение о том, что жизнь идет вперед противоречиями, можно сказать, что позиция социальных слоев и групп определяется их интересами, тем, насколько данное явление отвечает или нет этим интересам.

С 1 по 8 октября из присутствовавших на собраниях в Московской организации 53 208 членов партии оппозицию поддержал лишь 171 человек и 81 воздержался при голосовании [18]. Допустим, что цифры занижены. Увеличьте их в 10, 20 раз, все равно это мизер, который не давал никаких надежд на возможность изменить хоть что-то в пользу оппозиции. Аналогичная картина была и в Ленинграде. Из 34 180 участников собраний с оппозицией солидаризировались только 325 человек [19].

Обескураженные таким итогом лидеры оппозиционного блока дали задний ход. 16 октября они сделали заявление, в котором признали, что в ряде случаев после XIV съезда допустили шаги, являвшиеся нарушением партдисциплины, выход за установленные партией рамки идейной борьбы на пути фракционности. «Считая эти шаги безусловно ошибочными, мы заявляем, что решительно отказываемся от фракционных методов защиты наших взглядов... призываем к немедленному роспуску всех фракционных группировок, образовавшихся вокруг взглядов оппозиции». Признали обязательными для них решения XIV партсъезда, ЦК и ЦКК: «Свои взгляды каждый из нас обязуется отстаивать лишь в формах, установленных уставом и решениями съездов и ЦК, в убеждении, что то, что в этих взглядах правильно, будет принято партией в ходе ее дальнейшей работы» [20].

Это заявление было с удовлетворением воспринято всей партией, что нашло отражение в Извещении ЦК ВКП(б) о внутрипартийном положении от 16 октября. «Правда» назвала Извещение и заявление оппозиции «историческими документами». Казалось бы, повторялась ситуация начала декабря 1923 г., когда после ряда взаимных

согласований и уступок сторонам удалось достичь компромисса и принять известную резолюцию «О партстроительстве». Правда, впоследствии оказавшейся практически недееспособной.

На этот раз до резолюции не дошло. Но сознание необходимости проявить столь уместную в данном случае сдержанность присутствовало. Как отмечал Каменев, сделанное шестью лидерами оппозиции заявление рассматривалось ими как обязательство «свести к минимуму наши выступления в данный момент, когда атмосфера разгоряченной борьбы еще далеко не успокоилась и когда грозит опасность того, что любое наше выступление может быть понято как подготовка новой борьбы или как нападение на Центральный Комитет» [21].

Большинство сочло себя хозяином положения. Так оно и было. Вот бы и использовать превосходство в целях укрепления партийного единства. Это не значило уступить по принципиальным вопросам. Просто следовало отнестись к оппозиции действительно сдержаннее, чем это было в ходе навязанной ею дискуссии. Однако в печати, особенно местной, продолжили публикацию материалов, в которых по-прежнему в весьма нелицеприятных выражениях аттестовалась деятельность оппозиционного блока. Об этом с обидой говорил на XV партконференции Зиновьев: «...мы вовсе не ожидали, что после нашего заявления сразу начнутся объятия. Конечно нет. Мы знали, что идейная борьба будет продолжаться, но мы ожидали, что тон нашей прессы должен измениться» [22].

Означает ли это, что вся ответственность ложилась на большинство? Не уверен. Может быть, Каменев и Зиновьев действительно собирались поступить так, как они и говорили выше. А Троцкий? А остальные? ЦКК располагает данными, что и после заявления 16 октября в Москве происходили встречи, не носившие, конечно, характера официальных совещаний. Ходили «в гости пить чай». Об этом на бланке ЦКК в письме от 7 февраля 1927 г. за № 631—68 Ярославский сообщил Троцкому. Тот бурно протестовал. Но ответа Ярославскому не послал. Зиновьев отсоветовал. «Сильно колеблюсь,— писал он Троцкому по поводу его гневного ответа.— Не начнет ли Яр[ославский] отвечать? То есть — разведет склоку в кубе...» [23] Зиновьев не стал бы зря осторожничать. Выходит, он сомневался в безгрешности оппозиции.

Заявление шестерки послужило ЦКК основанием для восстановления в партии тех оппозиционеров, которых исключили до 16 октября. Единственным условием было требование не вести фракционной борьбы. Как рассказал один из главных конструкторов замирения с оппозицией, Г. Орджоникидзе, им приходилось с некоторыми товарищами «по три дня возиться», чтобы *уговорить* (выделено мной.— *Н. В.*) остаться их в партии. Таким образом, удалось восстановить в партии почти 90% от исключенных».

Эти меры вызвали большое недовольство во многих партийных ячейках, боровшихся с оппозицией. «Я знаю,— говорил Орджоникидзе,— что за это похвалы не получишь, но я докладываю это не для того, чтобы нас похвалили или чтобы поругали, а для того,

чтобы показать, что мы сделаем буквально все для облегчения товарищам выполнения их заявления от 16 октября».

К сожалению, лидеры оппозиции оценили эту тактику по-своему. Как говорил тот же Орджоникидзе, «наплевали на все это и стали рассматривать такое наше отношение как наше бессилие, как нашу слабость, стали сочинять всякие легенды о разногласиях внутри Центрального Комитета, о трех и четырех группах и т. д.» [24].

Сталин тут же использовал ситуацию на состоявшемся 23 октября объединенном пленуме ЦК и ЦКК, рассмотревшем вопрос о подготовке к XV партконференции. В ее повестку дня по его инициативе внесли вопрос «Об оппозиции и о внутрипартийном положении». Кроме того, на пленум пригласили делегацию от Исполкома Коминтерна. Она дала низкую оценку работе председателя ИККИ Зиновьева и по поручению ряда компартий выразила просьбу об освобождении его с занимаемого поста. По предложению членов ЦК от Ленинградской организации (как в свое время это делалось Зиновьевым) С. Киров внес проект постановления о внутрипартийном положении в связи с фракционной работой и нарушением партийной дисциплины со стороны ряда членов ЦК.

Проект приняли за основу. В результате появилось постановление пленума ЦК и ЦКК. За нарушения партдисциплины ядру оппозиции членам ЦК Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Пятакову, Евдокимову, Сокольникову, Смилге и кандидату в члены ЦК Николаевой вынесли предупреждение и поставили на вид. Зиновьева сняли с поста председателя Исполкома Коминтерна. Кроме того, Троцкого вывели из членов Политбюро, а Каменева — из кандидатов в члены Политбюро. 26 октября участники пленума были ознакомлены с тезисами Сталина «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)». Это был по существу проект резолюции, одобренной пленумом и внесенной на XV конференцию партии.

Во второй половине дня 26 октября по поручению ЦК и ЦКК Рыков открыл конференцию. Троцкий, Зиновьев и Каменев присутствовали с правом совещательного голоса. Впервые после победы Октября на партийном форуме такого масштаба ни один из них не был избран в президиум, равно как и ни в какие другие органы конференции. Доклад о международном положении сделал Бухарин, хозяйственном — Рыков, задачах профсоюзов — Томский. Оппозиционеры оценили их как окончательное торжество «правого уклона» в политике ЦК. Никто из них не принял участия в прениях по докладам, хотя выступило свыше 70 человек. В общем-то, конференция шла в привычном русле.

На пятый день работы конференции, 1 ноября, с докладом «Об оппозиции и о внутрипартийном положении» выступил Сталин. Стенограмма фиксирует, что его появление на трибуне было встречено бурными продолжительными аплодисментами: «Все делегаты встают; овация». Каково все это было видеть Троцкому или Зиновьеву, которых так же или почти так же приветствовали фактически те же самые люди и совсем недавно.

И бурные аплодисменты и другие атрибуты почитания Сталина,

отмеченные стенограммой, отражали действительную картину, а не были результатом ее «редактирования» Товстухой или Мехлисом. Говорю об этом не зря. В центральном партархиве я обнаружил записочку: «Товарищу Молотову. Прошу проверить предлагаемую стенографическую запись Вашего выступления на заседании Пленума ЦК ВКП(б) от 15.XII.1925 г. и по возможности вернуть ее сегодня же» [25]. Казалось бы, что тут необычного? Просьба как просьба. Все это так, если бы... Под просьбой проверить стенограмму стояла подпись Мехлиса, будущего начальника Пура, главного редактора «Правды», правой руки Сталина на «идеологическом фронте». Может быть, уже и в 1925-м это была не просто просьба выступавшему отредактировать собственные речи. Может, и тогда уже стенограммы обрабатывались в «нужном направлении»? Не зря же на одном из пленумов ЦК середины 20-х годов возник горячий спор по поводу того, что выправленные стенограммы — не знаю уж кем, то ли выступавшими, то ли кем-либо вместо них — нередко не отражали, а попросту искажали смысл реальных речей.

Доклад Сталина, как и полагалось восходящему лидеру, неоднократно прерывался продолжительными аплодисментами и возгласами «правильно!», когда он излагал политику большинства ЦК, смех и презрительные выкрики зала поощряли сталинские саркастические оценки оппозиции. Словом, зал не был безучастным. Журналисты тех лет говаривали обычно в таких случаях, что доклад прошел «с огоньком».

С присущей ему дотошностью, назойливыми повторами и возвратами «к истокам» Сталин осветил этапы развития оппозиционного блока, показал процесс его разложения, выявил ошибки оппозиции, указал, что рассчитывать ее лидерам не на что и не на кого, что партия как никогда едина. В заключение Сталин обвинил объединенную оппозицию в скатывании к социал-демократическому уклону. По тем временам не было упрека страшнее, чем такое обвинение. Но изощренный политик Сталин не закрыл оппозиции дорогу к возвращению в лоно большинства, он по-отечески предупредил, что «еще не поздно отойти от этого уклона, к чему мы и призываем оппозиционный блок» [26].

Всем было, конечно, любопытно, как лидеры оппозиции выберутся из глубокого нокдауна, в который «отправил» их Сталин. Надо сразу признать, что выбирались они плохо. Выступивший сразу же после доклада Сталина Каменев под веселые реплики и смех делегатов попытался доказать, что оппозицию можно было обвинить в чем угодно, только не в социал-демократическом уклоне. В этом Каменев был абсолютно прав. Потому что вся аргументация Сталина держалась на методологически уязвимой посылке: поскольку оппозиция отвергала возможность победы социализма в СССР, вела против партии (т. е. большинства) дезорганизаторскую деятельность, постольку ее позиции сближались с позициями международной социал-демократии.

В регламент Каменев не уложился. Долго препирался с залом и председательствующим, чтобы ему, говорившему уже час, дали еще

полчаса. В конце концов его просьбу уважили. Однако и эти полчаса он использовал не лучшим образом, убеждая конференцию установить налоговый нажим на кулака, чтобы помочь бедняку и вместе с ним строить социализм.

На вечернем заседании 1 ноября друг за другом выступили непримиримые враги Ярославский и Троцкий. Хотя почему непримиримые? Кто мог бы сказать, как повел бы себя Ярославский, возьми верх Троцкий. Ярославский, естественно, уличал лидеров оппозиции в беспринципности, что, естественно, «подогрело» Троцкого. Ссылаясь на Ленина, перемежая ссылки выдержками из собственных произведений, Троцкий попытался обосновать два главных тезиса. Первый. Неразрывность революции и построения социализма в одной отдельно взятой стране с развитием мирового революционного процесса, с международным положением страны. При этом имелась в виду именно наша страна, которая в экономическом отношении хотя и была отсталой, но обладала громадной территорией, неисчерпаемыми по тогдашним меркам природными и людскими ресурсами, рабочий класс который вместе с трудящимся крестьянством находился у власти и сохранял командные высоты в народном хозяйстве. И второй. Связь социалистического строительства с постоянным учетом и, если надо, умелой корректировкой соотношения сил внутри страны, неуклонное совершенствование форм политического союза и экономического сотрудничества двух ведущих классов: рабочего и крестьянства, при непременном участии в этом союзе и сотрудничестве других социальных слоев и групп.

Троцкий справедливо критиковал сначала на конференции, а затем в речи на VII расширенном Пленуме ИККИ упрощенный подход Сталина к этим положениям. Разве не примитивно само по себе прямолинейное утверждение Сталина: 1) «Кто отрицает возможность построения социализма в одной стране, тот должен *обязательно* (выделено мной.— *Н. В.*) отрицать и правомерность Октябрьской революции» [27] и 2) «построить социализм в СССР это значит преодолеть в ходе борьбы своими собственными силами нашу, советскую буржуазию» [28].

Троцкий был активным участником Октябрьской революции. И не мог ее отрицать. Но в условиях экономической отсталости страны он недооценил способность трудящихся своими силами, без прямой или, как он не раз писал, «государственной», т. е. взявшего в руки власть пролетариата передовых стран Европы, помощи обеспечить победу революционным завоеваниям. На такую помощь, как показали события 20-х годов, рассчитывать, к сожалению, не приходилось. Тогда что же оставалось? Экспортировать революцию в другие страны или сидеть сложа руки, ждать у моря погоды? Когда всю страну вздыбили, подняли такие массы народа, погубили миллионы в гражданской войне? Выходит, зря, выходит, только ради того, чтоб подтвердить справедливость или абсурдность чьей-то идеи? Нет, такого рода прожектерство в большой политике дорого обходится. Троцкий не раз писал и говорил о замедлении темпа мировой

революции, наступлении пусть шаткой, готовой в любой момент прерваться, но все-таки относительной стабилизации мирового капитализма. Тем не менее главный упор в оценке перспектив революционного развития страны он сделал на победу революций в передовых капиталистических странах. И здесь догматик взял в Троцком верх над реалистом.

Троцкий не отрицал, что в СССР социализм не только можно, но и нужно было строить. Об этом он не раз говорил в своих выступлениях в 1925—1926 гг. Прав он был и в том, что победа социализма не сводилась лишь к победе над собственной буржуазией. Но при этом, подобно Сталину, он приходил к выводу, что советский рабочий класс и трудовое крестьянство — это классы-антагонисты, как при капитализме пролетариат и буржуазия. Отсюда следовало, что преодолеть этот антагонизм можно, только ликвидировав раздробленность крестьянских хозяйств, т. е. того самого крестьянина-единоличника, который в его представлении ассоциировался с враждебной социализму мелкобуржуазной стихией.

Отсюда и предлагавшийся Троцким темп развития промышленности, программа «сверхиндустриализации». Вот его подлинные слова. «Что мы социализм строим — правильно; что мы его построим рука об руку с мировым пролетариатом — бесспорно. (Смех.) Я думаю, что неправильно смеяться на конференции коммунистической партии, когда говорят о построении социализма рука об руку с мировым пролетариатом. (Смех. Голоса: «Демагогией не занимайтесь». «На этом нас не подыграете».) Но я говорю, что черепашьим шагом мы социализма не построим никогда, ибо нас все строже контролирует мировой рынок. (Возглас: «Вы струсили».)» [29].

Так была воспринята речь Троцкого. Пришлось оспаривать теоретические формулы Сталина и отбиваться от нападок. Как видим, реакция зала была далека от корректной. Внешне могло показаться, что шел крутой теоретический спор между двумя направлениями в партии, но в действительности это была не дискуссия. Сталин и Троцкий, не желая признаться друг другу, а возможно, даже не подозревая, фактически защищали одни и те же позиции. С той только разницей, что Сталин упрямо твердил: строили, будем строить социализм и построим. А Троцкий как будто наоборот, но ведь туда же: строили, строим, но построить пока не сможем.

Характерно, что довольно близки были и их представления о будущем социалистическом обществе. По Троцкому: «Построение социализма предполагает *уничтожение классов*, замену классового общества социалистической организацией всего производства и распределения. Дело идет о преодолении противоречий между городом и деревней, что, в свою очередь, требует глубокой индустриализации сельского хозяйства. И все это в условиях дальнейшего капиталистического окружения» [30].

Разве не этот идеал социализма, взятый Троцким у Маркса и исповедовавшийся Лениным до 1921 г., манил собой многие поколения советских людей? Разве не о таком социализме мечтали Сталин,

Бухарин, Рыков и другие? Даже в модель «развитого социализма» попали штришки троцкистского образа нового общества. Из него же еще в 50-е годы советское обществоведение сконструировало «вторую стадию» коммунистической общественно-экономической формации — коммунизм.

Таким образом, разгоревшийся в 1926 г. спор между Троцким и Сталиным был спором двух идентичных позиций и подходов к решению задач социалистического строительства. В одной стране, как настаивал Сталин, или в мировом масштабе, на чем стоял Троцкий,— какая разница? К тому же во второй половине 40 — начале 50-х годов Сталин совсем в духе Троцкого реализовал идею «мировой революции», распространив ее модель на ряд стран Европы и Азии. Получается, что напрасно они обнажали шпаги. Тогда же 29 октября 1926 г. в заметке для себя «Ответ на обвинения в социал-демократическом уклоне» Троцкий писал: «Я ни в коем случае не хочу преуменьшить разногласий. Они весьма серьезны. Дальнейший опыт даст их проверку. Но это *целиком* (выделено мной.— *Н. В.*) разногласия в рамках политики нашей партии и нашего государства» [31]. Как знать, что бы вышло, соедини они свои усилия в то время...

Внутрипартийная борьба то затухала, то вновь вспыхивала. К осени 1927 г. она была перенесена в первичные партийные организации. Как и за год до этого, лидеры оппозиции «пошли в народ». В архиве Троцкого имеется ряд списков коллективов, желавших выслушать мнение оппозиции, в первую очередь его собственное. Среди них были главным образом беспартийные рабочие слесарного цеха завода «Манометр» (23 подписи), подписные листы с 55 и 29 подписями рабочих без указания предприятий. Есть и такая записка: «Тов. Л. Д. Троцкому. Тов. Троцкий. Мы, рабочие фабрики «Красная оборона» № 2 Москвошвей, просим Вас присутствовать в клубе на вечере, посвященном 10-й годовщине Октября, и сделать личное воспоминание об Октябрьском перевороте. Адрес: Сущевская ул., д. 27, клуб им. Октябрьской революции. Подписи: [следует 427 подписей]» [32].

В связи с приближавшимся десятилетием Октябрьской революции Троцкий получал приглашения от рабочих многих других фабрик и заводов выступить с докладом или воспоминаниями. 1 ноября он направил приветствие общему собранию рабочих завода имени Владимира Ильича. 250 рабочих просили его сделать доклад, но не сообщили дату собрания. Троцкий узнал о собрании лишь за час до его проведения, вынужден был ограничиться приветствием.

На ряде предприятий встречи с рабочими выливались в жаркую полемику. Разосланный Зиновьевым за несколько недель до XV съезда в руководящие партийные инстанции документ гласил: «На районных, как и на общегородских, собраниях активов и в Москве, и в Ленинграде, и, наверное, в других городах находились заранее организованные, т. е. подготовленные и соответственно размещенные, небольшие, но готовые на все группы, которые криками, угрозами, свистом, бранью срывали выступления оппозиционеров.

Ни на одном собрании руководители не приняли мер для успокоения этих групп или удаления их из зала... Такой член партии, как Иван Никитич Смирнов,— писал Зиновьев,— 25 лет состоящий в нашей партии, известный широчайшим кругам рабочих, глубокоуважаемый всеми товарищами, которым приходилось с ним работать в подполье, в Красной Армии и на советской работе, не мог использовать предоставленных ему для освещения итогов Пленума ЦК (октябрьского 1927 г.— *Н. В.*) десяти минут на московском активе. Его выступление, совершенно лояльное и спокойное, срывала и срывала организованная кучка, при попустительстве председателя кандидата Политбюро тов. Угланова» [33].

Стоит ли удивляться поведению участников московского партактива, если и на октябрьском пленуме ЦК обстановка еще менее располагала к общению сторон. Стенограмма пленума была напечатана в «Правде» 2 ноября 1927 г., и при желании с нею можно познакомиться. Троцкому на пленуме не только не дали говорить, выкрикивая оскорбления в его и других оппозиционеров адрес. Кубяк запустил в него стаканом, Ярославский — томом контрольных цифр развития народного хозяйства страны, Шверник — книгой. Кто-то даже попытался стащить Троцкого с трибуны. «Ни один из указанных выше хулиганских поступков (Ярославского, Шверника, Кубяка и многих других) не встретил даже и тени осуждения со стороны президиума»,— возмущался Троцкий в письме в Секретариат ЦК ВКП(б) 24 октября.

Никакой реакции на его письмо не последовало. К таким приемам «полемики» на пленумах ЦК, похоже, привыкли. Так было и на предыдущем, августовском пленуме. Когда Каменев начал критиковать высказанные в резкой форме претензии большинства ЦК к объединенной левой оппозиции, заметив, что при Ленине подход к оппозиционерам был более спокойным и взвешенным, Голощекин перебил его вопросом: «Кто вам написал то, что вы читаете?»

«А вы просто дурак»,— ответил Каменев.

Шкирятов: «...Нельзя ли без таких выражений? По-вашему, все дураки, только вы умные».

Голощекин: «Это можно слышать только от глупого человека, который научился языку фашистов».

Каменев: «Вы меня, товарищи, послали к Муссолини» [34], и т. д.

А вот еще образец «взаимной вежливости». В речи на пленуме Ворошилов рассказал о деятельности партийных ячеек в Красной Армии и обвинил Троцкого в чрезмерном пристрастии к репрессиям против командного и рядового составов, в случаях расстрела членов партии. Троцкий, перебив Ворошилова, закричал: «Вы лжете совершенно сознательно, как бесчестный каналья, когда говорите, что я расстреливал коммунистов». Ворошилов: «Сами вы каналья и отъявленный враг нашей партии...» Голос: «Призвать к порядку. Канальями называют». Другой голос: «Какие канальи здесь?» Ворошилов: «Ладно, черт с ним». Троцкий: «Что же, меня будут обвинять, что я расстреливал коммунистов, а я буду молчать». Подвойский: «Вы расстреливали коммунистов. Я список расстрелянных представлю» [35].

В такой обстановке трудно было найти хотя бы подобие совместного решения. Тем более что таким «непарламентским» способом действовала сама оппозиция. По словам Троцкого, она «очень искусно подготовила большое собрание в зале Высшего технического училища (МВТУ имени Баумана.— *Н. В.*), который был захвачен изнутри. Набилось свыше 2 тысяч человек. Большая толпа оставалась на улице. Попытки администрации мешать нам оказались бессильными (Троцкий умалчивает, что бессильными они оказались, потому что троцкисты расставили повсюду своих молодчиков с дубинками, которые и «обеспечивали порядок».— *Н. В.*). Я и Каменев говорили около двух часов» [36].

Нередко в ход пускались «аргументы» весьма сомнительного свойства. Вот лишь один пример. Протокол № 16 собрания кандидатской группы ВКП поселка Сохондо Читинского округа: «Заседания двух членов ВКП(б) тт. Ив. Русак и Елены Русак, кандидата тов. Малкова в присутствии членов ВЛКСМ — 7 чел. и беспартийных — 16 чел.— сентябрь 1927 г. Слушали: 3. Об оппозиции Троцкого и Зиновьева. Тов. Русак указал: «Троцкий давно начал вести раскольническую политику. Троцкий не может быть коммунистом, сама его национальность указывает, что ему нужна спекуляция. Зиновьев одно время, я помню, Троцкого осаживал на пленуме, но видно, Зиновьев с Троцким покумились. Они ошиблись в русском духе, за этими нэпачами русский рабочий и крестьянин не пойдет». Постановили: «Удалить из членов Коминтерна и Профинтерна как разлагающих единство, стальной ленинизм — исключить из состава ВКП(б). Да здравствует единство ленинизма, долой раскольников. Подлин.[ник]подписали: Председатель Русак Е., секретарь Малков. Сентябрь 1927 г.» [37].

Состоявшийся 21—23 октября объединенный Пленум ЦК и ЦКК наряду с резолюцией «О дискуссии», предусматривавшей развертывание общепартийной дискуссии, принял решение «Об исключении тт. Зиновьева и Троцкого из ЦК ВКП(б)». В вину им было поставлено нарушение Устава партии и данного ими ранее обещания о прекращении фракционной деятельности, а также попытка создать «вторую партию». Материалы их дела решили передать на рассмотрение предстоявшего XV съезда ВКП(б).

С этого момента оппозиция стала использовать новые формы деятельности — организацию массовых мероприятий, апелляцию «к улице», ставку на беспартийные круги, безудержную демагогию. В инструктивном послании «О выступлениях в дискуссии» от 2 ноября 1927 г. Троцкий потребовал не только не избегать острых вопросов, но самим выдвигать их. «Всякое смазанное выступление, обходящее наиболее острые разногласия, способно принести оппозиции не пользу, а вред»,— наставлял он.

7 ноября в Москве и Ленинграде группы сторонников оппозиции вышли на демонстрацию с лозунгами и плакатами: «Против оппортунизма, против раскола — за единство ленинской партии», «За ленинский ЦК ВКП(б)», «Повернем огонь направо — против кулака, нэпмана, бюрократа», «Выполним завещание Ленина». Кое-кто

нес портреты лидеров оппозиции, к тому времени запрещенные для вывешивания в публичных местах: Троцкого, Зиновьева, Каменева и других [38].

В Москве демонстрация кончилась стычкой двух группировок. Плакаты не вызывали особого возмущения — в них не было ничего крамольного. Беспорядки и стычки начались из-за портретов. На подходе к Красной площади из местных колонн начала формироваться общая колонна демонстрантов. И тогда определенные лица, скорее всего не без ведома ОГПУ, стали вырывать из рук оппозиционеров портреты их вождей, транспаранты и лозунги.

Досталось проезжавшим по городу на автомобиле Троцкому, Каменеву, Смилге и Муралову. Они обращались к колоннам демонстрантов с приветствиями. В Краснопресненском и других районах лидеров сначала приветствовали криками «ура!». Но вскоре на них набросилась группа людей, среди которых были и члены партии. Атаковавшие попытались вытащить лидеров из машины. К ним на защиту устремилась кучка верных людей из демонстрантов. Началась свалка и драка. Вожди поспешно ретировались. На Семеновской улице милиционеры и военные стреляли вслед их машине.

Острый инцидент произошел во время прохождения колонны демонстрантов Хамовнического района. Около 11 часов на балкон Дома Советов № 27 (бывшая гостиница «Париж»), выходивший на угол улиц Охотный ряд и Тверская, поднялись член ЦК ВКП(б) и ЦИКа Смилга, исключенные к тому времени из партии Преображенский, Мрачковский и другие. Они обратились к манифестантам с речами. На балконе висел лозунг «Назад к Ленину!». Из колонн слышалось «ура!». Затем шедшие со знаменами во главе колонн стали кричать «долой!».

Опешившие на первых порах организаторы всей колонны района пришли в себя и стали отделять из проходивших небольшие отряды вооруженных свистками, пищалками, камнями, палками и другими предметами и оставлять их под балконом Дома Советов № 27. Сюда же на автомобилях прибыли секретарь Краснопресненского райкома Рютин (да, тот самый, который в начале 30-х годов доставит столько неприятностей Сталину из-за своего несогласия с его диктатурой), председатель райсовета Минайчев, секретарь МКК Мороз и другие члены МК и МКК. С группой командиров прибыл начальник Политуправления Московского военного округа Булин. Толпа закипела. К крикам «Долой!» и «Бей оппозицию!» добавились антисемитские. С балкона квартиры Подвойского, находившегося в Доме Советов № 1, в Смилгу и Преображенского полетели картошка, палки.

За «артподготовкой» начались «военные действия». По приказу Булина какой-то красноармеец забрался на балкон квартиры Смилги и сорвал полотнище с именем Ленина. Стоявшие на балконе вывесили другой: «Выполним завещание Ленина!» Никто не собирался уступать. Атаковавшие пошли на штурм квартиры. Первыми в подъезд ворвались Рютин, Вознесенский и Минайчев. Дверь взломали. Булин с группой военных курсантов набросился на нач-

дива Мальцева, другие — на Смилгу и Преображенского. Их начали избивать. Досталось Альскому, Гинзбургу, Мдивани, Малюте, Юшкину.

Наблюдавшие сцену Мороз и член бюро МК Цифринович в ответ на призывы избиваемых помочь спокойно ответили: «Молчите, а то хуже будет. Так вам и надо». Изрядно помятых, их заперли в комнате и к дверям поставили караул. Выходить не разрешили. В комнате за ними приглядывали член МК Шумяцкий и Минайчев [39].

Аналогичной атаке подверглась квартира члена партии с 1913 г. А. Николаева, проживавшего на углу улиц Коровий Брод и Бакунинской. Там на балконе тоже висели лозунги: «Выполним завещание Ленина», «За подлинную рабочую демократию», «Да здравствуют вожди мировой революции Троцкий и Зиновьев», портреты Троцкого, Зиновьева и Ленина. В числе «налетчиков» оказались секретарь райкома Цихон, бывший меньшевик, преподаватель академии Ходоров и председатель Бауманского райсовета Сафронов. Пытавшегося сопротивляться Николаева скрутили довольно быстро. Цихон кричал: «Молчи, сволочь, ты не делал революцию!», «Молчи, сволочь, не то арестую!» и т. д.

Протесты пострадавших, направленные в Политбюро ЦК ВКП(б), Президиум ЦКК и ЦК ВКП(б), остались без ответа. Точнее, в ответ на них 11 ноября 1927 г. ЦК ВКП(б) принял письмо «Ко всем организациям ВКП(б)». В нем сообщалось, что оппозиция разбита наголову в партийных организациях. Партия в целом, ее рабочие ячейки в особенности, ясно и решительно отмежевались от оппозиции, изолируя ее как антипартийную и раскольническую кучку. Это обусловило переход оппозиции к «новому», «меньшевистскому» пути. ЦК осудил действия оппозиции 7 ноября в Москве и Ленинграде. И призвал всех коммунистов принять решительные меры против ее попыток перенести партийную дискуссию за пределы партии.

14 ноября состоялось специальное заседание ЦК и ЦКК, на котором был рассмотрен вопрос «Об антипартийных выступлениях лидеров оппозиции». В принятой резолюции приводился список прегрешений оппозиции, в том числе демонстрация 7 ноября, ведение подпольной работы, расклеивание листовок и проч. ЦК и ЦКК приняли решение исключить из ЦК Каменева, Смилгу, Евдокимова, Раковского, Авдеева, а из ЦКК — Муралова, Бакаева, Шкловского, Петерсон, Соловьева и Лиздиня. Освободить их всех от руководящей партийной и советской работы и предупредить, что вопрос о совместимости их фракционной деятельности с пребыванием в рядах ВКП(б) Президиум ЦКК поставит на обсуждение XV съезда партии. Как главные инициаторы всех мероприятий оппозиции, были исключены из партии Троцкий и Зиновьев.

В отношении Троцкого дело не ограничилось исключением из партии. Уже вечером 14 ноября ему было предписано освободить кремлевскую квартиру. На следующий день он с семьей поселился в квартире своего соратника Белобородова (на улице Грановского, дом 3, кв. 62).

Но и после этого Троцкий не унимался (да простится мне такое выражение, но иначе его поведение не назовешь). Он разослал своим сторонникам заявление с уверением: «Репрессии не испугают оппозицию».

XV съезд партии (декабрь 1927 г.) подвел итоги дискуссии. За линию большинства ЦК голосовало 724 066 (99,3% членов партии, за линию оппозиции — 4120 (0,5%), воздержались — 2676(0,2%). В принятой съездом резолюции «Об оппозиции», помимо остронегативной характеристики платформы и деятельности оппозиции, содержалось требование: «Принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганда ее взглядов являются несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б)».

Рассмотрев материалы созданной им комиссии по оппозиции, в которую входили 65 партийных деятелей во главе с председателем ЦКК Орджоникидзе, XV съезд исключил из партии 75 активных сторонников троцкистско-зиновьевского блока и 23 члена группы «демократического централизма». Всего после XIV съезда до 15 ноября 1927 г. за оппозиционную деятельность было привлечено к партийной ответственности 2031 человек — более половины из 4000 голосовавших в разное время за платформы разных оппозиций или 1/6 процента всей партии. По своему социальному составу среди них было 35% служащих и 14% учащихся. В ЦКК более мягко отнеслись к оппозиционерам. Из 75 обвиненных комиссией в принадлежности к оппозиции из партии исключили только 19 человек. С мест поступило 146 апелляций. ЦКК подтвердил исключение лишь 47 из них [40].

На местах далеко не все партийные комитеты и контрольные комиссии действовали столь четко. Нередко под видом борьбы против оппозиции были случаи сведения личных счетов. Допускались предвзятость, субъективизм, многочисленные нарушения Устава партии, отступления и пренебрежение к указаниям ЦК и ЦКК.

Под накалом борьбы, вызванной небывалой в истории партии нетерпимостью сторон (да, наверное, иначе она и не могла вестись, если не забывать, какие испытания выпали на долю ее участников, привыкших в условиях гражданской войны и «военного коммунизма» не столько спорить, сколько действовать, отчего методы подавления «классового противника» были распространены и на оппозицию), были приняты решения, с которыми сегодня вряд ли можно согласиться [41].

Эти ошибки и нарушения норм внутрипартийной и государственной демократии в борьбе большинства с оппозицией ни в коей мере не меняют общей негативистской оценки Троцкого и троцкизма и не снимают с повестки дня вопрос об объективной неизбежности его поражения. Кстати, этот вопрос до конца дней волновал и самого Троцкого. Фактически все написанное им в оставшиеся 12 лет жизни посвящено обоснованию бесконечного ряда версий и вариантов собственного фиаско.

Наиболее близкой к действительности представляется одна версия, как бы предваряющая общий ход рассуждений Троцкого.

Вчитаемся в его дневниковую запись от 26 ноября 1926 г. Троцкий писал, что Октябрьская революция, больше чем какая-либо, разбудила надежды и страсти народных масс, прежде всего конечно же пролетарских. Но первые ее итоги были смазаны гражданской войной, периодом, по его выражению, «величайших страданий 1917—1921 гг.» (очень точная оценка!). Только к середине 20-х годов этой пролетарской массе удалось значительно поправить, а затем и улучшить свое положение. Одновременно масса на собственном опыте ощутила и еще один аспект ситуации — крайнюю медлительность процесса улучшения своего положения. Тем дороже стал для нее этот процесс. Вместе с обретенным опытом к массам пришли вполне объяснимые осторожность, склонность к более скептическим оценкам настоящего и будущего и — как следствие — меньшая отзывчивость на революционные лозунги, меньшая доверительность к большим обобщениям. «Такое настроение, сложившееся после испытаний гражданской войны и успехов хозяйственного восстановления,— читаем у Троцкого,— настроение, еще не нарушенное новыми сдвигами классовых сил, является основным политическим фоном партийной жизни. На это настроение опирается бюрократизм как элемент «порядка» и «спокойствия». Об это настроение разбилась попытка оппозиции поставить перед партией новые вопросы» [42].

Очень интересно! Выходит, дело не в чьих-то интригах, того же Сталина или Зиновьева или любого другого из представителей тогдашней партийной верхушки, против «несчастного» Троцкого и его сторонников. Корни в глубинах не только пролетарской, а народной жизни в целом, в классовой психологии, складывавшейся на основе реальных, а не придуманных кем-то теоретических представлений о действительности. Они и формировали миропонимание народа, и в частности его пролетарской части. Значит, сами трудящиеся массы отвергли троцкизм или, как его критики 20-х годов говорили, «перманентку», т. е. необходимость перманентной, в ее крайне левацкой форме, революционности, постоянных экспериментов, проб и, естественно, чаще всего — ошибок. Взбаламученное море успокаивается. Народ требует нормальной, обычной жизни, стабильности, а не бесконечных встрясок и непрерывного революционного обновления.

Троцкизм не принял сам народ, так как отпала потребность в крайней революционности. Раз и навсегда не принял и отринул? Вопрос, требующий глубокого осознания, и в наши дни нет недостатка в радикальных требованиях со стороны левацки настроенных кругов общества. Выскажу, может быть, неожиданную, но опирающуюся на реальность мысль. Не консерватизм, под которым понимается потребность миллионов людей в социальной стабильности, представляет наибольшую угрозу. Опасность гораздо сильнее слева. Вот почему особенно осторожно следует обращаться с выражениями «революционный характер перестройки», «Октябрь 90-х» и проч. Не дай Бог, чтобы наши дни стали повторением Октября, это было бы ужасно.

АЛМА-АТА

В трилогии Дейчера приводятся свидетельства двух людей, видевших Троцкого 15 января 1928 г., накануне его отправки в Алма-Ату. Эти свидетельства интересны тем, что посвящены одному лицу, но представляют его с диаметрально противоположных позиций. Первый из них — Пауль Шаффер, корреспондент газеты «Берлинер Тагенблатт», в тот день взял у Троцкого интервью. Троцкий показался ему человеком ниже среднего роста, женственным, с тонкой кожей, желтоватым цветом лица, голубыми небольшими глазами, временами излучающими дружеское участие, а по временам мечущими молнии и свидетельствовавшими о силе души. Большое оживленное лицо, маленький рот, мягкая женская рука. Говорили о пустяках, вроде того, что своей высылкой Троцкий напомнил журналисту о «наполеоновской карьере».

Другой свидетель — В. Серж. Как и подобает стороннику Троцкого, он увидел Старика (так между собой, как молодого Ленина, называли Троцкого наиболее близкие к нему лица) в старом свитере, энергичным и величественным, с буйной седой шевелюрой, чрезвычайно активным. По квартире сновали прибывавшие отовсюду люди, выполняя бесчисленные поручения Троцкого. К суете прибавлялись многочисленные разговоры и распоряжения Троцкого по беспрерывно звонившему телефону. Словом, не квартира, а Смольный в миниатюре в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. [1]

Вот так всегда — люди видели совершенно разного Троцкого. И думается, дело не в сверхъестественной многогранности его натуры или небывалой глубине характера. Скорее всего таким хотелось выглядеть самому Троцкому. И это ему удавалось.

Поражение объединенной левой оппозиции и исключение ее верхушки на XV съезде ВКП(б) из партии отразилось на внутрипартийной ситуации в стране, но не настолько, как об этом до сих пор писалось, в том числе и Троцким. Внутрипартийная борьба будоражила партийные массы, отвлекала от обычных забот, сбивала с ритма повседневной жизни, побуждала к активности. Но ее результат для них был значительно менее важным (что им терять?), чем для вождей. Поэтому сплошь да рядом вчерашний троцкист, погоревав, а заодно и покаявшись, назавтра становился сталинистом, реже — бухаринцем.

Развернутая в первой половине 1928 г. в партии работа по выполнению резолюции XV съезда «Об оппозиции» увенчалась полным успехом. Почти весь рядовой состав оппозиции отошел от нее и признал платформу большинства. С декабря 1925 г. по июнь 1928 г. оппозицию покинуло 4350 человек, из них после XV съезда (декабрь 1927 г.) — 3098 [2].

Сложнее оказалось сделать выбор лидерам оппозиции. Все-таки борьба шла не только из-за партийных постов, и не всякий «идейную реку» мог с легкостью перейти. Для некоторых требовалось время. Хотя нашлись и такие, как Зиновьев, Каменев, несколько десятков их сторонников, которые решили покаяться. Однако их

жест не приняло большинство. Рассказывают, что к ожидавшим у дверей, где заседала ЦКК, Зиновьеву и Каменеву вышел Рыков и с раздражением заметил, что неприлично приходить с покаянием, не выждав срока.

Неудачная попытка «обратного хода» недавних союзников убедила Троцкого в тщетности шагов навстречу большинству и вынудила его занять жесткую позицию в отношении отступников. В декабре 1927 г. он пишет статью «На новом этапе». Ее рукопись хранится в ЦПА. Она представляла тезисы — форма, к которой в тот период Троцкий прибегал часто,— защищающие платформу левой оппозиции. Статья состояла из 29 тезисов, в которых критика положения дел в ВКП(б) перемежалась с нападками на группу Сталина. Размноженная на гектографе, она распространялась по Москве, возможно, и по другим городам.

Троцкий рассуждал о возможности термидора, дальнейшего сближения сталинской группы с мелкобуржуазными кругами города и деревни, отстранения ее от рычагов власти. Критиковал тех единомышленников, которые факт исключения оппозиции из партии, изменения состава ЦК и ЦКК спешили истолковать как начало термидора. Троцкий победу термидора связывал с отменой монополии внешней торговли, пересмотром избирательных инструкций в Советах и прочими мерами. Свершившийся термидор означал бы раскол партии. Ее левый фланг в лице левой оппозиции должен был бы образовать не «вторую партию», а стать «продолжателем исторической линии большевиков», подготовителем второй пролетарской революции. «Сейчас дело идет о том, чтобы предупредить такой характер развития через пролетарское ядро ВКП и рабочего класса в целом» [3],— писал Троцкий.

Перед кадрами оппозиции ставились задачи: во-первых, обеспечить преемственность и непрерывность большевистской партии и, во-вторых — «плыть против течения», как менее значимое — «изучение протоколов XV съезда в свете контртезисов оппозиции и новых фактов хозяйственно-политической жизни»; использование всяческой возможности для ведения активной общественно-политической жизни; не уходить из ВКП(б), комсомола, профсоюзов, Советов и других организаций по своей воле; не только критиковать, но вести практическую работу лучше и добросовестнее, чем это «делал наемный чиновник»; апеллировать к Коминтерну, чтобы добиться постановки вопроса об оппозиции на VI конгрессе летом 1928 г.

Легко представить реакцию правящего большинства на эту инструкцию сторонникам Троцкого. Рассуждения о термидоре, большевистской партии, второй пролетарской революции, опора на «левый фланг ВКП» были расценены как «контрреволюционная деятельность». Дело усугублялось еще и тем, что ОГПУ стали известны попытки Троцкого установить контакты с зарубежной эмиграцией.

22 января 1928 г. известный впоследствии Яков Агранов, бывший тогда помощником начальника Секретного отдела ОГПУ, запрото-

колировал показания гражданина Г. Андрейчика. Тот сообщил, что «вечером 9 января Лев Давидович Троцкий, когда я был у него на квартире (может быть, один из тех, кого мог видеть В. Серж и которого в органах госбезопасности называли «подсадной уткой».— *Н. В.*), попросил меня передать за границу некоторые документы, причем просил переслать их через коммуниста. Пакет с документами он мне тут же передал». На следующий день Андрейчик посетил Роберта Вольфа в отеле «Бристоль» и передал ему пакет. «Адрес на конверте написан не мною,— записано в показаниях.— Конверт был совершенно чистым. Сверху на конверте была приколота скрепкой записочка, написанная моей рукой: «Для Переверзева», латинским шрифтом... Изложение записано с моих слов верно и мною прочитано. Андрейчик». Далее следовало: «Допросил: Я. Агранов. Верно: уполномоченный Лев Кацинский» [4]. Так что у Троцкого на квартире суетились, а работали на Лубянке...

Естественно, что, подкрепив «внутреннюю контрреволюционность» Троцкого связями с «международной реакцией» (неважно, что «связным» выступал, по всей видимости, сотрудник Исполкома Коминтерна, может быть, бывший по совместительству осведомителем ОГПУ), Сталин мог отправить его куда угодно. Но генсек не зря считался не только трезвомыслящим, но и чрезвычайно осторожным. Он не стал наговаривать на Троцкого, а ограничился статьей 58.

Решили высылку лидеров оппозиции из Москвы представить как мероприятие по укреплению опытными кадрами хозяйственные и плановые органы национальных республик. Чтобы придать этой комедии, мастером которой Сталин был отменным, серьезный вид, оппозиционерам дали возможность выбора «городов и весей» и выполнили ряд условий их высылки и работы на местах. Воспользовавшись этим, простодушный Раковский и хитроумный Радек не один день морочили голову Орджоникидзе, доказывая, что место ссылки Троцкого — Астрахань — ему противопоказано из-за предрасположенности к малярии.

Пока велись споры, 3 января 1928 г. ОГПУ вызвало Троцкого. Тот, естественно, не явился. Тогда 12-го ему прислали уведомление о том, что он высылается в Алма-Ату. Отъезд назначили на 16 января. Эпизод с отъездом, напоминающий злой шарж, можно прочесть в «Моей жизни». Лучшей самокарикатуры, гротескной и жалкой, трудно представить. Троцкий и его близкие попросту струсили, потому и повели себя неразумно. Троцкий спрятался в своей комнате, отказавшись открыть дверь. Ее взломали. Началось театральное переодевание трясшегося в истерике Троцкого. Кончилось тем, что сотрудники ОГПУ силой вынесли его из квартиры.

Вслед за Троцким стали отбывать по своим адресам и другие лидеры оппозиции. Каких-нибудь пятнадцать — двадцать лет назад, живя в царской «тюрьме народов», многие из них проделывали подобные рейсы. Теперь ехали по «свободной Стране Советов». Зиновьев — в Тамбов, Каменев — в Пензу, Радек — на Урал, Раковский — в Астрахань, И. Смирнов — в Новобаязет (Армения),

Сосновский — в Барнаул, Тер-Оганесян — в Актюбинск. Всего отправили «на работу» до сорока четырех человек [5].

Трудно сказать, что каждый из них думал, отправляясь к месту назначения. Наверняка вспоминал грустные страницы революционного прошлого. Почти уверен, что Троцкий думал о двух сибирских ссылках. Тем более что везли его почти тем же путем и в тех же условиях.

Поезд, составленный из спецвагона и паровоза, в полусотне километров от Москвы присоединили к обыкновенному пассажирскому. Здесь распрощались с Франей Белобородовой, женой А. Белобородова, активного участника левой оппозиции.

Троцкий ехал с женой. Его сопровождал с женой Наташей, простой русской работницей, старший сын Лев. Младший Сергей ехать отказался, сославшись на отсутствие интереса к политике. В вагоне было 12 конвоиров. Вещи взять не дали. Потом досылали. Причем все, что Троцкий затребовал, в том числе библиотеку и архивы, составившие железнодорожный вагон.

Прибыли в Пишпек. В Алма-Ату выехали на автомобиле. Затем пересели на телеги. Потом опять — в автомобили. Все по морозцу да с ветерком. Словом, было Троцкому что вспомнить и с чем сравнить. Но тогда, в 1907 г., побег сделал его имя знаменитым. Теперь же была не «революционная молодость», а тягостные годы старения и время — не заманчивых перспектив, а подведения невеселых итогов. «Революция — великая пожирательница людей» [6],— любил повторять Троцкий. Знал, что говорил.

25 января ночью вся экспедиция (к которой по дороге пытались пристать Сермукс и Познанский, но были сняты с поезда агентами ОГПУ), прибыла в Алма-Ату и поселилась на улице Гоголя в гостинице «Семиречье». Хотя какая там гостиница — постоялый двор. Бывший городишко Верный, летом изнывавший от жары, известный своими яблоками, был мало приспособлен для жизни привыкшего к удобствам «европейца» Троцкого.

По приезде вновь хлопоты. Троцкий стал «выбивать» квартиру. Разумеется, не у местных властей. Телеграмму за телеграммой слал он в Москву на имя Калинина, Орджоникидзе, Менжинского. Троцкий корил их за невнимание к себе, нерасторопность, даже ругался, заявляя, что, если его хотели посадить в кутузку, так это можно было сделать в Москве, а не слать его за четыре тысячи верст. Наконец и этот вопрос был решен. В центре города, на улице Красина в доме № 75 Троцкому предоставили четырехкомнатную квартиру. Что и говорить, не каждому даже служилому партработнику, а не то что ссыльнопоселенцу предоставляли тогда такие апартаменты.

Я так подробно пишу о, казалось бы, малоуместных бытовых подробностях алма-атинского периода жизни Троцкого не случайно. Они действительно чрезвычайно беспокоили его. Скажем, в сибирских ссылках, Верхне-Ленске, Усть-Куте или Березове бытовая сторона была не лучше, а хуже, чем в Алма-Ате. Но ни в «Моей жизни», ни в письмах той поры Троцкий никогда не жаловался на

неудобства. И все-таки убежден, что в этих, алма-атинских бытовых неурядицах Троцкий усматривал политический аспект.

С политической точки зрения алма-атинский период его деятельности не более выразителен, чем с бытовой. Складывается впечатление, что любимые Троцким охота и рыбная ловля волновали его больше, чем политика. Им в переписке Троцкого уделялось не меньше внимания, чем очередным инструкциям. «Рыбная ловля, как и охота, имеется и здесь, так что я могу вернуть вам ваше любезное приглашение»,— писал Троцкий в феврале 1928 г. в ответ на письмо-приглашение И. Н. Смирнова в Новобаязет погостить и поохотиться.

С охотой и рыбной ловлей дело дошло до того, что, уже будучи в Турции, Троцкий оказался вынужденным оправдываться в своих пристрастиях. В ответ на вопрос одного из шведских почитателей: «Какое ваше любимое занятие, кроме охоты и рыбной ловли?», Троцкий разъяснял: «Охота и рыбная ловля для меня не занятие, а отдых. «Любимое занятие» — умственная деятельность: чтение, размышление и, пожалуй, писание».

Что до чтения и размышлений, то на это времени было с избытком. В письмах сыну Сергею в Москву Троцкий просил выслать книги по мировой экономике за послевоенное десятилетие, международной и внутренней политике отдельных стран, рабочему движению и антиколониальной борьбе. «Книги можно на русском, французском, немецком или английском языках (отчеты, сборники и пр. можно и на других языках: итальянском, испанском для Юж.[ной] Америки, а также на балканских языках),— писал Троцкий.— Необходимы новейшие статистические сборники и справочники иностранных государств (за 1928 год)».

В первые недели писать особенно было не о чем. Троцкий составлял планы будущих работ о русской и китайской революциях, «Моей жизни», которую ему посоветовал написать еще в Москве Е. Преображенский. Начал собирать для автобиографической повести материалы по газетам юга России, восстанавливал в памяти эпизоды юности.

Возникает и еще один вековечный вопрос: на какие средства существовала семья Троцкого, да еще выписывала такое количество книг и изданий? Ссыльному полагалось пособие. До 1 февраля 1929 г. для рядовых ссыльных оно составляло 30 рублей в месяц. После 1 февраля — уменьшено до 15 рублей. К приезду Троцкого город находился на грани голода. По слухам, хлеба и муки, как сообщал он в письме Сосновскому в мае, в городе не было. Стоимость пуда муки на рынке поднялась до 25 рублей. По тому, как Троцкий сообщал эти факты («по слухам», «вроде бы»), выходило, что они его интересовали постольку, поскольку об этом говорили другие. Его лично эти трудности не касались, иначе он бы стал отбивать телеграммы в центр. Кроме питания, требовалось содержать четырехкомнатную квартиру. Поэтому пособия, даже на четверых (жена Троцкого и сын с женой), вряд ли могло хватить, не говоря уже о каких-либо излишествах.

Дейчер подсказывает другой источник: гонорары, которые Троцкий получал за перевод произведений Маркса. Это устроил бывший тогда директором Института Маркса — Энгельса Д. Рязанов. Но думаю, что гонорары тоже не покрывали всех расходов. Значит, был третий источник. Какой? Не знаю. Но уверен, что был.

Много времени и сил уходило на установление контактов со ссыльными и остававшимися на воле оппозиционерами. Неоценимую помощь оказывал Лева, которого отец в шутку называл министром иностранных дел, почты и телеграфа. Два-три раза в неделю почтальон привозил на дачу Троцкого под Алма-Атой мешок с корреспонденцией: письма единомышленников, сочувствовавших, газеты, журналы, книги. С апреля по октябрь было отправлено 800 политических писем и 550 телеграмм. В ответ получено 1000 писем и 700 телеграмм. Удалось наладить и неофициальную связь, как говорится, диппочту оппозиции с настоящими курьерами. Подпольная переписка с центром была организована Левой образцово. Кроме того, Троцкий получил за время ссылки семь-восемь почт с конспиративными материалами и письмами [7].

Он переписывался со всеми видными деятелями оппозиции: Раковским, Преображенским, Радеком, Смилгой, Мрачковским, Сосновским, И. Смирновым, Сапроновым. Письма и корреспонденции, которые опубликованы в печати у нас в стране и за рубежом, чрезвычайно разные по характеру, стилю, содержанию. Если, скажем, с Раковским и Мрачковским разговор шел главным образом об организационных вопросах, поддержанию постоянной связи со ссылкой и центром, то с Радеком, Преображенским, Сапроновым обсуждались теоретические проблемы, задачи стратегии и тактики.

На переписке сказалась изоляция ее участников, по сути, «варившихся в собственном соку». Дейчер ставит в заслугу Троцкому объединение ссыльных в «собственное содружество» и замечает, что оно жило «*своей* (выделено мной.— *Н. В.*) напряженной политической жизнью» [8]. Может быть, жизнь и была напряженной, но кому от нее был прок, кроме самих ссыльных? Оторванность от «пульса страны», утрата связи с массами, которая, кстати, мало беспокоила лидеров оппозиции даже тогда, когда они были в силе и могли влиять на ситуацию, привели к своего рода теоретическому самоедству и мелкотравчатости.

Разумеется, оппозиционеры следили за происходившим в стране и ВКП(б). Многие из них почти с восторгом приветствовали «левый курс» Сталина, т. е. введение им чрезвычайных мер, ужесточенное отношение к крестьянству. Некоторые из них, например Преображенский и Радек, считали, что Сталин проводит в жизнь требования оппозиции. В передаче Раковского Преображенский писал и говорил примерно следующее: «Центристское руководство (т. е. сталинская группа.— *Н. В.*) начинает выполнять одну часть платформы, ее экономическую часть, что касается политической части платформы — ее осуществит сама жизнь. Оппозиция выполнила свою историческую миссию, она исчерпала себя. Она должна вернуться в партию и положиться на естественный ход вещей» [9].

Забегая вперед, скажу, что в 1929 г. Преображенский, Радек и Смилга подпишут покаянное письмо, опубликованное 13 июня в «Правде». В нем были и такие строки: «Мы упустили из виду, как показал нам опыт, что политика ЦК была и остается ленинской. Поэтому прав был XV съезд партии, осудив за такую установку нашу платформу. Исходя из вышесказанного, мы снимаем наши подписи с фракционных документов, заявляем о полной солидарности с генеральной линией партии и просим принять нас обратно в ее ряды». Если по большому счету судить об этом письме и не относить определение «ленинская» к политике Сталина, то оно целиком выдержано в духе пропагандировавшегося Троцким лозунга: партия всегда права, правее любого своего конкретного члена. Как говорится, за что боролся, на то и напоролся.

Не отрицая движения Сталина в сторону платформы оппозиции, некоторые ее представители не соглашались с Преображенским, что переход уже состоялся. Так, Ф. Н. Дингельштедт (фамилия которого до сих пор не упоминалась, а между тем он с 1923 г. состоял в рядах ленинградской оппозиции и в тридцать лет занимал должность ректора Лесного института) в сентябре 1929 г. писал из Канска одному корреспонденту: «Я до сих пор не отказываюсь от этой мысли и допускаю, что недалек, может быть, тот час, когда и Сталин (подобно Зиновьеву в 1926 г.) станет перед нами на колени. Но я далек от того, чтобы думать, что Сталин и центризм уже фактически капитулировали перед нашей платформой и что недостает только внешнего оформления этой нашей победы» [10].

Даже Троцкий заколебался. В ряде писем он одобрительно отозвался о повороте Сталина, хотел поддержать сталинские начинания, хотя и оговорился — поддержать критически, не солидаризируясь целиком с ними. Год спустя, уже в Константинополе, характеризуя свою тогдашнюю позицию, Троцкий уточнял: «Факт поворота официального руководства влево — налицо. Начиная с 1926 года, мы неоднократно предсказывали неизбежность такого поворота под ударами классовой борьбы, без труда разрушившей рамки правоцентристской политики. Незачем здесь доказывать также и тот бесспорный факт, что если борьба против нашей платформы велась доводами нынешней правой группировки (т. е. группы Бухарина — Рыкова — Томского.— *Н. В.*), то официальная борьба против этой, последней, ведется доводами, целиком заимствованными из нашей платформы» [11].

Троцкий советовал ни в коем случае не поддерживать «правый уклон» в ВКП(б). «Читали ли вы доклад Колечки Балаболкина (т. е. Бухарина.— *Н. В.*) насчет оппозиции и анализа наших затруднений,— писал Троцкий 5 мая 1928 г. в письме к Сосновскому.— Это вещь поистине классическая. У него выходит так, что, согласно нашей с вами точке зрения, засилье кулака непосредственно вытекает из нашей «технико-экономической отсталости» и что против этого ничего нельзя поделать, доколе нам не поможет «государственно-организованный западноевропейский пролетариат». Таким образом, выходит, что по нашим с вами воззрениям, Колечка Бала-

болкин ни капельки не виноват ни в затруднениях с хлебозаготовками, ни в том, что хлебозаготовки попали в руки людей... отрицающих существование классов» [12]. Троцкий раз за разом разъяснял, что виновата не чья-то техническая отсталость и не левая оппозиция, а ненавистный оппозиционерам и сталинистам «правый уклон», что, если бы послушались его, Троцкого, и ввели 40—50-процентный налог на кулака, то не было бы никаких трудностей с хлебозаготовками и самой политической лихорадки как их следствия.

Постоянные повторы Троцким самого себя мало на кого из его корреспондентов действовали. Его призывы не воспринимались с такой безусловностью, как недавно.

Прослышав о «левом курсе» Сталина, ссылка заволновалась, занервничала, опасаясь, что начатая Сталиным «вторая революция» осуществится без ее участия. Сафаров, как утверждает Дейчер, воскликнул: «Все теперь будет выполнено без нас!» Он «письменно» раскаялся и был возвращен в Москву. До него это сделали Пятаков и Антонов-Овсеенко. Попытки Троцкого сдержать остальных оказались малоэффективными. Взбунтовались Преображенский, Радек, Смилга и другие. Это уже было серьезным сигналом.

Среди ссыльных началось брожение, что привело к их разделению на два крыла: примиренцев и непримиримых. Первые, если так можно сказать, «старая гвардия», начав с теории, перешла к практике, пойдя на поклон к сталинской группе. Они писали покаянные письма, которые публиковались в «Правде» и других органах печати, тут же широко комментировались сталинскими пропагандистами вроде Ярославского, который из своих статей 1928—1929 гг. составил знаменитый по тем временам сборник «У последней черты». Так или почти так тогда, да и сегодня, многими квалифицировалось положение оппозиции.

После покаяния «гвардия» отправлялась в Москву. Им возвращали квартиры, предоставляли приличные места работы. Скажем, Пятакова посадили в Госбанк, Смилгу — в Госплан, Антонова-Овсеенко — на дипломатическую работу и т. д.

Вторая категория ссыльных, главным образом молодая генерация, которой Троцкому особенно сильно удалось «затуманить мозги», некоторые упорствовавшие «старики» вроде Раковского, Муралова, Сапронова продолжали стоять на четко выраженной антисталинской платформе. При этом молодежь, в особенности из бывших децистов, отчаянно критиковала Троцкого за «центризм» и уступчивость Сталину.

Троцкий видел всю двусмысленность занятой им позиции, мелочность предъявленных ему и выдвинутых им в ответ претензий. Началась не «напряженная политическая жизнь» ссылки, а перебранка, в которой понять, кто прав, а кто виноват, практически невозможно.

Не зря в переписке Троцкий все время возвращался к дооктябрьскому периоду, к годам реакции, к дискуссиям между различными фракциями, ища в них перекличку с современными спорами и препирательствами. Общим было то, что, как и тогда, они велись

узким кругом лиц и не затрагивали глубинных пластов рабочего движения России. Только изменение обстановки в стране в одночасье превратило эти мелкие, ничтожные по количеству членов фракции, в частности меньшевиков и большевиков, в зримую политическую величину. Троцкий надеялся, что это же может повториться вновь, и страстно желал перемен в социально-экономической обстановке страны.

А пока этого не происходило, он как мог успокаивал тех, кто еще сохранил верность «патриарху» оппозиции. «...Думать, что можно дипломатическим путем пробраться в партию, а затем уже вести политическую борьбу за ее оздоровление, наивно, чтобы не сказать крепче,— писал Троцкий 20 августа 1928 г.— Опыт Зиновьева, Пятакова и других слишком красноречив. Эти люди сейчас гораздо менее в партии, чем за неделю до своего исключения». И затем: «Центристы особенно грубо нажимают на зиновьевскую группу, требуя, чтобы она молчала и не компрометировала их. В чем же выражается пребывание этих раскаявшихся господ в партии? Не в том ли, что перед ними раскрыты двери Госбанка (там работал Пятаков.— *Н. В.*) и Центросоюза (здесь получили место Зиновьев и Каменев.— *Н. В.*)? Но для того, чтобы служить в Центросоюзе, поистине не было надобности сперва подписывать платформу (речь шла о платформе объединенной левой оппозиции.— *Н. В.*), а затем отрекаться от нее» [13].

Логично. Наверное, этими сентенциями можно было утешаться. Другой вопрос, надолго ли? Помнившим инструкции Троцкого конца 1927 — начала 1928 г. о необходимости оставаться в партии, работать лучше, чем другие чиновники, не могло не показаться это чрезмерной натяжкой. А вот призывы Троцкого середины 1928 г. уже адресовались другим людям, тем, кто понимал, что сопротивление бесперспективно, потому что предложения оппозиции Сталин реализовывал на практике, правда в «деформированном виде». Ну, так на то он и центрист, этот Сталин. Жизнь заставит — «полевеет» еще больше.

А что будет с ними, упорствующими? И кто оценит их упорство, если рабочий класс, хотя и не рукоплескал сталинской группе, но и не собирался выступать с ее решительным осуждением. Скорее наоборот. Жесткие меры в отношении кулачества и нэпманов многим рабочим импонировали. Эти меры находили полную поддержку большинства партийных верхов, а также среднего и низшего этажей партии. Они отвечали их привычным военно-коммунистическим идеалам и представлениям о новом обществе, методах и средствах его построения. Без такой поддержки, без созвучности настроениям партийной массы действиям сталинской группы, стремившейся прижать к ногтю «распоясавшихся» кулацких и нэпмановских «живодеров», обкрадывавших простого труженика, ни о каком «великом переломе» Сталин не смог бы и помыслить, не то что приступить к его реализации. Кстати, современные антирыночные настроения — того же социально-психологического плана, что и антикулацко-антинэпмановские конца 20-х годов. И это реальность, не учитывая

которой невозможно помышлять о какой бы то ни было перспективе.

Проблема перспективы... Она всегда была крепким орешком для любого политического деятеля, занимала мысли и ссыльной оппозиции! Что делать? В прошлом — борьба против «правого курса» Сталина — Бухарина. В настоящем — заимствованный в общих чертах у оппозиции «левый курс» Сталина. Как быть? Кого поддерживать? Люди «ломались», как скорлупа ореха. Ломались не просто характеры. Не выдерживала система жизненных координат и политических ориентиров. А это страшнее физической смерти. Конечно, речь идет об убежденных оппозиционерах, а не таких, кто к ним примкнул только потому, что ему, как говорится, не понравились усы Сталина или бородка Бухарина.

Лично Троцкого ожидало более серьезное испытание — попытка его недавних сторонников, таких, как Преображенский и Радек, пересмотреть сами основы оппозиционного движения — теорию «перманентной революции». Преображенский так прямо и заявил: «Мы, старые большевики, в оппозиции должны отмежеваться от Троцкого по вопросу о перманентной революции» [14]. Так было заявлено после поражения революции в Китае, подтвердившего, как они считали, справедливость ленинской теории «стадий революции»: от буржуазно-демократической к социалистической, а не троцкистской теории «перманентной революции», утверждавшей немедленно диктатуру пролетариата. Троцкий вынужден был втянуться в полемику уже не со сталинистами и бухаринцами, а с единомышленниками, теми, кто так или иначе идейно подготовил сталинский «великий перелом».

Необычная для того периода деятельности Троцкого роль, да и не свойственная для всей оппозиции полемика, как и явление в целом. Как оно могло отразиться на умонастроениях оппозиционеров? Думаю, что совсем не по пословице: милые бранятся — только тешатся. Дело касалось самого главного — того, чем оппозиция неизменно гордилась,— ее идеологии, т. е. самого существенного в оппозиционном движении. Троцкий это прекрасно понял. Он не мог не видеть и другого: если оттолкнет таких, как Преображенский и Радек, с кем останется? Значит, нужно выбрать верный тон полемики. Критикуя отступников, сделать все возможное, чтобы не отпугнуть других, а по возможности попытаться удержать и взбунтовавшихся.

Троцкий избирает единственно оправданную в сложившихся обстоятельствах форму полемики. Он не критикует прямо ни одного из своих оппонентов, а стремится разъяснить прежнюю позицию по теории «перманентной революции». Причем разъяснить посредством анализа ее взаимоотношений с ленинской теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он прекрасно сознавал, что значил для оппозиции, как, впрочем, и всей партии авторитет Ленина — теоретика и практика революции.

В бывшем Центральном партархиве хранится машинописный текст статьи Троцкого «Перманентная революция и линия Ленина».

Троцкий принимает рапорт
командующего парадом Красной Армии.
Москва. 25 сентября 1921 г.

Раковский и Троцкий. 1923 г.

На отдыхе в Сухуми.
Зима 1924 г.

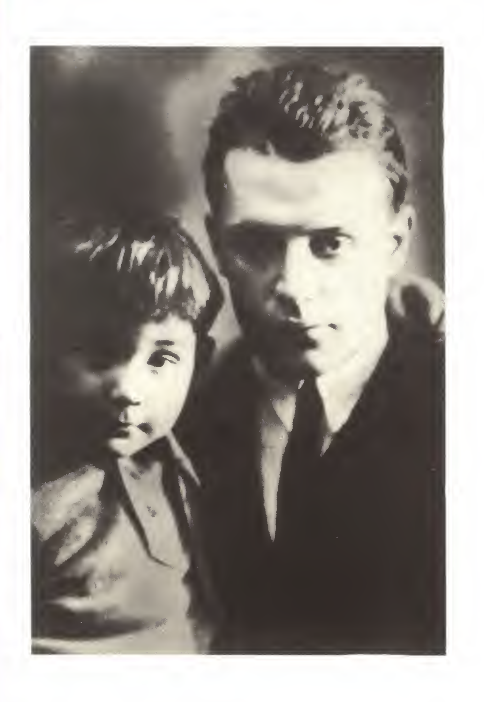
Троцкий среди представителей зарубежных компартий. Москва. 1925—1926?

Проводы Троцкого в Алма-Ату.
Январь 1928 г.

Лев Седов. Снимок 30-х годов

Сергей Седов с сыном Льва Седова.
Москва. 1934 г.

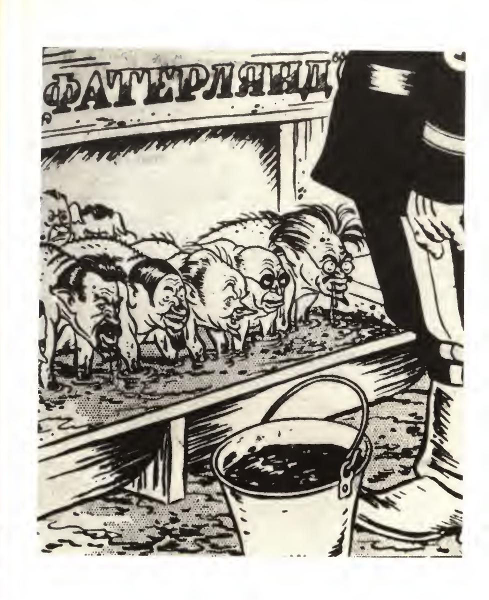
«Ни войны, ни мира».
Карикатура на оппозицию Троцкого
во время Брестских переговоров.
Худ. К. Елисеев

Троцкий и Седова. Прибытие в Тампико.
Мексика. Январь 1937 г.

Парк Капультейк. Слева направо: Диего Ривера, Фрида Кало, Наталья Седова, Реба Хансен, Андре Бретон, Лев Троцкий среди мексиканских троцкистов. Мехико. Июнь 1938 г.

Троцкий, Рыков, Бухарин и другие.
Карикатура Б. Ефимова. 1938 г.

Седова и Троцкий на фазенде Ривера. 1938 г.

Троцкий с А. Росмер. Койоакан. 1939 г.

На смертном одре

Мексиканские троцкисты в почетном карауле у праха Троцкого. Август 1940 г.

Похороны Троцкого в Мехико.
Август 1940 г.

Она датирована октябрем 1928 г. и адресована Радеку. На полях текста сохранились его многочисленные неодобрительные пометки. Именно эта статья дала повод ряду современных советских исследователей (В. И. Старцев, Н. В. Блинов, В. В. Шелохаев, С. В. Тютюкин) к пересмотру устоявшейся в исторической литературе точке зрения о несовместимости ленинской и троцкистской теорий революции. Эти исследователи, на мой взгляд, некритически заимствовали аргументы из статьи Троцкого. Главный из них в пользу «правоты» Троцкого — его утверждение о том, что недоразумение между ним и Лениным по поводу теории «перманентной революции» вытекало единственно из того факта, что Ленин забыл прочесть брошюру Троцкого «Итоги и перспективы». Если бы Ленин ее своевременно прочел, то причин для антагонизма между ними не было бы. И к общей цели они пришли бы задолго до июля — августа 1917 г.

Не могу сказать, что это. Наивность или преднамеренность со стороны названных выше историков. Как будто от того, прочитал Ленин на одну брошюрку Троцкого больше или меньше, могли зависеть их отношения до Октября! Как будто их взаимные оскорбления периода 1910—1917 гг. исходили из невнимания Ленина к гениальной брошюрке Троцкого. Если бы все было так просто. В партархиве, в фонде Троцкого (дело № 34) сохранился машинописный текст его лекции «Перспективы русской революции», с которой он выступил 17(30) мая 1917 г. на Балтийском заводе в Петрограде.

В несвойственном для аккуратного Троцкого сумбурном изложении материала трудно понять, чего хотел его автор. В лекции упоминается обо всем, что волновало тогда городские низы: привлечение к революции крестьянства путем передачи ему земли, взятие власти народным правительством в лице Советов рабочих и солдатских депутатов. Были и проблемы, менее занимавшие бурлящие массы: об «иностранном» происхождении русского капитализма, его экономической и политической никчемности, глубокой пропасти между слабой буржуазией и малочисленным, но сильным пролетариатом. Словом, присутствовал почти весь идеологический набор брошюры Троцкого «Итоги и перспективы», с которой в 1907 г. Ленин не счел нужным, если верить Троцкому, ознакомиться.

Что до главных политических выводов и программных установок, то автором лекции ничего толком не было предложено. А ведь она замышлялась как программная, произносилась Троцким на десятый день его приезда в Петроград и предполагала произвести эффект не меньший, чем «Апрельские тезисы» Ленина.

Анализируя политическое состояние в стране, Троцкий, например, писал: «Вот три главных русла анархии — борьба мужика за землю, борьба солдат за свое человеческое и гражданское достоинство... и борьба рабочих на фабриках и заводах за улучшение их положения, как рабочих» [15]. Ну кто не говорил то же самое в те жаркие деньки? Не слово в слово, чуть по-другому, в Петроградском Совете толковали об этом правый эсер В. Чернов, меньшевики И. Церетели и Н. Чхеидзе, «межрайонцы», анархисты вплоть до

либерально настроенных кадетов. Словом, все кому не лень. И что же в этих речах «ленинского»? Если вчитаться, то обыкновенный популизм, даже не радикального толка. Из признания его можно было пойти в какую угодно политическую сторону, и не обязательно к Ленину, как это через три месяца сделал Троцкий. Так что, прочитал Ленин его «Итоги и перспективы» или нет, мало что изменилось бы в их взаимоотношениях и позициях.

В этом убеждает и разбор статьи Троцкого «Перманентная революция и линия Ленина». Полемизируя с Радеком, он писал: «...Перманентная революция отнюдь не означала для меня в политической деятельности перепрыгивания через демократический этап революции, как и через более частные ее ступени... Задачи очередных этапов революции я формулировал однородно с Лениным...» [16]

Ну, чем не Хлестаков от политики? Человек, угробивший без малого десять лет молодости, чтобы опровергнуть ленинскую идею перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, теперь оказывается, ни в чем с ней не расходился. Характерно, что каких-нибудь два года спустя в своеобразном троцкистском «анти-Радеке», книге «Перманентная революция» в 6-й из 14 заповедей теории «перманентной революции» Троцкий утверждал: «Между керенщиной и большевистской властью, между Гоминьданом и диктатурой пролетариата нет и не может быть ничего промежуточного, то есть никакой демократической диктатуры рабочих и крестьян» [17].

И на сей раз он так и не смог свести концы с концами. Не надо обладать цепким умом Радека, чтобы понять всю вымученность попытки Троцкого пристроить свою теорию к ленинской. Это видел и сам Троцкий и некоторые из оппозиционеров. В одном из писем Троцкому адресат сообщал: «Нас беспокоит тема и тон дискуссии между вами и К. (Карлом Радеком.— *Н. В.*). Мы боимся, что вся дискуссия принесет нам сейчас колоссальный вред». Подчеркнув эти строки, Троцкий написал: «Не думаю, что колоссальный, но некоторый вред может принести, именно своей нарочитостью, искусственностью и надуманностью» [18].

Верно подмечено, но и нарочитость, и искусственность, и надуманность в данной полемике, думается, была проявлена больше со стороны самого Троцкого, чем Радека.

К концу лета имя Троцкого вновь все чаще стало упоминаться в партийных кругах. Связано это было с тем, что Сталин, покончив с левой оппозицией и выжав из группы Бухарина все, не собирался терпеть ее рядом с собой. Почувствовав опасность, Бухарин, и без того никогда не отличавшийся твердостью характера, стал совершать одну глупость за другой. Даже пошел на контакт с Каменевым, чтобы связаться с Троцким и привлечь его на свою сторону. Ничего более нелогичного нельзя себе вообразить. Хотя это очевидно сегодня. А тогда, в атмосфере совершенно неправдоподобных интриг, которыми жила партийная элита и, похоже, принимала их за норму, могло быть и не такое, на что решился Бухарин.

Незамысловатые ходы Бухарина тут же стали известны Сталину.

через своих осведомителей узнал о них и Троцкий. Естественно, он вспомнил свои обращения к Бухарину (1926 г.), в которых журил его за критику теории «перманентной революции» и намекал на возможность союза. Бухарин тогда отказался. Теперь просил о союзе. Но изменилось положение каждого из потенциальных союзников.

Желая воспрепятствовать сближению Троцкого с Бухариным, Сталин «усилил обработку» оппозиционеров-примиренцев. Увеличилось число возвращавшихся из ссылок. Участились знаки внимания к тем, кто уже вернулся. Не надо забывать, что тогда сторонники левой оппозиции ненавидели Бухарина больше, чем Сталина. Например, никто из ссыльных не писал трактатов против Сталина и сталинизма. Зато Бухарина критиковали многие. Смилга еще в ссылке начал книгу, в которой намеревался разоблачить Бухарина и «бухаринизм». «Сегодня,— писал Смилга в октябре 1928 г.,— режим (сталинская группа.— *Н. В.*) наносит удар по Бухарину таким же образом, как он нанес удар по ленинской оппозиции (объединенной левой оппозиции.— *Н. В.*) ...бухаринцев душат за спиной партии и рабочего класса». Однако, считал Смилга, «ленинская оппозиция не имеет никаких оснований выражать политическую симпатию правым из-за этого». Ее лозунг остается прежним: «Долой правых!» [19] Это был ответ Смилги на статью Бухарина «Заметки экономиста», опубликованную в «Правде» 30 сентября 1928 г.

Близкой, хотя и не такой категоричной, как у Смилги, была точка зрения Троцкого. В «Письме к друзьям», написанном 21 октября, которое Дейчер назвал одним из «самых замечательных очерков алма-атинского периода», он писал: «Бухарин зашел дальше, чем любой из лидеров правых (защищая интересы кулака и нэпмана), в то время как Рыков и Томский наблюдали за ним в безопасности на расстоянии. Но каждый раз, когда Бухарин ступает в холодную воду (термидора), он вздрагивает, трясется и выскакивает, а Томский и Рыков бегут прятаться в кусты» [20].

Как всегда образно и остроумно. Ну и что? Вместо того чтобы принять решение об объединении усилий против главного противника — Сталина, лидеры оппозиционеров принялись злорадствовать по поводу беды, в которой Бухарин оказался благодаря своим же прежним поступкам, вспоминать прошлые и настоящие обиды и продолжать сводить счеты между собой. Получался «эффект ящерицы», которая отгрызала свой хвост. Троцкий не нашел ничего лучше, чем поступить так, как всегда делал в двойственной ситуации. Вместо того чтобы встать на ту или другую сторону, занял «внефракционную позицию». Не приняв от Бухарина приглашение к «бракосочетанию», он одновременно резко снизил тональность одобрения «левого курса» Сталина. И опять просчитался.

А если бы поддержал Бухарина, что это могло дать ему лично? В 1928 г. положение Сталина было не таким уж прочным. Выиграв схватку с левой оппозицией, укрепив Политбюро и ЦК с ЦКК своими сторонниками, проведя решение о «чрезвычайке», Сталин тем не менее не чувствовал себя в полной безопасности.

Во-первых, если на короткий срок чрезвычайные меры по хлебозаготовкам позволили увеличить объемы поставок, то потом чрезвычайная ситуация с хлебом ухудшила и без того сложные взаимоотношения города и деревни, порождая новые трудности. К лету сталинская группа была вынуждена смягчить политику, согласиться ослабить нажим на деревню, повысить закупочные цены на хлеб. Во-вторых, группа Бухарина располагала в руководстве партии представительным составом: три члена ПБ, которым симпатизировали другие его члены. У Сталина твердая поддержка была только со стороны Кагановича и Молотова. Немало членов ЦК были на стороне Бухарина: секретарь МК Угланов и несколько секретарей райкомов столицы. Определенную поддержку Бухарину оказывали руководители ОГПУ Г. Ягода и М. Трилиссер. Если сравнивать наличные силы «правого уклона» и сталинской группы — налицо было равновесие.

Такого не наблюдалось со времени дискуссии о профсоюзах, когда между ленинской частью ЦК и оппозицией наблюдалось примерное равенство сил. Позднее ни одна оппозиция не могла похвастаться таким балансом.

На Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 г. в выступлении Молотова прозвучала явная тревога, когда он рассказал об отношениях Каменева и Троцкого. (К тому времени Каменев уже дважды обращался в ЦК и ЦКК с покаянными письмами.) Почва для тревоги была. Ее источник: встреча оппозиционеров 22 сентября, на которой присутствовал агент ОГПУ. Он сделал запись этой встречи. На ней о Троцком Каменев говорил: «Л. Д. Троцкому следовало бы теперь подать документ, в котором надо сказать: зовите, мол, нас, вместе будем работать. Но Л. Д. человек упорный, он не сделает этого и будет сидеть в Алма-Ате до тех пор, пока за ним не пришлют экстренный поезд, но ведь когда этот поезд пошлют, положение в стране будет таким, что на пороге будет стоять Керенский... Приходится сожалеть, что произошел разрыв. Жизнь подтвердила все положения оппозиции. Диагноз, поставленный оппозицией, абсолютно верен». Педантичный Молотов сухо констатировал на Пленуме: «Следовательно, Каменев и после обратного прихода в большевистскую партию остался троцкистом» [21].

Любопытен комментарий Троцкого, правда, сделанный уже задним числом: «Бедный Каменев! Некуда ему приткнуться, со всех сторон отпихивают. Увы, увы, все это «не случайно» [22]. Кто же спорит, что «случайно». В данной ситуации не следовало демонстрировать доктринерский пуританизм. От этого никому не было ни холодно, ни жарко. А если ведешь борьбу с таким, как Молотов, или того страшнее — Сталиным, то веди ее беспощадно. 1926—1927 гг. должны были хоть чему-то научить Троцкого и Бухарина, да и остальных. Ясно же, что одними заклинаниями Сталина не одолеть. Требовались собранность, единство, пусть и временное, на основе политического компромисса. Я почти уверен: прояви Троцкий не дешевую созерцательность и демонстрацию своего характера, а примкни к «правому уклону», Сталина если и не свалили, то

хоть напугали бы до смерти. Тем более что, как выяснилось сегодня, в политических схватках Сталин проявлял себя иной раз чрезвычайным трусом.

Видимо, еще не раз придется возвращаться к анализу ситуации, в которой Троцкий проявил такую преступную, иначе не назовешь, близорукость. Возможно, сказалась его выключенность из большой политики. Иначе чем объяснить то, что вместо политического маневра он занялся «тараканьими бегами», неуместными счетами со своими сторонниками и группой Бухарина? В результате был упущен момент. А вместе с ним и последняя возможность вернуться к полноценной политической деятельности. Хитроумный Сталин оказался в выигрыше, перебив поодиночке Троцкого, затем Зиновьева с Каменевым и, наконец, Бухарина с Рыковым и Томским.

Конечно, трудно сказать, как бы в 1928 г. пошло объединение разбитой левой оппозиции и «правого уклона». Но очевидно, что только оно давало шанс на политическое выживание обеим антисталинским группам. Предположим, что это им удалось, удален Сталин. Как бы сложились отношения между Троцким и Бухариным? Думаю, вряд ли в одной упряжке смогли бы идти столь разнохарактерные и, что еще важнее, разноплатформенные союзники: троцкисты и бухаринцы. Все это, конечно, из области предположений. Но предположений, которые отнюдь не утопичны.

Проявленные Троцким пассивность и недальновидность привели к тому, что уже на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК Бухарин оказался в изоляции. Окончательная расправа над ним стала делом времени и техники фракционной борьбы, по мастерству владения которой равного Сталину в том составе Политбюро ЦК не было. Не оказалось и потом.

Троцкий еще до ноябрьского Пленума ЦК ощутил это по своей переписке. Без явных причин корреспонденция пошла с перебоями. Принимали ее исправно, как и прежде, но не отсылали. Среди его дневниковых бумаг есть такая запись: «Заявление. В Почтовую контору (Алма-Ата). В дополнение к ранее посланному списку недопоставленных писем прилагаю дополнительный список. Прошу 1) расследовать причину пропажи писем; 2) выдать мне денежную компенсацию». Следовал подробный перечень «пропавших грамот» с указанием фамилий, адресов, номеров и дат отправки корреспонденции (всего — 24). Дата — 2.1.1929 г. и подпись — Л. Седов (Троцкий) [23].

...16 декабря в Алма-Ату прибыл уполномоченный ОГПУ и предъявил ультиматум о немедленном прекращении «контрреволюционной деятельности». В ультиматуме содержались скрытые угрозы, на которые Троцкий, как представляю, в горячке не обратил внимания. Он предупреждался, что, если не прекратит «разводить контрреволюцию», будет, во-первых, изолирован от политической жизни и, во-вторых, принужден изменить местожительство.

Троцкий, естественно, с таким решением не согласился. Дальнейшее хорошо известно. В конце декабря — начале января 1929 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором обсудили вопрос о Троцком. В № 1—2 «Бюллетеня оппозиции» приводится стенограмма этого заседания, хотя полной уверенности в ее подлинности у меня нет. Приведу ее текст, который переходил из книги в книгу. Не знаю даже, впервые ли воспроизвожу его у нас в стране: «Троцкого нужно выслать за границу,— говорил Сталин.— 1) потому, что он здесь идейно руководит оппозицией, численность которой все больше растет; 2) для того, чтобы развенчать его в глазах массы, как только он окажется в буржуазной стране, как пособника буржуазии; 3) чтоб его развенчать в глазах мирового пролетариата: социал-демократия, безусловно, использует его высылку против СССР и станет на защиту «жертвы большевистского террора» — Троцкого; 4) если Троцкий будет выступать против руководства с разоблачениями, то мы будем его изображать как предателя. Все это говорит о необходимости его высылки» [24]. Против предложения Сталина выступили лидеры «правого уклона» — Бухарин, Рыков и Томский. Колебался Куйбышев.

Если действительно все было так, как напечатано, то, забегая вперед, отмечу: из четырех названных Сталиным пунктов сбылся только один — последний. Троцкий действительно стал «выступать против руководства с разоблачениями», и советская пропаганда заклеймила его «как предателя». Остальные пункты не оправдались.

После решения Политбюро о высылке Троцкого из СССР в середине января состоялось заседание Особого совещания ОГПУ. Оно, в свою очередь, приняло аналогичное решение. 20 января ждавший в Алма-Ате распоряжений уполномоченный ОГПУ предъявил Троцкому документ Особого совещания. «Решение ГПУ — преступное по существу и беззаконное по форме — сообщено мне 20 января 1929 г.»,— написал Троцкий на врученном ему ордере. И, по-моему, совершенно верно отразил существо дела. Но справедливости ради замечу, что это решение было не более преступным и беззаконным, чем те, к которым приложил руку сам Троцкий, на основании которых выселялись за рубеж, хотя бы в 1922 г., многие русские интеллигенты, вся вина которых состояла в том, что они не разделяли официальную точку зрения некоторых сторон деятельности Троцкого и других членов правительства во главе с Лениным. Говорю это не затем, чтобы укорить Троцкого. Просто напомнил некоторым: прежде чем решать чью-то судьбу, не мешает задуматься о своей собственной.

Утром 22 января караван из семи автомобилей из Алма-Аты направился в Пишпек. 10 февраля — добрался до Одессы. И прямиком в порт. Никаких встреч. Кругом ни души, лишь редкие фигуры — агенты ОГПУ. Пароход «Ильич». Последнее фото: Троцкий на берегу Черного моря в сапогах, плаще и «ленинской кепке». Руки в карманах. Вглядывается вдаль, почти как герои булгаковского «Бега»: что там, за морем?

«ПЛАНЕТА БЕЗ ВИЗЫ»

Так называется заключительная глава «Моей жизни», которая в целом как автобиографическая повесть при всей условности ряда описанных в ней эпизодов, при всей субъективности автора, нередко переходившей всякие границы вымысла, отчего книга утрачивала контакт с реальностью и обретала характер заурядного самовосхваления, тем не менее служила подспорьем любому, кто брался за рассказ о политической деятельности Троцкого.

Несколько слов о вынесенной в заголовок раздела фразе. Она принадлежит не Троцкому, а заимствована им у А. Росмера — одного из наиболее постоянных, несмотря ни на что, его поклонников. В прошлом синдикалист, деятель Французской компартии и Коминтерна, изгнанный отовсюду именно за связь с Троцким и поддержку троцкизма, он отразил главное в судьбе Троцкого-эмигранта: лишившись российской почвы, ему так и не удалось сколько-нибудь прочно закрепиться, не говоря уже о том, чтобы врасти корнями, на иных землях, будь то европейская или американская. И дело не только в том, что правительства тех стран, где Троцкому хотелось осесть, отклоняли его просьбы о выдаче визы.

Видимо, речь следует вести о самой природе троцкизма, космополитической в своей основе, что фактически лишало его шансов на представительство чьих бы то ни было национальных интересов. Черты национального нигилизма троцкистской теории «перманентной революции», всей идеологии и практики троцкизма особенно явственно проявились как раз в 30-е годы.

Это десятилетие вошло в историю политической деятельности Троцкого как время борьбы против Сталина. Она стала смыслом всей оставшейся его жизни. Но и в этой борьбе Троцкому была присуща так мучившая его двойственность. Он не мог не сознавать, что борьба со сталинизмом есть борьба не двух идейно-политических антагонистов, не диаметрально противоположных «измов» — троцкизма и сталинизма. По своему духу, заявленным конечным целям и методам борьбы он и Сталин были гораздо ближе друг к другу, чем каждый из них к Ленину и посленэповскому ленинизму.

Критика Троцким сталинских деформаций СССР, несомненно, должна быть тщательно обобщена, стать достоянием не только исторической науки, но и всего советского обществоведения. Однако следует иметь в виду, эта критика не способна дать принципиально иных критериев и подходов к оценке сталинизма, каких от нее многие ждут. Троцкий попытался было подняться над самим собой, над Троцким 20-х годов, но тщетно! Невольно на память приходит сравнение его с бароном Мюнхгаузеном, который тащил себя из болота, держась за собственный чуб.

12 февраля 1929 г. Троцкий направил президенту Турецкой республики Кемалю-паше заявление: «Милостивый государь. У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию» [1].

Так несколько театрально (а то в Турции не знали, почему и как Троцкий оказался здесь) он выразил свой протест против депортации из СССР.

Кемаль-паша счел ниже своего достоинства вступать в переписку с Троцким. Но, видимо, испытывая некоторую неловкость из-за согласия на размещение в Константинополе опального советского лидера, через своих служащих уведомил Троцкого, что правительство не знало о его высылке и полагало, что он прибыл для «поправки здоровья». Кемаль заверил Троцкого, что его «никогда не интернируют или не сделают объектом любого насилия на турецкой территории» и что он может оставить страну в любой момент, когда пожелает, равно как и оставаться... столько, сколько захочет [2]. Тем не менее Троцкий навсегда сохранил неприязнь к Кемалю, подозревая его в сговоре со Сталиным.

По дороге из порта в здание советского консульства агент ОГПУ вручил Троцкому пакет с 1500 долларами. Последний раз Троцкий получил деньги из бюджета Советского государства — своего рода выходное пособие. Стесненность в средствах не позволила Троцкому отказаться от этой даже незначительной суммы. Потом он не раз пожалел об этом.

В консульстве его встретили хотя без музыки и цветов, но вполне пристойно. Троцкого с женой и старшим сыном Львом разместили в здании консульства.

Младший сын Сергей, жена Льва проводили их только до Одессы. Родители, будучи неуверенными в своем будущем, не настаивали на отъезде Сергея. В СССР осталась старшая дочь Троцкого — Зина. Младшей, Нины, к тому времени уже не было в живых. Она умерла в возрасте 26 лет от скоротечной чахотки. Она слегла почти сразу же после депортации отца в Алма-Ату. Ее состояние ухудшилось с арестом и высылкой мужа — Мана Невельсона. Он был членом партии с 1917 г. Участвовал в Февральской и Октябрьской революциях в Петрограде. Во время гражданской войны был на партийной работе в Красной Армии (комиссар полка, политкомиссар дивизии, начальник политотдела армии). С 1923 г. примкнул к оппозиции. С января 1928 г. находился в ссылке, с 1929 г.— в политизоляторах, сперва Тобольском, затем Верхнеленском. Двоих детей Нины забрала в Ленинград мать — А. Соколовская. Троцкий очень тяжело переживал смерть дочери.

Был арестован и отправлен в ссылку и муж Зины Платон Волков. По профессии он был педагогом и одно время состоял членом ЦК профсоюза работников просвещения. Зина в начале 30-х годов выехала за границу. В январе 1933 г. в Берлине, находясь в состоянии острой депрессии, отравилась газом...

Находиться на территории консульства было, конечно, безопасно. Но оставаться надолго Троцкий здесь не собирался. Быть постоянно под контролем диппредставительства и тех агентов ОГПУ, которых вслед за ним послали из Москвы, его не устраивало. Ведь он хотя и был привезен в Константинополь силой, тем не менее в свои 49 лет не собирался «уходить на пенсию» и доживать

отведенный ему Господом срок. Этому в немалой мере способствовали и назревавшие в СССР, Европе и мире в целом драматические события. Поэтому по его поручению сверхактивный Лева с матерью бросились на поиски иного жилья.

Очень скоро нашли дом. И неожиданно для всех — весьма удачный. Но не в самом городе, а в полутора часах плавания по Мраморному морю, на Принцевых островах или, еще конкретнее, на небольшом островке Принкипо, в деревне Бийюк Ада. В средние века сюда ссылали неугодных византийским императорам соперников. Дом был просторным, хотя и запущенным. Когда-то эта загородная вилла принадлежала бывшему турецкому паше, к тому времени уже обнищавшему и вынужденному продавать свое имущество. Троцкому пришелся по душе огромный, хотя и запущенный сад.

Остров можно было пройти по периметру пешком за два часа. Очень скоро Лев Давидович приобрел незаменимого партнера по рыбной ловле, наставника в освоении морских премудростей — Хараламбоса, молодого грека. Он, правда, ни слова не понимал по-русски, так же как Троцкий по-гречески, но это не мешало их общению.

53 месяца Троцкий провел на Принкипо. Рыбная ловля, разумеется, не была главным занятием Троцкого. Здесь, на острове, как и в Алма-Ате, благодаря Леве заработало «министерство иностранных дел и почты». Связь с внешним миром была восстановлена. На Принкипо и отсюда пошли мешки с корреспонденцией. К Троцкому приехали его поклонники и единомышленники, с которыми он общался еще до войны: чета Росмеров, Альфред и Маргарита. Прибыл Макс Истмен, а также троцкисты из Франции, Голландии, Чехословакии, США и других стран. Порою в доме собиралось и подолгу проживало одновременно до двух десятков человек. Но все это при минимуме удобств, как на постоялом дворе. Троцкий хоть и не раз писал об удивительных качествах хозяйки, которыми обладала якобы его жена, на Принкипо этих качеств она не показала. М. Истмен заметил даже, что из-за отсутствия «комфорта и красоты» дом был похож на казарму, а его хозяева, приобретшие дом за гроши,— на пассажиров на вокзале или пристани, ожидавших поезд или корабль, которые бы их вывезли отсюда [3].

Троцкий постоянно обращался к правительствам и политическим лидерам европейских государств с просьбами о визе: Германии, Англии, Франции, Голландии, Чехословакии, Австрии, Норвегии и даже герцогства Люксембург. Просил он о содействии Г. Уэллса, Б. Шоу, Беатрису и Сиднея Вебб. Но все тщетно. Троцкому либо припоминали его прежние, относившиеся еще к временам мировой войны «проступки», как, например, во Франции, либо ссылались на его новые, послеоктябрьские прегрешения. Так, когда в английском парламенте зашла речь о предоставлении Троцкому убежища, премьер-министр и министр иностранных дел в один голос заявили: «Он сидит в Константинополе на задворках, и никто не заинтересован в том, чтобы он находился в другом месте. Мы все боимся

его». Нелестно отозвался о Троцком и У. Черчилль. «Троцкий, некогда обрекавший на смерть тысячи людей, теперь, точно мешок с тряпьем, сидит на рифах Черного моря»,— писал он в одном из своих очерков.

А фашистская «Беобахтер» цинично заявила в номере от 1 февраля 1929 г.: «Троцкий — советско-жидовская собака хочет жить в Берлине. Мы должны пристально следить за этим жидовским убийцей и преступником». И это о «фашистском наймите», каким несколькими годами позже назовет Троцкого советская и вслед за ней и коммунистическая печать мира.

Как и в годы своего могущества, Троцкий окружил себя свитой: секретари, личная охрана. Помимо тех нескольких нарядов полицейских, которые для этой цели вынужден был выделить Кемаль-паша. Среди наиболее близких к нему были гражданин Чехословакии Франкель Ян, Шлюссер Карл Фриц Отто из Германии, голландец Жан ван Хейеноорт, оставивший воспоминания о Троцком.

В сопровождении этих людей Троцкий в ноябре 1932 г. по приглашению студентов Копенгагенского университета совершил поездку в Данию, чтобы прочесть там лекции об Октябрьской революции. Именно поэтому данные на перечисленных секретарей Троцкого четко отражены в досье на него французского генштаба. Там же можно найти номера турецких политических паспортов Троцкого и Н. Седовой — соответственно: № 46/45. 1932 и 46/46. 1932 [4].

Считаю, что в окружении Троцкого за всю эмиграцию самым толковым и, конечно, преданным ему человеком был сын Лев. Троцкий попытался было вторично вернуться к вопросу о разрешении выезда с ним Н. М. Сермукса и И. М. Познанского, но ОГПУ не пошло навстречу. Оба его бывших секретаря сгинули в лагерях. В 1931 г. Сермукса видели в Череповце, где он уже 3-й год отбывал ссылку, живя без работы и в крайне стесненных материальных условиях, а И. М. Познанского — в Верхнеуральском политизоляторе, куда он был заключен в 1930 г.

Сын стоил двух-трех секретарей, а может быть, и половины всего секретариата Троцкого. В 1938 г. в некрологе, написанном на смерть сына, Троцкий признал, что без поставлявшихся ему Левой материалов, архивных и библиотечных изысканий, сперва в Турции, затем из Берлина и Парижа, где Лева находился с 1931 г., «невозможна была бы ни одна из написанных мною за последние десять лет работ, в частности «История русской революции»... Почти на всех моих книгах начиная с 1929 года надо было бы, по справедливости, рядом с моим именем написать и имя сына» [5]. Лев стал издателем «Бюллетеня оппозиции». В первые годы ссылки вел почти всю переписку с оппозиционерами в СССР, пока в 1932 г. ОГПУ не разрушило все связи, после чего пришлось искать информацию обходными путями.

Отсутствие лиц, знавших русский язык, помимо чрезвычайных технических сложностей, обернулось для Троцкого колоссальными

политическими просчетами. Он вынужден был принимать едва ли не первых встречных. Иначе нельзя объяснить, почему буквально с первых дней пребывания на Принкипо и до самой смерти в августе 1940 г. в окружении Троцкого постоянно оказывались агенты ОГПУ.

Это «латыш Франк», как его звали между собой близкие Троцкому лица, проживший на Принкипо несколько месяцев. Его разоблачило окружение Троцкого. Но многие агенты и провокаторы так и остались нераскрытыми. Например, братья Соболевичикусы. Младший из них под псевдонимом Абрам Сенин (Троцкий называл его Соболевич) долгое время действовал в окружении Троцкого на Принкипо. Старший под именем Ромен Уэлл выступал провокатором в кругах левой оппозиции в Париже и Центральной Европе. Оба были разоблачены лишь в конце 50-х годов в США, хотя младший брат уже в 1932 г. порвал с оппозицией и выступил в печати с инсинуациями по ее адресу. Старший, будучи разоблаченным, бежал из США в Израиль в начале 60-х годов. Однако ему отказали в праве убежища. По дороге, в Лондоне он покончил с собой [6].

Содержание штата секретарей, личной охраны, переписка, публикаторская деятельность, издание «Бюллетеня оппозиции», органов троцкистской печати в ряде других стран требовали немалых расходов. Те 10—20 тыс. долларов, которые Троцкий получил за свои интервью и статьи в буржуазной прессе, были каплей в море. «Революционная деятельность» требовала финансирования. Дейчер назвал некоторые источники денежных поступлений к Троцкому. Это — 7 тыс. долларов за американское издание «Моей жизни» (были издания и в других странах). В 1932 г. журнал США «Саттердей ивнинг пост» заплатил Троцкому 45 тыс. долларов за «Историю русской революции», которая печаталась там в виде серии статей. В 1930 г. Троцкий вернул своему стороннику из Франции Морису Пазу занятые у него весной 1929 г. 20 тыс. долларов. Сведений о том, чтобы Троцкий брал деньги взаймы у кого-то еще, нет [7].

Мне удалось обнаружить некоторые источники доходов Троцкого, о которых, видимо, не знали ни Дейчер, ни кто-либо другой. В досье французского генштаба есть справки о получении Троцким немалых для скромного политэмигранта сумм в валютах разных стран. Полагаю, что эти документы, хоть и в копиях, не являются фальшивкой. Слишком уж они обстоятельны. Да кому бы понадобилось заниматься подтасовкой, если об этих документах все равно никто ни тогда, ни впоследствии не узнал бы?

На имя Льва Седова Троцкий получил, во-первых, кредит в ряде зарубежных банков, в частности в Стамбуле. Во-вторых, в Дойч Банке — около 100 тыс. турецких лир. В-третьих, Банко ди Рома выдал еще 25 тыс. турецких лир. В-четвертых, были поступления из Голландского банка. Суммы не установлены. На имя и при посредничестве О. Шлюссера были поступления из Дании. В течение только шести месяцев 1932 г.: 17. V — 600 долларов; 30. VI — 1750

долларов; 19. VII — 2200 и 10 000 французских франков; 30. VII — 1800 фунтов стерлингов; 11. VIII — 3000 долларов; 15. IX — 1650 долларов. После этого поступления на имя Шлюссера прекратились. Но это не значит, что деньги из этого источника не прибывали. Они шли на другие имена и фамилии, которые в досье французского генштаба не указаны [8].

Профессиональная революционная деятельность всегда и во всех странах стоила и стоит немалых денег. Случаи ведения политической деятельности на деньги, поступавшие из других стран,— обычное явление. Так, в середине 20-х годов молодежная коммунистическая организация «Ленинбунд», с лидером которой Урбансом Троцкий вскоре вступил в острый конфликт после прибытия на Принкипо, существовала благодаря деньгам, посылаемым Пятаковым, который тогда работал в постпредстве СССР в Париже. Об этом факте 4 ноября 1929 г. в письме Соболевичикусам сообщил Троцкий [9].

Итак, чем же занимался Троцкий в первые месяцы пребывания в Турции? Он выступил с серией антисталинских статей, где критиковал не только Сталина, но и ОГПУ. Начал издавать «Бюллетень оппозиции» для распространения в СССР. Бюллетень печатался на папиросной бумаге: для удобства транспортировки в СССР. Печатался в Берлине и Париже, а продавался, кроме этих городов, в Константинополе, Лондоне, Вене, Осло, Брюсселе, Нью-Йорке.

Первый номер «Бюллетеня» вышел в июле 1929 г. и сразу же заявил о себе как об органе защиты завоеваний Октябрьской революции, как об оппозиции сталинской бюрократии в СССР и зарубежных компартиях. Но не всякой оппозиции. Скажем, сторонников «правого уклона» Троцкий по-прежнему не жаловал и продолжал критиковать. В равной мере осуждал любые другие антисталинские течения. Например, поддержал обвинения официальных властей на состоявшихся в начале 30-х годов процессах над Промпартией, меньшевиками.

Он посылал в СССР многочисленные письма и воззвания. Уже 29 марта направил «Письмо рабочим СССР», где раскритиковал Сталина и Ярославского за статьи в советской печати относительно собственных публикаций в зарубежной прессе. В апреле Троцкий разослал листовку «Демократический урок, который я не получил (История одной визы)», где рассказал об отказе германского правительства в визе. Затем последовало несколько посланий «Русскому товарищу» с разоблачением деятельности оппозиционеров-капитулянтов.

Не скупился он и на интервью. 24 апреля 1929 г. он ответил на вопросы японской газеты «Осака майнити». На вопрос о состоянии здоровья заметил, что оно более или менее удовлетворительно, хотя и с периодами ухудшения. «Мне необходимо курортное лечение»,— добавил он, видимо, рассчитывая разжалобить западноевропейских политиков. Троцкий заявил, что на мировой арене главный антагонизм заключается в противоречии между Америкой, т. е. США, и Англией. Любопытно, что и Сталин чуть ли не до самого

нападения Германии на СССР будет придерживаться той же точки зрения. По поводу своей политической принадлежности Троцкий неизменно называл себя коммунистом, а оппозицию — фракцией Коминтерна.

Он обращался к единомышленникам в СССР и других странах, посылая им инструкции и советы по всякому поводу. Но эффективность этих посланий была более чем минимальна.

Летом 1929 г., возвращаясь из командировки, Троцкого посетил Я. Блюмкин, сотрудник восточного отдела ОГПУ. Троцкий послал с ним инструктивное письмо и устные наставления Радеку. Но тот заявил, что знать не знает ни о каких планах Троцкого и лучшее, что мог бы посоветовать троцкисту Блюмкину, это добровольно сдаться в руки ОГПУ. Что тот и сделал. Блюмкина расстреляли без суда и следствия.

Действия Троцкого только подогревали борьбу против левой оппозиции. Поднялась новая волна арестов. В мае Троцкому стало известно об аресте почти 500 человек. 9 июня 1930 г. «Правда» сообщила, что «Орловский окружком арестовал полностью бюро городского комитета партии, обвинив его в троцкизме».

Ужесточились условия находившихся в ссылке троцкистов. В июле 1930 г. стали известны первые обвинения оппозиционеров в шпионаже. Такое обвинение было предъявлено одному из ссыльных в Чимкентской колонии (Казахстан).

Троцкого мало трогали акты беззакония и глумления над личностью по отношению к его единомышленникам. Он исправно сообщал о них в своем «Бюллетене», не комментируя, не возмущаясь. Возможно, он даже испытывал честолюбивое чувство: вот его изгнали, а оппозиция продолжает свою борьбу.

Приводя на страницах «Бюллетеня» слова агента ОГПУ из письма оппозиционера: «Вы (т. е. оппозиция.— *Н. В.*) нас (т. е. ОГПУ.— *Н. В.*) держите за фалды», Троцкий с видимым удовлетворением заметил: «Автор письма прав: слова агента ГПУ просятся в историю. Это не личные его слова, а спустившиеся к нему через ряд ступеней с самого верху. Это слова самого «генерального секретаря» [10]. Что тебе Сталин, если считаешь себя его непримиримым врагом? Для Троцкого 30-х годов эта постоянная оглядка на кремлевского «вседержителя» стала чуть ли не инстинктивной.

Троцкий не оставлял попыток оказать влияние и на часть руководящего ядра в ВКП(б). 23 марта 1930 г. он направил в СССР «Открытое письмо членам ВКП(б)», «Письмо к единомышленникам в СССР» (23 мая), многочисленные «ответы друзьям», статьи «Новый хозяйственный курс в СССР. Экономический авантюризм и его опасности» (13 февраля) и «Скрип в аппарате. Популярное разъяснение о левых и правых» (13 апреля). Налицо оказалась скорректированная платформа левой оппозиции.

Во всех своих публикациях Троцкий критиковал политику правящей группы. Порой кроме нее в посланиях ничего больше не было. Но вот что бросается в глаза: по мере подъема критических «градусов» общая эффективность троцкистских разоблачений сни-

жалась. Парадокс? Нисколько. Все дело в том, что Троцкий критиковал противников не с принципиально иных позиций, а лишь с точки зрения неверных по его мнению пропорций в проводимом ими курсе.

В «Открытом письме членам ВКП(б)» Троцкий, одобрив переход сталинской группы на идейную платформу левой оппозиции, осудил крайности в ее политике. Разве можно было при продолжавшем оставаться низком уровне индустрии выдвигать лозунг: «Пятилетку — в четыре года?» — вопрошал он. Конечно нет. «Хозяйство изнасиловать нельзя».

То же и с коллективизацией. Ее размах под воздействием чисто административных мер 1928—1929 гг., вызванных стремлением взять у крестьян хлеб, грозил развалом сельского хозяйства, возможностью второй гражданской войны. «...Среднее крестьянство колеблется между гражданской войной и коллективизацией» [11],— справедливо писал он. Из крестьянских сох и кляч, хотя бы и объединенных, нельзя создать крупного сельского хозяйства, как из суммы рыбачьих лодок — сделать пароход. Размах коллективизации предопределен объемом индустриализации.

Фактически Троцкий повторил истины, уже сформулированные задолго до критики им сталинского «великого перелома» начала 30-х. В частности, в документах XVI партконференции. О ней сегодня почему-то молчат, как будто ее не было. Между тем принятые на конференции направления развития народного хозяйства, темпы, приоритеты вполне могли рассматриваться если и не как оптимальные, то близкие к ним. Любопытно, что Сталин на конференции отмолчался. Не хотел связывать руки?..

Обвиняя ВКП(б), Троцкий тем не менее не раскрывал причин неудовлетворительного курса партии, если не считать набивших оскомину его утверждений о капиталистическом окружении, экономической отсталости, ошибках руководства. Главное, по его мнению, в цепи неурядиц — это поддержанное низами стремление ВКП(б) к построению в СССР «изолированного социалистического дома» [12].

В годы эмиграции в троцкистской платформе на передний план все более и более начинает выступать «интернациональный аспект», чтобы не сказать просто — космополитический. Троцкий и прежде любой вопрос старался увязать с перспективой мировой революции, тем более такой, как строительство социализма в СССР. Но в 30-е годы он вообще отказался рассматривать какую бы то ни было проблему иначе чем через призму мировой революции. (Кое-кто может сказать, а разве наши нынешние беды не от того, что мы долгое время предпочитали вариться в собственном соку, оценивать народное хозяйство вне его соотнесенности с мировым?)

Стремясь все уложить в общемировой пакет, Троцкий не просто отстранялся от национальной специфики и условий, в которых только и могли успешно реализоваться общемировые проблемы. Ссылаясь на необходимость применения к СССР общемирового масштаба, он выносил решение всех вопросов за пределы страны,

связывая это решение с грядущей мировой революцией и построением мировой социалистической федерации. Тем самым он уклонялся от ответов или не знал, что ответить на конкретные вопросы, волновавшие страну в данный момент, а не в светлом будущем, которое, как и СССР, ждало все остальное человечество.

В статье «Новый хозяйственный курс в СССР. Экономический авантюризм и его опасности» Троцкий писал: «Коллективизацию мы всегда ставили в зависимость от индустриализации. Социалистическую перестройку крестьянских хозяйств мы мыслили не иначе, как в перспективе десятилетий (справедливости ради отмечу, что ни прежде, ни потом Троцкий нигде не писал и не говорил о необходимости десятилетий для коллективизации.— *Н. В.*). Мы никогда не закрывали глаза на внутренние противоречия социалистического строительства в отдельной стране. Ликвидировать противоречия деревни можно, только ликвидировав противоречия между городом и деревней, а это осуществимо лишь в рамках международной революции» [13].

В преддверии этой революции Троцкий, как и в годы «военного коммунизма», призвал к революционному насилию, в основе которого лежало традиционное для него пренебрежение интересами крестьянства. В 30-е годы, как и в 20-е, как и в доктябрьский период, он рассматривал крестьянство не иначе как в качестве «навоза» для удобрения почвы революционных экспериментов. 25 апреля 1929 г. в письме к единомышленнику из Франции Б. Суварину (псевдоним Лифшица) Троцкий писал: «Самый вопрос для меня начинается с отрицания крестьянства *как целого*. Дело идет о борьбе классов *внутри крестьянства»*. Относительно середняцкого крестьянства в письме были также суждения: «Среднее крестьянство представляет собою социальную протоплазму. Она оформляется в двух направлениях: в капиталистическом — через кулаков и в социалистическом — через полупролетариев и батраков. Кто игнорирует этот основной процесс, кто говорит о крестьянстве вообще, кто не видит, что у «крестьянства» есть *два враждебных лица* (выделено мной. — *Н. В.*), тот погиб безвозвратно. Проблема термидора и бонапартизма есть в основе своей проблема кулака» [14].

Ни одного, как говорится, доброго слова. Сплошная «классовая борьба», «враждебные лица», «кулаки». По поводу последних Троцкий разъяснил: «Кулаки не отделены, однако, от середняка какой-либо непроницаемой переборкой. В обстановке товарного хозяйства среднее крестьянство автоматически выделяет из себя кулаков». Сам собой напрашивался вывод, что если рассчитывать на социализм, то надо выкорчевывать не только кулака, а и его источник, который постоянно подпитывал кулачество,— середняцкое крестьянство. В отличие от Сталина Троцкий предлагал осуществить это не путем «сплошной коллективизации» и изведением в одночасье кулака как класса. Тут требовалось определенное время. Чтобы прыгнуть, надо отойти и разбежаться.

В «ответе тов. К.», приславшему Троцкому письмо с размышлениями о необходимости продолжения коллективизации, сохраняя

«усиленный темп минус авантюризм и правую установку», Троцкий согласился: «Разумеется, мы по-прежнему держим курс на максимальные темпы индустриализации и коллективизации». Однако надо сообразовываться с реальностью, не зарываться. Троцкий разъяснил, что понимал под «не зарываться»: «Разумеется, «задержать коллективизацию» значит обуздать административное коллективизаторство, а никак не снижать действительное колхозное строительство... Добровольность в коллективизации нисколько не исключает *экономического давления*, которое отличается от административного тем, что дает реальные выгоды вместо милицейских угроз». Что революционная власть должна и будет сурово расправляться с кулаками, поднимающимися на восстание, рассуждал Троцкий, об этом нечего даже и говорить. Но при этом важно так строить политику, чтобы не доводить кулачество (грань между ним и середняцким крестьянством он практически не признавал) до восстаний. «В правильно построенной системе коллективизации идейное воздействие сочетается с экономическим давлением» [15],— резюмировал Троцкий. Иначе говоря, «тов. К.» предлагался вариант коллективизации, осуществляемой методами «гуманизированного сталинизма», т. е. троцкизма.

Наряду с прожектерством в троцкистской платформе усилился элемент социального утопизма. Троцкий вновь, как и в период борьбы против Ленина по вопросам возможности победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране или группе стран, вернулся к лозунгу Соединенных Штатов Европы. При этом в отличие от абстрактно-политической формы, в какой им ставился этот лозунг в противовес Ленину, сейчас предложил наполнить его конкретным экономическим содержанием. «Хозяйственный опыт Советского Союза достаточен для того, чтобы создать примерный вариант плана, основанный на сотрудничестве СССР с промышленными странами Европы,— писал Троцкий в статье «Скрип в аппарате».— В последнем историческом счете выход для СССР из возрастающих внутренних противоречий — в этом и только в этом. И для Европы нет иного выхода из кризисов, безработицы, возрастающего гнета Америки и перспективы войн».

Если бы все было так просто, то кто бы возражал против этого? Что может быть более полезным для стран с любым общественным строем, чем нормальное взаимовыгодное сотрудничество. Но не надо забывать, в каких условиях все это писалось: капиталистический мир был охвачен невиданным кризисом. До СССР ли ему было? И потом, ведь Троцкий предлагал не просто сотрудничество, как мы его понимаем теперь. Он вел речь опять же о сотрудничестве, приближающем мировую революцию. «Проблема сотрудничества в полном объеме разрешима только через пролетарскую революцию,— уточнял Троцкий.— Через создание Советских Соединенных Штатов Европы, которые через нынешний Советский Союз свяжутся с освобожденной Азией» [16].

Трудно объяснить, на кого рассчитывал Троцкий. Какой бизнесмен или состоящий у него на службе буржуазный политик, если он,

конечно, не сошел с ума или не «продался красным», стал бы сотрудничать с СССР на условиях, предложенных Троцким? Разве не идеогемы о мировой революции были главным препятствием на пути к нормальному взаимовыгодному экономическому сотрудничеству на мировой арене? Троцкизм и в этом, казалось бы, наиболее близком ему вопросе был не способен предложить что-либо путное ни в 30-е годы, ни сегодня.

Последнее соображение затрагивает трактовку места и роли левой оппозиции в троцкистской платформе. В 1931—1933 гг. Троцкий попытался использовать против Сталина развернутое тем преследование ряда групп и деятелей партии: группы Рютина, Сырцова, Ломинадзе, Слепкова, группы наркомов и других. 15 марта 1933 г. он направил очередное «Письмо в Политбюро ВКП(б)». Несколько ранее, 3 марта, опубликовал в «Бюллетене» статью «Сигнал тревоги». В этих материалах он писал, что Сталин и его окружение явно просчитались, стремясь овладеть ситуацией с помощью репрессий, что такие методы руководства партией и страной приведут к неминуемой гибели.

Поэтому, считал Троцкий, мало устранить Сталина. «Вопрос стоит не о Сталине лично, а о его фракции». Лозунг «Долой Сталина!» — неправильный. Он может быть понят и был бы неизбежно понят правильно только в том случае, если бы вылился в лозунг низвержения не одного Сталина, а всей правящей ныне верхушки и шире: аппарата. «Мы хотим не низвергать систему, а реформировать ее усилиями лучших пролетарских элементов,— уточнял Троцкий.— ...Дело идет не об изменении лиц, а об изменении системы» [17].

С другой стороны, руководствуясь принципом «чем хуже, тем лучше», Троцкий договорился до парадокса, провозгласив кощунственный лозунг о «благотворности» репрессий Сталина. «Репрессии будут чем дальше, тем больше вызывать результат, противоположный тому, на какой они рассчитаны: не устрашать, а, наоборот, возбуждать противника, порождая в нем энергию отчаяния» [18],— писал Троцкий в «Письме в Политбюро ВКП(б)».

Руководствуясь этим, он предлагал членам Политбюро целую программу действий. Во-первых, возродить партию. Это болезненный процесс, но без него не обойтись, убеждал Троцкий. «Нужно частное внутрипартийное соглашение»,— призывал он. Основанием для такого соглашения явилось бы происходившее в ВКП(б) расслоение. Троцкому сообщили, что из десяти партийцев восьмерых разъедало сомнение.

Сомнения высказывались не открыто. На собраниях и официальных мероприятиях все старались засвидетельствовать единство, руководствуясь примерно такими соображениями: «Какой смысл выступать? Если я буду погибать в Сибири, я этим тоже ничему не помогу». Выдвигались и другие доводы, заставлявшие сомневавшихся терпеть сталинизм. Рассуждая об изолированности Сталина и всеобщей ненависти к нему, считалось, что, если бы его не стало, «все бы расползлось: он держит всех вместе». Троцкий в основном

прав, говорили они между собой. Но в одном он ошибался: видел перед собою пролетариат 1917—1923 гг. Между тем этого пролетариата больше нет. «Большинство нынешних рабочих — вчерашние выходцы из деревни. Им демократию дать нельзя. Их нужно держать в узде» [19].

Соглашаясь с тем, что Сталин разгромил партию, раздробил ее, разогнал по тюрьмам и местам ссылки (под «партией» он подразумевал левую оппозицию), разводнил ее серой массой, запугал, деморализовал, также, как и «либеральничавшие» сталинисты, Троцкий признавал, что необходимо исходить из исторических фактов, прежде всего наличия ВКП(б). Несмотря на все деформации, она существовала. Говоря о восстановлении партии и внутрипартийной демократии, Троцкий имел в виду не ломку партийных структур, переворот всего и вся. Он ставил конкретный и реальный с точки зрения левой оппозиции путь: собрать воедино разбросанные, закованные, запуганные элементы действительно большевистской партии, восстановить нормальную работу, вернуть решающее влияние на жизнь страны. *«Нужен лояльный партийный режим,*— писал Троцкий 30 марта 1933 г.— легче, вернее и безболезненнее всего прийти к нему можно было бы через внутрипартийное соглашение».

Во-вторых, способствуя восстановлению в ЦК и в партии вообще режима доверия, нельзя будет игнорировать левую оппозицию. «Невозможно возродить партию, не вернув оппозицию в ее ряды,— писал Троцкий.— Таково первое требование, какое мы выдвигаем и которое мы призываем поддержать всех коммунистов, комсомольцев, всех сознательных рабочих». Оппозиция готова оказать ЦК полное содействие в том, чтобы помочь перевести партию на рельсы нормального существования без потрясений или, если уж без них нельзя, то с наименьшими потрясениями.

В-третьих, Троцкий успокаивал бухаринцев и особенно «либеральных» сталинистов, что в случае возвращения в партию он не собирался мстить кому бы то ни было за нанесенные ему оскорбления и обиды. «Опасаться со стороны левой оппозиции попытки повернуть острие репрессий в другую сторону нет оснований: такая политика уже испробована и исчерпала себя до дна,— писал Троцкий,— задача ведь и состоит в том, чтобы общими силами устранить ее последствия» [20].

Заманчивая перспектива. Но и она мало кого могла увлечь: «безобидность» и «кротость» Троцкого, как и Сталина, были уже известны. К его обещаниям и заверениям очень подходила пословица: мягко стелет, да жестко спать.

В этом убеждал и четвертый пункт троцкистской программы-минимум: условием участия левой оппозиции в «возрождении партии» ставилось сохранение ею своей платформы, которая стала уже платформой не только российской, но и международной левой оппозиции. Правда, тут же он в виде успокоения членов ЦК обещал подумать о способах изложения и защиты этой платформы, чтобы ненароком не задеть интересов других фракций.

Ни один член ни Политбюро, ни ЦК не откликнулся на это

письмо Троцкого. 10 мая 1933 г. он направил в Политбюро пояснение к письму, в котором писал: «Сталинская клика идет семимильными шагами навстречу гибели. Весь вопрос в том, удастся ли ей обрушить в пропасть и советский режим?» Троцкий призвал всех честных революционсров связаться с ним, чтобы вместе обсудить этот вопрос и если потребуется, то совместными усилиями защитить советский режим от покушавшихся на него сталинистов. Но и пояснение осталось без последствий.

Но и в это время Троцкий вел двойную игру. В досье на него французского генштаба в записи от 1 июня 1933 г. сообщалось, что в связи с очередным заявлением Зиновьева и Каменева о восстановлении в партии Троцкий, по поступившим из частных, но хорошо информированных источников, около двух месяцев тому назад прислал Сталину письмо, в котором в связи с серьезностью ситуации в СССР и ответственностью момента выразил готовность вернуться в страну и занять свое место в рядах партии.

К тому времени Троцкий Указом ВЦИК СССР от 20 февраля 1932 г. вкупе с 30 меньшевиками-эмигрантами (неискоренимая в Сталине идея загнать Троцкого в меньшевизм.— *Н. В.)* был уже лишен советского гражданства. По получении этого известия Троцкий в письме Президиуму ЦИКа СССР клеймил Сталина как последнего контрреволюционера. «Сталин завел вас в тупик,— писал он.— Нельзя выйти на дорогу иначе как ликвидировав сталинщину (видимо, Троцкий первым употребил этот термин.— *Н. В.*). Надо довериться рабочему классу... Надо, наконец, выполнить последний настойчивый совет Ленина: *убрать Сталина»* [21].

Теперь же Троцкий писал Сталину, что готов стать рядом с ним в борьбе за защиту СССР, а если потребуется, то обратиться с призывом ко всем своим сторонникам в СССР выразить верность режиму и принять участие в его обороне от контрреволюции. В качестве смягчающего обстоятельства, позволившего бы, по мысли Троцкого, Сталину проглотить его заверения в своей к нему лояльности, Троцкий предложил снять лозунг «Отстранить Сталина!». Об этом он сообщил в октябре 1932 г. в письме к Леве в Берлин. На том основании, что этот лозунг отвечал интересам бывших кадетов, меньшевиков и термидорианцев всех мастей, против которых сталинистам придется защищаться в течение еще нескольких месяцев, Троцкий объявил его двусмысленным и немогущим рассматриваться «как наш боевой клич в этот момент» [22].

Однако, как сообщалось далее в досье французского генштаба, «Сталин не ответил еще на это письмо, которое было уже не первым. И до настоящего дня Сталин не направил к Троцкому никаких эмиссаров. Несмотря на это, в окружении Троцкого стойко держится мнение, что в ближайшее время Сталин вступит в переговоры с Троцким» [23].

Как похожи эти шаги Троцкого на его «маневры» 1925 г.!

...Вечером 17 июля 1933 г. из Константинополя в Марсель отходил пароход «Болгария». Среди его пассажиров оказалась и чета Седовых. (В Европе Троцкий предпочитал пользоваться фами-

лией жены. Меньше обращали внимания. Да и официально, еще в 1920 г., советский паспорт был ему выдан на фамилию жены.) Их сопровождала группа секретарей Ж. ван Хейеноорт, граждане США Сара Якобс и Макс Шахтман, немец О. Шлюссер.

Переезд стал возможен из-за перемен в политической жизни Франции. На выборах в парламент победу одержали радикалы и социалисты, заключившие правительственную коалицию во главе с Даладье. Это позволило Троцкому с помощью своих сторонников, где особую активность проявил переводчик его сочинений на французский язык Морис Парижанин, добиться отмены решения от 1916 г., запрещавшего ему проживание в стране, и получить столь желанную визу. Хотя Троцкому и не разрешалось находиться в Париже и других крупных городах, тем не менее на общем фоне постоянных неудач и неприятностей это была маленькая политическая победа, чрезвычайно радовавшая Троцкого и его близких. «Турецкая глава жизни отошла в прошлое,— записывал он 11 августа 1933 г.— Остров Принкипо превратился в воспоминания».

Я думаю, не только воспоминания. Принкипо оставил заметный след в его жизни. Здесь он без особой спешки и дергания, столь обычных в условиях любой эмиграции, смог осмотреться, наладить контакты с внешним миром, определить пусть узкий, но зато свой круг единомышленников, почти активизировать деятельность троцкистских групп в ряде европейских стран и США.

Троцкий завершил серию начатых еще в Алма-Ате книг, среди которых, конечно, выделяются «Моя жизнь» и «Перманентная революция». В 1931—1933 гг. он написал лучшую во всем его литературном наследии трехтомную «Историю русской революции». Наконец, опубликовал не один десяток статей в «Бюллетене оппозиции», позволявших говорить о новой главе в его борьбе со сталинской бюрократией в ВКП(б) и Коминтерне.

Отъезд Троцкого из Турции сопровождался развернутой буржуазной печатью антитроцкистской кампанией. Муссировался тезис о готовившемся возвращении Троцкого в СССР. Приезд во Францию рассматривался как этап на пути в Советский Союз.

В ответ на запрос берлинской «Фоссишецайтунг» ТАСС уполномочен был разъяснить, что в СССР Троцкий не вернется. 13 августа во влиятельной парижской газете «Там» появилась заметка ее московского корреспондента, в которой опровергалась версия возврата Троцкого в Союз. «У Троцкого нет ни программы, ни сторонников, и его имя не порождает больше никакого отголоска в русских массах». Троцкого не примут, даже если бы он обратился к советскому правительству с покаянием, как это вновь сделали Зиновьев и Каменев. Тем более что такие покаяния не в характере Троцкого.

Вся эта шумиха не способствовала хорошему настроению, требовались дополнительные меры предосторожности. Пароход «Болгария» остановили на подъезде к марсельскому порту. Троцкого с женой пересадили на управлявшуюся Левой и французским троцкистом Р. Молинье моторную лодку и доставили на берег вдалеке

от пристани. Там приезжих ждали два стареньких «форда», которые направились в Сент-Пале на Атлантическое побережье. Около местечка Руайана Молинье и его подруга Вера Ланис сняли для Седовых маленький домик.

Вскоре французская Сюрте (служба безопасности) смягчила меры пребывания в стране. Троцкому разрешили жить всюду, кроме Парижа и департамента Сены. Он перебрался в городок Барбизон неподалеку от Парижа и поселился в двухэтажной вилле «Кер Моник».

В феврале до Барбизона дошла весть о капитуляции Раковского. Троцкий долго не мог успокоиться. Волнение ощущалось даже год спустя в дневниковой записи 25 марта 1935 г.: «Раковский был, в сущности, моей последней связью со старым революционным поколением. После его капитуляции не осталось никого» [24]. Страшное слово — никого...

Через месяц после известия о Раковском новые неприятности подстерегли Троцкого и Седову. Как бывает в таких ситуациях, все произошло по вине «его величества случая». Обычно отвозивший в Париж и доставлявший в Барбизон особо важную корреспонденцию один из секретарей Троцкого, Рудольф Клемент, вызвал подозрения у дежуривших на шоссе жандармов. Сперва тем, что у него не горела фара мотоцикла, а затем, когда его остановили и стали допрашивать,— иностранным акцентом. Клемента тут же арестовали (оказывается, в 30-е и другие годы шпиономанией страдал не только Советский Союз, но в не меньшей степени «просвещенная» Франция). Ему предъявили иск об угоне мотоцикла. Намекали и на некие политические обстоятельства, особенно после признания Клемента, чьим порученцем он был.

Полиция раззвонила на всю страну о пребывании Троцкого в Барбизоне и о его политической работе. Начался невообразимый скандал: как так, опаснейшая личность проживает рядом со столицей, в шикарной вилле, и никто об этом понятия не имел? Явился местный прокурор. Убедившись, что на паспорте Троцкого стояла отметка Сюрте женераль, он умерил свой пыл. Но за Клемента не извинился. А ведь тому досталось не на шутку. Его 36 часов, шесть из которых в наручниках (видимо, от избытка просвещения), продержали в кутузке, оскорбляли и даже избили.

Вновь, на сей раз по предписанию местных властей, пришлось тронуться в путь-дорогу. Напуганная центральной прессой провинция смертельно боялась «русского кровопийцу». Троцкого нигде не принимали. Почти три месяца, как перекати-поле, скитались они с женой из отеля в отель, из пансионата в пансионат. И это при его здоровье! Пока, наконец, в июле не осели в Домене, близ Гренобля. Не исключено, что в память об этом событии в 70-е годы в Гренобле был создан Институт Л. Троцкого. Супруги поселились в доме учителя Бо. Здесь они пробыли 11 месяцев, до июня 1935 г.

В Домене или, точнее, в маленькой альпийской деревушке, где Троцкий с женой решили отдохнуть, они узнали о начавшемся в Ленинграде процессе над «убийцами» Кирова. Троцкий жадно

вслушивался в сообщения радио и тут же делал комментарии. Диагноз точен: «Новая петля сталинской амальгамы». Так называлась его статья, открывшая 43-й номер «Бюллетеня».

Троцкий первым безошибочно определил суть происходившего в СССР. Он разоблачил предпринятую властями попытку переложить ответственность за убийство Кирова на «троцкистов» и «зиновьевцев», а также бывших князей и прочих, которых числом 1074 человек выслали из Ленинграда. Откуда бы им всем взяться на восемнадцатом году Советской власти?

Лично к Кирову и его убийству Троцкий отнесся более чем равнодушно. Ему было все равно, кого убили. Позднее, в 1938 г., в небольшой книге «Их мораль и наша» («их» — сталинистов, «наша» — троцкистов.— *Н. В.*) Троцкий напишет такую фразу: «Убитый Киров, грубый сатрап, не вызывает никакого сочувствия» [25]. В таком случае уместен вопрос: «А почему должно вызывать сочувствие убийство самого Троцкого?»

Вопрос тем более правомерен, что в цитированной выше книге можно прочесть и такое: «Наше отношение к убийце (Кирова.— *Н. В.*) остается нейтральным только потому, что мы не знаем руководивших им мотивов. Если б стало известно, что Николаев выступил сознательным мстителем за попираемые Кировым права рабочих, наши симпатии были бы целиком на стороне убийцы. Однако решающее значение имеет для нас не вопрос о субъективных мотивах, а вопрос об объективной целесообразности. Способно ли данное средство вести к цели?»

В этих словах без особого труда угадываются принципы иезуитов. В упомянутой книге Троцкий взял эти принципы под защиту, заявив, что враги иезуитов «исказили» их ради того, чтоб оклеветать членов церковного ордена. Троцкий и большевиков попытался приравнять к иезуитам. «Если оставаться в области чисто формальных или психологических уподоблений, то можно, пожалуй, сказать, что большевики относятся к демократам и социал-демократам всех оттенков, как иезуиты — к мирной церковной иерархии». Отсюда следовал и соответствующий вывод: «Так, даже в самом остром вопросе — убийство человека человеком — моральные абсолюты оказываются совершенно непригодны. Моральная оценка, вместе с политической, вытекает из внутренних потребностей борьбы» [26].

Вот вам и борец со сталинским бонапартизмом! Сталин толковал о партии как ордене меченосцев, Троцкий приравнял ее к ордену иезуитов. Так цинично в отношении морали, нравственности вообще, как писал Троцкий, редко позволял говорить себе даже Гитлер. Спрашивается, какова же ценность всем антисталинским филиппикам Троцкого после такого демонстративного отстранения от элементарных требований гуманности?

Цинизм резонерствующего Троцкого особенно нагляден и еще по одной причине. В числе репрессированных «троцкистов» оказались родственники и члены его семьи: Соколовская, сын Сергей, отец Севы — П. Волков. Как же быть с ними? Куда отнести их смерти — в «революционный актив» или «пассив», если рассуждать так, как рассуждал Троцкий в книжке «Их мораль и наша»?

18 июня парижские газеты сообщили: «Троцкий покинул Францию и прибыл сегодня в 7 часов утра в Осло. Бывший народный комиссар заявил, что он направлялся в санаторий юго-западнее Осло, поскольку его лечащий врач рекомендовал ему сменить обстановку» [27].

Визу Троцкому выдали на 6 месяцев, которые превратились в полтора года. По распоряжению правительства Троцкий и Седова поселились не в Осло, а в двух часах езды от него, в маленькой деревушке Вуксхолл.

В Норвегии, с началом московских политпроцессов, Троцкий задумал «Преданную революцию» — книгу во многом итоговую для него лично, программную для троцкизма и по настоящее время, которую многие не без основания станут рассматривать как своеобразное политическое завещание Троцкого.

Мысли этого «завещания» заслуживают внимания, о чем ниже. Но в одном Троцкий ошибся, пойдя на поводу у Сталина и других организаторов процессов: оценке троцкизма как главной опасности для СССР и коммунистического движения. «Сталин идентифицировал «троцкизм» с «терроризмом»,— писал Троцкий.— Всякий недовольный или просто критически настроенный — «троцкист»! Сегодня это значит — «террорист». Не концлагерь и тюрьма грозят ему, а неминуемый расстрел». И еще: «...большевики-ленинцы — самая большая опасность для Сталина... *Московскими убийствами Сталин хочет и политически убить левую оппозицию* и *Троцкого лично*, против которого направлено главное острие процесса. *Троцкий — главный* обвиняемый, хотя он и не сидел на скамье подсудимых» [28].

Троцкий возмущался цинизмом сталинской демагогии, брал в кавычки термины «троцкизм» и «терроризм». Но не гордился ли он в душе тем, что и он и троцкизм оказались в центре московских процессов? Ведь ему так свойственно было упиваться своей значимостью. Недаром он ссылался на утверждения Сталина о том, что в 1936 г. для СССР не было человека страшнее, чем он, Лев Троцкий, а для комдвижения и социализма — созданного им, Троцким, троцкизма.

Но если бы Сталин действительно так считал, то он бы уже давно позаботился о том, чтобы уничтожить и Троцкого, и всех, кто хоть как-то был с ним связан или представлял угрозу СССР и комдвижению. И никакая разведка мира, не говоря уже о судебно-следственных органах и экспертизах, не узнала бы, кто и как это сделал. Как это ни парадоксально, но Сталин в ту пору *нуждался* в Троцком и троцкизме. Если бы их не было, ему пришлось бы их выдумать. С помощью навешивания на многих ярлыка «троцкист» Сталин приобрел столь необходимую ему идейную ширму для своих преступлений. Одновременно отвел в сторону от себя и своей авантюристической политики копившееся в обществе недовольство им и этой политикой. Не случайно, думаю, появились его указания еще в письме в редакцию «Пролетарской революции» (1931 г.) о запрете на ведение идейной полемики с троцкистами: ему нечего

было противопоставить троцкизму. Более того — он сам исповедовал почти идентичную идеологию.

Троцкому нельзя отказать в меткости ряда политических оценок. Во-первых, о сталинском терроре. Он писал, что при нем никто, в том числе и в самой правящей верхушке, не мог быть уверен в завтрашнем дне. Заслуженный и ответственный работник, особенно из старых большевиков (вот, похоже, когда до них наконец-то дошел смысл содеянного ими же — оставления Сталина на посту генсека в 1924-м и позднее), без малейших на то оснований объявлялся террористом и погибал под прессом репрессивной машины. И даже в условиях сталинского террора подавляющая масса предпочла не «революционный протест», к чему они всю свою сознательную жизнь подбивали рабочий класс и трудящиеся массы, а самосохранение.

Во-вторых, Троцкий правильно усмотрел и следующую аналогию. Подобно тому как бюрократия освободилась от всякой зависимости от трудящихся, так и внутри бюрократии самодовлеющий характер приобрел НКВД. «Независимое не только от масс, но и почти независимое от самой бюрократии,— писал Троцкий,— *ГПУ является личным органом Сталина»* [29].

В-третьих, судя по последствиям первого московского процесса, считал Троцкий, Сталин вынужден будет усилить репрессии. «Мы стоим накануне нового процесса»,— констатировал Троцкий. Впервые он здесь назвал Сталина по имени средневекового диктатора, имевшего нарицательное значение, Борджиа.

В-четвертых, предвидел Троцкий, Сталин перенесет методы НКВД на международную арену. Начнется полоса физического уничтожения троцкистов и других антисталинистов в народных фронтах Испании, польской компартии и т. д. «Сталин хочет свести политические разногласия в рабочем движении к формуле: ГПУ или гестапо,— писал Троцкий.— Кто не с ГПУ, тот агент гестапо» [30]. Эта чудовищная формула подтвердилась в 30-е, 40—50-е годы, вплоть до самой кончины ее автора.

С началом политических процессов в СССР Троцкий живет в постоянной тревоге за жизнь не только близких, оставшихся в СССР, но и за собственную. 5 августа, еще до начала первого московского процесса, ночью на дом в Вуксхолле было совершено нападение. И совсем с неожиданной стороны. Напали норвежские фашисты. К этому времени в стране развернулась предвыборная борьба. Каждая партия хотела найти свою козырную карту. Фашисты, желая скомпрометировать лейбористов, решили похитить архивы Троцкого, чтобы документально доказать его причастность к «подрывной деятельности» против Норвегии и таким образом показать некомпетентность правительства, разрешившего проживание в стране этого «бунтовщика».

Вся правая, да и не только правая, и не только в Норвегии печать была против Троцкого. Так, орган итальянских фашистов «Мессаджеро» 26 августа 1936 г. писал: «Старая гвардия Ленина расстреляна... Сталин был реалистом, и то, что его противники считали

изменой идеалу, было только необходимой и неминуемой уступкой логике и жизни... Абстрактной программе всеобщей революции он противопоставляет пятилетку, создание армии, экономику, которая не отрицает индивидуума... Он восстанавливает семью... Против этого позитивного творчества... восстает демон революции для революции...»

Нападение норвежских фашистов стало серьезным предупреждением. Троцкий вынужден был принять срочные меры по обеспечению сохранности архивов. Подвернулся и подходящий случай. Амстердамский институт социальной истории обратился к нему с просьбой продать архивы. 10 октября 1936 г. Троцкий писал в Париж сыну Льву: «ГПУ сделает все, чтобы овладеть моими архивами. Лучше всего было бы поместить архив на хранение в солидном научном институте. Профессор Постумус хотел приобрести мои архивы для Голландского института. Лучше было бы, пожалуй, найти американский институт, ты мог бы списаться на этот счет в предварительном порядке с американскими друзьями. Вопрос может стать крайне жгучим» [31].

Седов тут же продал филиалу Амстердамского института в Париже, которым заведовал бывший меньшевик Б. Николаевский, часть архивов Троцкого. Едва это произошло, как 7 ноября 1936 г. на филиал было совершено нападение. Через черный ход, со двора, взломщики проникли в помещение, высадив дверь.Из шкафов исчезло 85 килограммов бумаг Троцкого. Только его бумаг. Даже деньги остались нетронутыми. Техника, какой владели похитители, была впечатляющей, разумеется, по тем временам. Все остальные печатные органы, за исключением газет Коминтерна, писавшие об этой краже, намекали, что похищение — дело рук агентов ОГПУ. Однако и эти профессионалы допустили промашку. Они либо действовали второпях, либо были некомпетентными по части знания источников, потому что выкрали совсем не то, что могло бы пригодиться организаторам московских процессов: подшивки старых газет вместо личной переписки Троцкого.

А эта переписка грандиозна по объему и не менее важна по содержанию. За год ссылки в Алма-Ате и 8 лет эмигрантской жизни Троцкий написал близким и дальним друзьям около двух тысяч писем, посвященных острейшим политическим вопросам. «Вся моя творческая и политическая деятельность за эти годы отражена в письмах с исчерпывающей полнотой,— писал Троцкий.— Письма дополняют мои книги и статьи. Исследование моей переписки, думается мне, имеет решающее значение для характеристики политической и моральной личности не только моей, но и моих корреспондентов. Вышинский не сумел представить суду ни одного письма» [32].

Вышинскому, а главное, стоявшему за ним Сталину и прочим не повезло. Часть переписки Троцкого, вошедшая в те архивы, которые он продал Амстердамскому институту и затрагивавшая период с 1918 по 1922 г., опубликована в двухтомнике «Бумаги Троцкого». Это главным образом копии документов, оригиналы которых хра-

нились в Центральном партийном архиве и в Центральном государственном архиве Советской Армии. Остальная многократно бо́льшая часть архивов, около 20 тыс. наименований, оказалась в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета. Советским исследователям остается надеяться когда-нибудь с ними познакомиться.

Ситуация вокруг нападения на дом в Вуксхолле обострилась еще по одной причине. Сразу после окончания процесса в Москве советские официальные лица направили правительству Норвегии ноту, в которой потребовали выслать Троцкого из страны. Норвежское правительство в лице министра иностранных дел попыталось робко возразить, утверждая, что, дескать, вменяемое в вину Троцкому деяние по поводу организации «террористической» деятельности в СССР относилось к периоду до его въезда в Норвегию. Состоялось судебное заседание, на которое в качестве свидетеля вызвали Троцкого. Несколько часов он давал показания не только по факту нападения на дом в Вуксхолле. Но и о политической деятельности, убеждениях, московском процессе.

Москва не отступала. В новой ноте она возложила всю «ответственность за последствия» на норвежское правительство. Троцкий через своего адвоката Мишеля Пюнтервольда обратился к правительству Норвегии с разъяснением, что слова об «ответственности» следовало понимать не как фразу дипломатического этикета, а в непосредственном ее значении — как угрозу выдвижения против Троцкого обвинения в том, что он использовал Осло, подобно тому как в 1932 г. Копенгаген, где якобы встречался с «посланцами из СССР»,— как плацдарм для ведения подрывной антисоветской работы. В январе 1937 г. на процессе Радека — Пятакова и других в качестве центрального фигурировал «залет» Пятакова в декабре 1936 г. в Осло для встречи с Троцким. Норвежское правительство вынуждено было дать объяснения, что за время, о котором шла речь на московском процессе, ни один иностранный самолет не совершал посадки в Осло.

Кончилось все это для Троцкого интернированием. Он оказался под охраной полицейских в местечке Сундби. В это время он даже предпринял шаги, чтобы вернуться в СССР. Он пошел на такой шаг с той целью, чтобы, оказавшись перед судом, разоблачить Сталина, вскрыть истинных виновников убийства Кирова, положение дел в Коминтерне.

Это намерение Троцкого свидетельствует о том, как поверхностно было его представление о подлинной ситуации в Союзе. Да будь он взят под арест, как это предписывалось в частном определении суда на московском процессе Каменева — Зиновьева, кто бы предоставил ему возможность свободно выступить в суде, как это делали всегда политические оппозиционные деятели, в том числе и в царской России. Как когда-то, в 1906 г., и он упражнялся в красноречии в Петербурге перед судом присяжных.

После всех этих событий пребывание в Норвегии для Троцкого стало невозможным. Как и 30 лет назад, Троцкий вынужден был вторично в своей жизни покинуть Европу и отправиться в Америку.

Но на этот раз не в Нью-Йорк, а в Мексику. Через своего поклонника, известного художника Диего Риверу, Троцкий обратился к президенту страны Ласаро Карденасу. Почему Мексика? В памяти мексиканцев еще были свежи воспоминания о буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг., которая вылилась в подлинно антиимпериалистическую, антиамериканскую, с одной стороны, а с другой — в крестьянскую войну за свободу и национальную независимость. Карденас был одним из активных руководителей революции, ярким представителем мексиканского либерализма. В 30—40-е годы он занимал в правительстве Мексики ряд министерских постов. Президентом стал в 1934 г. и оставался им до 1940 г. После второй мировой войны, в 1955 г., был награжден международной Ленинской премией мира. С 1969 г. до своей смерти в 1970 г. Карденас являлся почетным президентом Всемирного Совета Мира.

В канун 1937 г. Троцкий отплыл из Норвегии. Организацию его переезда взяли на себя норвежские власти. Они предоставили ему танкер «Руфь», который следовал без пассажиров. Отплытие держалось в строгой тайне.

В пути Троцкий обдумывал свое будущее. Он отойдет от политики. Познакомится с Мексикой, Латинской Америкой вообще, продолжит изучение испанского языка, которым начал заниматься 20 лет назад в мадридской тюрьме. Наконец-то закончит прерванную работу над книгой «Жизнь Ленина».

Скитаниям Троцкого пришел конец. Он обретал долгожданное постоянство, правда, не в желанной для него Европе. Однако на душе у Троцкого по-прежнему было неспокойно. «Я покидал Европу, раздираемую ужасающими противоречиями и потрясаемую предчувствием новой войны,— писал он.— Этой всеобщей тревожностью объясняется возникновение бесчисленных политических и ложных слухов, распространяющихся по разным поводам, в том числе и по поводу меня. Мои враги искусно пользуются против меня этой атмосферой общей тревоги. Они продолжат, несомненно, свои усилия и в Новом Свете» [33].

Мрачные предположения оправдались.

КОЙОАКАН: УБИЙСТВО

Мексиканский период в жизни Троцкого был, пожалуй, наиболее спокойным и наименее богатым на внешние события. Но именно это время притягивает внимание, мысленно заставляет возвращаться в Койоакан, бывший тогда окраиной Мехико и ставший знаменитым благодаря проживанию там Троцкого.

Логично предположить, что в соответствии с пословицей «Конец — делу венец» последние годы жизни любого человека придают дополнительную значимость его поступкам и мыслям. Все принимается в расчет, вплоть до случайно оброненных фраз, жестов. Причем в них порою видится разгадка вопросов, так и оставшихся при жизни неразгаданными.

27 февраля 1940 г. Троцкий записал первые строки своего так и не завершенного «завещания». Были среди них и такие: «Наташа подошла сейчас со двора к окну и раскрыла его шире, чтоб воздух свободнее проходил в мою комнату. Я вижу ярко-зеленую полосу травы под стеной, чистое голубое небо над стеной и солнечный свет везде. Жизнь прекрасна. Пусть грядущие поколения очистят ее от зла, гнета, насилия и наслаждаются ею вполне».

Последняя фраза, видимо, вырвалась у Троцкого чисто механически, по въевшейся за долгие годы привычке к театральности, говорить и поступать «в назидание потомкам». Суть не в ней, а в предыдущих словах. Они-то и поражают меня своей обыденностью и оттого — неизбывной обреченностью, а отнюдь не жизнеутверждающим оптимизмом. Я, например, не представляю таких слов в «завещании» Ленина, хотя, думаю, что он был не менее жизнелюбив, чем Троцкий.

В цитированных словах «завещания» я впервые за многие годы увидел не «Иудушку Троцкого», не председателя Петросовета и не наркомвоенмора или создателя IV Интернационала, а просто человека, который пришел в этот мир не затем, чтобы с кем-то бороться, совершать революции и «расхлебывать» их последствия, а просто жить, любить и быть любимым. Маловато? Не думаю.

В мексиканском порту Тампико Троцкого и Седову ждал сюрприз. На палубу танкера поднялась группа встречавших во главе с лидером троцкистской Социалистической рабочей партии США М. Шахтманом, с которым через год Троцкий разругается в пух и прах. Вместо приболевшего Риверы чету приветствовала его жена Фрида Кало (которая вскоре станет причиной одного из самых острых за более чем тридцатилетнюю совместную жизнь Троцкого и Седовой семейного конфликта). От имени президента Карденаса Троцкого приветствовал генерал Бельтран в сопровождении журналистов. «Идальго», личный поезд президента, отвез их в Мехико. Они поселились в приготовленном Риверой «голубом доме».

Троцкий и Седова были ошеломлены резко контрастировавшим с их скромным бытом в Норвегии сердечным приемом, условиями жизни и отношением к ним властей. Сообщая о своих впечатлениях В. Сержу, Седова заметила, что восприняла новый дом, как неизвестную планету. Он был окружен деревьями, диковинными тропическими растениями. Громадные комнаты, украшенные фресками и картинами, напоминали залы художественной галереи. Прекрасное питание, овощи и фрукты, которые вызвали особенное удовольствие Троцкого. Было от чего прийти в приподнятое настроение.

Когда он познакомился с Фридой Кало, она обращала на себя взоры мужчин куда моложе и энергичнее стареющего Троцкого. Как и ее муж, Фрида была художницей, обладала тонким чутьем, прекрасными манерами, образованием. Семья Риверы жила рядом с «голубым домом» и почти ежедневно навещала его обитателей. При встречах от ударившегося в галантность Троцкого все чаще можно было услышать в виде приветствия слова «лав», «май лав». Пошел обмен записочками. Делалось это в незатейливой, с расчетом на

невинную шуточку манере полуфлирта. Троцкий вкладывал записочку в книгу, которую предлагал Фриде почитать. Та отвечала ему тем же способом, возвращая очередной роман. Происходило это нередко в присутствии Диего и Натальи.

Переписка обернулась встречей на фазенде Сан Мигель Регла в 130 километрах от Мехико, которую снял для дорогих гостей Ривера. 7 июля, сославшись на необходимость отдохнуть, поохотиться в горах, Троцкий уехал на фазенду, оставив Наталью одну. 11 июля к нему присоединилась Фрида. Узнав об этом, Седова в письме Троцкому потребовала объяснений. Между ними началась, как всегда бывает в таких ситуациях, нелепая переписка.

Наталья стеснялась даже написать полностью имя Фриды, ограничившись инициалом «Ф». Хотя внешне она оставалась спокойной, переживала чрезвычайно. Видимо, подобно Крупской, узнавшей о связи Ленина с И. Арманд, предложила Троцкому свой уход, не желая мешать его счастью.

Тогда Троцкий ударился в самобичевание. «Умоляю, перестань соревноваться с женщиной, которая значит так мало»,— писал он. Значила «мало» для него, тогда как Наталья по-прежнему оставалась «всем». Троцкий писал, что «полон стыда и ненависти к себе», подписывал письма с непривычным для себя самоуничижением: «Твоя старая верная собака». Изливал душу: «Как я люблю тебя, Ната, моя единственная, моя вечная, моя верная, моя любовь, моя жертва». Несколько раз он даже пытался сравнить себя с Л. Толстым, который писал в дневниках, что прогулки верхом на лошади возрождают в нем мужские желания. Словом, в этой истории был ординарен.

Кончилась любовная история довольно скоро. В середине июля Троцкий вернулся в Койоакан. 17 июля в госпитале Мехико ему сделали операцию аппендицита. Наталья, как подобает русским женщинам, смирилась, простив мужу его очередную блажь.

Почему очередную? Потому что были «взбрыкивания» и до этого. Секретарь Троцкого ван Хейеноорт вынужден был признать, что у патрона была любовная связь с английской скульпторшей К. Шеридан. В 1920 г. та приехала в Россию специально лепить бюст своего кумира [1].

Как отнесся к роману Диего Ривера, судить не берусь. Но уверен, что, если бы узнал о флирте в его разгаре, то Р. Меркадеру делать было бы нечего. А ведь Ривера боготворил его. Изобразил фигуры Ленина и Троцкого на главной фреске в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке, повергнув в ужас заказчиков. Троцкий отплатил почитателю черной неблагодарностью.

Нет. Ривера не выгнал их из «голубого дома», как, наверное, поступил бы любой обманутый муж. Троцкий и Седова прожили там еще два года, пока не разразился открытый скандал по самому ничтожному поводу: появление в американском журнале «Партизан ревью» манифеста Троцкого о свободе искусства, с которым не согласился Ривера. Сколько их было, таких манифестов? Но ничего, жили не тужили. А тут — скандал. Убежден, не в манифесте дело.

Действительной причиной разрыва отношений стал флирт Троцкого с Фридой. Гордый Ривера не простил ему подлости.

Ну а сама Фрида как повела себя в столь щекотливой ситуации? Да никак. По крайней мере трагедии не сделала. Не в последнюю очередь потому, что сблизилась с Троцким не из-за любовных чувств. Сказалось обычное женское любопытство. К тому же не забудем — мексиканка, темпераментная, горячая, как солнце в тех краях. Впервые увидела самого организатора Октября! У кого не закружится голова и кому не захочется поближе узнать, что это за «диковинка»?

Я так подробно остановился на последней любви Троцкого не затем, чтобы позабавить уставшего от теории «перманентной революции» читателя. Игра на чувстве мести оскорбленного Троцким мужчины займет центральное место в подготовке убийства. Это лишний раз говорит о том, что истории, подобные флирту с Фридой, были свойственны характеру Троцкого. Отсюда и расчет будущих организаторов убийства.

Разумеется, в Мексике Троцкий привлек к себе внимание не только интересом к женам друзей, каким был для него Диего Ривера. Он оказался в эпицентре и политических страстей. Прежде всего тех, какие разыгрались по поводу продолжавшихся в Москве процессов над бывшими оппозиционерами. На протяжении почти двух лет — 1937—1938 гг.— Троцкий был полностью поглощен комментированием этих процессов, а затем и участием в организованных демократически настроенной интеллигенции США, Франции, Мексики и других стран контрпроцессов. В их ходе он был вынужден давать многочисленные показания, разъяснения и пояснения тем или иным фактам, которые фигурировали на московских процессах в качестве обвинения его и его близких в подрывной деятельности против ВКП(б), Коминтерна и СССР. Жуткое занятие. Мало того, что оно отнимало массу времени, но еще оказывало громадное парализующее воздействие на психику, подтачивало и без того убывавшие физические силы.

В промежутке между вторым и третьим московскими процессами произошло подведение итогов работы Международной комиссии по этим процессам. Она была создана в начале 1937 г. в Нью-Йорке. Ее возглавил известный философ-позитивист и педагог, ветеран американского политического либерализма Джон Дьюи. Помимо него в комиссию вошли писательница и ярая антикоммунистка Сюзанна Лафолетт, известный левый публицист Бенжамин Стольберг, старый германский марксист Отто Рюле, анархо-синдикалист Карло Треска, социолог из США Эдвард Росс, раввин Эдвард Израель, Альфред Росмер и другие. Кроме Росмера и Рюле, никто не являлся политическим единомышленником Троцкого. По директивам нью-йоркской комиссии работала такая же комиссия в Париже. Она возникла раньше нью-йоркской и уже расследовала процесс Зиновьева — Каменева. В ней также отсутствовали политически близкие Троцкому лица.

Комиссия направила в Койоакан подкомиссию в составе Дьюи,

Лафолетт, Стольберга, Рюле и американского журналиста Карлоса Бильса. Юридическим советником был приглашен известный в США адвокат Джон Финнерт, участник ирландского рабочего движения и защитник на знаменитом процессе Сакко и Ванцетти. Со стороны Троцкого в работе участвовал чикагский адвокат Альберт Гольдман. Подкомиссия ни от кого не скрывала целей и хода разбирательства дела. Она пригласила мексиканскую компартию, профсоюзы, все рабочие организации, пожелавшие принять участие в расследовании. Но ни коммунисты, ни синдикалисты, те организации, которые считали себя близкими к СССР, на приглашение не откликнулись.

Власти работе подкомиссии не мешали, но и не помогали. В частности, сославшись на невозможность обеспечить охрану, они отказали в аренде общественных помещений. Тогда организаторы контрпроцесса решили воспользоваться «голубым домом», тем более что в нем без труда нашли зал, свободно вмещавший около пятидесяти человек. Пресса на заседания допускалась без всяких ограничений.

Подкомиссия работала недолго. Состоялось тринадцать заседаний. Все они стенографировались судебным стенографом. Отчет, включавший 250 тыс. слов — 617 убористых страниц текста,— вскоре издали на английском языке в США и Англии. Парижская комиссия провела одиннадцать заседаний. Из них девять были посвящены допросам Л. Седова и два — другим особо важным свидетелям [2].

20 сентября 1937 г. на заседании комиссии в Нью-Йорке был принят вердикт. Он состоял из 23 пунктов, разбитых на три раздела: ведение процесса (2 пункта), обвинения (19 пунктов) и заключение (2 пункта). Приведу содержание двух пунктов — первого и последнего,— которые позволяют составить представление о характере документа в целом. «Ведение московских процессов убеждает всякое непредвзятое лицо, что не было сделано никаких попыток для выяснения правды». Последний пункт: «Мы находим поэтому, что Троцкий и Седов невиновны». Далее следовали десять подписей во главе с председателем комиссии Д. Дьюи [3].

Эта акция, хотя и была проведена не сторонниками Троцкого, сыграла громадную роль в защите его престижа в глазах международной общественности. Кроме коминтерновской прессы, никто не рискнул оспорить вердикт. Троцкий был чрезвычайно доволен исходом дела, стоившего ему двух лет жизни.

Летом 1939 г., разойдясь с Риверой, Троцкий пренебрег оказанным ему гостеприимством и покинул «голубой дом». Но уехал недалеко. Переселился с улицы Лондона на улицу Вены, в том же районе. За сносную цену (деньги для него вновь приобрели значение) Троцкий снял отдельный дом с садом, обнесенный кирпичным забором. Здание старое, нуждалось в ремонте, но за неимением средств сгодилось.

Правда, возникла новая сложность. Прошел слух, что ГПУ собиралось выкупить дом. Возможно, эти слухи распространяла

коммунистическая и профсоюзная печать, которая постоянно вела кампании против Троцкого. Он менял страны, в которых к руководству приходили новые люди, а антитроцкистские выпады продолжались. Поэтому за долгие годы он почти привык к ним. В Мексике коммунисты и синдикалисты подозревали Троцкого в том, что тот собирался помешать Карденасу национализировать мексиканскую нефтяную промышленность и, значит, был «связан» с американским империализмом. Наивно, глупо? Безусловно. Но как показывает опыт не только Троцкого, но и других политических деятелей, чем нелепее выдвигаемые против них подозрения, тем охотнее им верили.

Насколько вероятными были слухи о покупке снятого Троцким дома, никто не знал. Но его, приученного реагировать на малейшие колебания общественной атмосферы, эти слухи чрезвычайно обеспокоили. Он вынужден был принять контрмеры, попытаться самому перекупить дом. Сделать это оказалось непросто. Троцкому едва удавалось сводить концы с концами. Он, как и в первые месяцы на Принкипо, залез в долги. Начались поиски издательств и журналов для публикации новых произведений. Троцкий возобновил переговоры с разными институтами и библиотеками о продаже архивов. В марте 1940 г. Гарвардский университет предложил Троцкому 6 тыс. долларов за весь архив. Троцкий отказался. После непродолжительного торга он уступил за 15 тыс. долларов [4]. А ведь это почти 20 тыс. единиц хранения! Достаточно сказать, что через 50 лет, в марте 1990 г., на аукционе фирмы «Суонн Гэллериз» в Нью-Йорке владелец книжного магазина «Наследие» из Лос-Анджелеса (штат Калифорния) Лу Уайнстин приобрел единственное письмо Троцкого, направленное им с посыльным из Брест-Литовска Ленину, за 27 500 долларов [5].

Троцкий занял деньги и купил дом. Спасаясь от постоянных угроз сталинистов, местных и московских, укрепил стены и ворота, установил сигнализацию. Позднее построили надвратную вышку для часового. Дом превратился в подобие крепости. Сходство усилилось еще более, когда установили круглосуточное дежурство. Его несли пять мексиканских полицейских снаружи и от восьми до десяти троцкистских охранников внутри. Отдежурив смену, они превращались в личных секретарей Троцкого, выполняя его бесчисленные поручения.

Поскольку существование Троцкого все более походило на жизнь политзаключенного (каждый выезд за пределы крепости представлял чрезвычайную сложность, Троцкий должен был прятаться чуть ли не на дно машины, чтоб прохожие не видели его и не смогли узнать), у него появилось новое хобби: кактусы и кролики. Троцкий в редкие выезды за город увлеченно собирал кактусы, привозил их домой и пересаживал в кадки. Кроликами занимался в дни вынужденного затворничества. Сам кормил их, чистил клетки, словом, делал все, что полагалось.

В октябре 1939 г. в Койоакан приехали всегда милые сердцу Троцкого Росмеры: Альфред и Маргарита. Они прожили здесь

почти восемь месяцев и уехали в конце мая 1940 г., после первого покушения на Троцкого. С ними приехал наконец долгожданный внук Сева, сын Зины, умершей дочери Троцкого. Говорю «наконец», потому что после смерти Л. Седова в 1938 г. его жена Жанна почему-то решила взять Севу на воспитание, с чем были не согласны Троцкий и особенно Седова. Они потребовали немедленной выдачи внука и отправки его в Мексику. Троцкий пригрозил Жанне, что подаст на нее в суд. Она уступила, и единственный кровный человечек был вместе с ними.

В 1939 г. Троцкий все чаще и чаще возвращался к мысли о Сталине. Собственно, все его произведения, все им написанное в третьей эмиграции так или иначе затрагивало эту личность. Но теперь он решил написать специальную книгу о смертельном враге. В интервью представительнице лондонского «Дейли геральд» Сайбл Винсент Троцкий заявил: «Я заканчиваю книгу о Сталине, которая выйдет в этом году в Соединенных Штатах, Англии и других странах. Книга представляет политическую биографию Сталина и имеет своей целью объяснить, каким образом революционер второй или третьей категории (Троцкий, естественно, причислял себя к революционерам первой категории.— *Н. В.*) мог оказаться во главе страны, когда началась термидорианская реакция. Книга покажет, в частности, как и почему бывший большевик Сталин вполне созрел ныне для союза с Гитлером» [6].

Троцкий вернулся к первоначальному замыслу книги о Сталине, возникшем еще в 1928 г. в Алма-Ате. Тогда он стремился разобраться, почему в политической ссылке оказался он, а не его главный противник и оппонент. Теперь Троцкий шел значительно дальше. Однако и на этот раз ему не удалось полностью реализовать свои намерения. Книга «Сталин» осталась незавершенной. Первый ее том представляет собой семь глав, отредактированных им для издания в США, второй — пять глав, составленных издателями уже после смерти Троцкого из черновиков, хранящихся в Хоттонской библиотеке Гарвардского университета.

Незавершенность работы, разумеется, значительно снизила ее уровень. На это обращали внимание даже те, кто относился к Троцкому с откровенной симпатией. Но и в таком виде «Сталин» вот уже почти полвека неизменно входит в число наиболее широко используемых советологами и зарубежными историками публикаций.

Эта книга, как и другие произведения Троцкого, в которых речь идет о тех, с кем ему пришлось иметь дело за годы революционной деятельности, отличается образностью, сочностью языка, меткостью многих характеристик, точностью наблюдений, тонким юмором. Автор показал Сталина не только как политика, но, что не менее важно, как мужа и отца да просто человека «в потертой солдатской шинели».

При чтении книги не мог отделаться от мысли: насколько достоверны сообщаемые Троцким сведения и адекватны ли действительности его оценки Сталина? Вопрос далеко не праздный.

Невольно вспоминается весьма характерный эпизод из книги К. Симонова «Глазами человека моего поколения». В 1946 г. писатель посетил США. На одной пресс-конференции его спросили, читал ли он книгу Троцкого, в которой тот излагал биографию Сталина. «Я ответил, что нет, не читал,— рассказывал Симонов.— Тогда спросили, хотел бы я ее прочесть, эту книгу? Я сказал, что нет, не испытываю такого желания, потому что книги подобного сорта меня не интересуют. Тогда меня спросили, что я подразумеваю под «книгами такого сорта». Я ответил, что это те неспортивные книги, в которых человек, получивший нокаут и проигравший матч на первенство, начинает подробно описывать, как именно он его проиграл, и жалуется на происшедшее с ним. Ответ удовлетворил аудиторию».

Думаю, что нас сегодня этот ответ не удовлетворит хотя бы потому, что Симонов дипломатничал — он хорошо знал об отрицательном отношении Сталина к книге. Это, конечно, не означает, что правы те публицисты, которые считают, что знание о готовившейся Троцким книге сыграло роковую роль в судьбе ее автора, т. е. побудило генсека принять меры к убийству своего противника. Думаю, что такие суждения — явная натяжка. У Сталина и без этой книги был особый счет с Троцким.

Но вернемся к воспоминаниям Симонова. В них есть одна важная деталь, обращающая на себя внимание: от побежденного человека, а тем более поверженного политика вряд ли можно ожидать объективности в оценках своего обидчика.

Ну а как же к Троцкому в конце 30-х годов относился Сталин? В пошлой книге Фейхтвангера «Москва 1937» (на русском языке вышла в 1937 г. в издательстве «Художественная литература») этот вопрос был сведен к другому, наверное, более органично отражавшему внутреннее состояние ее героя: «Ненавидит ли Иосиф Сталин Льва Троцкого как человека?» Здесь же следовал ответ: «Да, Сталин должен ненавидеть Троцкого, во-первых, потому, что всем своим существом тот не подходит к Сталину, а во-вторых, потому, что Троцкий всеми своими речами, писаниями, действиями, даже просто своим существованием подвергает опасности его — Сталина — дело» [7]. Писалось это, что называется, по горячим следам встречи писателя с нашим вождем.

Рассказывают, что Фейхтвангер и Сталин остались недовольны беседой. Генсек был бледен, путался, изворачивался. Фейхтвангер воспринимал все это с отвращением. Так по крайней мере казалось тем, кто видел его выходившим из кабинета Сталина. Писатель был подавлен до такой степени, что в течение трех дней (!), несмотря на нажим, отказывался что-либо публиковать. Но и согласившись, долго препирался с редакцией «Правды» в том, как называть Сталина: «великим мужем» или «великим человеком».

В то время по Москве ходила частушка: «И показался у дверей с каким-то странным видом. Эх, как бы этот еврей не оказался Жидом». Намек на писателя Андре Жида, посетившего Москву и Сталина несколькими месяцами ранее Фейхтвангера. В отличие от

него, Жиду все понравилось. Он был в восторге. Но, вернувшись во Францию, написал такое, что все сочли его впечатления оскорбительными для Сталина.

Нравился генсек или не нравился Фейхтвангеру, но его вывод о том, что Троцкий подвергал опасности «дело Сталина», устраивал вождя. Ну а как поступал он с теми, кто подвергал его «дело» опасности, хорошо известно.

В октябре 1936 г. в «Бюллетене оппозиции» утверждалось: «Сталину нужна голова Троцкого — это его главная цель» [8]. И к этой цели подбирались, что называется, окольными путями.

Из дневниковых записей Троцкого следует, что впервые возможность его убийства рассматривалась Сталиным уже в середине 20-х годов. 18 февраля 1935 г. Троцкий записал: «Зиновьев говорил мне не без смущения: «Вы думаете, что Сталин не обсуждал вопроса о Вашем физическом уничтожении? Обдумывал и обсуждал... Примите необходимые меры». 4 апреля 1935 г. уже со ссылкой на Каменева: «Каменев рассказывал мне, как они втроем — Сталин, Каменев, Дзержинский — в Зубалове (дача Сталина.— *Н. В.*) вечером 1923 (или 1924?) года провели день в «задушевной» беседе за вином (связала их открытая ими борьба против меня). После вина на балконе заговорили на сентиментальные темы: о личных вкусах и пристрастиях, что-то в этом роде. Сталин сказал: «Самое лучшее наслаждение — наметить врага, подготовиться, отомстить как следует, а потом пойти спать».

Обобщая эти факты, Троцкий писал: «В репрессивную политику Сталина мотивы *личной мести* входили серьезной величиной». Применяя эту формулу к себе, Троцкий расчленил ее на следующие компоненты. Первый — «его (Сталина.— *Н. В.*) чувство мести в отношении меня совершенно не удовлетворено». Второй — эта неудовлетворенность усугублялась тем, что Троцкий не прекратил борьбу против Сталина. «Этот дикарь боится идей, зная их взрывную силу и зная свою слабость перед ними»,— отмечал Троцкий. Третий — Сталин не остановился бы ни на минуту перед организацией покушения, но вынужден был сдерживаться, потому что боялся политических последствий: обвинение неизбежно пало бы на него.

Из записи следует, что тогда Троцкий не вполне был уверен в окончательных намерениях Сталина. Что же до намеков о возможном покушении на Троцкого в середине 20-х годов со ссылкой на мнение Зиновьева и Каменева, думается, что, если бы тогда Сталин всерьез замыслил убийство Троцкого, он вряд ли допустил бы его высылку из СССР. Позднее близкий к Троцкому И. Райсс даже заметил по этому поводу: «Теперь за Сталиным по крайней мере та заслуга, что он спас голову революции» [9].

В 20-е годы дуэль Сталина и Троцкого еще не достигла той ожесточенности, какую приобрела после убийства Кирова. Именно тогда в практику действий Сталина и его окружения окончательно вошел метод физической расправы над политическими противниками.

Как предварительный акт этой драмы можно рассматривать следующий эпизод, хотя причастность к нему Сталина до конца так и осталась невыясненной. 31 октября 1931 г. орган Германской коммунистической партии газета «Роте Фане» опубликовала сообщение о планах террористической группы, возглавлявшейся бывшим царским генералом А. В. Туркулом, совершить убийство Троцкого, свалив ответственность на Сталина. По неизвестным причинам покушение не состоялось. Возможно, оно планировалось только для того, чтобы прощупать общественное мнение. Поэтому информация, как считал Троцкий, появилась в коммунистической газете. Он был убежден, что газету информировало ОГПУ. Больше некому. Любопытный факт, в СССР печать ни слова не сказала по поводу планов Туркула. (Генерал дожил до глубокой старости и скончался в 1958 г. в эмиграции.)

В том, что дело нечисто, Троцкого убедил такой факт. Когда представители левой оппозиции в эмиграции обратились в постпредства СССР в Берлине и Париже с предложением совместных действий по охране Троцкого, они получили отказ. Не увенчались успехом попытки Троцкого прояснить ситуацию в многочисленных письмах в Политбюро и ЦК ВКП(б), которые он тогда слал одно за другим. Своеобразным ответом Советского правительства на его депеши стало лишение Троцкого советского гражданства.

Исходя из этих актов, Троцкий в письме в Политбюро и ЦКК 4 января 1932 г. раскрыл план Сталина по борьбе с растущим «могуществом» международной левой оппозиции. По мнению Троцкого, борьба планировалась по трем каналам. Во-первых, были оглашены, как считал Троцкий, добытые ГПУ сведения о готовившемся покушении на него генерала Туркула. Во-вторых, развернута идеологическая кампания против оппозиции, чтобы тем самым обеспечить Сталину своеобразный политический мандат на сотрудничество с Туркулом. В-третьих, в борьбу включено ОГПУ, руками которого Сталин «подчищал» все подозрительное и ненадежное, способное нанести по нему контрудар [10].

Насколько все это соответствовало действительности, можно только догадываться. Никакими документами Троцкий не располагал. Нет их и у меня. Думаю, даже если бы они были, то вряд ли попали в руки. Вот почему в разработке этой темы пока приходится опираться на опосредованные факты и аргументы.

В борьбе Сталина против Троцкого, пусть это не покажется кому-то дикостью, особое значение приобретали хвастливые заявления Троцкого о наличии в СССР и за рубежом «тысяч» сторонников IV Интернационала, необходимость осуществления политической революции для свержения «кремлевской клики». Подобные высказывания с соответствующим комментарием доводились через печать до широкого круга советских читателей, в них Троцкий показывался предателем, перешедшим в лагерь антисоветской контрреволюции. В доказательство его «продажности», например, Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. Димитров писал, что троцкисты ведут подрывную работу против страны социализма, делают все,

чтобы углубить раскол и не допустить единства рабочего движения в других странах, стараются разложить изнутри движение Народного фронта [11]. Может быть, так оно и было, точнее, так воспринималась деятельность троцкистов в разных странах. Но не забудем, что речь-то шла о нескольких сотнях людей, которым было совершенно не по силам «подорвать» какой-либо строй.

Тем не менее заявления Троцкого использовались Сталиным и его окружением для новых массовых репрессий. Причем не только против сторонников бывших оппозиций в ВКП(б), но и против тех, кто никогда не занимался оппозиционной деятельностью.

Обращает внимание и то, что чем массовее оказывались репрессии, тем крикливее становились заявления Троцкого о наличии в большинстве стран, в числе которых подразумевался СССР, секций IV Интернационала. Например, в письме советским рабочим, которое называлось «Вас обманывают», в апреле 1940 г. Троцкий заявлял: «Цель Четвертого Интернационала — распространить Октябрьскую революцию на весь мир и в то же время возродить СССР, очистив его от паразитической бюрократии. Достигнуть этого можно только путем восстания рабочих, крестьян, красноармейцев и краснофлотцев против новой касты угнетателей и паразитов. Для подготовки такого восстания нужна новая партия, смелая и честная революционная организация передовых рабочих. Четвертый Интернационал ставит себе задачей создать такую партию в СССР» [12].

Нарочно не придумаешь более убедительного «аргумента», который сработал бы на решительную борьбу против Троцкого. Представляю, как Сталин потирал руки, получая такие бумаги. Из таких заявлений сталинская группа черпала «доказательства» для идеологического прикрытия московских политических процессов. В частности, для обоснования тезисов, закрепленных не только в приговорах Вышинского, но и в «Кратком курсе ВКП(б)», о наличии в стране мифических «троцкистско-зиновьевского террористического центра», «право-троцкистского блока» и проч.

Создавалась явно парадоксальная ситуация, во многом повторявшая ситуацию конца 20-х годов: чем активнее Троцкий выступал против Сталина и его приближенных, тем с большей неприязнью воспринималась его деятельность общественностью в СССР и за рубежом.

Вокруг Троцкого образовался политический вакуум. Особенно изоляция усилилась с началом второй мировой войны, которую Троцкий ждал чуть ли не как «избавление», как фактор, способный вознести на гребень истории IV Интернационал. Он на разные лады варьировал тему: первая мировая война положила конец II Интернационалу, вторая — с неизбежностью будет означать конец III Интернационала и торжество IV Интернационала.

Мировая общественность фактически потеряла интерес к Троцкому. В этих условиях его физическая ликвидация становилась лишь делом «техники», которая к тому времсни была отработана в совершенстве.

Вот где подтвердилась справедливость оценки Троцким Сталина

как исключительно коварной и мстительной натуры. Ведь к концу 30-х годов Троцкий уже не представлял сколько-нибудь заметной политической величины. Замкнувшись в своей вилле-крепости в Койоакане, он, по сути, вел жизнь отшельника, который никому не мог уже угрожать. Тем не менее Сталин не смог забыть прошлых обид и оскорблений. Убедившись в том, что Троцкий больше не понадобится ему как идейно-политическая ширма, Сталин, видимо, либо сам принял решение, либо дал о нем понять окружению — тому же Берии,— что с Троцким «пора кончать».

Первые признаки готовившейся ликвидации Троцкого дали о себе знать уже к 1937 г. В заметке «Жизнь Л. Д. Троцкого в опасности» «Бюллетень оппозиции» писал: «Пока жив Л. Д. Троцкий, роль Сталина, как истребителя старой гвардии большевиков, не выполнена. Недостаточно приготовить тов. Троцкого, вместе с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и др. жертвами террора, к смерти. Нужно приговор привести в исполнение» [13].

В сентябре 1937 г. в Швейцарии погиб И. Райсс, давно симпатизировавший Троцкому сотрудник НКВД. На страницах «Бюллетеня» Л. Седов поместил о нем краткую биографическую справку. Райсс родился в 1899 г. в мелкобуржуазной еврейской семье в Польше. К революционному движению, так же как и Троцкий, примкнул в гимназии. Работал в подполье, арестован, приговорен к пяти годам тюрьмы. Через полгода выпущен под залог. В 1923 — 1926 гг. нелегально работал в Германии. В 1927 г. приехал в СССР, вступил в ВКП(б). Учитывая его опыт «нелегала», принят на работу в ОГПУ. Работал в странах Центральной и Восточной Европы, в 1929—1932 гг.— в центральном аппарате ОГПУ, затем за границей. Не исключено, что, работая в центральном аппарате, Райсс мог принимать участие в ликвидации левой оппозиции, иначе он вряд ли бы там продержался хоть один день. Весной 1937 г. связался со сторонниками Троцкого. За два месяца до гибели, по случаю перехода на сторону IV Интернационала, он под псевдонимом Людвиг послал в ЦК ВКП(б) письмо, где заявил о разрыве со Сталиным и отказался быть зарубежным агентом ОГПУ. В письме Райсс призвал усилить борьбу против сталинизма. Тут же предлагалась программа борьбы: «Не Народный фронт, а классовая борьба; не комитеты (антифашистские.— *Н. В.*), а вмешательство рабочих для спасения испанской революции... Долой ложь о социализме в одной стране и назад к интернационализму Ленина!» Райсс отказался от ордена Красного Знамени, которым был награжден «за... заслуги перед пролетарской революцией».

Труп Райсса нашли в окрестностях Лозанны. В его теле обнаружили семь пуль, пять из которых попали в голову. В руке Райсс зажал клок волос женщины. Ею оказалась Гертруда Шильдбах (урожденная Нейгебауэр), сотрудница ОГПУ, в то время работавшая в Италии. Райсс знал ее двадцать лет, относился к ней с полным доверием. Во время их последней встречи 4 сентября 1937 г. в Лозанне в присутствии жены Райсса Шильдбах пригласила его поужинать в загородном ресторане. При выходе из заведения к ним

подъехала машина. Райсса ударили кастетом по голове, втащили в автомобиль и убили. В ликвидации участвовали пять человек, все они, бросив окровавленную машину в Женеве, поездом отбыли в Париж.

Швейцарской полиции удалось захватить лишь сообщницу Шильдбах, у которой она оставила чемодан. Уже тогда полиция заподозрила в причастности к убийству русских эмигрантов. Точнее, Общество репатриации русских эмигрантов. Впоследствии эти подозрения подтвердились, так как Общество имело отношение и к смерти Льва Седова. Предполагают, что среди пяти человек, которые убили Райсса, был муж М. Цветаевой Эфрон.

Расследование показало, что к убийству Райсса непосредственное отношение имел Ежов. Для организации акта он направил в Париж заместителя начальника иностранного отдела ОГПУ Шпигельгласса, который создал группу и привлек упомянутую Шильдбах. Представитель центра знал о ее симпатиях к левой оппозиции. Поэтому ему нужно было бросить тень на Райсса, уличив того в предательстве. Помогая его устранению, Шильдбах таким образом реабилитировала себя.

По словам жены Райсса Эльзы, Шпигельгласс снабдил Шильдбах отравленным шоколадом, который она должна была дать супружеской чете. Шильдбах не смогла сделать этого. Может, оттого, что знала: Эльза ждала ребенка. Впав в истерику, она раскрыла Эльзе замысел ОГПУ.

Шпигельгласс был опытным человеком. Он свел стареющую Шильдбах с молодым человеком. Авантюристу не составило труда убедить Шильдбах в своих чувствах. Она предает Райсса, беря нити убийства в свои руки. Не знаю, насколько все это соответствовало действительности, поскольку источник информации жены Райсса. Но знаю твердо, что этот же почерк, в частности вербовка Шильдбах через молодого «влюбленного», потом повторится и в случае с убийством Троцкого.

Еще до убийства Райсса жертвой сталинского террора стал Андре Нин — лидер испанской Партидо обреро де унификасьон марксиста (ПОУМ) — Рабочей партии марксистского объединения. Она хотя и не стояла на позициях троцкизма, но была близка к нему по формам и методам деятельности, идеологическим и политическим установкам. Нина арестовали в Барселоне после поражения восстания, поднятого в городе троцкистами и анархистами против правительства Народного фронта.

Более бессмысленной акции, чем это восстание, трудно представить. В разгар гражданской войны, многочисленных жертв на фронтах, лишений в тылу анархо-троцкисты подняли путч. Это страшнее, чем 6 июля 1918 г. в Москве. Правительство вынуждено было снять дивизию с фронта на подавление восстания. Бои шли в течение трех (!) суток с применением танков, артиллерии, минометов. С двух сторон погибло больше тысячи человек. Стоит ли удивляться, что после барселонского мятежа к троцкистам и анархистам стали относиться так же, как к фашистам. Этим не в

последнюю очередь объяснялся выбор испанца на роль убийцы Троцкого. Ни уважения, ни пощады от него Троцкому ждать было нечего. Тем более что распространялись слухи о его причастности к восстанию.

В конце 1937 г. Троцкий узнал еще об одной жертве — в мае в Испании исчез тридцатичетырехлетний чешский гражданин Эрвин Вольф, который работал личным секретарем Троцкого. По всей видимости, в Испании он оказался с целью налаживания контактов с ПОУМ.

Еще более ужасно для Троцкого начался 1938 г. 16 февраля вечерние мексиканские газеты поместили краткую телеграмму о смерти Льва Седова в результате хирургической операции. Троцкому об этом сообщил Диего Ривера, который самостоятельно проверил информацию. Через час Троцкий страшную весть сообщил Наталье. «Так закончился для нас день 16-го февраля,— писал Троцкий,— самый черный день в нашей личной жизни».

Смерть Льва Седова наступила неожиданно. С конца 1937 г. он чувствовал себя все хуже: бессонница, которой раньше не знал, боли в сердце и желудке, лихорадка. Возможно, это было вызвано аппендицитом. Лев со дня на день откладывал операцию. 8 февраля последовал острейший приступ. Он написал письмо, вручил жене, сказав, что его можно распечатать, если с ним что-то случится. По его просьбе Этьен, бывший при нем неотлучно (который окажется Марком (Мордкой) Зборовским, польским евреем, агентом ОГПУ), вызвал скорую помощь и отвез Леву в частную клинику, где работали русские врачи-эмигранты. Почему именно туда, никто не мог понять ни тогда, ни сегодня. Подозревают, что Лева опасался ОГПУ.

В тот же вечер его положили на стол. Операция прошла успешно, и он стал быстро поправляться. Кроме Этьена, с ним никто не общался, так как Лева категорически запретил сообщать свое местонахождение, видимо, из конспиративных целей. Так прошли четыре дня. Абсцесс возник внезапно. Лева почувствовал страшные боли в животе, потерял сознание. Его срочно прооперировали вторично. Но, не приходя в сознание, больной скончался. По этому поводу в заявлении Международного секретариата IV Интернационала сообщалось: «Лев Седов, наш товарищ Седов, сын Льва Троцкого, умер в среду 16 февраля в 11 час. 30 мин. утра. Перевезенный за несколько дней до этого в больницу, где его подвергли операции («заворот кишок»), наш несчастный товарищ скончался от инфекции. Такова версия врачей» [14]. Похороны состоялись на кладбище Пер-Лашез в присутствии почти 2 тыс. человек.

Ни Троцкий, ни близкие Седову люди не приняли версию врачей. Вдова покойного Жанна заявила, что это дело рук ОГПУ. По некоторым косвенным данным, клиника принадлежала Обществу репатриации русских эмигрантов, все доктора и обслуживающий персонал вплоть до поваров и швейцаров также были выходцами из России. Естественно предположить, что они не испытывали добрых чувств к сыну человека, которого по праву считали главным

виновником своего несчастья — лишения их Родины. Более благоприятную среду ОГПУ трудно было найти, если оно замыслило уничтожение Л. Седова. Но все это из области предположений. Прямых улик причастности ОГПУ не найдено в ходе проведенного властями полицейского расследования. Врачи объяснили смерть послеоперационным осложнением — непроходимостью кишечника, падением сердечной деятельности и низкой сопротивляемостью организма. Конечно, это объяснение никого из близких Л. Седова не удовлетворило. Отец и мать покойного считали смерть сына делом рук ОГПУ.

13 июля 1938 г. в Париже при загадочных обстоятельствах пропал гражданин Германии Рудольф Клемент, один из технических секретарей IV Интернационала, также бывший в 1933—1935 гг. секретарем Троцкого. Его изувеченный труп выловили из Сены.

Между тем продолжалось следствие по делу об убийстве И. Райсса. После пяти месяцев розысков швейцарской полиции удалось арестовать исполнителя теракта некоего Росси, «любовника» Шильдбах. Он вывел следственные органы на советское торгпредство в Париже. Четыре его сотрудника работали агентами ОГПУ: Белецкий, Соколова, Грозовская и Грозовский. Именно Белецкий снял номер в гостинице для Шильдбах и Росси. После убийства все, кроме Грозовской, выехали из Парижа. Она была арестована 17 декабря 1937 г. Швейцарские власти потребовали ее выдачи. Однако выдача не состоялась, так как через три дня после ареста ее выпустили под залог в 50 тыс. франков. Вскоре она исчезла, несмотря на залог и подписку о невыезде. При аресте Росси в его вещах обнаружили план города Мехико, географическую карту Мексики, ряд адресов в США и заявление в мексиканское консульство с просьбой предоставить визу на въезд в Мексику.

Росси — кличка Роланда Аббиата — выехать в Мехико уже не смог. Зато, по полученным Троцким сведениям, туда прибыла группа «специалистов»: Джорж Фурниаль, из Испании — Ральф Батс, некий Жорж Минк, который также под кличкой Альфреда Герца работал в Испании. Он отличался жестокостью в расправах со сторонниками IV Интернационала, поумовцев и анархистов. Рассказывают, что Андре Нину при допросах сломали позвоночник. Не исключено, что это было дело рук садиста Герца. Он организовал убийство лидера леваков Камило Бернари, троцкиста Мулена, арест английского троцкиста Джона Мак-Наира, исчезновение Э. Вольфа, троцкиста Марка Рейна и других. Ходили слухи, что в апреле 1938 г. в Мехико приехал «сам» Киндерман, также прославившийся зверствами в Испании. Ему поручили руководство всеми названными «специалистами».

В том же году в Мехико была предпринята первая попытка нападения уже на самого Троцкого. На виллу под видом посыльного, привезшего подарок, попытался проникнуть подозрительный тип. Он показался охране подозрительным. Его не пустили. Посыльный ушел, но неподалеку от дома оставил пакет со взрывчаткой.

Троцкому стало ясно, что круг замкнулся. Он всерьез стал задумываться о самоубийстве. Каждый день начинался им с фразы: «Они нас не убили этой ночью. Они подарили нам еще один день».

20 августа 1940 г. около шести часов вечера Н. И. Седова в саду их виллы в Койоакане увидела мужа с молодым человеком. Впервые он побывал здесь три месяца назад, 24 мая, как раз в тот самый злополучный день, ранним утром которого группа лиц, переодетых в форму полицейских и офицеров мексиканской армии, совершила покушение на Троцкого.

Седова поежилась, вспомнив то ужасное происшествие. В ушах все еще слышалась беспорядочная стрельба: по стенам комнат, в которых проживала семья Троцкого, выпустили свыше 300 пуль, в окна бросили несколько зажигательных гранат. Седова получила незначительные ожоги. Троцкий и его внук оказались легко раненными.

Ответственность за покушение взял на себя знаменитый художник-монументалист Давид Альфаро Сикейрос. Когда он узнал о неудаче, то в сердцах воскликнул: «Все впустую!» Команде Сикейроса помог охранник Шилдон. Он открыл ворота, а после обстрела дома уехал с нападавшими. Вскоре за городом обнаружили его труп. Троцкий отказался поверить в причастность Шилдона к покушению. По его указанию тело предателя похоронили в саду дома Троцкого.

Покушавшийся в душный августовский вечер, в отличие от группы Сикейроса, был один. Действовал не торопясь, взвешивая каждый шаг. Согласно записям секретарей Троцкого в журнале посещений виллы, он побывал там 12 раз. Подсчитано и общее количество времени, проведенного им на вилле: 4 часа 27 минут.

Убийца Троцкого за 12 дней до покушения общался с ним. Причем рекордное, пожалуй, время за все визиты — около часа. К тому же впервые — наедине.

Позже Седова не без оснований рассматривала этот визит как своего рода генеральную репетицию убийства. Ей бросилось в глаза то, что обычно спокойный, невозмутимый молодой человек на этот раз явно нервничал. Несмотря на жару, в руках у него был плащ. Видимо, уже в это предпоследнее посещение убийца имел при себе ледоруб (вспомним петлю на пальто Раскольникова, в которую был вдет топор).

Формальным поводом для визита послужила просьба к Троцкому отредактировать статью, в которой критиковались американские троцкисты М. Шахтман и Дж. Бернхейм за отступничество от «движения». В кабинете хозяина виллы убийца устроился позади Троцкого, читавшего его статью. Это особенно не понравилось Троцкому, о чем он в тот же вечер сказал жене. Вообще вся затея со статьей и посещением весьма насторожила Троцкого. Но никаких мер предосторожности принято не было...

Удар был нанесен ледорубом в затылок. Он оказался настолько сильным, что вмятина в голове составила почти 7 сантиметров.

Троцкий издал истошный крик, вцепился в пиджак убийцы, норовя укусить его. Тот пытался увернуться. После мгновенной схватки ему это удалось. Троцкий упал, поднялся и, держась за залитую кровью голову, шатаясь побрел к выходу. Тут его подхватили охранники, которые принялись избивать находившегося в шоке убийцу. От смерти его спас Троцкий, который, прежде чем потерять сознание, успел прохрипеть: «Не трогать! Он должен говорить!»

Вскоре Троцкий пришел в себя, стал обмениваться репликами с женой и секретарями. Прибывший врач заявил, что не видит «ничего серьезного». Тем не менее раненый и покушавшийся были госпитализированы, получив всю возможную в ту пору и в тех условиях медицинскую помощь.

Утром 21 августа Троцкий сказал, что ему лучше, попросил показать статистические данные по экономике Франции. Но затем его состояние резко ухудшилось. Попытки хирурга Г. База и пяти ассистентов спасти Троцкого оказались тщетными. В 19 часов 25 минут Троцкий скончался.

Вдали от родины, почти всеми забытый, умер человек, имя которого в пору его всесилия заставляло трепетать тысячи людей. Похороны состоялись через несколько дней. Люди разных политических взглядов и убеждений пришли проститься с Троцким. Он был кремирован и похоронен в саду своей виллы.

Убийцу судили и по мексиканскому уголовному кодексу приговорили к высшей мере наказания — двадцати годам тюремного заключения. Им оказался бельгийский подданный Жак Морнар, прибывший в Мексику из США в октябре 1939 г. с целью туристической поездки. В ходе расследования выяснилось, что указанные имя, фамилия и гражданство фальшивые. Под ними скрывался испанец Рамон дель Рио Меркадер.

Он родился 7 февраля 1913 г. в Барселоне в довольно состоятельной семье. Кроме него было еще четверо детей — трое сыновей и дочь. Родители Меркадера разошлись. Мать Каридад с детьми перебралась в Париж, где вела полубогемный образ жизни. Биография Рамона типична для детей круга его родителей — учеба в лицее, армия. В 1935 г., уже находясь в Испании, он участвовал в молодежном движении. Был арестован, но вскоре освобожден пришедшим к власти правительством Народного фронта.

Летом 1938 г. в Париже Меркадера познакомили с гражданкой США, русской по происхождению, Сильвией Агеловой-Масловой, ярой троцкисткой. Агелова как раз участвовала в подготовке учредительной конференции IV Интернационала. С невыразительной внешностью, не избалованная вниманием мужчин и к тому же старше Меркадера на несколько лет, Сильвия увлеклась им не на шутку. Тем более что он старательно изображал из себя приверженца троцкизма и главное — обещал Сильвии на ней жениться. Агелова познакомила Меркадера с родной сестрой, секретарем Троцкого, курсировавшей между Парижем и Мехико. На сестру огромное впечатление произвели внешность Меркадера и безукоризненные манеры. Через сестер Меркадер вошел в доверие к чете Росмеров. Они-то и ввели его в дом Троцкого.

Прибывшие на место преступления агенты секретной полиции во главе с генералом Санчесом Салазаром обнаружили в кармане плаща Меркадера несколько страниц машинописного текста. Под ними стояли подпись убийцы и дата 20.8.1940. В материалах следствия этот текст фигурировал под названием «письмо Джексона-Морнара».

В нем подробно изложены мотивы убийства. Они сводились к трем положениям: разочарование в Троцком как «великом пролетарском революционере»; протест Меркадера против попытки Троцкого завербовать его для отправки в СССР для совершения террористических и диверсионных актов; возражения Троцкого против женитьбы Меркадера на Агеловой.

Этот набор мотивов убийства в разных сочетаниях, с разными вариациями деталей повторялся затем Меркадером в ходе следствия, состоявшегося через три года в Мехико суда, а также в опубликованной во время судебного разбирательства его статье «Почему я убил Троцкого».

В письме делалась явная попытка всю полноту ответственности за покушение возложить на Меркадера, представить его убийцей-одиночкой, пошедшим на преступление не только по идейно-политическим, но и личным соображениям. На мой взгляд, версия письма не подкреплялась сколько-нибудь убедительными аргументами. В обосновании каждой из названных причин Меркадер неизменно путался, противоречил не только себе, но и очевидным фактам.

Так, например, его главный довод по поводу разочарования в Троцком как революционере сводился к вопросу: откуда взялись средства для постройки и содержания виллы в Койоакане, охраны, штата секретарей и т. д. Меркадер ссылался на зависимость Троцкого от американского империализма. В 1943 г. на суде и в статье — делал упор на его прогерманскую ориентацию.

Мотивировка здесь весьма прозрачна — в 1940 г. советско-германские отношения определялись пактом о ненападении, и можно было безбоязненно клеймить американский империализм. Три года спустя ситуация резко изменилась — уже США являлись союзником СССР, тогда как Германия находилась с ним в состоянии войны.

Не сходятся концы с концами и по поводу вербовки Троцким Меркадера для засылки в СССР. По его словам, Троцкий намеревался отправить его через Шанхай и Маньчжурию. При этом Меркадер сообщал полиции: «Нашей непосредственной задачей должно было стать моральное разложение Красной Армии, а также совершение ряда диверсионных актов на военных заводах и других предприятиях».

Серьезные поручения. Они не даются первому встречному. Троцкий был знаком с Меркадером всего три месяца, причем относился к нему без особого доверия. Как следует из книги записей посетителей виллы, за все время общения они оставались с глазу на глаз не более часа. О чем можно было договориться за этот час?

Но допустим, что Троцкий действительно решил послать Меркадера в СССР. Для чего нужно было делать это через Китай? Ведь

«агент» не знал ни языка, ни обычаев, его европейское происхождение привлекло бы внимание.

Наконец, маловразумительными выглядят и ссылки Меркадера на Троцкого как главного противника его брака с Агеловой. Троцкий хотя и знал ее, но общался с ней редко. Например, в течение восьми месяцев 1940 г. она побывала на вилле всего два-три раза.

Выдвинутые Меркадером мотивы напоминают объяснения причин другого убийства — С. М. Кирова. Совершивший его Л. Николаев также неоднократно выражал свое разочарование в руководстве ВКП(б), олицетворявшемся им в Кирове. Говорили, что он мнил себя даже советским Желябовым — «цареубийцей». Николаев также намекал на необходимость «искать женщину» как первопричину его поступка. Он не раз посещал Смольный в поисках встреч с Кировым, также остался на месте преступления, оказавшись не в силах предпринимать что-либо для собственного спасения.

Простое совпадение фактов? Может быть, и так. Но если пользоваться юридической терминологией, то действие, повторяющееся дважды, всегда квалифицировалось не иначе как рецидив.

В одиночку, без квалифицированной помощи, Меркадеру было бы не по силам осуществить такое дело. Подлинным организатором убийства был полковник НКВД Леонид Эйтингон, известный под псевдонимами Леонтьев, Котов, Рабинович. Эйтингон завербовал мать Меркадера — Каридад, сделав ее своей любовницей, а через нее вовлек в дело сына. В 1939 г. в Париже Эйтингон оказался тем «незнакомцем», который, по показаниям Меркадера, вручил ему паспорт на имя канадца Джексона. Паспорт действительно принадлежал гражданину Канады, но югославу по происхождению Бабичу, погибшему в Испании бойцу интербригад.

Подделка паспорта была небрежной — в фамилии Djeckson пропустили букву «k», так что остается только гадать, как ни французские, ни американские, ни мексиканские власти не заинтересовались личностью «канадца» с таким документом и такой типичной южноевропейской внешностью.

Через Каридад Эйтингон передал Меркадеру 5 тыс. долларов для поездки за океан. Скорее всего он был и автором найденного у Меркадера при аресте «письма Джексона-Морнара». В день убийства Троцкого Эйтингон и Каридад ждали его неподалеку от виллы в Койоакане, чтобы вывезти по отработанному заранее маршруту. Не получилось. Но они не оставили Меркадера на произвол судьбы. Сперва помогли с адвокатами, а после суда облегчали отбывание срока.

Отсидев весь срок, Меркадер в 1960 г. вышел из тюрьмы. С женой, Ракель Мендоса, индианкой, на которой он женился в тюрьме, оказался на Кубе. Выехал в Прагу, потом в Советский Союз. В 1961 г. ему присвоили звание Героя Советского Союза, дали пенсию (400 рублей), небольшую квартиру на Соколе и дачу в Малаховке. Работал он в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Был одним из авторов истории Испанской коммунистической партии.

По словам родного брата Рамона, Луиса, Меркадер с женой не знали языка, их изматывала непростая бытовая сторона жизни. И тогда по совету Луиса Рамон написал письмо Ф. Кастро с просьбой разрешить переехать в Гавану. Согласие было получено. Но КГБ чинил препятствия. Понадобилось вмешательство Ю. Андропова. Последние годы жизни Меркадер провел на Кубе. Умер он в 1978 г., по его желанию прах похоронен в Москве, на Кунцевском кладбище. В 1987 г. на могиле появилась гранитная плита, на которой золотыми буквами выгравировано: «Лопес Рамон Иванович, Герой Советского Союза». Такая же надпись есть на почетной доске у входа в КГБ.

Мать Меркадера после совершения убийства Троцкого вернулась в Москву. Она была убежденная сталинистка. Вопреки легенде, высказанной Ю. Семеновым в «Неопубликованных романах», со Сталиным она не встречалась. Генсек был слишком высокого о себе мнения, чтобы снисходить до общения с такими женщинами. Но в Кремль Каридад все же пригласили. В 1941-м, перед началом войны Калинин вручил ей орден Ленина. Берия прислал по этому случаю ящик грузинского вина «Напареули» розлива 1907 г. В годы войны она была в эвакуации в Уфе, жила в лучшей гостинице города «Башкирия». В 1944 г. уехала во Францию. Умерла в Париже в восемьдесят два года под портретом Сталина.

Смерть Троцкого не означала конца основанному им идейно-политическому течению. Это лишний раз подтверждает истину, что троцкизм возник не на пустом месте, что были, есть и остаются определенные предпосылки, в том числе и в нашей стране, для его существования. Исследование их — одна из важнейших задач исторической науки.

IV ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Перед смертью Троцкий произнес одну из последних фраз: «Я верю в триумф IV Интернационала!» Очевидцы говорят, что при этом он даже попытался выкрикнуть: «Вперед!» Так несколько театрально и вместе с тем жутковато, потому что каждому, кто тогда был рядом с Троцким, его слова не могли не показаться бредом мучительно умиравшего человека, он проговорил идею-фикс, владевшую им последнее десятилетие жизни.

На разные лады она звучала в его книгах, статьях, письмах, выступлениях. Чем бы он ни занимался, с кем бы ни говорил, все упиралось в одно: нужен новый, не похожий на прежние Интернационал. 25 марта 1935 г. Троцкий сделал в дневнике запись: «...работа, которую я сейчас выполняю, несмотря на ее крайне недостаточный, фрагментарный характер, является самой важной работой моей жизни, важнее 1917 г., важнее эпохи гражданской войны и пр.». Эта работа была деятельностью по созданию IV Интернационала.

В сентябре 1938 г. в пригороде Парижа Переньи, в доме Росмеров собралось два десятка человек, представлявших страны Ев-

ропы и США. К вечеру второго дня ими был принят итоговый документ, который знаменовал, что в международном рабочем движении появилась новая организация — IV Интернационал.

Из Мехико в адрес участников учредительной конференции Троцкий направил приветственную телеграмму. Он мог вздохнуть с облегчением: еще один «камень-Петр», который он безуспешно пытался в 1910—1912 гг. подвести под обновлявшуюся «церковь — РСДРП», был положен в основание нового «собора» — современного троцкистского движения. Другим «камнем» была теория «перманентной революции».

Не зря современные троцкисты ведут свое «летоисчисление» от 30-х годов. Именно в эти годы, считает один из теоретиков французских троцкистов, Д. Бенсиад, Троцкий завершил теорию «перманентной революции», поныне составляющую идеологическую основу движения. С рождением IV Интернационала была найдена организационная форма, которой троцкисты придерживаются по настоящее время [1].

Созданию IV Интернационала предшествовала колоссальная работа самого Троцкого. Не устаешь поражаться его неуемной энергии, настырности, терпеливости, способности действовать по принципу: капля камень точит. IV Интернационал для Троцкого стал театром одного актера. Ему, конечно, помогали многие. Но роль главного — драматурга, режиссера, постановщика, вплоть до распространителя билетов и организатора рекламы — играл сам Троцкий.

Недавно умерший (на девятом десятке лет) видный историк и деятель троцкистского движения, начинавший на Принкипо секретарем Троцкого, Пьер Франк выделил три временны́х этапа становления и развития троцкизма между двумя мировыми войнами: 1923—1928 гг., 1929—1932 гг. и 1933—1938 гг. Очевидно, 1923 г. взят им за точку отсчета потому, что троцкистская оппозиция *окончательно* оформилась организационно в РКП(б) и в Коминтерне. Троцкистские группы появились во Франции, Германии, Греции, Болгарии, других странах. Согласен, что троцкизм существовал и до означенного года если не как сложившаяся фракция, то как идейно-политическое течение, располагавшее теорией «перманентной революции», которую сторонники этого течения пытались реализовать в рамках РКП(б) и Исполкома Коминтерна. С такой оговоркой я принимаю периодизацию, предложенную Франком.

На первом этапе, считал Франк, в строгом смысле «движение большевиков-ленинцев интернационалистов» отсутствовало, существовала лишь его фракция в СССР, которую поддерживали отдельные группки и «индивиды» из других стран. Связь между ними осуществлялась через переписку с фракцией «большевиков-ленинцев» в СССР, что затрудняло разработку коллективной интернационалистской идеологии и практики.

Второй этап знаменовал формирование интернационалистской левой оппозиции. Он стал временем принципиального размежевания с официальным руководством компартий и Коминтерна,

периодом формирования кадров интернационалистской левой. Именно в эти годы образовалось большинство секций, был выработан идейно-политический инструментарий, что «позволило нам обрести, как говорится, «троцкистский голос»,— писал Франк.

Наконец, третий этап отмечен выходом троцкистских групп из компартий и Коминтерна, их конституированием в независимые организации, попытка наладить контакт с партиями II Интернационала. Это был период подготовки и создания IV Интернационала [2].

В организационной работе Троцкий использовал не только опыт III Интернационала, но и РСДРП, особенно ленинской большевистской фракции. Годы общения с Лениным для Троцкого не прошли даром.

Памятуя ленинское: прежде чем объединиться, надо решительно размежеваться,— Троцкий писал: «Оппозиция формируется сейчас на основе принципиального идейного *размежевания*, а не *массового действия*. Это отвечает характеру нынешнего периода. Подобные же процессы происходили в русской социал-демократии в годы контрреволюции (после поражения революции 1905-1907 гг.— *Н. В.*), в международной социал-демократии во время войны» [3].

Действуя столь непреклонно, Троцкий приобрел не многих сторонников, а некоторых даже потерял. Причем навсегда. Это характерная деталь троцкистского движения. Уж коль его вожди ссорились — не было врагов злее. Они изводили друг друга с большей изобретательностью, чем представителей конкурировавших идейно-политических течений. Вступавшие во враждебные отношения между собой троцкистские группы готовы были мириться с кем угодно, только не друг с другом — такова особенность интернационалистской левой.

Не случайно, общаясь с самыми разными по своим политическим и идейным убеждениям, роду занятий, социальному положению людьми, Троцкий отдавал предпочтение тем, кто засвидетельствовал ему личную преданность, с кем он еще в годы первой мировой войны разделял центристские, каутскианские позиции. К таким преданным троцкистам относились голландка Г. Роланд-Хольст и А. Росмер, выходец из состоятельной семьи, представитель средней буржуазии француз М. Паз. Но особым расположением Троцкого пользовались мелкобуржуазные интеллигенты П. Франк, П. Навиль, Ж. Розенталь. Эту молодежь, вступившую на путь политической борьбы, одновременно тянуло к левой оппозиции и желание участвовать в работе Французской компартии.

В числе сторонников Троцкого были лица, исключенные из компартий и Коминтерна. Во Франции — Б. Суварин. В Германии — группа Маслова-Рут Фишер-Урбанса-Шолема. В США — М. Истмен. Пытался Троцкий привлечь и «зиновьевцев», прежде всего из бывших руководителей Французской компартии,— А. Трена и его соратницу С. Жиро. Все они не единожды посещали его на Принкипо, в Сент-Пале, Барбизоне, Вуксхолле и Мехико.

Следует отметить, что даже среди этих людей находилось не

много таких, кто вполне понимал задачи интернационалистской левой и воспринимал их как собственные. Обозревая разномастную и чрезвычайно пеструю по идейно-политическим воззрениям «команду Троцкого», И. Дейчер отметил, что люди, собравшиеся в конце 1929 г. вокруг Троцкого за пределами СССР, «ровным счетом ничего не стоили» [4].

Это прекрасно понимал и Троцкий. Именно поэтому не особенно жаловал своих потенциальных сторонников. Известны многочисленные случаи, когда он за глаза называл их «мелкими буржуа», «филистерами», а чаще — «кибицами» (так жители любимой им довоенной Вены презрительно окрестили праздношатавшихся молодых повес). Впоследствии один из старейших троцкистов США, Дж. Хансен, откровенничал, что «среди сторонников Троцкого лишь незначительное меньшинство понимало, что от них требовалось». Поэтому Троцкий «не ставил перед ними слишком больших задач, а предпочитал действовать по пословице — брать то, что можно. В русском переводе она звучит менее благополучно, но лучше передает смысл: «С паршивой овцы хоть шерсти клок» [5].

В «Бюллетене оппозиции» велась специальная рубрика «Проблемы международной левой оппозиции», где печаталась переписка Троцкого с зарубежными троцкистскими группами, помещались инструктивные материалы. В марте 1929 г. из Константинополя Троцкий обратился к единомышленникам с письмом «О группировках в коммунистической оппозиции». Он призвал всех, кто остался верным левой оппозиции и ему лично, сохранять твердость духа, укреплять группы, искать связи с молодыми компартиями, подбирать кадры (проявлять максимум к каждому, кто выражал критическое отношение к ВКП(б) и Коминтерну); изучать материалы левой оппозиции; участвовать в разработке платформы секции, выступать (на собраниях компартий, правой оппозиции, открытых рабочих собраниях, митингах), вести воспитательную работу в небольших кружках и с одиночками, организовывать печатные органы национальных секций [6].

Характерная деталь троцкистского движения — без печатного органа нет и троцкистских групп или организаций, не говоря уже о партиях. Закономерно сначала возникал печатный орган, а уж потом появлялась сама организация. Осуществлялся почти идеально ленинский тезис: печать должна быть не только пропагандистом, но и организатором.

В 1930 г. были организованы печатные органы левой оппозиции. Во Франции — еженедельная газета «Верите» и ежемесячный журнал «Лют де класс» на 60—80 страницах, по объему почти двое превосходивший «Бюллетень оппозиции». В Германии объединенная оппозиция приступила к изданию журнала «Коммунист». Коммунистическая лига США имела еженедельник «Милитант» и приступила к организации брошюрного издательства, в Австрии выходили две газеты, в Чехословакии — также газета; итальянская группа бордигистов выпускала два раза в месяц газету «Прометео»; группа еврейских оппозиционеров издавала в Париже газету «Клархейо» («Ясность»).

Троцкий не обделял своим вниманием и потенциальных союзников левой оппозиции. В Италии — группу Амадео Бордиги. Во Франции — редакцию журнала анархо-синдикалистов «Пролетарская революция», где работал А. Росмер.

На этом этапе Троцкий сконцентрировал свои усилия по созданию левой оппозиции во Франции. Его интерес к этой стране был не случаен: здесь были сильны позиции радикальной мелкой буржуазии. Кроме того, еще до Октября Троцкий обрел немало сторонников именно среди левых деятелей французского рабочего движения, с которыми близко сошелся в период издания в Париже газеты «Наше слово». Эти контакты Троцкий сохранил и позднее, когда в Коминтерне участвовал в составлении документов, имевших отношение к Французской компартии.

Питательной средой троцкистских групп во Франции были рекруты из промежуточных слоев, пополнявшие ряды пролетариата. После первой мировой войны в результате бурного индустриального роста Франции сам рабочий класс значительно изменился. В нем практически исчезли потомственные пролетарские кадры. Появилось немало лиц, склонных к немедленным решениям, левой фразе, авантюризму. На такого рода настроениях играли французские троцкисты. «Не считая Америки,— указывал журнал «Коммунистический Интернационал»,— Франция является международной базой троцкизма» [7].

Здесь с конца 20-х годов усилиями изгнанных из ФКП троцкистов создается ряд троцкистских групп: «Пролетарская революция» — по названию одноименного еженедельника во главе с П. Монаттом и А. Росмером. «Круг демократов» — Б. Суварина. Кружок — «Против течения» М. Паза. «Ленинское единство» — А. Трена. «Классовая борьба» — П. Навиля.

Несмотря на усилия привлечь в свои ряды рабочих, группы по социальному составу представляли преимущественно выходцы из мелкобуржуазных слоев и интеллигенции. Так, среди 50 членов группы, возглавлявшейся Сувариным, лишь трое были рабочими [8].

Присущие троцкистским лидерам карьеристские, честолюбивые замашки, обилие среди них «вождей» и практическое отсутствие масс значительно затрудняли налаживание между группами связей. Стремление взять верх над соперниками постоянно накаляло обстановку в троцкистских партиях, усиливало там возню вокруг организационных вопросов и обостряло кризисную ситуацию.

15 августа 1929 г. в Париже начал выходить еженедельник «Верите» («Правда»). Его редакцию возглавил А. Росмер. Троцкий приветствовал издание и выражал надежду, что левая оппозиция во Франции через свой орган сможет покончить с кружковой дипломатией и выйти на общенациональную арену. За полгода существования еженедельника вышло 24 номера. В начале 1930 г. он печатался на восьми страницах большого формата. Пользовался влиянием среди рабочих и даже членов ФКП в крупных городах, в частности Париже. В «Верите» регулярно сотрудничали группы венгерской, испанской (в Люксембурге), итальянской и еврейской левых оппозиций. В этих группах состояло тридцать — сорок чело-

век, главным образом рабочих-коммунистов, изгнанных фашистами из своих стран.

«Верите» сыграла важную роль в сплочении национальных групп левой оппозиции. Редакция еженедельника обратилась к «большевикам-ленинцам» всех стран с призывом объединиться для подготовки международной конференции левой оппозиции и организации международного информационного бюллетеня. На это предложение откликнулись Веддингская оппозиция (Германия), левые оппозиции в Чехословакии, США (журнал «Милитант») и Испании.

Из этой акции выросла первая в истории троцкизма международная «Предконференция», как назвали ее сами участники. 6 апреля 1930 г. в Париже собрались коммунистические лиги Франции и США, Объединенная оппозиция Германии, оппозиционная группа компартии Бельгии, испанская оппозиция, Левая оппозиция Чехословакии, Венгерская коммунистическая оппозиция и Группа еврейской оппозиции во Франции. Левая оппозиция ВКП(б) в лице Троцкого и Л. Седова направила участникам «Предконференции» приветственное письмо, в котором заявила о присоединении к ней. Из-за дальности расстояния не могли приехать оппозиционные группы Китая, Аргентины и Мексики. Они также направили приветствия.

На «Предконференции» заслушали доклады о положении дел в левых оппозициях. Ее итог — создание Международного секретариата, которому поручили издание бюллетеня и подготовку полномочной конференции. В состав секретариата вошли по одному представителю от оппозиций: русской (видимо, Л. Седов), немецкой и французской с возможным привлечением представителя оппозиции Бельгии. Техническую реализацию решений возложили на Коммунистическую лигу Франции (к тому времени в группу входило около ста человек). С этого момента Париж стал Меккой интернационалистской левой оппозиции. Забегая вперед, скажу, что эту роль Париж сохранил за собой, несмотря на попытки троцкистов Лондона, Нью-Йорка, Мехико ее поколебать.

И еще одно принципиальное соображение. «Предконференция» заявила, что объединение национальных фракций не означает создание IV Интернационала, так же как и создание самих этих национальных фракций не свидетельствовало о формировании вторых партий, т. е. параллельных официальным компартиям. Левая оппозиция по-прежнему считала себя фракцией международного коммунизма. Виновником раскола с официальными компартиями и Коминтерном «Предконференция» считала центристскую бюрократию. Порывая с верхушкой коммунистического движения, оппозиция провозглашала о связи с «сотнями тысяч революционных рабочих» и что формально она оставалась в рядах компартий и Коминтерна. Свою цель оппозиция видела в возрождении Коминтерна на ленинских основах.

На «Предконференции» была заложена модель интернационалистской левой оппозиции на ближайшие пять лет. В феврале 1933

г. в Париже собралась вторая «Предконференция». На этот раз в ней участвовало одиннадцать стран: СССР, Германия, Франция, Англия, Бельгия, США, Греция, Италия, Испания, Болгария, Швейцария. Этому представительному совещанию также предшествовала проведенная в разных странах, прежде всего в названных, основательная работа.

Одним из ее итогов было присоединение «большевиков-ленинцев» греческой оппозиции в 1930 г. к интернационалистской левой. Эта оппозиция проделала долгий путь становления. Ее истоки — группа «Коммунизмус». Она образовалась в 1919 г. и боролась за присоединение рабоче-социалистической партии к Коминтерну. В 1922 г. группу исключили из этой партии из-за разногласий с ее внутренним режимом. Предваряя борьбу левой оппозиции в ВКП(б), «Коммунизмус» выступила за развитие внутрипартийной демократии, организовала журнал «Архив марксизма». С выходом на авансцену левой оппозиции в ВКП(б) группа солидаризировалась с ней.

Работала она в трудных условиях. Репрессии правительства, антагонизм с официальным руководством рабочего движения страны даже вынудили будущих «большевиков-ленинцев» создать конспиративную организацию. Оппозиционерам приходилось защищаться в буквальном смысле слова: драки, избиения, даже убийства стали сопутствующими факторами существования левой оппозиции в Греции. К 1930 г. греческая оппозиция по своему составу была сугубо пролетарской. Численность ее сторонников колебалась от 500 до 1500 человек. В отдельные периоды она доходила до двух с половиной — трех тысяч членов [9]. Оппозиция оказывала влияние в профсоюзах рабочих по производству бетона, табачной и кожевенной промышленности, в металлургии, среди булочников. Она имела печатные органы — еженедельник «Факел», затем «Классовая борьба». Были и свои постоянные подписчики — примерно семь тысяч [10].

Оппозиция проводила общенациональные политические акции в Афинах и Салониках. Например, 9 ноября 1930 г., в годовщину Октябрьской революции, в Салониках в местном театре организовала собрание, на котором присутствовало 1700 человек. Она принимала участие в избирательных кампаниях. В Салониках выдвинула кандидатуру рабочего на выборы в муниципалитет. У оппозиции была своеобразная система подготовки кадров: нелегальные марксистские курсы, которые на 90% посещались рабочими. И это при том, что его участникам грозило тюремное заключение на несколько месяцев.

В Болгарии (София) в октябре 1930 г. образовалась рабочая марксистская группа «Освобождение». Она сразу объявила себя секцией интернационалистской левой. В резолюции учредительного собрания группа горячо приветствовала «руководимых нашими учителями Троцким и Раковским мужественных товарищей русской оппозиции большевиков-ленинцев, упорно борющихся против сталинских преступлений и за возрождение международного революционного движения» [11].

Первые организации левой оппозиции в Латинской Америке появились в Аргентине и Бразилии. Аргентинская оппозиция издавала газету «Веридад», а бразильская — «Классовую борьбу» на португальском языке. Возникла оппозиционная группа в Мексике, также приступив к изданию журнала «Кларидад». С ней тесно сотрудничала группа левой оппозиции в Уругвае.

В том же 1930 г. продолжалось издание Информационного бюллетеня интернационалистской левой. В конце года вышел второй номер. В нем рассказывалось о положении дел в оппозициях СССР, Болгарии, Греции, Венгрии, Чехословакии, Китая и Бельгии. Были помещены резолюции отдельных секций и другие материалы. Словом, дело с мертвой точки сдвинулось, хотя и развивалось не так быстро и широко, как хотелось Троцкому.

В июле 1933 г. Троцкий под псевдонимом Гуров пишет большую статью «Нужно строить заново коммунистические партии и Интернационал». В ней дан краткий очерк истории интернационалистской левой оппозиции и констатировано, что курс на реформы Коминтерна, ВКП(б) и СССР как первой страны диктатуры пролетариата себя исчерпал. Требовались смена ориентации, поиск резервов и выход на новый путь. Предвидя сопротивление многих своих сторонников, Троцкий сформулировал задачу в весьма расплывчатой форме: «...дело идет сейчас не о немедленном *провозглашении* новых партий и самостоятельного Интернационала, а об их *подготовке*» [12].

В конце августа 1913 г. под давлением Троцкого состоялся пленум интернационалистской левой оппозиции, вернее собрание в редакции «Верите» нескольких представителей оппозиции. Пленум принял резолюцию с призывом к созданию IV Интернационала. Это обращение и организационное собрание можно расценить как практический шаг по пути к IV Интернационалу.

Однако развитие событий показало, что создать такой Интернационал оказалось далеко не так просто. В июле 1933 г., прибыв из Турции во Францию, Троцкий нашел там не больше сотни сторонников, разделенных на соперничавшие группы. Например, один из активистов Коммунистической лиги так оценивал положение дел: «Лига плохо организована. В течение 1934 г. она потеряла большинство своих членов и фактически не имеет ни одной своей фракции в ВКТ (Всеобщая конфедерация труда.— *Н. В.*), УВКТ (еще одна профсоюзная организация страны.— *Н. В.*), СФИО (социалистическая партия.— *Н. В.*) и ФКП. Более того, ни в одной сколько-нибудь массовой организации трудящихся» [13].

Таков итог деятельности троцкистских групп во Франции в период 1929—1933 гг. Не забудем, что эта страна была «международной базой» троцкизма. В других странах ситуация оказалась еще хуже. Сдали свои позиции греческие «большевики-ленинцы». Исчезли левые оппозиции в Болгарии, Польше, Чехословакии. Практически никого не осталось в Италии, не говоря, естественно, о Германии, где с приходом к власти фашистов троцкисты преследовались так же сурово, как коммунисты и социал-демократы.

Это вынудило Троцкого принять решение, удивившее даже видавших виды его сторонников,— начать «кристаллизацию новых партий», в частности во Франции, США и других странах, где имелись многочисленные социалистические партии, с вхождения троцкистов в их ряды. Подобного рода тактика получила название «энтризма» (от французского глагола «entrer» — входить, проникать). В августе 1934 г. Коммунистическая лига создала в СФИО группу «большевиков-ленинцев». В ее манифесте говорилось: «Мы входим в СФИО, чтобы создать революционный интернационал» [14].

Поворот Троцкого вызвал взрыв возмущения многих троцкистов. Суварин заявил, что троцкистская группа в СФИО представляет «маленький кораблик, к тому же гнилой... который неминуемо потерпит кораблекрушение в водах социал-демократии» [15]. Его поддержал П. Навиль. От отказался прекратить издание журнала «Лют де класс». Не поддержала решение Троцкого и часть его сторонников, сгруппировавшихся вокруг журнала «Революсьон пролетарьен» («Пролетарская революция»), и молодежная группа, создавшая свой Коммунистический союз. Они категорически протестовали против того, чтобы «троцкистская группировка временно утратила свое организационное оформление» [16].

Руководство социал-демократией встретило с настороженностью вхождение в ее ряды троцкистов, а затем приступило к решительным действиям по их изгнанию. Летом 1935 г. почти всех троцкистов исключили из СФИО. Там же, где этого не произошло, присутствие троцкистов привело к резкому сокращению численности партий. Например, соцпартия США в 1934 г. насчитывала около 20 тыс. членов. В 1936 г., когда в ней оказались троцкисты, ее ряды сократились вдвое [17].

Неудача с «энтризмом» еще более обострила взаимоотношения между Троцким и другими лидерами движения, особенно во Франции. От Троцкого отошли наиболее верные сторонники, какими были до сих пор П. Франк и Р. Молинье. Они создали свою «Интернационалистскую компартию».

После этого у Троцкого о лидерах троцкистских групп во Франции сложилось крайне нелестное мнение. «Франк,— писал он,— это сектант-консерватор, специалист по фракционной борьбе и расколам» [18]. Молинье — «человек, который не считал необходимым иметь какие-то идеи. Несколько банковских билетов (Молинье был сыном парижского банкира средней руки.— *Н. В.*) его вполне удовлетворяют»[19]. Суварин — «экс-пацифист, экс-троцкист, экс-демократ, экс-коммунист, экс-марксист... почти экс-Суварин с тем большей наглостью атакует пролетарскую революцию и революционеров, чем меньше он сам знает, чего хочет. Этот человек любит и умеет собирать цитаты, документы, запятые и кавычки, составлять досье и обладает, сверх того, изощренным стилем» [20]. Но для дела он не годился.

Раздражение Троцкого вызвало ответную неприязнь. «Троцкий,— писал даже такой всегда сдержанный человек, как А. Росмер,— третирует нас. Он готов сотрудничать с любого сорта оппортунистами, кроме нас» [21].

После долгих споров и взаимных оскорблений французским троцкистам удалось на короткий срок достичь внешнего примирения. В результате весной 1936 г. организовалась интернационалистская рабочая партия. К ней присоединилась группа «Социалистическая молодежь» Ф. Зеллера, в рядах которой состояло около 400 членов [22].

На учредительном съезде Интернационалистской рабочей партии 86 делегатов представляли 615 ее членов. Среди делегатов был 31 рабочий, столько же служащих, 12 функционеров. В избранный ЦК вошли: 19 промышленных рабочих (среди них один безработный и один железнодорожник), 5 служащих, 5 функционеров, 2 ремесленника, 2 бухгалтера, 2 инженера, 5 лиц без профессии и один уполномоченный. Из всех избранных было 2 женщины [23].

Интересно, как расценили силу французского троцкизма буржуазные средства массовой информации. Газета «Республика» заявила, что в ближайшее время в Париже может быть создан еще один «Кремль» — центр IV Интернационала. Газета «Там» пророчила ФКП близкое фиаско, что она не сможет противостоять антисталинским тенденциям среди рабочих и вынуждена будет присоединиться к «пролетарскому авангарду», т. е. троцкистской рабочей партии [24].

Французская печать обращала внимание еще на один факт: стремление троцкистов объединить усилия для более эффективной борьбы против Народного фронта. Буржуазная правая печать сразу поддержала эти намерения. «Там» принялась изображать троцкистов как «революционный авангард», появление которого свидетельствовало о нарастании центробежных тенденций в Народном фронте и ослаблении ФКП [25].

Подобные факты — свидетельство того, что уже в 30-е годы буржуазная реакция оказывала пропагандистскую поддержку троцкизму. Точнее — не столько троцкизму, сколько любому течению, выступавшему против ФКП и Народного фронта. Они также говорят о такой тенденции, как способность его лидеров на время забывать противоречия и действовать сообща.

Интернационалистская рабочая партия просуществовала недолго. Во-первых, потому, что в лоб поставленная цель — борьба с Народным фронтом — отпугнула от троцкистов даже экстремистски настроенные элементы из пролетарских, полупролетарских и мелкобуржуазных слоев, которым не по нутру был союз левых партий (ФКП и СФИО) и организаций. И, во-вторых, вновь дала о себе знать застарелая болезнь мелкобуржуазного революционаризма — вождизм. «Наша партия,— писал один из ее организаторов, И. Крепо,— была создана без учета политических разногласий ее учредителей и еще менее учитывая их личные неприязненные отношения» [26].

Часть развалившейся партии попробовала наладить контакты с Союзом анархистов. Другая часть присоединилась к Социалистической рабоче-крестьянской партии, созданной лидером крайне левого крыла СФИО М. Пивером.

Немногим лучше обстояли дела у троцкистов в других странах. Секретарь Троцкого Ж. ван Хейеноорт в своих мемуарах отмечал, что в каждой группе «велась борьба между двумя, тремя и еще большим числом фракций по карьеристским и идеологическим мотивам» [27].

В июле 1936 г. в Париже состоялась уже не пред-, а полная Международная конференция. Она провозгласила движение «За создание IV Интернационала». Кроме французских троцкистов, в конференции участвовали представители групп из Бельгии, Голландии, США, Германии и Италии.

Конечно, и это собрание конференцией можно было назвать с натяжкой. «Мы,— писал директор Института Л. Троцкого в Гренобле П. Бруе,— не располагаем ни отчетным докладом, ни протоколами заседаний» [28]. И это опять не случайно. Троцкисты разных стран устроили обструкцию этой конференции. Даже не все ее участники поддержали идею создания IV Интернационала.

Как ни пытались Троцкий и его верные оруженосцы убедить сопротивлявшихся и колебавшихся в необходимости превратить конференцию в учредительную, провозгласив на ней создание IV Интернационала, им это не удалось. В сердцах Троцкий писал: «Карьеристы не идут в ряды Четвертого Интернационала, который представляет сейчас наиболее гонимое течение в мировой истории» [29]. Не знаю, как насчет карьеристов, но в него не шли и революционеры, которых в карьеризме вряд ли можно заподозрить. Все, что удалось достичь в этот период,— это учредить расплывчатое движение за IV Интернационал. Но и здесь не было единодушия.

Нашлись такие, как, например, английские троцкисты из «Лондонского бюро», предлагавшие ограничиться только учреждением движения за IV Интернационал и не создавать сам Интернационал. Их поддержал В. Серж. Были и такие, кто считал провозглашение IV Интернационала сугубо формальным актом, без которого можно вполне обойтись, как обходились до сих пор.

Контраргументы против IV Интернационала вызвали у Троцкого новый приступ нападок на своих сторонников. Он обзывал их «двурушниками», «предателями» и другими нелестными эпитетами, вызывая в ответ не менее оскорбительную брань. В обстановке распрей и усиливающихся разногласий ценой разрыва со многими Троцкому удалось при огромной помощи А. Росмера и его жены Маргариты, а также П. Навиля, американских троцкистов настоять на проведении учредительной конференции.

Она, как уже говорилось выше, состоялась 3 сентября 1938 г. На ней были приняты Устав IV Интернационала и программный документ, написанный Троцким,— «Агония капитализма и задачи Четвертого Интернационала (Мобилизация масс вокруг переходных требований как подготовка к завоеванию власти)».

Эти документы напоминают завещание человека, приговоренного к смерти, в нем все настолько безысходно, что редкие выкрики о «великом будущем», которое ждет IV Интернационал, воспринимаются как самоирония.

Начать с того, что из 13 пунктов Устава большинство либо не соответствовало действительности, либо содержало противоречивые положения и установки. В первом же параграфе Устава есть подлог: IV Интернационал провозглашался организацией «пролетариата и революционных борцов всего мира... всемирной партией социалистической революции». Однако из доклада на конференции, сделанного П. Навилем, следовало, что во «всемирной партии» насчитывалось едва ли 3 тыс. человек, из которых больше половины входили в Социалистическую рабочую партию США, а 800 человек — в бельгийскую троцкистскую оргнизацию.

Правда, сегодня положение дел в троцкистском движении заметно изменилось. Партия и организации троцкистов действуют в более чем 60 странах мира. По приблизительным данным, в них насчитывается до 100 тыс. человек. Как говорится, прогресс налицо. Но, разумеется, до «завоевания власти» троцкистам далеко.

В шестом параграфе Устава говорилось, что «в каждой стране может быть создана лишь одна секция Четвертого Интернационала». А из доклада следовало, что в тех странах, где имелись троцкистские группы, они, как правило, делились на троцкистские партии и группы, симпатизировавшие троцкистам; существовали и очень мизерные группки, с которыми контакт «центра» был крайне затруднен.

И сегодня положение не лучше. Есть страны, где существует по десять — пятнадцать троцкистских групп и группочек, которые ведут между собой междоусобную борьбу.

Возражения троцкистов против создания IV Интернационала нашли отражение в программном документе, вошедшем в историю троцкистского движения под названием «Переходная программа». В ее заключительном разделе «Под знамя Четвертого Интернационала!» говорится: «Скептики спрашивают: но разве наступило время для создания нового Интернационала? Нельзя, говорят они, создавать Интернационал «искусственно»; он может лишь возникнуть из больших событий и пр.». Троцкий решительно отмел эти возражения, заявив: «Если наш Интернационал еще слаб числом, то он силен доктриной, программой, традицией, несравненным закалом кадров. Кто это не видит сегодня, пусть остается пока в стороне. Завтра это станет виднее» [30]. Нет, не стало.

Не вижу, чтобы IV Интернационал был «силен доктриной». Переходная программа свелась к обоснованию нескольких тезисов крайне непопулярных в 30-е годы и не подтвердившихся в 40—50-е, не говоря уже о настоящем времени.

Первый и самый главный ее тезис: «Исторический кризис человечества сводится к кризису революционного руководства». Обосновывая его, Троцкий исходил из того, что экономические предпосылки пролетарской революции достигли наивысшей точки, какая может быть при капитализме: производительные силы перестали расти, новые изобретения и усовершенствования не вели уже к повышению материального богатства, кризисы обрушивали на людей все более тяжкие лишения, рост безработицы усугублял финан-

совый кризис государства, один правительственный кризис в странах капитала сменял другой, но политическая ситуация не только не улучшалась, а становилась все хуже. Сама буржуазия не видела выхода. Положение усугублялось обострением международной обстановки, грозившей вылиться в мировой военный пожар.

Отсюда следовал вывод: «Без социалистической революции, притом в ближайший исторический период, всей культуре человечества грозит катастрофа. Остановка только за пролетариатом, т. е. в первую голову — за его революционным авангардом» [31]. По мнению Троцкого, такого авангарда не было. Его функции он предлагал взять на себя IV Интернационалу.

В общем, Троцкий исходил из ситуации, в которой жил последние десять лет. Она действительно была не из лучших в истории мирового капитализма. Острейший кризис на рубеже 20—30-х годов вверг капиталистическую экономику в хаос, из которого она выбиралась с колоссальными издержками, ценой отступления от многих капиталистических принципов, в частности за счет подключения государства, чрезвычайного наступления на интересы трудящихся масс. Тут было над чем задуматься и от чего прийти в уныние капитанам мирового капитализма. Но это вовсе не означало прекращения развития производительных сил всего человечества хотя бы потому, что существовал Советский Союз, где как раз со второй половины 30-х годов начался экономический подъем, да и в капиталистических странах худо-бедно удалось стабилизировать положение.

Это одна сторона вопроса. Другая заключалась в том, что между ухудшением экономического положения и развитием революционного процесса связь не пропорциональная. Ставить вопрос так, как его ставил Троцкий — без мировой социалистической революции человечеству каюк,— было по меньшей мере опрометчиво. Ведь даже такая чрезвычайная ситуация, в какой оказались народы Европы в конце первой мировой войны, не обернулась общеевропейской революцией. Да, революции в отдельных странах имели место, и всем тогда в руководстве РКП(б) и Коминтерна казалось, что вот-вот они охватят весь континент. Не охватили. Ленин из этого факта сделал надлежащие выводы, скорректировав теорию практикой, перестал ставить развитие событий в СССР в зависимость от революции на Западе. Троцкий этих выводов не принял. Переходная программа — тому свидетельство.

Второй тезис: «Народные фронты», с одной стороны, фашизм — с другой, являются последними политическими ресурсами империализма в борьбе против пролетарской революции». Отсюда такой посыл: «С исторической точки зрения оба эти ресурса представляют, однако, фикцию. Загнивание капитализма продолжается под знаком фригийского колпака во Франции, как и под знаком свастики в Германии. Только низвержение буржуазии может открыть выход» [32].

Эффектно, конечно, и, как всегда у Троцкого, ярко по форме. Ну а по содержанию? Абсолютная пустота. Я не говорю о его оценке народных фронтов. Об этом уже много сказано. Возьму самое,

казалось бы, неуязвимое для Троцкого: «...о низвержении буржуазии». Какой считающий себя революционером человек стал бы против этого возражать? Все дело в том, что далеко не вся буржуазия Франции и Испании была настроена враждебно к тактике антифашистских народных фронтов. Даже крупная буржуазия, не говоря уже о средней и мелкой. Фашизм устраивал лишь чрезвычайно тонкий слой финансовой буржуазии. На этом основании отлучать от борьбы против фашизма, от участия в Народном фронте всю буржуазию выглядело либо недальновидно, либо провокационно. Именно в последнем значении оценки Троцкого народных фронтов и воспринимались как их руководителями, так и рядовыми участниками. В конце концов де Голль никакого отношения к революции не имел, но именно он, как наиболее яркий представитель французской буржуазии, возглавил борьбу против фашизма в годы второй мировой войны и в этой борьбе во многом опирался на программные установки Народного фронта.

Третий тезис: «Стратегическая задача Четвертого Интернационала состоит не в реформировании капитализма, а в его низвержении. Политическая цель: завоевание власти пролетариатом в целях экспроприации буржуазии». Предлагалась и программа экспроприации: «1) мы отвергаем выкуп (капиталистических предприятий.— *Н. В.*); 2) предостерегаем массы от шарлатанов Народного фронта, которые, проповедуя национализацию на словах, остаются агентами капитала на деле; 3) призываем массы полагаться только на свою революционную силу; 4) связываем проблему экспроприации с вопросом о власти рабочих и крестьян» [33].

Вряд ли эта крайне левая, мало считавшаяся с условиями реалий классовой борьбы «программа-минимум» нуждается в особом комментарии. Ее пункты говорят сами за себя. Добавлю лишь, что всюду, где только рабочие пытались ими руководствоваться, их ждало фиаско и как следствие — разочарование в «революционных методах» троцкизма.

Четвертый тезис: «Революционная борьба против войны (имелась в виду грядущая мировая война.— *Н. В.*) ложится, таким образом, целиком на плечи Четвертого Интернационала». Троцкий считал, что II и III Интернационалы эту борьбу вести не способны из-за тенденции к «сговору» с империализмом.

Были пункты «антивоенной программы»: разоружение, нейтралитет, защита отечества. «Единственное разоружение, которое способно предотвратить или приостановить войну, это разоружение буржуазии рабочими. Но для разоружения буржуазии нужно, чтоб рабочие сами вооружились». Нейтралитет. «Пролетариат вовсе не нейтрален в войне между Японией и Китаем или Германией и СССР. Значит, защита Китая и СССР? Конечно, но только не руками империалистов (т. е. долой всякую дипломатию! — *Н. В.*), которые задушат и Китай и СССР». Защита отечества. «Под этой абстракцией,— считал Троцкий,— буржуазия понимает защиту ее барышей и грабежей. Мы готовы защищать отечество от чужих капиталистов, если свяжем своих собственных и помешаем им напа-

дать на чужие отечества» [34]. Предполагалось, что до тех пор, пока «не свяжут», никакой, естественно, защиты отечества быть не может.

Пятым тезисом, пожалуй, и закончу анализ Переходной программы: «Режим СССР заключает в себе... ужасающие противоречия. Но он продолжает оставаться режимом *переродившегося рабочего государства.* Таков социальный диагноз». Пожалуй, единственно верное положение. Но, на беду Троцкого, не он его автор. По крайней мере первым, кто указал на деформации рабочего государства, был Ленин. И указал именно в полемике с Троцким во время дискуссии о профсоюзах: «...государство у нас рабочее *с бюрократическим извращением,*— писал Ленин.— И мы этот печальный,— как бы это сказать? — ярлык, что ли, должны были на него навесить. Вот вам реальность перехода» [35].

К концу 30-х годов эта реальность стала более заметной, чем в начале 20-х. Троцкий ее констатировал: «Политический прогноз имеет альтернативный характер: либо бюрократия, все более становящаяся органом мировой буржуазии в рабочем государстве, опрокинет новые формы собственности и отбросит страну к капитализму, либо рабочий класс разгромит бюрократию и откроет выход к социализму» [36]. В то же время предложенный им выход лично у меня вызывает сомнения, во-первых, с точки зрения его достижимости, во-вторых, самого метода разрешения возникшего антагонизма.

«НОВЫЙ ТРОЦКИЗМ»

На пути к созданию IV Интернационала в книгах «Перманентная революция», «Сталинская школа фальсификаций», «История русской революции», «Преданная революция», «Их мораль и наша» и многочисленных статьях Троцкий формирует идейно-политическую платформу, которую И. Дейчер назвал «новым троцкизмом» [1].

Действительно, в сравнении с 20-ми годами в идейном багаже Троцкого появилось немало новых положений и установок. Не зря современные троцкисты считают, что идейный и политический облик нынешних группировок IV Интернационала во многом определяется тем, что они вышли из троцкизма 30-х годов.

Правда, они при этом делают вид, что недееспособность IV Интерационала 30—40-х годов, продлившаяся до конца 60-х годов, им либо неизвестна, либо оказалась следствием происков сталинистов. Не спорю, «происки» такие были. Руководство компартий в странах Западной Европы и Америки, где имелись троцкистские группы, вело против них активную идейно-политическую борьбу. И это в немалой степени способствовало тому, что троцкистам после второй мировой войны не удалось вернуться в коммунистическое движение.

Современные троцкисты, объясняя слабость IV Интернационала, ссылаются на то, что предвоенный период был слишком коротким, а годы войны прошли в экстремальных обстоятельствах. Поэтому-де IV Интернационал не смог себя проявить. Считаю это, мягко говоря, натяжкой. Троцкистский Интернационал успел продемонст-

рировать главное — до конца проявить расхождения собственных интересов с интересами народных масс, от имени которых он стремился выступать.

Сколько бы ни рассуждали троцкисты о кратковременности деятельности своих предшественников в 30—40-е годы, об отсутствии подходящих условий, чтобы проявились революционные возможности троцкизма, они не смогут опровергнуть очевидное: несостоятельность большинства предсказаний Троцкого о развитии мира в послевоенную эпоху, а значит, и «нового троцкизма».

Прежде всего не подтвердился прогноз Троцкого о начале «новой эры» всемирной истории в связи с приходом власти фашизма в Германии и в других странах. Народы мира не пожелали покориться фашистским захватчикам. Они включились в борьбу против них. В Европе, других частях света развернулось мощное национально-освободительное движение, переросшее в ряде стран в антифашистские, народно-демократические революции, которым в теории «перманентной революции» Троцкого не нашлось места.

Оказались несостоятельными предсказания Троцкого о неизбежной гибели СССР в военном столкновении с фашистской Германией. Советский Союз не только вышел победителем, но доказал призрачность надежд империализма в лице его наиболее крайней формы — германского фашизма и японского милитаризма — на возможность уничтожения СССР военным путем. Победа досталась дорогой ценой. Она могла быть гораздо меньшей, если бы не политика сталинской группы накануне и первом этапе войны. Тем не менее разгром германского фашизма, а затем японского милитаризма, решающий вклад в который внесли народы СССР, способствовал дальнейшим переменам в мире.

Не выдержали проверку временем европоцентристские концепции Троцкого, в которых мировой революционный процесс изображался как сугубо европейское дело, мало затрагивавшее интересы народов колоний и полуколоний. Подъем национально-освободительного движения (которому также не нашлось места в теории «перманентной революции»), привел к краху колониальной системы империализма.

Наконец, потерпели провал троцкистские концепции экспорта революции. Советская Армия не пошла дальше на Запад, ограничившись изгнанием фашистских захватчиков с оккупированных территорий граничивших с СССР стран Европы и обеспечением безопасности своих границ. В этом некоторые современные троцкисты усматривают негативную роль СССР, «задержавшего» развитие мировой революции. «После второй мировой войны занявший ключевое положение в истории Советский Союз,— заявляют бельгийские троцкисты,— имел прекрасную возможность использовать свои вооруженные силы против капиталистической системы» [2]. Не использовал. И, как говорится, хорошо сделал.

Некоторые троцкистские и буржуазные исследователи и сегодня считают, что троцкизм — это антисталинизм. И у нас в стране есть люди, которые разделяют эти взгляды. Некоторые из них считают,

что Троцкий не только предвидел перестройку, но едва ли не расписал ее программу по пунктам. «...В том, что Троцкий в общих чертах предугадал весьма далекую перспективу развития родины Октября, никаких сомнений у нас нет» [3],— считают В. Козлов и Е. Плимак. Есть и более прямолинейные суждения. Они принадлежат поклоннику Троцкого В. З. Роговину [4]. Итак, антисталинизм троцкизма. Осенью 1937 г. в связи с анализом итогов второго московского процесса над Радеком — Пятаковым и другими, Троцкий опубликовал ряд статей: «Начало конца», «Сталинизм и большевизм. К вопросу об исторических и теоретических корнях Четвертого Интернационала» и другие. Их лейтмотивом стала почти афористическая формулировка: «Сталинизм стал бичом Советского Союза и проказой мирового рабочего движения. В царстве идей сталинизм — ничто. Но зато это грандиозный аппарат, эксплуатирующий динамику величайшей революции и традицию ее героизма и победоносности. Из творческой роли революционного насилия в определенный исторический период Сталин, с отличающей его эмпирической ограниченностью, сделал вывод о всемогуществе насилия вообще». И затем: «Самые имена социализма и коммунизма жестоко скомпрометированы с того времени, как бесконтрольные жандармы, живущие по паспорту «коммунистов», наименовали социализмом свой жандармский режим. Отвратительная профанация! Казарма ГПУ — не тот идеал, за который борется рабочий класс» [5]. Сильно сказано. Попробуем вникнуть в рассуждения Троцкого повнимательней.

Сталинизм для Троцкого, во-первых, как ни парадоксально звучит,— это идеология безыдейной бюрократической касты, дорвавшейся до власти и поправшей элементарные нормы внутрипартийной, да и человеческой жизни. Во-вторых, возведение в абсолют «творческой роли» революционного насилия, что чревато далеко идущими последствиями. Мол, можно уничтожать «гидру контрреволюции» и попавшихся под руку комиссаров, как это делалось по распоряжениям Троцкого в годы гражданской войны, но надо знать меру. Сталин ее не знал. В-третьих, сталинизм не имел ничего общего с социализмом и тем более коммунизмом.

Трудно не согласиться с такими оценками. Так же как и с попытками Троцкого отделять сталинизм от предшествовавших ему «измов»: большевизма, ленинизма, наконец, троцкизма. Иначе говоря, выяснить доктринальные истоки сталинизма. Троцкий негодовал по поводу утверждений, раздававшихся из стана русской эмиграции, теоретиков II Интернационала, ренегатов комдвижения, вроде: «Сталинизм есть продолжение и вместе банкротство ленинизма», «Нельзя бороться против сталинизма, не отказавшись от большевизма». Он считал такие заявления результатом «бестелесных», т. е. не имевших связи с реальным историческим процессом, рассуждений. По его мнению, изображать вырождение Советского государства как эволюцию «чистого большевизма» означало игнорировать конкретную социальную действительность.

Да, рассуждал Троцкий, формально сталинизм вышел из боль-

шевизма. Сталинская бюрократия считала себя большевистской. Но она использовала большевизм, чтобы обманывать массы. Вот почему все те, кто отождествлял большевизм со сталинизмом, оказывал «лучшую услугу термидорианцам» и тем самым играл заведомо реакционную роль [6].

Запрещение большевиками других партий в первые послеоктябрьские месяцы ни в коем случае не соответствовало теории большевизма. Эта мера — вынужденная, принятая ради сохранения диктатуры пролетариата в отсталой и истощенной войной стране, окруженной врагами Советской власти. Большевики понимали, что эта мера, дополненная в самой партии запретом фракций, представляла величайшую опасность. Но она исходила не из доктрины и тактики большевизма, а из материальной слабости диктатуры, трудностей внутреннего и внешнего положения. «Если б революция победила хотя бы только в Германии,— констатировал Троцкий,— надобность запрещения других советских партий сразу отпала бы». После чего следовало замечание: «Что господство одной партии юридически послужило исходным пунктом для сталинской тоталитарной системы, совершенно неоспоримо. Но причина такого развития заложена не в запрещении других партий, как временной военной мере, а в ряде поражений пролетариата в Европе и в Азии» [7].

В качестве примера Троцкий сослался на его беседы с Лениным о возможности предоставить анархистам территории (с согласия местного населения) для проведения «безгосударственных опытов». Однако из этого ничего не получилось из-за гражданской войны, блокады страны и голода.

То же и с проблемой насилия, т. е. убеждения большевиками населения в необходимости проведения опытов с принуждением «нередко в самой суровой мере». «Бюрократия же монополизировала систему принуждения в своих руках. При чем тут большевизм?» — недоумевал Троцкий.

При таком ходе рассуждений очевиден вопрос: если большевикам приходилось вести себя в собственной стране, как в осажденной крепости, значит, что-то изначально ошибочное было заложено в большевизме как революционной теории и практике преобразования действительности. Возможно, поэтому его не приняли не только политические партии вроде эсеровской и меньшевистской, но и подавляющее большинство населения страны. Троцкий, конечно, на этот вопрос не отвечал. Да и что он мог ответить? Разве что перечислить «заслуги» большевистской партии перед «демократией» нового типа. А именно: она сочетала высшее революционное дерзновение с политическим реализмом; впервые сумела установить то соотношение между авангардом и классом, которое способно обеспечить победу; доказала, что союз пролетариата с угнетенными массами деревенской и городской мелкой буржуазии возможен только путем политического ниспровержения традиционных партий мелкой буржуазии; показала всему миру, как совершается вооруженное восстание и захват власти; доказала, что только благодаря

руководству большевиков Советы поднялись из реформистского болота на уровень государственной формы пролетариата; осуществила правильное сочетание военного искусства с марксистской политикой в гражданской войне. «Если б сталинской бюрократии удалось даже разрушить экономические основы нового общества,— писал Троцкий,— опыт планового хозяйства, проделанный под руководством большевистской партии (когда он входил в ее руководство.— *Н. В.*), навсегда войдет в историю, как величайшая школа для всего человечества» [8].

Несомненно, войдет. Но какой опыт? Тот, что описан Троцким, представлял собой опыт подготовки и совершения Октябрьского вооруженного восстания. Это во-первых. И во-вторых — организации народного хозяйства в условиях гражданской войны, т. е. периода «военного коммунизма». Посленэповский период имел малое отношение к описанию деятельности большевистской партии. И совсем не похож на период «военного коммунизма». (Опыт именно этого периода, как мне представляется, важен для нас сегодня.— *Н. В.*) Об этом у Троцкого ни слова. Откровенно говоря, откуда этим словам было взяться, если Троцкий нэп так и не принял ни в экономике, ни тем более в политике.

И еще одна причина вырождения правящей ВКП(б) при господстве сталинской группы. Эта группа подменила теорию большевизма-ленинизма «эмпирическим сталинизмом». «Бернштейн не смел и наполовину идти так далеко, как Сталин в ревизии Маркса»,— процитировав это положение американского социалиста Листона Оака, Троцкий заметил: «Это совершенно правильно. Нужно только прибавить, что у Бернштейна действительно были теоретические потребности: он добросовестно пытался установить соответствие между реформистской практикой социал-демократии и ее программой. Сталинская же бюрократия не только не имеет ничего общего с марксизмом, но и вообще чужда какой бы то ни было доктрине или системе. Ее «иделогия» проникнута насквозь полицейским субъективизмом, ее практика — эмпиризмом голого насилия. По самому существу своих интересов каста узурпаторов враждебна теории: ни себе, ни другим она не может отдавать отчета в своей социальной роли. Сталин ревизует Маркса и Ленина не пером теоретиков, а сапогами ГПУ» [9].

Ничего не скажешь. Жаль только, что дальше гневливых фраз и ярлыковой критики «эмпирического сталинизма» Троцкий не пошел. И, думается, сделал это не случайно. Ему нужно было смягчить отделение от сталинизма уже не большевизма-ленинизма, а «аутентичного преемника» большевистско-ленинских идей и практики — троцкизма.

Критикуя лидера социалистической партии США Нормана Томаса, заявившего, что «мало оснований думать, что, если б Троцкий выиграл вместо Сталина, наступил бы конец интригам, заговорам и царству страха в России», Троцкий мрачно заметил: «Норман не понимает, что дело идет не о матче между Сталиным и Троцким, а об антагонизме между бюрократией и пролетариатом».

И чтобы такие, как Томас и ему подобные, не сомневались в несовместимости сталинизма и троцкизма, Троцкий принялся перечислять заслуги большевиков-ленинцев, к которым относил себя и своих сторонников. Большевизм внес «драгоценный» вклад в марксизм своим учением об империалистской эпохе как эпохе войн и революций; анализом буржуазной демократии в эпоху загнивания капитализма; определением роли партии, Советов и профсоюзов в эпоху пролетарской революции; разработкой теории государства; переходной экономики; фашизма и бонапартизма эпохи капиталистического упадка; наконец, изучением условий перерождения самой большевистской партии и Советского государства. «Пусть назовут другое течение, которое прибавило что-либо существенное к выводам и обобщениям большевизма» [10],— горделиво писал Троцкий.

Не часто приходится наблюдать, как основатель одного из «измов», не стесняясь, расхваливал себя, прославлял дело собственных рук, точнее — головы. В этом убеждает заключительный аккорд анализа Троцким сталинизма. «Серьезное отношение к теории, вместе со всей традицией Маркса и Ленина, усвоили себе только строители Четвертого Интернационала. Пусть филистеры усмехаются над тем, что через два десятилетия после Октябрьской победы революционеры снова отброшены на позиции скромной пропагандистской подготовки». Это временно. «Жгучая историческая потребность в революционном руководстве обещает Четвертому Интернационалу исключительно быстрые темпы роста. Важнейшей гарантией его дальнейших успехов является то обстоятельство, что он сложился не в стороне от большой исторической дороги, а органически вырос из большевизма» [11].

Не спорю. Послеоктябрьский троцкизм и наследовавший ему «эмпирический сталинизм» выросли из большевизма «эпохи войн и революций». В их основе лежала военно-коммунистическая идеология и практика. Она могла временами обретать менее острые и агрессивные формы, выступать в роли реформистской программы. Но в ней неизменными оставались: ставка на экономический и политический монополизм; предпочтение принуждения убеждению; приверженность доктринерству перед творческим развитием теории. Напрасно Троцкий обвинял Сталина в эмпиризме. В этом он сам мог бы дать фору не только «необразованному грузину», но и более просвещенным представителям коммунистического движения. Проиллюстрирую этот вывод.

После ленинградского процесса над Зиновьевым и Каменевым в январе 1935 г. Троцкий опубликовал статью «Рабочее государство, термидор и бонапартизм. (Историко-теоретическая справка)». В ней он в очередной раз (за последние пять-шесть лет) вернулся к теме перерождения Октября и Советской власти под воздействием сталинской бюрократии. Отметив, что термидор был актом реакции на социальном фундаменте революции, Троцкий сделал вывод, что нынешний СССР мало похож на Советскую Республику, о которой Ленин писал в 1917 г. (видимо, имелась в виду работа «Государство

и революция»). А именно: отсутствие постоянной бюрократии и армии, сменяемость всех выборных лиц, контроль масс, невзирая на лица, и т. д. Уточню, этого не было в пору деятельности Ленина и активно помогавшего ему Троцкого. Собственно, этого и нельзя было достичь, поскольку такой взгляд — социальный утопизм, как говорится, в дистиллированном виде. Тем не менее, несмотря на бюрократическое перерождение СССР, Троцкий продолжал считать его историческим орудием рабочего класса, поскольку он обеспечивал развитие народного хозяйства и культуры на основе национализированных средств производства и способствовал «эмансипации трудящихся путем ликвидации бюрократии и социального неравенства».

Иначе говоря, Троцкий стойко держался общепринятого в классическом марксизме критерия социалистичности: уровня обобществления средств производства и производительных сил, невзирая на то, становилось ли это обобществление благом для трудящихся или нет. Важно, чтобы оно было, а там хоть трава не расти. Характерно, что сам же Троцкий в своей статье, опровергая обоснованность такого критерия, даже не заметил этого. Анализируя причины советского бюрократизма, пути его преодоления, он показал, что одной национализацией или огосударствлением народного хозяйства не обойтись. Бюрократизм в СССР был продуктом социальных противоречий между: городом и деревней; пролетариатом и крестьянством; национальными республиками и областями; группами крестьянства и группами пролетариата; разными группами потребителей; наконец, Советским государством и капиталистическим окружением. Бюрократия регулировала эти противоречия, которые особенно усилились с переводом всех отношений на денежный расчет.

Свою функцию она использовала для укрепления собственно государства, тем самым накопляя и подготавливая новые противоречия, эксплуатируя которые создавала режим «бюрократического абсолютизма». Это анализ в масштабах всего общества.

Свой срез проблема бюрократизации имела и на микроуровне. В недрах бюрократии происходил отбор командной группы. Потребность в строгой дисциплине внутри нее вела к единоначалию, которое перерастало в непогрешимость, вождизм. Такой порядок установился от ЦК и ВЦИКа до завода, колхоза, университета: вождь с дружиной верных ему лиц впереди, как красный командир на боевом коне, остальные следуют за ними. Троцкий считал, что Сталин по природе своей не мог быть вождем масс: он был вождь бюрократических «вождей», их увенчание, их персонификация. Насколько это верно видится особенно в наши дни, когда мы имеем опыт правления не только бюрократического «дяди» Сталина, но и близкого ему в этом «племянника» — Брежнева.

Исходя из этого анализа, Троцкий сделал рубежный в смысле характеристики социально-политической эволюции платформы левой оппозиции вывод: «Термидор Великой российской революции не впереди, а уже давно позади. Термидорианцы могут праздновать

примерно десятую годовщину своей победы». И затем: «Нынешний политический режим СССР есть режим «советского» (или антисоветского) бонапартизма, по тону своему ближе к империи, чем к консульству». Но тут же, как бы опровергая сказанное, добавляет: «По своим социальным основам и хозяйственным тенденциям СССР продолжает оставаться рабочим государством» [12].

Вот так, на одной странице, нагромождение несовместимых, не стыкующихся между собой умозаключений. Ясно одно, что ни у Маркса с Энгельсом, ни у Ленина не было ответов на те сложнейшие вопросы, которые поставила перед ВКП(б), советским обществом наша история конца 20 — середины 30-х годов. Мы видим, что и до сих пор на некоторые из них нет ответа. Кто может поручиться, что ответы будут найдены?

Троцкий был не согласен с утверждением официальной пропаганды тех лет о том, что социализм в СССР в основном построен. Ведь классы продолжали существовать, социальное и материальное неравенство между бюрократией и трудящимися нарастало. Революционный интернационализм был заменен культом родины в духе «квасного патриотизма». Введены чины, ордена, титулы. В армии восстановлена «офицерская каста» во главе с маршалами. Старые рабочие-каммунисты оттерты на задний план, а сам рабочий класс стремительно расслаивался. Ставка бюрократии шла на «беспартийного большевика» — рабочего-стахановца, т. е. на «рабочую аристократию», на мастера, специалиста и администратора. Восстанавливалась старая мелкобуржуазная семья, которая идеологизировалась самым мещанским образом.

Не забыл Троцкий даже о том, что в стране запретили аборты, что, по его мнению, в тяжелых материальных условиях, при примитивности культуры и гигиены означало «закабаление женщины» и возврат к дооктябрьским временам. Отменен декрет революции о новой школе, и она была реформирована по образцам царской России, введена форма для учеников (не только, чтобы сковать независимость школьников мундиром, но и вне школы облегчить слежку за ними). Распущены общество старых большевиков и общество политкаторжан. В экономике шел резкий курс вправо: восстанавливался рынок, денежный расчет, сдельная зарплата. От административного уничтожения классов сталинское руководство перешло к ставке на зажиточных. В стране огромное количество проституток. Наконец, государство не только не отмирало, но укрепило свои функции, в первую очередь карательные.

Такова мрачная картина советской действительности, представлявшая набор признаков, которые, по мнению Троцкого, свидетельствовали об окончательном отходе сталинской группы от завоеваний Октября. Что на это можно сказать? Видеть перерождение Советской власти в возврате к нормальным семейным отношениям, введении военных чинов, званий и школьной формы, в поощрении роста производительности труда по меньшей мере значило выглядеть чудаком, очень оторвавшимся от этой жизни.

Посерьезнее выглядели упреки Троцкого в восстановлении в

конце 20 — начале 30-х годов, во время «левого виража» Сталина, «нэповской практики». Кавычки здесь, потому что подлинно нэповской в ее ленинском значении она так и не стала. Но эти упреки можно скорее отнести в актив Сталину. Потому что до него дошло, что, опираясь исключительно на военно-коммунистические принципы и методы организации народного хозяйства, далеко не уедешь. Жизнь, как ее ни ломай в угоду казарменно-коммунистическим идеалам, кстати, во многом подсказанным и Троцким, брала свое. А его упреки свидетельствовали о том, что, несмотря на его непримиримость к Сталину и сталинизму, он недалеко ушел от них.

Рассмотрим критику Троцким другой стороны сталинской политики, его репрессивной практики.

Троцкий считал, что, несмотря на продолжавшееся удаление СССР от социализма, жизненный уровень масс, и в первую очередь рабочего класса, повышался. Естественно предположить, что в отношении рабочего класса, особенно той его части, которая вновь пополнила его ряды, улучшение было, так как именно они составляли главную социальную опору Сталина и его группы. Об этом писал и Троцкий, считая, что улучшение материального состояния придавало рабочим большую уверенность в себе, что вело не к ослаблению, а к укреплению позиций бюрократии.

Троцкий, как и Сталин, всегда был непримиримым противником самодеятельности масс. Для него и в 20-е и в 30-е годы «управлять» было тождественно «командовать». Потому такой куцей выглядела критика им командно-административных перекосов Сталина. Он громил его только за то, что Сталин оттер от «кормушки» самого Троцкого с его многочисленной командой.

С 1936 г., когда Троцкий начал работу над «Преданной революцией», он неоднократно заявлял, что государственная собственность не есть еще социалистическая. Потому что она «предполагает отмирание государства, как сторожа собственности, смягчение неравенства и постепенное растворение самого понятия собственности в нравах и привычках общества» [13].

Для Троцкого, как и для Сталина, строительство социалистического общества свелось к последовательному уничтожению разнообразных форм собственности, сведению их к единой государственной как шагу на пути к социализму, а затем уничтожение и этой формы, что, по Троцкому, означало «окончательную победу социализма», а по Сталину,— достижение более высокой стадии — коммунизма. При этом оба считали, что опираются на традиции марксизма.

В заметках «Продолжает ли еще Советское правительство следовать принципам, усвоенным 20 лет тому назад?», опубликованным в 1938 г., Троцкий писал: «Сохранение государственной собственности на средства производства имеет само по себе огромное прогрессивное значение, так как позволяет, при помощи планового хозяйства, достигать быстрого развития производительных сил».

Именно благодаря этому фактору Советский Союз смог достичь таких максимальных темпов развития, каких, считал Троцкий, не знала никакая другая страна в мире. В развитии производительных сил и неуклонном повышении «власти» человека над природой Троцкий видел основной фактор человеческой культуры. Это с одной стороны. А с другой — решающую предпосылку уничтожения власти человека над человеком. «Социализм,— писал он,— нельзя воздвигнуть на отсталости и нищите. Техническая предпосылка социализма сделала за эти 20 лет в Советском Союзе огромный шаг вперед» [14].

Яснее не скажешь. Правда, эти достижения, отмечал Троцкий, были достигнуты трудом народа и могли быть еще большими, если бы не томозящая роль бюрократии. Будущее социалистическое хозяйство по своей природе должно руководствоваться интересами производителей и потребителей. Эти интересы могут выражаться только через развернутую демократию производителей и потребителей. Вот почему без демократии немыслима подготовка и построение социалистической системы хозяйства. Сталинская бюрократия заменила советскую, партийную, профессиональную и кооперативную демократию. Этим она, казалось бы, обезопасила собственное существование, но и поставила себя в крайне опасное положение. Потому что из каких бы гениев ни состояла правящая верхушка, она не в состоянии что-либо решить без канцелярий, потому что неизбежны просчеты в организации хозяйства, так как охватить все немыслимо. Отсюда возникавшие явления диспропорции, расточительности, путаницы, которые все более нарастали, грозя подорвать сами основы планового хозяйства. Этим обусловлен поиск бюрократией «виновного». Отсюда и сокровенный смысл советских судебных процессов против саботажников.

Режим, установившийся в стране, объяснять лишь властолюбием Сталина и его приближенных абсурдно, считал Троцкий. Сталин был не лицом, а скорее символом касты. Власть не бестелесное явление. Она позволяет распоряжаться материальными ценностями и присваивать их себе. Конечно, считал Троцкий, полного равенства одним скачком достичь нельзя. Нужна была определенная дифференциация в зарплате, обусловленная уровнем развития производительных сил. «Решающее значение для оценки природы общества,— писал он,— имеет, однако вопрос: развивается ли оно в сторону равенства или в сторону привилегий?» Советское общество развивалось рывками из одной стороны в другую, хотя бюрократии удавалось почти всегда оставаться в выигрыше. В середине 30-х годов она, по подсчетам Троцкого, поглощала примерно половину национального дохода страны. Сюда, по его мнению, входили не только жилища, пища, одежда, средства передвижения и связи, но и духовные компоненты: учебные заведения, пресса, литература, спорт, кинематограф, радио, театры, музеи и проч. «Мы можем, следовательно, с полным правом сказать, что, хотя бюрократия и вынуждена еще приспособляться к учреждениям и традициям Октябрьской революции,— итожил свой анализ Троцкий,— ее полити-

ка, выражающая ее собственные интересы, прямо противоположна интересам народа и социализма» [15].

У Троцкого в анализе советского бюрократизма есть много ценных, сохраняющих свою актуальность наблюдений и обобщений. Сложнее и запутаннее в «новом троцкизме» обстояло дело с ответом на вопрос, как покончить с бюрократическим перерождением. Тут возник любопытный поворот в троцкистской трактовке природы бюрократизма и советского общества в целом.

Государственная собственность, как писал Троцкий, являла несомненный прогресс в развитии производительных сил и производственных отношений. Но ее функционирование немыслимо без бюрократии, которая как раз и сдерживала прогресс в СССР. Как выйти из этого противоречия?

Троцкий пытался разрешить названное противоречие чисто умозрительно: выдвинул положение о двойственной природе советской бюрократии (а значит, и государства). Получалось как в сказке с тремя богатырями. От государственной собственности можно как от камня на дороге: пойти направо и прийти к восстановлению капитализма, если двинуть налево — там тебя ждал социализм. Выбор зависел от того, как поведет себя бюрократия или, точнее, насколько свободно ей позволит действовать пролетариат.

Сталинская группа служила бюрократии. Именно поэтому она служила и мировой буржуазии. Выполняя эту функцию, Сталин одновременно должен был охранять социальный фундамент, который она эксплуатировала в своих интересах. Поэтому он вынужден был защищать национализированную, т. е. государственную, собственность от слишком нетерпеливых и жадных слоев самой бюрократии, мечтавшей превратить ее в буржуазную. В этом состоял предел, дальше которого идти в угоду бюрократии Сталин не мог, не рискуя собственным положением.

Точно так же имела пределы служба Сталина мировой буржуазии. Гитлер тоже служил ей. Но между ними была существенная разница. «Гитлер защищает буржуазные формы собственности,— уточнял Троцкий,— Сталин приспособляет интересы бюрократии к пролетарским формам собственности». Тот же Сталин на буржуазной почве, например в Испании, выполнял функцию служения мировой буржуазии сугубо «по-гитлеровски». Различие в исполнении одной и той же функции в рабочем и буржуазном государствах показывало, что бюрократия не самостоятельный класс. Она — орудие в руках других классов. Отчего было бы опрометчиво выяснять природу государства по поведению бюрократии: добродетельно или подло.

Такая, казалось бы, внешняя несуразность применительно к СССР имела, по мнению Троцкого, конкретную социально-экономическую базу. Она свелась к тому, что пролетариат в СССР был «господствующим и вместе угнетенным классом». Потому что господствовал в отсталой стране. К тому же орган господства пролетариата оставался тем же — государство, которое одновременно оказывалось и органом давления империализма через бюрократию на

советский пролетариат. В результате господство советского пролетариата, деформированное отсталостью и бедностью страны, деформировалось вдвойне и втройне.

Тем не менее это не означало, что в историческом масштабе борьба развертывалась между пролетариатом и бюрократией. Главное противоборство, с точки зрения характера эпохи, развернулось между пролетариатом и мировым империализмом. Бюрократия в СССР выступала только в качестве передаточного механизма этого противоборства. Процесс не окончен. Он развивается неоднозначно, поскольку, несмотря на весь консерватизм сталинской политики, мировой империализм Сталину не доверял и готов был при удобном случае свергнуть его господство. «Буржуазии фашистской, как и демократической, мало отдельных контрреволюционных подвигов Сталина,— писал Троцкий,— ей нужна законченная контрреволюция в отношениях собственности и открытие русского рынка. Пока этого нет, она считает советское государство враждебным ей. И она права».

В результате господство пролетариата в СССР носило урезанный характер. «Можно с полным основанием сказать, что пролетариат, господствующий в одной, отсталой и изолированной стране, все еще остается угнетенным классом. Источником угнетения является мировой империализм; передаточным механизмом угнетения — бюрократия. Если в этих словах: «Господствующий и в то же время угнетенный класс» — есть противоречие, то оно вытекает не из ошибок мысли, а из противоречия в самом положении СССР. Именно поэтому мы и отрицаем теорию социализма в отдельной стране» [16].

Не спасают положения и заключительные рассуждения Троцкого: «Признание СССР рабочим государством — не типом, а искажением типа — вовсе не означает теоретической или политической амнистии по отношению к советской бюрократии. Наоборот, ее реакционный характер полностью раскрывается в свете противоречия между ее антипролетарской политикой и потребностями рабочего государства. Только при такой постановке вопроса наше разоблачение преступлений сталинской клики приобретает движущую силу» [17].

Опыт СССР 30-х годов, по Троцкому, показал, как велики возможности, заложенные в рабочем государстве, и как велика сила его сопротивления капиталистическому перерождению. Опыт показал и другое: силу давления империализма и его «бюрократической агентуры», трудности пролетариата в борьбе с ней за свое полное освобождение и как важно IV Интернационалу вести воспитательную работу по закалке своих кадров. «Защита СССР,— писал Троцкий,— включает в себя не только беззаветную борьбу против империализма, но и подготовку низвержения бонапартистской бюрократии» [18].

Этот постулат «нового троцкизма» повлек за собой другой, не менее важный тезис о необходимости осуществления в СССР политической революции. Троцкий его варьировал на разные лады

начиная примерно с середины 1935 г., пока не дал ему в книге «Преданная революция» законченную трактовку: «Речь идет не просто о замене одной правящей группы другой, а об изменении самих методов руководства экономикой и культурой... Нужна вторая революция» [19].

Троцкий разработал развернутую программу политической революции. Она включала в себя следующие положения: «Бюрократическое самовластье должно уступить место советской демократии. Восстановление права критики и действительной свободы выборов есть необходимое условие дальнейшего развития страны. Это предполагает восстановление свободы советских партий, начиная с партии большевиков, и возрождение профессиональных союзов. Перенесение на хозяйство демократии означает радикальный пересмотр планов в интересах трудящихся. Свободное обсуждение хозяйственных проблем снизит накладные бюрократических ошибок и зигзагов. Дорогие игрушки — Дворцы Советов, показные метрополитены — потеснятся в пользу рабочих жилищ. «Буржуазные нормы распределения» будут введены в пределы строгой необходимости, чтоб, по мере роста общественного богатства, уступать место социалистическому равенству. Чины будут немедленно отменены, побрякушки орденов поступят в тигель. Молодежь получит возможность свободно дышать, критиковать, ошибаться и мужать» [20].

Именно с этой программой солидаризировались В. Козлов и Е. Плимак, усмотрев в ней признак провидческого дара Троцкого. Но они не стали разбирать пункты троцкистской программы. А зря. Потому что после такого разбора даже самые рьяные поборники политической революции по Троцкому поостереглись бы от категорической ее поддержки.

В самом деле, кто стал бы возражать против того, чтобы бюрократическое самовластье уступило место советской демократии, или против права критики, свободы выборов, возрождения профессиональных союзов или перенесения демократии на хозяйство? Думаю, никто. Но ведь никто не возражал против этого и в 30-е годы. Достаточно взять подшивки газет «Правда», «Известия», «Труд», чтобы убедиться в том, что пункты программы «политической революции» находились в повседневной обойме советских средств массовой информации. Они были общим местом, рассматривались гениальным открытием. Другое дело, что дальше благих пожеланий советских властей дело не шло, но ведь и Троцкий нигде на практике не мог реализовать свои требования. Это один аспект.

Был и другой — касавшийся того, что понимал Троцкий под «буржуазными нормами распределения». Меня, например, удивило, что обычно относящийся с такой тщательностью к определениям понятий и категорий Троцкий поставил этот вопрос в самом общем виде, без детального вскрытия. Может, сознательно не хотел углубляться? Ведь тогда пришлось бы объяснять, от чего следовало отказаться, самого принципа распределения по труду, который (исходя из своей природы) означал невозможность утверждения полного социального равенства, так как труд для каждого оплачи-

вался по-разному. Или о привилегиях бюрократии, которые заметно отличали ее жизнь от жизни рабочего класса? Нормальным было бы не понижать этот уровень жизни через перераспределение, а подтягивать до него другие социальные группы.

Короче говоря, какой бы из предложенных Троцким вариантов отказа от буржуазных норм распределения ни взять, он означал возврат к милой сердцу Троцкого, как и любого «военного коммуниста», уравниловке.

Мне представляется ложным сам посыл Троцкого о буржуазной природе советской бюрократии. Это особенно видно с высоты современного опыта. Ни тогда, в 30-е, ни сегодня, в 90-е годы, бюрократия не могла исполнять даже в деформированном виде проимпериалистическую функцию. Это противоречило бы самой ее сущности, рубило тот сук, на котором держалось все ее политическое и материальное благополучие: огосударствление всех сфер жизнедеятельности общества. В защите и отстаивании этой бывшей до недавнего времени общепризнанной, в том числе и самим Троцким, «ценности» социализма кровно заинтересована бюрократия.

Наконец, еще один аспект. Если Троцкий действительно высказался за восстановление советских партий, то этим показал, что он не столько борец против сталинизма, сколько ревизионист троцкизма 20-х годов. Да и то, как мне кажется, ревизионист трусливый, который, как и Сталин, в борьбе против бюрократизма не шел дальше словестных деклараций. Если он и хотел восстановления партий, то, конечно, не меньшевистской и эсеровской, к разгрому которых имел самое непосредственное отношение. Что касается призыва к восстановлению большевистской партии, то в предыдущих главах я показал на конкретных примерах: Троцкий имел в виду под «большевистской партией» левую оппозицию, которую до конца дней своих считал наследницей традиций большевистской партийности.

Итак, есть ли в троцкистской программе политической революции такое, что было бы новым словом в революционной теории и практике, с чем можно солидаризироваться, не боясь, чтобы тебя заподозрили в приверженности казарменно-коммунистическому социализму? На мой взгляд, троцкистская концепция политической революции в СССР представляла смесь разнообразных, нередко взаимоисключающих положений. Требования либерального толка сочетались с принципами «военного коммунизма», восходившими к традициям милитаристского социализма. С точки зрения политической это была программа не столько разбюрократизации СССР, сколько борьбы за возвращение на политическую арену страны левой оппозиции, а вместе с ней отвергнутой XV съездом ВКП(б) и VI конгрессом Коминтерна идейно-политической платформы троцкизма 20-х годов. Ее автор, борясь против Сталина, один «изм» — сталинизм пытался подменить другим — столь же чуждым посленэповскому социализму,— троцкизмом.

Этот вывод подтверждается анализом интернационалистской стороны программы троцкистской политической революции: «Бо-

лее, чем когда-либо, судьба Октябрьской революции сегодня связана с судьбой Европы и мира,— писал Троцкий в «Преданной революции».— Проблемы СССР решаются на Иберийском полуострове, во Франции, в Бельгии. В момент, когда появится в свет эта книга, ситуация будет, вероятнее всего, намного яснее, чем в дни гражданской войны под Мадридом. Если советская бюрократия достигнет успеха и с помощью вероломной тактики «народных фронтов» предотвратит победу реакции во Франции и Испании... СССР окажется на краю пропасти, а буржуазная контрреволюция в нем будет поставлена в повестку дня гораздо быстрее, чем рабочим удастся подняться против бюрократии. И наоборот. Если, несмотря на саботаж реформистов и «коммунистических» вождей, пролетариат Запада расчистит путь к власти, новая страница, откроется в истории СССР. Первая же революционная победа в Европе произведет на советские массы действие, подобное электрическому шоку, они воспрянут, обретут надежды на независимость, оживут традиции 1905 и 1917 гг., ослабнут позиции бюрократии, IV Интернационал обретет не меньшее значение, чем III, в деле победы Октябрьской революции. Для первого рабочего государства, для будущего социализма нет избавления, кроме как стать на этот путь» [21].

Политическая революция в СССР была провозглашена Троцким составным звеном всемирного революционного процесса. Теперь, по его терминологии, мировая революция должна была складываться из двух элементов: пролетарских революций в капиталистических странах и политической революции в СССР. В зависимости от остроты ситуации на международной арене, развития революционной борьбы в отдельных странах в качестве приоритетного элемента мировой революции выдвигались то революции в капиталистических странах, то политическая революция в СССР, а после второй мировой войны — в странах Восточной Европы.

В 30-е годы с точки зрения почина мировой революции Троцкий отдавал предпочтение революционным событиям в странах Западной Европы, в особенности во Франции и Испании. Он считал, что главный ключ к внутреннему положению Советского Союза находился уже вне Советского Союза, в руках западного пролетариата. И если он уступит европейскому фашизму, «одинокое и глубоко переродившееся рабочее государство долго не продержится».

К концу 30-х годов надежду на начало политической революции в СССР Троцкий связывал с начавшейся второй мировой войной. В одобренном чрезвычайной конференцией IV Интернационала в мае 1940 г. манифесте «Империалистическая война и пролетарская революция», который написал Троцкий, были и такие призывы: «Подготовка революционного низвержения правящей московской касты есть одна из центральных задач Четвертого Интернационала. Это не простая и не легкая задача. Она требует героизма и жертв» [22].

Спрашивается, чем же троцкизм стал бы отличаться от сталинизма, обезглавившего к началу мировой войны Красную Армию, если этот пункт манифеста удалось бы претворить на практике? Тем, что

в нем вместо военачальников предлагалось уничтожить правительство, и это в момент, когда мировая война уже началась? За что ж тогда укорять Сталина в бесчеловечности, если он, не дожидаясь, пока эти планы станут реальностью, распорядился устранить их инициатора? Разумеется, возможности для уничтожения Сталиным и Троцким друг друга были совершенно разными. Угрозы Троцкого мало чем отличались от комариных укусов. Но неизвестно, как бы поступил он со своим врагом, если бы располагал равными с ним возможностями. То, что не пожалел бы,— это факт. Убил не убил, тут можно только гадать. Но по своим внутренним, человеческим качествам они друг друга стоили.

Под стать этому морализаторству были и практические предложения Троцкого. Раз мировая революция неизбежна, то незачем крепить обороноспособность страны и уж тем более ее границы. «Границы СССР — только временные траншеи классовой борьбы,— писал Троцкий в 1936 г.— Они не имеют даже национального оправдания». После чего следовало обобщение: «Границы всех государств — только оковы производительных сил. Задача пролетариата — не охранение статус-кво, т. е. не увековечение границ, а, наоборот, их революционное упразднение с целью создания Социалистических Соединенных Штатов Европы и всего мира». Для реализации этой цели необходимо было, чтобы «сам Советский Союз освободился от господства консервативной бюрократии, с ее религией «социализма в отдельной стране» [23].

Как все это должны были воспринимать сталинисты и фашисты? Любопытный эпизод произошел в Берлине в канун мировой войны, когда французский посол в Германии Р. Кулондр посетил Гитлера. Фюрер хвастался преимуществами, полученными из пакта Риббентропа — Молотова, и предсказывал Германии великие победы. Слушая его, Кулондр осторожно заметил: «Вы думаете о себе, как о победителях, но подумали ли вы о другой возможности — что победителем может оказаться Троцкий?» Гитлер вскочил и, сорвавшись на крик, заявил, что угроза победы Троцкого стала еще одной причиной, по которой Франция и Англия не должны были воевать против Германии [24].

Все это выглядело почти анекдотично: что им всем Троцкий, одинокий, забытый отшельник, живший в далекой Мексике? Тем не менее почему-то вспомнили. И именно в связи со Сталиным и с заключенным германо-советским договором.

Разумеется, от Сталина не укрылся главный смысл «нового троцкизма». Однако для его идейного развенчания вождю нечего было противопоставить. Исповедовавшаяся им концепция социализма была крайне далека от ленинской. Сталин на практике реализовал установки Троцкого 20-х годов — создал командно-административную систему, опиравшуюся на насилие и репрессии, на внеэкономическое принуждение, свертывание социалистического принципа распределения «От каждого — по способностям, каждому — по труду», ограничение экономических рычагов в управлении народным хозяйством, насаждение культа личности и другие.

В результате в идейном отношении критика Сталиным Троцкого свелась к войне цитат, навешиванию ярлыков, обвинениям в шпионаже, диверсиях, вредительстве. А в организационном — к физической расправе над всеми, кто подозревался в принадлежности к троцкизму, в том числе и к расправе над их идейным вдохновителем.

* * *

Троцкий часто рассуждал о трагизме бытия. Его некрологи и воспоминания о многих политических деятелях неизменно выходили на тему трагедийности. О себе он любил говорить: «Я не знаю личной трагедии».

Эта особенность характера сближала Троцкого с такими известными, как Ницше, и менее известными, как Штирнер, представителями индивидуалистической философии «бури и натиска». Как мне представляется, будучи скованными в реальной жизни, ограниченные в возможности самовыражения, отчего страдали комплексом неполноценности, они раскрепощались в мыслях, в собственных переживаниях и представлениях о самих себе как о сверхчеловеке.

Вслед за Троцким трагизм в его жизни искали и другие. Например, автор краткого предисловия «Дневников и писем» Троцкого — А. Авторханов. Он считает его самой трагической фигурой. Правда, суживает рамки трагедии до пределов русской революции, не уточняя, какой из трех.

Трудно согласиться с такой трактовкой. Особенно если учесть, что Авторханов представлял трагизм Троцкого не в том, что тот стал свидетелем гибели идеалов революции, друзей и единомышленников, сколько в том, что он не понял, чьей оказался жертвой: кремлевской бюрократии и мстительного Сталина или той самой террористической системы диктатуры, которую вместе с Лениным создал в октябре 1917 г.

Ну а прав ли Троцкий, подчеркивая отсутствие в своей судьбе личной трагедии? Возможно, и прав, если иметь в виду, что он был не только деятелем, но и представителем того поколения, на долю которого выпали не одна, как пишет Авторханов, а целых три русских революции, мировая война, самая истребительная из всех, какие до того времени пережило человечество. Наконец, не менее отвратительная, чем мировая, своей бессмысленной жестокостью и ничтожностью результата, братоубийственная гражданская война. Но это уже судьба не одного, а нескольких поколений, целого народа. В таком случае трагедия ли это одного лица? Так что поставленная в конкретный исторический контекст фраза Троцкого, которой он хотел придать глубинный, провидческий смысл, не более чем обычная для него игра в слова.

Ничего не меняется и на заключительном этапе политической деятельности Троцкого, в роковые для него 30-е годы, завершившиеся его злодейским убийством. В это десятилетие разрыв Троцкого с людьми его поколения, не говоря уже о России, ее народе, значите-

льно углубился. Личностный фактор на этом этапе его деятельности выступает на передний план особенно наглядно.

Конечно, третье десятилетие XX в. в жизни Троцкого — не выдумка. Оно — реальность, такая же, как и для тех миллионов советских людей, которые остались в СССР и не могли открыто вести борьбу против Сталина, как это делал Троцкий.

Наконец, убийство Троцкого скорее было — да простится, если можно, мне такое — самоубийством Сталина. Он надеялся, что с физической смертью Троцкого исчезнет носитель тех идей и принципов, которые непоследовательно, но все-таки проводились им в СССР. Поэтому трагедия Троцкого, если отвлечься от реальной личности и взглянуть на проблему масштабнее, под тем углом зрения на нее, какой и пытался задать сам Троцкий, оказывается трагедией не только его, но и его убийцы. Нет, не исполнителя, а именно убийцы — Сталина. А трагедия троцкизма — это и трагедия сталинизма. Только настигла она каждый «изм» в разное время. С троцкизмом многое стало ясно уже тогда, в 30-е годы. Со сталинизмом проясняется лишь сегодня. Но очевидно, что ни троцкизм, ни сталинизм не имеют будущего. Эти оба «изма» — вчерашний день человечества.

Что же касается Троцкого как деятеля революционного движения, политика и соратника Ленина в первое послеоктябрьское семилетие, скажу так. На разных этапах своей деятельности Троцкий вел себя по-разному. Был «октябрьский» Троцкий, в целом «работавший» на революцию. Был Троцкий периода гражданской войны и восстановления народного хозяйства, когда Ленин умело использовал его организаторские способности в интересах партии. Хотя на этом этапе и Троцкий и Ленин допускали ошибки, совершали поступки, которые вряд ли можно оправдать. Речь идет прежде всего о постоянном «превышении полномочий», когда дело касалось насилия, «красного террора». Был «мексиканский» Троцкий, захлебнувшийся в своей ненависти к Сталину, а вместе с ним и ко всему советскому, фактически утонувший в своем эгоцентризме, уверовавший в свою пророческую миссию.

Видеть и различать разные этапы в деятельности Троцкого и троцкизма как политического течения — важнейший урок сегодняшнего дня. Чем быстрее мы избавимся от стереотипов прошлого, от видения мира только в черно-белых тонах, тем глубже сумеем понять диалектику общественной жизни, а вместе с ней и ее отдельных представителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
[2] Правда. 1926. 14 дек.

Формирование

[1] Однако имеется документ, в котором зафиксирована иная дата рождения И. В. Сталина. В метрической книге Горийской Успенской соборной церкви отмечено, что в 1878 г. 6 декабря у жителей г. Гори православных крестьян Виссариона Ивановича и его законной жены Екатерины Гавриловны Джугашвили родился сын Иосиф//Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 132.
[2] См.: *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии.: В 2 т. (Далее: *Троцкий Л.* Моя жизнь). М., 1990. Т. 1. С. 12.
[3] Там же. С. 18.
[4] Центральный партийный архив (Далее: ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 19, л. 3.)
[5] Там же, л. 4.
[6] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 19, л. 4.
[7] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 35.
[8] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 1, л. 11.
[9] Там же, д. 14, л. 1.
[10] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 76.
[11] *Зив Г. А.* Троцкий. Характеристика (По личным воспоминаниям). (Далее: *Зив Г. А.* Троцкий. Характеристика.) Нью-Йорк, 1921. С. 10.
[12] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 100.
[13] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 19, л. 15.
[14] Там же, л. 19.
[15] Там же, д. 1, л. 17.
[16] *Зив Г. А.* Троцкий. Характеристика. С. 12.
[17] См.: *Невский В. И.* Южно-русский рабочий союз. М., 1922. С. 90.
[18] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 19, л. 18.
[19] Там же, л, 24.
[20] Там же, д. 14, л. 16.
[21] Там же, д. 19, л. 24.
[22] Там же, л. 26.
[23] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 130.
[24] Там же. С. 136.
[25] *Зив Г. А.* Троцкий. Характеристика. С. 19.
[26] Цит. по: *Невский В. И.* Южно-русский рабочий союз. С. 24.
[27] См.: *Невский В. И.* Очерки по истории РКП(б). М., 1925. Т. 1. С. 520.
[28] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 17, л. 5.
[29] *Зив Г. А.* Троцкий. Характеристика. С. 30.
[30] ЦПА, ф.325, оп. 1, д. 1, л. 13.
[31] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 95.
[32] *Зив Г. А.* Троцкий. Характерисктика. С. 33.
[33] См.: *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 150.
[34] Там же. Т. 1. С. 158.
[35] *Троцкий Л. Д.* О Ленине. Материалы для биографа. (Далее: *Троцкий Л. Д.* О Ленине). 2-е изд. М., 1925. С. 5—6.
[36] См.: *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 344.
[37] См.: *Троцкий Л. Д.* О Ленине. С. 6.
[38] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 170.
[39] См. там же. С. 168.
[40] См.: *Троцкий Л. Д.* О Ленине. С. 10.
[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 277.
[42] Там же. С. 278.
[43] См.: Правда. 1925. 14 апр.
[44] Там же.

[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 288.
[46] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 190.
[47] Там же. С. 187.
[48] Там же. С. 187—188.
[49] *Троцкий Л. Д.* О Ленине. С. 12.
[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 354—355.
[51] *Троцкий Л.* Перманентная революция. Берлин, 1930. С. 49.
[52] *Троцкий Л.* Сталин. Нью-Йорк, 1985. Т. 1. С. 81—82.
[53] Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Русский революционный архив. (Далее: Письма...). Берлин, 1924. С. 110.
[54] Письма... С. 111.
[55] Там же.

1905

[1] См.: *Сверчков Д. Ф.* На заре революции. Харьков, 1925. С. 45.
[2] *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. С. 344.
[3] См.: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Из архива Льва Троцкого в четырех томах. Т. 1 (1923—1926). Нью-Йорк, 1988. С. 107.
[4] *Троцкий Л.* 1905. М., 1922. С. 125.
[5] *Сверчков Д. Ф.* На заре революции. С. 140.
[6] *Зив Г. А.* Троцкий. Характеристика. С. 53.
[7] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 213.
[8] См.: *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. С. 344.
[9] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. 1905—1912. С. 198—199.
[10] См.: *Троцкий Л.* 1905. С. 233—238.
[11] *Зиновьев Г.* История Российской Коммунистической партии (большевиков). М., 1924. С. 197—198.
[12] *Зив Г. А.* Троцкий. Характеристика. С. 50.
[13] *Троцкий Л.* Итоги и перспективы. Движущие силы революции. М., 1919. С. 3—4.
[14] *Троцкий Л.* Сталин. Нью-Йорк, 1985. Т. 2. С. 294.
[15] *Троцкий Л.* Итоги и перспективы. Движущие силы революции. С. 47.
[16] Там же. С. 80.
[17] *Троцкий Л.* 1905. С. 283.
[18] В примечании к книге «1905» против этого места в своей статье Троцкий писал: «Этого, как известно, не случилось, так как, под руководством т. Ленина, большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе (то есть перешел на позиции теории «перманентной революции») весною 1917 г., т. е. до завоевания власти».
[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 49.
[20] Там же. С. 44.
[21] *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. С. 291.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 381.
[23] *Сверчков Д. Ф.* На заре революции. С. 144.
[24] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 219.
[25] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 24, л. 3.
[26] Там же, л. 10.
[27] Там же, д. 2, л. 4.
[28] *Троцкий Л.* Сталин. Т. 1. С. 132.
[29] Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 года: Протоколы. М., 1963. С. 265—266.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 325—326.
[31] См.: Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 года: Протоколы. С. 447.
[32] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М., 1989. Т. 2. С. 163.

Вторая эмиграция

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 137.
[2] Правда. 1908. 3 (16) окт.
[3] Правда. 1910. 1(14) янв.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 96.
[5] Там же. Т. 47. С. 188.
[6] Там же. Т. 20. С. 96.
[7] Бюллетень оппозиции. 1933. № 35. С. 22—23.
[8] *Каменев Ю.* Две партии. С предисловием Н. Ленина. Л., 1924. С. 136.
[9] *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. С. 346.
[10] См.: *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 259.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 320.
[12] Там же. Т. 21. С. 29.
[13] Там же.
[14] См.: Правда. 1910. 24 июня (7 июля).
[15] См.: Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московск. Охранного Отделения. (Далее: Большевики...). М., 1918. С. 57.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 254.
[17] *Троцкий Л.* Сталин. Т. 1. С. 162.
[18] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 8.
[19] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 185.
[20] ЦГАОР СССР, ф. 9430, оп. 1, д. 530.
[21] *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. С. 346.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 93.
[23] Там же. Т. 27. С. 273.
[24] Там же. Т. 26. С. 352.
[25] Там же. С. 354.
[26] Там же. С. 356.
[27] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 577, л. 67.
[28] *Троцкий Л.* Война и революция. П., 1922. Т. 1. С. 478.
[29] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 577, л. 68—69.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 54—55.
[31] Там же. С. 58.
[32] Там же. Т. 49. С. 155.
[33] См.: Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 221.
[34] *Broué P.* Trotsky. Paris, 1988. P. 163.
[35] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 311.
[36] См.: *Broué P.* Trotsky P. 168; *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988. С. 71—72.
[37] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 314.
[38] *Зив Г. А.* Троцкий. Характеристика. С. 73.
[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 390.
[40] *Троцкий Л.* Война и революция. Т. 1. С. 394.
[41] *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 65.
[42] *Троцкий Л.* История русской революции. Т. 1. Февральская революция. Берлин, 1931. С. 522.
[43] См.: *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 370—371.
[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.
[45] *Троцкий Л.* Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 24.
[46] Там же. С. 37.
[47] См.: *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 323.

1917

[1] См.: Ленинский сб. 4. С. 302.
[2] См. там же. С. 303.
[3] *Троцкий Л.* Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 195.

[4] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. Март — октябрь 1917. С. 272.
[5] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 61.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 345.
[7] См.: *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 177.
[8] *Троцкий Л.* Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 248, 252.
[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 262.
[10] Там же.
[11] Там же. С. 279.
[12] Там же. С. 423.
[13] См.: *Милюков П.* Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Том 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. С. 120.
[14] *Троцкий Л.* О Ленине. С. 72.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 340.
[16] См.: Петербургский Военно-революционный комитет. М., 1968. Т. 1. С. 72—73.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

Наркоминдел

[1] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 59—60.
[2] Там же. С. 61, 62—63.
[3] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 104, л. 44.
[4] *Троцкий Л.* Соч. М.; Л., 1926. Т. 3. Ч. 2. С. 66.
[5] Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 62.
[6] Там же; см. также: *Зарницкий С., Сергеев А.* Чичерин. М., 1975. С. 73.
[7] См.: *Троцкий Л.* Соч. Т. 3. Ч. 2. С. 113, 123—124.
[8] Мирные переговоры в Брест-Литовске. М., 1920. Т. 1. С. 241.
[9] Там же. С. 245—246.
[10] *Троцкий Л.* О Ленине. С. 78.
[11] *Фишер Л.* Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 283.
[12] Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. 1. С. 52.
[13] *Фишер Л.* Жизнь Ленина. С. 283.
[14] Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. 1. С. 130—131.
[15] *Троцкий Л.* О Ленине. С. 80—81.
[16] *Троцкий Л.* Соч. Т. 17. Ч. 1. С. 64.
[17] См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М., 1958. С. 166.
[18] *Фишер Л.* Жизнь Ленина. С. 298, 302.
[19] Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. 1. С. 208.
[20] Там же. С. 262.
[21] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 207.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 30.
[23] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 115.
[24] См.: *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. М., 1964. С. 240.
[25] Правда. 1918. 15 февр.
[26] Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года: Стенографический отчет. М., 1962. С. 131.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 30.
[28] См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 215.
[29] Там же. С. 224.
[30] Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года: Стенографический отчет. С. 65.
[31] Там же. С. 71.
[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 19.
[33] Там же. С. 31, 32.
[34] Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года: Стенографический отчет. С. 129.
[35] *Троцкий Л.* Соч. Т. 17. Ч. 1. С. 671.

Наркомвоенмор

1 Известия. 1918. 9 апр.

2 Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного комитета: Стенографический отчет. М., 1919. С. 119.

3 См.: Пятый Всероссийский съезд рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. М., 1918. С. 33.

4 Характерно, что явившийся с повинной один из двух убийц Мирбаха, Я. Блюмкин, был принят Троцким в свое окружение. Всю гражданскую войну он командовал охраной знаменитого поезда Троцкого, а после нее по рекомендации все того же Троцкого принят на работу в ГПУ. Так что в этом ведомстве свои люди были не только у Сталина. (*Н. В.*)

5 См.: The Trotsky papers. 1917—1922. London — The Hague — Paris, 1964. Vol. 1. P. 56—57 (Далее: The Trotsky papers).

6 *Милюков П.* Россия на переломе. Большевистский период. Париж, 1927. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. С. 165.

7 Там же. С. 165, 171—172.

8 *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май — октябрь 1918 года. С. 144.

9 См.: Военно-исторический журнал. 1990. № 8—10.

10 См.: *Моризе А.* У Ленина и Троцкого. М.; Пг., 1923. С. 101.

11 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 409.

12 См.: Иностранная литература. 1989. № 3. С. 171.

13 Известия. 1918. 8 июня.

14 Цит. по: *Кораблев Ю. И.* Ленин В. И. и создание Красной Армии. М., 1970. С. 263.

15 *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 271—272.

16 *Моризе А.* У Ленина и Троцкого. С. 101.

17 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 133.

18 *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 150.

19 ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 40, л. 2.

20 *Рейснер Л.* Избранное. М., 1965. С. 514.

21 The Trotsky papers. Vol. 1. P. 78, 80—82.

22 *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 141.

23 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 143—144, 149.

24 См. там же. С. 144.

25 *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 216.

26 The Trotsky papers. Vol. 1. P. 100.

27 *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. 1. С. 246.

28 The Trotsky papers. Vol. 1. P. 114.

29 *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. 1. С. 239.

30 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 179.

31 Там же. С. 178.

32 Там же.

33 *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. 1. С. 232.

34 Там же. С. 245.

35 Там же. С. 151.

36 The Trotsky papers. Vol. 1. P. 360—362.

37 Цит. по: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. Берлин, б/г. С. 126, 129.

38 Цит. по: *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. 1. С. 409.

39 См.: *Deutscher I.* Trotsky. Le Prophète désarmé. Paris, 1965. Vol. 1 P. 550—551.

40 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 86.

41 См.: *Троцкий Л.* Соч. М.; Л., 1926. Т. 17. Ч. 2. С. 90—91.

42 ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 15, л. 2.

43 The Trotsky papers. Vol. 1. P. 324—334.

44 *Ленин В. И.* Военная переписка. М., 1987. С. 153—154.

45 The Trotsky papers. Vol. 1. P. 352, 432.

46 *Троцкий Л.* Соч. Т. 17. Ч. 2. С. 185.

47 *Deutscher I.* Op. cit. Vol. 2. P. 572—573.

[48] См.: *Данишевский К. Х., Каменев С. С.* Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 29.
[49] The Trotsky papers. Vol. 1. P. 558.
[50] Ibid. P. 592, 596, 598.
[51] См.: Фiлософська и соцiологiчна думка. 1989. № 9. С. 85—86.
[52] *Ленин В. И.* Военная переписка. С. 211.
[53] Там же. С. 192—193.
[54] The Trotsky papers. Vol. 1. P. 688.
[55] Ibid. P. 690.
[56] *Троцкий Л.* Соч. Т. 17. Ч. 2. С. 232.
[57] Там же. С. 265, 266.
[58] The Trotsky papers. Vol. 1. P. 706.
[59] См.: История гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4. С. 339.
[60] Цит. по: The Trotsky papers. Vol. 1. P. 706.
[61] *Ленин В. И.* Военная переписка. С. 221—222.
[62] *Deutscher I.* Op. cit. Vol. 2. P. 586.
[63] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 139.
[64] The Trotsky papers. Vol. 2. P. 80.
[65] *Ленин В. И.* Военная переписка. С. 249.
[66] The Trotsky papers. Vol. 2. P. 232.
[67] *Троцкий Л.* Соч. Т. 17. Ч. 2. С. 436.

У истоков милитаристского социализма

[1] *Троцкий Л.* Соч. М.; Л., 1927. Т. 15. С. V.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 241.
[3] См. там же. С. 107—108.
[4] См.: *Троцкий Л.* Соч. Т. 15. С. 51.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 115.
[6] Правда. 1920. 23 марта.
[7] *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. 2. Ч. 2. М., 1924. С. 46.
[8] Правда. 1920. 6 февр., 17 марта, 9 апр.
[9] Социалистический вестник. 1921. 1 февр.
[10] The Trotsky papers. Vol. 2. P. 114.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 153, 154.
[12] *Троцкий Л.* Соч. Т. 15. С. 406.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 293.
[14] См.: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчет. М., 1963. С. 370.
[15] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 151.
[16] См. там же.
[17] *Троцкий Л.* Соч. Т. 15. С. 181—182, 188.
[18] Там же. С. 215.
[19] Там же. С. 101—102.
[20] Там же. С. 102.
[21] Там же. С. 199.
[22] Там же. С. 218.
[23] Там же. С. 221.
[24] *Archer J.* Trotsky World Revolutionary. New-York, 1973. P. 119.
[25] Правда. 1920. 27 марта.
[26] *Троцкий Л.* Соч. Т. 15. С. 530.
[27] Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 года: Протоколы. М., 1960. С. 115.
[28] Там же. С. 124.
[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 255.
[30] Там же. Т. 42. С. 235.
[31] Там же. С. 236.
[32] Там же.
[33] Там же. С. 237.
[34] См. там же. С. 238—239.
[35] Там же. С. 206.

[36] Там же. С. 226.
[37] Там же. С. 242.
[38] Там же. С. 239.
[39] См.: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчет. С. 868.
[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 52, 53.
[41] Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчет. С. 389, 394, 366, 398, 399.
[42] Там же. С. 400.
[43] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 202.
[44] Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 37.

«...Я не гожусь для поручений»

[1] См.: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Из архива Льва Троцкого в четырех томах. Т. 1 (1923—1926). 1990. С. 13.
[2] Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 13—14.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 25.
[4] Там же. С. 387.
[5] Цит. по: *Кларк Р.* Ленин. Человек без маски. М., 1989. Вып. 2. С. 225—226.
[6] См.: Петроградская правда. 1921. 5 марта.
[7] *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. М., 1924. Т. 3. Кн. 1. С. 202.
[8] См. там же. Т. 3. Кн. 2. С. 204.
[9] См.: *Кларк Р.* Ленин. Человек без маски. Вып. 1. С. 227.
[10] *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 2. С. 204.
[11] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 3—6.
[12] *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 1. С. 207.
[13] Ленинский сб. 35. С. 179.
[14] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 333.
[15] *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификации. М., 1990. С. 42.
[16] Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП (большевиков). Май 1921. М., 1933. С 81.
[17] *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 1. С. 230.
[18] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 58.
[19] *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 1. С. 46, 87.
[20] Там же. С. 284.
[21] The Trotsky papers. Vol. 2. P. 662, 664.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 130—131.
[23] IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 5 ноября — 3 декабря 1922 г.: Избранные доклады, речи и резолюции. М.; П., 1923. С 76. (Далее: IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала.)
[24] IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. С. 93.
[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 297.
[26] Там же. Т. 54. С. 314.
[27] ЦПА, Ф. 325, оп. 1, д. 365, л. 29.
[28] См.: Известия. 1922. 15 марта.
[29] Там же. 10 февр.
[30] Там же. 29 марта.
[31] Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 192.
[32] The Trotsky papers. Vol. 2. P. 688.
[33] Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 193.
[34] The Trotsky papers. Vol. 2. P. 740.
[35] *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 1. С. 49.
[36] Цит. по: Родина. 1990. № 2. С. 82.
[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396.
[38] The Trotsky papers. Vol. 2. P. 708.
[39] Ibid. P. 655.
[40] Ibid. P. 658.
[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 339.
[42] Там же. Т. 54. С. 329.
[43] См.: Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 53.
[44] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

[45] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.
[46] Trotsky's Notebooks. 1933—1935. Writings of Lenin, Dialectics, and Evolutionism. N. Y., 1986. P. 126.
[47] ЦПА, ф. 324, оп. 1, д. 110, л. 116
[48] См.: Коммунист. 1989. № 16. С. 44.

Схватка

[1] Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М., 1968. С. 310.
[2] Там же. С. 343, 350.
[3] Правда. 1923. 14 марта.
[4] Там же. 17 окт.
[5] *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991. С. 87, 93.
[6] См.: Огоиек. 1989. № 45. С. 10—12.
[7] Коммуиистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С 35.
[8] Цит. по: Двеиадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года.: Стенографический отчет. С. 873.
[9] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 205.
[10] Тринадцатая коифереиция Российской Коммунистической партии (большевиков): Бюллетень. М., 1924. С. 97.
[11] О Лениие. Воспоминания. Кн. 2. М., 1925. С. 17.
[12] *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. С. 349, 350—351.
[13] *Троцкий Л.* Сталииская школа фальсификации. С. 38.
[14] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 539, л. 130.
[15] Двеиадцатый съезд Российской Коммуиистической партии (большевиков). 17—25 апреля 1923 года. Стеиографический отчет. С. 549.
[16] См.: Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 56.
[17] Большевик. 1925. № 16. С. 68.
[18] ЦПА, ф. 71, оп. 30, д. 174, л. 26.
[19] Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С 42.
[20] Правда. 1923. 13 дек.
[21] Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 173.
[22] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 104, л. 1.
[23] Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 38.
[24] Социалистический вестник. 1924. № 2. С. 5.
[25] ЦПА, ф. 71, оп. 30, д. 174, л. 81.
[26] *Каменев Л.* Соч. М.; Л., 1927. Т. 10. С. 14.
[27] *Сталин И. В.* Соч. Т. 6. С. 224.
[28] Дискуссия 1923 года. Материалы и документы. Далее: Дискуссия 1923 года. М.; Л., 1927. С. 28.
[29] Дискуссия 1923 года. С 37, 38, 39, 40.
[30] См.: Дискуссия 1923 года. С. 34.
[31] Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 124.
[32] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 109, л. 15.
[33] См.: Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 108.
[34] См. там ж. С. 131, 133, 124.
[35] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 109, л. 19.
[36] См.: Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 134.
[37] *Каменев Л.* Соч. Т. 10. С 96.
[38] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 109, л. 16.
[39] Там же., оп. 1, ф. 71, д. 174, л. 89.
[40] См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, коифереиций и пленумов ЦК. (Далее: КПСС в резолюциях...). М., 1984. Т. 3. С. 156.
[41] *Каменев Л.* Соч. Т. 10. С. 43.
[42] Социалистический вестник. 1924. № 11. С 8, 14, 9.

Затишье

[1] Дискуссия 1925 года. М.; Л., 1929. Материалы. С 347.
[2] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 153.
[3] *Троцкий Л.* Вопросы культуриой работы. М., 1924. С. 127, 119, 89, 39, 57.
[4] ЦПА, ф. 324, оп. 1, д. 540, л. 20.
[5] *Троцкий Л.* К истории русской революции. М., 1990. С. 116, 117.
[6] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 259.
[7] Леиинизм или троцкизм. Свердловск, 1925. С. 77, 78.
[8] ЦПА, ф. 324, оп. 1, д. 541, л. 17.
[9] *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. С. 191.
[10] Там же.
[11] *Зиновьев Г.* Ульянов В. (Ленин), М., 1924. С. 77.
[12] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммуиизма. М., 1990. С. 97.
[13] ЦПА, ф. 324, оп. 1, д. 539, л. 24.
[14] См.: Леиинизм или троцкизм. С. 283.
[15] Там же. С. 285.
[16] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 156, л. 55.
[17] Там же, д. 35, 40, 8.
[18] Там же, д. 156, л. 47.
[19] *Сталин И.* Соч. Т. 7. С. 380.
[20] ЦПА, ф. 324, оп. 1, д. 110, л. 1.
[21] The new economic policy and the Party crisis after the death of Lenin. N. Valentinov (Volsky). Hoover Institution Press. 1971. P. 200.
[22] *Троцкий Лев.* Диевники и письма. Эрмитаж. 1986, С. 181.
[23] *Троцкий Л.* Восемь лет. Итоги и перспективы. М., 1926, С. 21.
[24] *Троцкий Л. Д.* Доклад о междуиародиом и виутреинем положении иа VI Московском губернском съезде текстильщиков, 29 января 1926 г. М., 1926. С 20, 21.
[25] *Троцкий Л. Д.* К социализму или к капитализму? Анализ советского хозяйства и тенденций его развития. М.; Л., 1926. С. 9, 53.
[26] Там же. С. 48, 42.
[27] *Троцкий Л. Д.* Доклад о междуиародном и внутреинем положении иа VI Московском губернском съезде текстильщиков, 29 января 1926 г. С. 25.
[28] *Valentinov N.* Op. cit. P. 201—202.
[29] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 205, л. 5.
[30] Там же. Л. 11.
[31] Там же, д. 203, л. 20.
[32] *Троцкий Л. Д.* Доклад о междуиародном и внутреинем положении. С. 23.
[33] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 263.
[34] Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. (1926—1927). С. 22—23.

Поражение

[1] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 209, л. 3.
[2] Там же, л. 11.
[3] Там же, л. 8.
[4] Там же, д. 220, л. 8.
[5] Партия и оппозиция по документам. Материалы к XV съезду ВКП(б). Вып. 2. М., 1927. С 17.
[6] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 220, л. 19.
[7] *Преображенский Е. А.* Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Т. 1. Ч. 1. М., 1926. С 136, 138.
[8] Партия и оппозиция по документам. Вып. 2. С. 26.
[9] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 220, л. 20.
[10] Там же, ф. 325, д. 103, л. 10.
[11] Там же, ф. 17, оп. 2, д. 220, л. 32.
[12] Партия и оппозиция по докуметам. Вып. 2. С. 29.
[13] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 220, л. 97, 101.
[14] Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 55.
[15] Партия и оппозиция по докуметам. Вып. 2. С. 29—30.

[16] Там же. С. 30.
[17] Там же. С. 31.
[18] Правда. 1926. 17 окт.
[19] См.: КПСС в резолюциях... Т. 4. С 66.
[20] Партия и оппозиция по докумеитам. Вып. 2. С 32.
[21] XV коифереиция Всесоюзиой Коммуиистической партии (б): Стеиографический отчет. М.: Л., 1927. С 464.
[22] Там же. С. 557.
[23] См.: Коммуиистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С 179—180.
[24] XV съезд ВКП(б): Стеиографический отчет. М., 1928. С. 391.
[25] ЦПА, ф. 17. оп. 2, д. 200, л. 4.
[26] XV коифереиция Всесоюзиой Коммуиистической партии (б). С. 462.
[27] Там же. С. 524.
[28] Правда. 1926. 14 дек.
[29] XV коифереиция Всесоюзиой Коммуиистической партии (б). С. 529—530.
[30] Правда. 1926. 14 дек.
[31] Коммуиистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 119.
[32] Там же. Т. 4. С. 234.
[33] См.: Бюллетеиь оппозиции. 1934. № 38—39. С. 23.
[34] ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 317. Вып. 1. Ч. 1. Л. 75—76.
[35] Там же, л. 81.
[36] *Троцкий Л.* Моя жизиь. Т. 2. С. 277.
[37] Коммуиистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 188.
[38] Там же. С. 250—251.
[39] См. там же. С. 258—259.
[40] См.: XV съезд ВКП(б): Стеиографический отчет. С. 496.
[41] См. об этом: *Васецкий Н. А.* О Троцком и троцкизме: М., 1989.
[42] *Троцкий Лев.* Диевиики и письма. С. 15.

Алма-Ата

[1] *Deutscher I.* Op. cit. Vol. 2. P. 524—527.
[2] См.: *Ярославский Е. М.* За последией чертой. Троцкистская оппозиция после XV съезда. М.: Л., 1930.С. 64.
[3] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 369, л. 4.
[4] Там же, ф. 589, оп. 3, д. 3652, л. 64.
[5] Там же, ф. 325, оп. 1, д. 9, л. 224.
[6] Бюллетеиь оппозиции. 1929. № 1—2. С. 9.
[7] *Троцкий Л.* Моя жизиь. Т. 2. С. 305.
[8] *Deutscher I.* Op. cit. Vol. 2. P. 540.
[9] Бюллетеиь оппозиции. 1929. № 7. С. 7.
[10] Там же. № 6. С. 21.
[11] Там же. С. 7.
[12] *Троцкий Лев.* Диевиики и письма. С. 30.
[13] Там же. С. 35.
[14] *Deutscher I.* Op. cit. Vol. 2. P. 568.
[15] ЦПА, ф. 325, оп. 1. д. 34, л. 8, 4.
[16] Там же, д. 368, л. 4.
[17] *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 285.
[18] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 368, л. 17.
[19] *Deutscher I.* Op. cit. Vol. 2. P. 604.
[20] Ibid. P. 613—614.
[21] Бюллетеиь оппозиции. 1930. № 10. С. 31.
[22] Там же.
[23] Там же. С. 37—38.
[24] Там же. № 1—2. С. 3.

«Планета без визы»

[1] *Троцкий Л.* Моя жизиь. Т. 2. С. 317.
[2] *Deutscher I.* Trotsky. Le Prophète hors-la-loi. Paris, 1965. Vol. 3. P. 23.

[3] Ibid. P. 34.
[4] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 19, л. 86—89[а], 86.
[5] Бюллетень оппозиции. 1938. № 64. С. 4.
[6] См.: *Deutscher I.* Op. cit. Vol. 3. P. 49.
[7] Ibid. P. 51.
[8] ЦПА, ф 325, оп. 1, д. 19, л. 84—85.
[9] См.: *Deutscher I.* Op. cit. Vol. 3. P. 52.
[10] Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. С. 11.
[11] Там же. С. 13.
[12] Там же. № 10. С. 3.
[13] Там же. № 9. С. 6.
[14] Там же. 1929, № 1—2. С. 23, 3.
[15] Там же. 1930, № 12—13. С. 28—29.
[16] Там же. № 11. С. 14.
[17] Там же. 1933. № 33. С. 9.
[18] *Троцкий Лев.* Дневники и письма. С. 44.
[19] Бюллетень оппозиции. 1933. № 34. С. 30.
[20] *Троцкий Лев.* Дневники и письма. С. 45.
[21] Бюллетень оппозиции. 1932. № 27. С. 6.
[22] *Deutscher I.* Op. cit. Vol. 3. P. 243.
[23] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 19, л. 122.
[24] *Троцкий Лев.* Дневники и письма. С. 84.
[25] Бюллетень оппозиции. 1938. № 68—69. С. 19.
[26] Там же. С. 19, 8.
[27] ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 19, л. 17.
[28] Бюллетень оппозиции. 1936. № 52—53. С. 3.
[29] Там же. С. 47.
[30] Там же. С. 48.
[31] Там же. 1937. № 54—55. С. 15.
[32] Там же. С. 6.
[33] *Троцкий Лев.* Дневники и письма. С. 149.

Койоакан: убийство

[1] *Heijenoort van Iean.* Con Trotsky, de Prinkipo a Coyoacan. (Testimonio de siete anos de exillo.) Mexico, 1979. P. 123.
[2] Бюллетень оппозиции. 1937. № 56—57. С. 17—20.
[3] Бюллетень оппозиции. 1938. № 62—63. С. 1—2.
[4] См.: *Deutscher I.* Trotsky. Le Prophère hors-la-loi. Vol. 3. P. 593.
[5] См.: Комсомольская правда. 1990. 25 марта.
[6] Бюллетень оппозиции. 1939. № 75—76. С. 9.
[7] *Фейхтвангер Лион.* Москва, 1937. Отчет о поездке для моих детей. М., 1937. С. 87, 88.
[8] Бюллетень оппозиции. 1936. № 52—53. С. 48.
[9] Там же. 1938. № 68—69. С. 23.
[10] См.: *Троцкий Лев.* Дневники и письма. С. 42.
[11] См.: Коммунистический Интернационал. 1937. № 5. С. 19.
[12] *Троцкий Лев.* Дневники и письма. С. 162.
[13] Бюллетень оппозиции. 1938. № 66—67. С. 32.
[14] Там же. № 64. С. 9.

IV Интернационал

[1] *Bensaid D.* La Révolution et le pouvoir. Paris, 1975. P. 300.
[2] *Frank P.* La Quatrième Internationale. Contrilution à l'histoire du mouvement trotskyste international. Paris. 1969. P. 20, 24, 31 etc.
[3] Бюллетень оппозиции. 1929. № 1—2. С. 20.
[4] Quatrième Internationale. 1964. Jullet. № 22. P. 62.
[5] Ibid. 1964. Fevr.— mars. № 21. P. 53.
[6] См.: Бюллетень оппозиции. 1929. № 1—2. С. 39.

[7] Коммунистический Интернационал. 1930. № 18. С. 45.
[8] *Rabaut I.* Tout est possible! Les «gaushistes» français. 1929—1944. Paris, 1974. P. 45.
[9] См.: Бюллетень оппозиции. 1933. № 34. С. 35.
[10] См. там же. 1930. № 17—18. С. 62—63; № 25—26, 1931. № 25—26. С. 47.
[11] Там же. 1930. № 17—18. С. 63.
[12] Там же. 1933. № 36—37. С. 22.
[13] *Rabaut I.* Op. cit. P. 73.
[14] Vérité. 1934. № 220.
[15] *Rabaut I.* Op. cit. P. 112, 116.
[16] *Frank P.* Qutrième Internationale. Contribution à l'histoire du mouvement trotskyste. P. 37.
[17] См.: *Королев А. С.* Современный троцкизм — орудие антикоммунизма. М., 1980. С. 12.
[18] Sous le drapeau du socialisme. 1967. Sept.— oct. P. 14.
[19] *Rabaut I.* Op. cit. P. 301.
[20] Бюллетень оппозиции. 1939. № 77—78. С. 16.
[21] Цит. no: *Rabaut I.* Op. cit. P. 101.
[22] *Rioux I.* Les Revolutionnaires du Front populaire. Paris, 1973. P. 127.
[23] *Rabaut I.* Op. cit. P. 193.
[24] Ibid.
[25] Temps. 30.05.36.
[26] *Craipaut Y.* Histoire du mouvemcnt trotskyste en Frence. Paris, 1970. P. 159.
[27] См.: *Басманов М. И.* В обозе реакции: троцкизм 30—70-х годов. М., 1979. С. 44.
[28] Penciero e acsione di Leo Trotskij. Fiorentina, 1982. Vol. 2. P. 517.
[29] Бюллетень оппозиции. 1937. № 60—61. С. 4.
[30] Там же. 1938. № 66—67. С. 1.
[31] Там же. С. 2.
[32] Там же.
[33] Там же. С. 2, 6.
[34] Там же. № 62—63. С. 8, 9.
[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 208.
[36] Бюллетень оппозиции. 1938. № 62—63. С. 14.

«Новый троцкизм»

[1] *Deutscher I.* Op. cit. Vol. 3. P. 370.
[2] Lutte ouvrière. 25.01.85. № 361. P. 3.
[3] Знамя. 1990. № 7. С. 171.
[4] См.: Социологические исследования. 1990. № 5.
[5] Бюллетень оппозиции. 1937. № 58—59. С. 2, 3.
[6] См. там же. С. 10—11, 9.
[7] Там же. С. 15.
[8] Там же. С. 19.
[9] Там же. С. 17.
[10] Там же. С. 18, 20.
[11] Там же. С. 20.
[12] Там же. 1935. № 43. С. 13.
[13] Там же. 1937. № 54—55. С. 49.
[14] Там же. 1938. № 66—67. С. 19.
[15] Там же С. 19—20.
[16] Там же. № 62—63. С. 19.
[17] Там же.
[18] Там же.
[19] *Trotsky L.* La Revolution trahie. Paris. 1963. P. 290.
[20] Ibid. P. 290—291; см. также: Знамя. 1990. № 7. С. 171.
[21] *Trotsky L.* Op. cit. P. 291.
[22] Бюллстень оппозиции. 1940. № 84. С. 19.
[23] Там же. 1936. № 49. С. 2.
[24] См. *Deutscher I.* Op. cit. Vol. 3. P. 682—683.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Алексаидрович Васецкий

ТРОЦКИЙ:
ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Заведующий редакцией В. М. Подугольииков. Редактор З. У. Устенова. Младшие редакторы Н. С. Коблякова, М. Ю. Мухина. Художннкн Л. Н. Морозова, О. А. Карелина. Художествениый редактор А. Я. Гладышев. Техннческий редактор Т. Н. Иванова.

ИБ № 8262

Сдано в набор 30.09.91. Подписаио в печать 08.01.92. Формат 60х90¹/₁₆. Бумага книжно-журиальиая офсетная. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,0. Уч.-изд. л. 28,76. Тираж 25 000 экз. Заказ № 2302. С 080.

Российский государствеиный
информациоино-издательский Центр «Республика»
Министерства печати и информации Российской Федерации.

Издательство «Республика». 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

TROTSKY

